

РАЗГАДАННАЯ РОССИЯ

Игорь ЧУБАЙС

РАЗГАДАННАЯ РОССИЯ

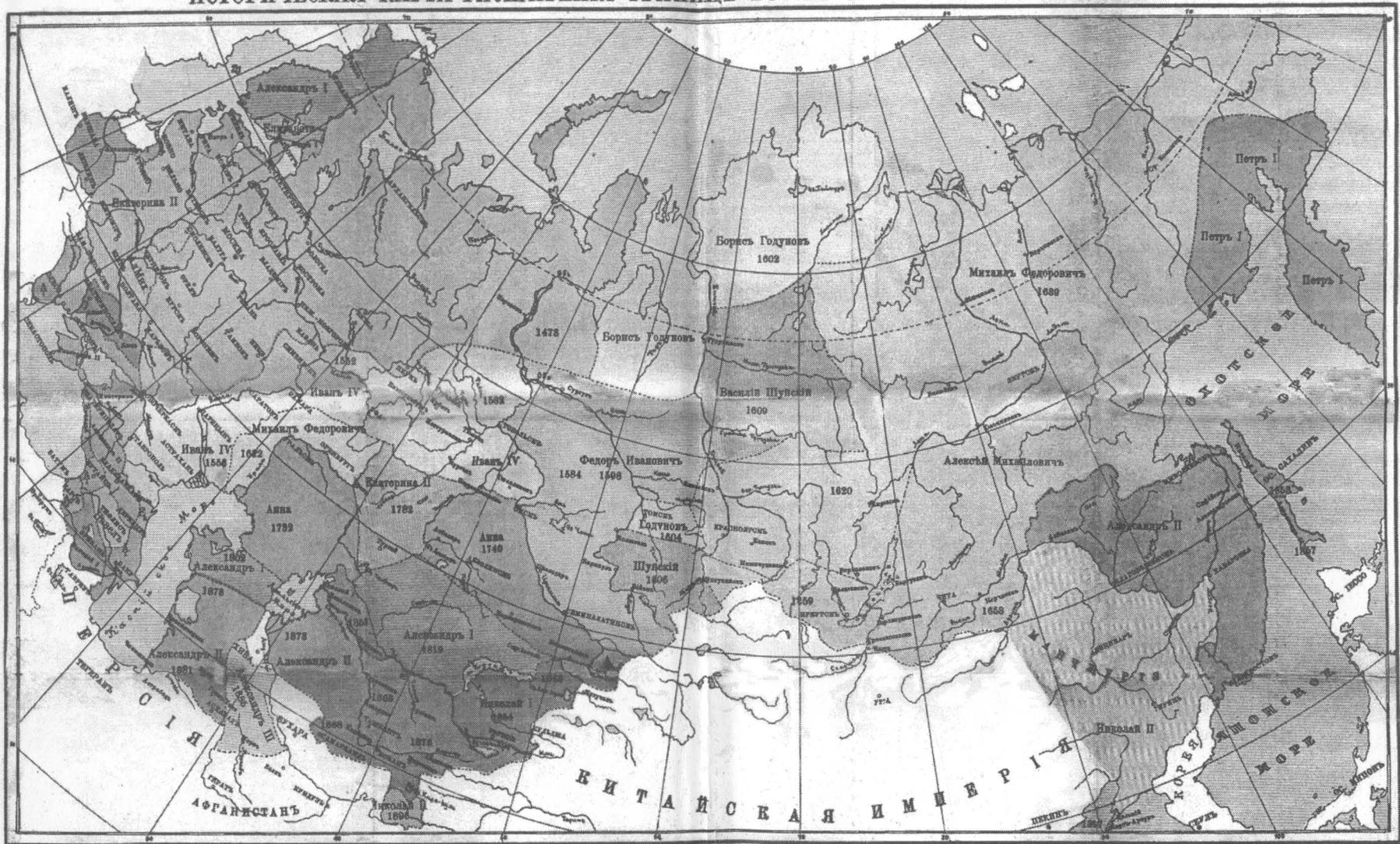
**Игорь
ЧУБАЙС**

против книги Паршева
**«ПОЧЕМУ РОССИЯ
НЕ АМЕРИКА»**

ИФ ПРИНТ

ИФ ПРИНТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА РАСШИРЕНИЯ ГРАНИЦЪ РОССІИ СО ВРЕМЕНЪ ИВАНА ГРОЗНАГО

Масштабъ 400 верстъ въ дюймѣ.

ИГОРЬ ЧУБАЙС

**РАЗГАДАННАЯ
РОССИЯ**

ЧТО ЖЕ БУДЕТ С РОДИНОЙ И С НАМИ

Опыт философской публицистики

**Москва
2005**

УДК [1:94](470+571)
ББК 60.03+87.3(2)
Ч-81

Ч-81

Чубайс, Игорь Борисович.

Разгаданная Россия : (что же будет с Родиной и с нами) : (опыт филос. публицистики) / Чубайс И. — М. : АиФ Принт, 2005. — 399 с.: ил.
ISBN 5-94736-065-9

В книге впервые представлено новое понимание российской идеи и пути, пройденного российской цивилизацией за 12 веков ее существования. Почему мы теряем свои территории, почему миллиарды долларов уходят из страны, почему утеряна иммунная система общества — патриотизм и можно ли его восстановить, почему в СССР секса не было, но весь советский народ слушал вождей с чувством глубокого удовлетворения?

Отвечая на эти и другие вопросы, автор выявляет и анализирует систему ценностей исторической (дооктябрьской) России, Советского Союза и новой, постсоветской России. Именно такой широкий анализ позволяет автору сделать глубокие системные выводы, спрогнозировать будущее, а читателю найти аргументы для поиска собственных ответов на вопрос о судьбе России.

Философский профессионализм сочетается в книге с доступностью и публицистичностью изложения.

Работа адресована россиянедам, философам, политикам и политологам, управленцам, журналистам, юристам, социологам, культурологам, студентам, учителям школ и вузовским педагогам, историкам, гуманитариям, всем тем, кто интересуется судьбой нашей страны.

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Чубайс И., 2005
© ООО «АиФ Принт», 2005
© Художественное оформление
ООО «АиФ Принт», 2005

ISBN 5-94736-065-9

РАЗГАДАННАЯ РОССИЯ

**Игорь
ЧУБАЙС**

Опыт философской публицистики

**против книги Паршева
«ПОЧЕМУ РОССИЯ
НЕ АМЕРИКА»**

**АГРИНТ
ИФ**

Москва 2005

Российскому гражданскому движению

Сейчас очень нужны философы, ведь мы так и не поняли, не осмыслили XX век со всеми его событиями.

*Поэт Евгений Евтушенко.
«Известия». 17 июля 2003 г.*

Никак не пойму, почему у вас не появились настоящие философские работы о России?

*Из разговора с Маркусом Альбрехтом,
генеральным менеджером Международных
швейцарских авиалиний. Апрель 2004 г.,
Швейцарское посольство в Москве*

Мир в кризисе — нет идей, продвигающих осмысление жизни. Русская катастрофа — это и политическая катастрофа, и историческая, и интеллектуальная. Но я не знаю серьезных исследований о тайне коммунизма, написанных в современной России. Мы до сих пор не можем адекватно понять, в каком месте истории оказались и почему. Живем с ощущением поражения, жертвы, обиды...

*Писатель Светлана Алексиевич.
«Известия». 15 мая 2004 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зачем нужен патриотизм, откуда он берется и почему в книге о нем не будет сказано ни слова

Есть вопросы настолько банальные, что их даже риторическими не назовешь: почему снег белый, вода мокрая, земля круглая? Если ребенок долго надоедает с подобными «почему», ему просто говорят: так устроен этот мир и другого не бывает. Однако в особых, проблемных, кризисных положениях над такими сюжетами приходится задумываться и искать вполне определенные, научно выверенные ответы. Похожая ситуация сложилась у нас вокруг понятия «патриотизм». Патриотизм, который столетие назад почти всей Россией воспринимался как очевидная культурная норма, сегодня значительной частью общества утрачен. Многим он представляется смешным, устаревшим предрассудком.

Однако давайте вместе задумаемся и беспристрастно ответим на вопросы последних десятилетий — почему мы теряем наши территории, почему миллиарды долларов уходят из страны, почему наши спортсмены проигрывают в международных соревнованиях? Почему десятки тысяч российских сирот вывезены в США и ни один американский ребенок не усыновлен у нас, почему 80% докторов наук уехало за рубеж? Конечно, вы скажете, что это связано с нашей ненормальной экономической ситуацией, с отсутствием законов,

с отвратительной работой чиновников, и будете совершенно правы. Но ведь все предлагаемые объяснения тесно связаны с более глубоким процессом — разрушением патриотизма.

Если в воздушном шаре нагревательная установка интенсивно подает горячий газ, шар будет уверенно парить над землей, а если огонь вдруг погаснет, гондола неизбежно упадет на землю. Если в помещении, где есть болезнетворные бактерии, находятся разные люди, те, у кого крепкая иммунная система, на инфекцию не отреагируют, а те, чье здоровье подкошено, добавят себе хлопот. **Патриотизм — это и есть иммунная система общества.** Это тот нагреватель, который надежно поднимает вверх. Почему же он не работает у нас?

Почему наш патриотизм улетучился, *что его разрушило и можно ли его восстановить?* В физике один из критериев истины — «принцип красоты». Если новая теория может быть изложена четко, ясно, логично, она, скорее всего, окажется и истинной. Иначе говоря, красота возникает как самостоятельное и органичное дополнение истинности. Похожая ситуация существует и с патриотизмом. В нормально сложенном государстве, в правильно функционирующей социальной системе гражданский патриотизм возникает сам собой. Подобно сильной иммунной системе, он является естественным следствием правильной социальной организации. Нормальный патриотизм не формируется искусственно, через гослозунги, плакаты и подготовленные властями митинги. Более того, навязчивая пропаганда официальных идеологем не только контрпродуктивна, но и оказывается верным показателем авторитарно-тоталитарного характера власти.

Итак, из сказанного следует, что без патриотизма нормальное общество обойтись не может, причем патриотизм и является следствием правильной общественной самоорганизации. И поскольку патриотизм пребы-

ваает у нас в угасающем состоянии, необходимо разобраться с существующим социальным устройством, точнее, со сбоями и нарушениями в этом устройстве. Иначе говоря, предмет этой книги — не взывание к патриотизму, но исследование ключевых идей, ценностей, социального устройства российского общества. **Нам предстоит по-новому рассмотреть, философски исследовать маршрут, пройденный российской цивилизацией от ее зарождения до современности.** Наша цель — обнаружить точки сбоя, определить места разрыва и найти способы их устранения.

Завершая предисловие, хочу сделать еще несколько пояснений. Слово «патриотизм» в последние десятилетия приобрело разное звучание и разное значение. Позиция автора не имеет ничего общего ни с «национал-патриотами», ни с «коммуно-патриотами», ни с прославляющими власть «госпатриотами». В России всегда существовал патриотизм почвеннический, он предполагал уважение ко всем ближним и дальним странам, но особые чувства, особое отношение формировал к своим соотечественникам, где бы они ни находились, к своему языку, истории, культуре. Так любящая мать переживает за ребенка больше, чем он сам, да и радуется за него сильнее всех других. Почвеннический патриотизм, скажем об этом ясно и прямо, и есть тот ракурс рассмотрения, который принимает автор. Одновременно мы призываем к полемике всех, у кого есть иные аргументы, кто понимает происходящие события в иной плоскости и в иной системе координат.

**ЧТО ЖЕ БУДЕТ
С РОДИНОЙ
И С НАМИ**

ВВЕДЕНИЕ

или Несколько слов о том, что говорить не принято

Самое интересное — узнавать о чем-то далеком и неведомом. То, что рядом, что видишь ежедневно, кажется хорошо знакомым. Поэтому труднее всего рассказать новое о близком и давно известном. А это и есть наша страна, страна, в которой мы живем и которую очень плохо понимаем.

В чем проявляется незнание, когда и почему оно возникло? Найти источник наших заблуждений не так уж сложно. Ведь кто создавал образ «царской, убогой, отсталой» России? Тот, кто сверг ее власть в 1917-м, а потом победил в Гражданской войне. Образ побежденного, созданный победителем, «по определению», по всем законам психологии, истории и философии не может быть правильным. Он будет заведомо искаженным.

Однако читатель, склонный к дискуссии, а такие особенно дороги, легко возразит:

— Зачем нам вообще копать в далеком прошлом? Мы вышли из СССР. А образ Советского государства — образ того, что всем нам известно. Советский Союз был родиной наших дедов, родителей, нас самих и наших детей. Он всем хорошо знаком. Вы же не будете с этим спорить, — заключит оппонент.

Да, соглашусь я с читателем, советское государство — родина большинства из нас.

Однако ответ на поставленный вами вопрос не так прост. Представления о СССР в разных бывших его частях, скажем, в Литве, Украине или Узбекистане, более чем различны. У нас же, в России, в основном сохраняется тот образ, который создавался в советское время. Но ведь теперь уже всеми признано, что Союз ССР — государство тоталитарное. Одна из его задач состояла в том, чтобы запрещать говорить правду о себе, да и об остальном мире. Причем запреты надлежало делать так, чтобы их никто не заметил и ни о чем не догадался. Семьдесят лет существования СССР — это семьдесят лет неусыпной цензуры. Многие документы о жизни страны помещались в недоступные архивы.

Представленные аргументы вроде бы понятны и известны, но что-то все равно многим мешает радикально изменить устоявшиеся представления. Похоже, мы уже очень давно живем в мире мифов и иллюзий, не разобрались ни в веке XX, ни в столетиях, ему предшествовавших. Мы очень плохо понимаем и то, что

НАШЕ МЕСТО — 140-Е

В РЕЙТИНГЕ СВОБОДЫ ПРЕССЫ РОССИЯ СТОИТ НА 126 ПОЗИЦИЙ НИЖЕ ТРИНИДАДА

«Известия».
28 октября 2004 г.

происходит с нами сегодня. Разрыв между реальностью и создаваемой информационными каналами картиной реальности увеличивается. Он уже становится привычным, и если на фоне «официальной мелодии» зазвучит подлинная, правильная нота, она многим покажется странной.

Но тот, кто неверно представляет, что такое СССР, и неправильно складывает образ исторической

России, кто не ориентируется в современности, тот не сможет построить правильный образ будущего. Да, собственно, образ будущего сегодня никто и не создаст, куда мы движемся, какими должны стать — совершенно непонятно. Справедлив и более общий вывод — *на основе устоявшихся, но изживших себя предрассудков невозможно построить новую, сколько-нибудь перспективную модель нашей страны. Наша социальная теория, наше сознание, наши представления о самих себе и своей стране нуждаются в радикальном переосмыслении, в глубинном обновлении.* Нам нужны принципиально, качественно новые идеи и теории. И если новая концепция сама по себе еще не гарантирует преодоление многомерного застойного кризиса, то опора на старые представления определенно гарантирует самоконсервацию, самозаталкивание в духовный и полисистемный тупик.

Надеюсь, поставленные вопросы и прозвучавшие констатации не представляются читателю результатом пустого любопытства или скучной, научно-академической дотошности, хотя решить их можно, только опираясь на серьезный научный анализ. Эти вопросы порождены жизнью, огромным ворохом накопившихся и неразрешенных проблем. Принято говорить, что путь России в XX веке уникален и ни с чем не сравним. Но и с этим утверждением трудно согласиться. У нас имеется специфическая, никем не замеченная точка отсчета, то же, чем стал Тайвань для Китая. В декабре 1917 года от Советской России отделилась Финляндия. Тогда этот край мало отличался от остальной страны, а его жителей не очень уважительно называли чухонцами. И вот через 70 лет коммунистического строительства, к концу 80-х годов, советско-финляндская граница превратилась в самую контрастную границу в Европе. Не было другого места на нашем континенте, где люди, живя рядом, по соседству, находились бы в со-

Что касается обвинений в дискриминации незастонцев в Эстонии, я заявляю: многие из них живут сейчас гораздо лучше своих «соотечественников» в России. Это уже доказано хотя бы тем, что они предпочитают оставаться жить в Эстонии. И количество русских, стремящихся найти возможность приехать в Эстонию, гораздо больше тех, кто решил переехать из Эстонии в Россию.

Илона ВИНОГРАДОВА

*Из интервью Харри Тийдо,
посла Эстонии в НАТО.
«Известия».
30 марта 2004 г.*

вершено разных социально-экономических мирах. За строительство социализма в СССР никто не отчитался и итоги никто не подводил. Но тот, кто хочет это сделать, может просто съездить в Хельсинки.

Кризис социализма привел к распаду социалистического лагеря, а в 1991 году из единой страны возникло 15 разных государств. Почти полтора десятилетия Россия дви-

жется по новому маршруту. Но в результате теперь уже российско-польская, российско-эстонская (а в недалеком будущем и российско-украинская?!) границы становятся все более и более контрастными. А ведь за пятнадцатилетие в начале ушедшего века дооктябрьская Россия совершила огромный экономический прорыв. Но с начала формирования Советского государства ситуация, в которой находится наша страна, меняется в основном к худшему. Мы, конечно, не стоим на месте, но относительно остального мира движемся не вперед, а назад! Ни свержение царизма, ни коллективизация, ни освоение целины, ни разгон Верховного Совета, ни реформа управления, ни укрупнение округов, ни рост цен на нефть не приблизили нас к желанным целям.

Почему это происходит, как понять себя и свою страну, кто мы и каковы наши ориентиры, как их достичь, как избавиться от ложных мифов, как выйти из затяжного кризиса — эти вопросы в книге не только ставятся. В нашей научно-гуманитарной литературе сложилась специфическая особенность — автор, присту-

пающий к анализу какой-либо проблемы, непременно предупреждает — он ни в коем случае не претендует на ее решение, его цель — лишь обратить внимание читателей на затронутый вопрос, еще раз сопоставить аргументы, вместе задуматься над происшедшим и т.д. и т.п. Честно признаю, что придерживаюсь других принципов: взялся за фигуру — ходи, обещал — женись! На поставленные вопросы я предложу вполне конкретные и ясные ответы. А уж соглашаться с ними или предложить иное понимание — это решит сам читатель.

ЧАСТЬ I

ОПРЕДЕЛИМ ПРОБЛЕМУ, КОТОРОЙ НАМ ПРЕДСТОИТ ЗАНИМАТЬСЯ

ОПРЕДЕЛИМ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ, КОТОРЫЙ БУДЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ

В этой части книги нам предстоит ответить на вопросы:

что такое национальная идея, идейно-идентификационная основа общества и идейно-идентификационный кризис. Эти понятия мы рассмотрим на нескольких уровнях — на обыденном, политическом и философском. Мы покажем, почему общество не может обойтись без своей идеи, выясним, когда и почему проблема национальной идеи в России возникла и каким образом она может быть решена. Мы также выясним, что представляет собой метод идейно-идентификационного анализа.

Когда разрушается все, наступает великий час философии.

М. Хайдеггер

Чтобы быть правильно понятым, автор и читатель должны вкладывать в слова одинаковый смысл. Поскольку нам предстоит использовать несколько специальных научных терминов, имеющих разное толкование, мы начнем с их определения.

ЧТО ТАКОЕ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ?

Совокупность идей, которые определяют характер страны и отличают одно государство от другого, называют *национальной идеей*. На философском уровне рассмотрения таких идей в нашей истории было три — это **русская идея, коммунистическая идея и идеология и новая российская идея.**

Почему россиянин своим домом ощущает Россию, для наших соседей поляков дом — Польша, а очень далекий от нас австралиец, где бы ни оказался, ни с чем не перепутает Австралию? Так происходит потому, что своя, объединяющая народ *национальная идея* существует в любом сформированном сообществе, в любом государстве. Правда, здесь надо сделать одно терминологическое уточнение. В России обычно говорят о *национальной идее*, а на Западе почти ту же проблему называют проблемой *идентичности*. Два этих термина очень близки, хотя и не тождественны. Их соотношение можно сравнить с соотношением чертежа, замысла, проекта некоего здания (идея) с самим возведенным зданием (идентичность). Говоря по-другому, если национальная идея — это главные особенности, ключевые характеристики страны, то идентичность — сама страна, ее «самоподобие», «саморавенство», сход-

ство с самой собой. Одновременно идентичность — это и отличие от других, непохожесть на то, чем данное образование не является.

Понятие *национальная идея* в этой книге будет ключевым, поэтому мы продолжим его разбирать. Когда мы встречаем в тексте какое-то непонятное словосочетание, какую-нибудь *ретинально-аксиальную дизъюнкцию*, мы тут же лезем в справочник, — без помощника такой термин не одолеть. А когда, пусть и в первый раз, встречаются слова *национальная идея*, многие чувствуют себя знатоками. «Я же россиянин, живу здесь всю жизнь, зачем же мне объяснять, что такое Россия и что такое ее национальная идея?!» — думают многие. Кажущаяся простота и прозрачность термина стала одной из причин его крайней запутанности. (Каждое утро всякий может видеть восходящее Солнце, но на самом деле светило неподвижно относительно нас, а Земля вращается вокруг него и вокруг своей оси. Не все очевидное — истинно.) Лишь в последние годы в социальных исследованиях сформировалась тенденция, направленная на строго научное, унифицированное толкование термина «национальная идея». Выходит, национальная общероссийская идея — это совсем не обязательно то, о чем кто-то в стране думает, не обязательно то, чего некоторые или многие хотят, не непременно то, что большинству или самым образованным кажется необходимым.

Национальная идея — это существующие объективно, сохраняемые многими поколениями и характерные для данного народа глубинные правила и традиции, которые порождают ряд иных его особенностей и характеристик.

Опираясь на национальную идею, государство может формировать эффективную стратегию собственного развития.

Поясню приведенное определение. «Существует объективно» — значит, ее нельзя выдумать? Да, это так, ибо она существует почти столь же независимо от человека, сколь независимы от него законы физики или химии. Ведь Ньютон не *выдумал*, а *выявил* закон тяготения. Вот и нам предстоит национальную идею не придумать, а обнаружить и выявить.

«Характерные для данного народа глубинные правила». Вижу, у вас вопрос: как это понимать, все люди по утрам завтракают, это и есть национальная идея? Отвечаю. Завтракать по утрам или спать по ночам — это действительно исходные правила, но они характерны для всех, это общечеловеческие, а не специфически национальные особенности. Но если данный конкретный народ не сливается с другими, отличается от них, значит, у него есть какие-то свои специфические, глубинные характеристики и правила. О них речь и идет.

К национальной идее относят самые фундаментальные особенности данного сообщества. В философии их часто называют «пределными основаниями». Если бы эти качества выводились из каких-то *других*, более глубоких, то *те*, *другие*, и надо было бы назвать национальной идеей.

И еще один повторяющийся вопрос — национальная идея, русская идея, а что, у татар своя идея, у тувинцев — своя, а у североосетинцев соответственно североосетинская идея? Подробнее об этом мы обязательно поговорим в другой части книги, сейчас скажу кратко. Слово «нация» употребляется у нас в двух смыслах. Так называют конкретные этнические группы (коми, чуваша, карелы и т.д.), но когда говорят «национальные интересы» или «национальная безопасность», имеют в виду общероссийские интересы и безопасность. В этом втором значении слова мы и будем говорить о национальной идее, которую также можно назвать общенациональной или общероссийской.

В последние десять—пятнадцать лет общественные и научные дискуссии о кризисе идентичности (по-нашему — национальной идеи) проходят в нескольких десятках стран, в частности в США, Великобритании, Германии, Китае, Индии, ЮАР, Японии, Иране, Турции. Здесь не встретишь книг о национальной идее, но работы с названием «Немецкая идентичность», «Датская идентичность» и т.д. вы без труда найдете в ближайшей библиотеке и на книжном развале.

А как в России? Актуальна ли эта проблема для нашей страны?

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЕЕ КРИЗИС: ОБЫДЕННЫЙ УРОВЕНЬ ПРОБЛЕМЫ

Уже встретили свое двадцатилетие юноши и девушки, которые не помнят, что такое перестройка и что такое СССР, поскольку к моменту распада государства они даже не учились в школе. Но стоит им спросить родителей, бабушек и дедушек, как те отвечали на вопрос: «Кто вы?» 30, 50, 70 лет назад, и ответ будет одинаковым: «Мы — советские люди».

Эти слова, которые сегодня у одних вызывают улыбку, а у других ностальгические переживания, на самом деле в разное время звучали по-разному. Из поколения в поколение советским людям прививали уверенность в правоте нашего дела. И где бы они ни жили — в горном ауле или в низинной деревне, в столице нашей Родины или в приграничном полустанке, — каждый знал, пусть не он, но его дети, внуки непременно доживут и обязательно построят новое, справедливое общество. В 60-е годы на экраны страны вышел фильм «Коммунист», который рассказывал, как все начиналось, какие честнейшие, негибимые люди стояли у истоков, через какие лишения они прошли, какие жертвы принесли. Фильм

смотрелся на одном дыхании, он вызвал широкую реакцию в стране и далеко за рубежом. Когда картину показывали в Гаване, в театре Чаплина — крупнейшем кинозале Кубы, во время сеанса вдруг раздалась автоматная очередь. Показ был прерван, в зал вбежали дежурные, и тут оказалось, что молодой зритель-милесиано не выдержал и решил помочь своему русскому ровеснику. «Видишь, как беляки на него напали», — сказал смущенный барбудос.

Но шли годы, сменялись вожди и генсеки и **вера** в справедливое общество оказалась подорванной, а затем и вовсе разрушенной. В середине 80-х наш прокат прекрасно заработал на вызвавшей большой интерес картине «**Маленькая Вера**». Героиня фильма не борец и не правдоискатель. Это обычная, современная, симпатичная и почти во всем разочаровавшаяся девушка, которая мечется между массой конфликтов и противоречий. В картине впервые у нас вполне деликатно показана половая близость. И вот в *тот* самый момент жених спрашивает будущую жену: «В чем твоя цель?» Вера, не задумываясь, под хохот зала, ему отвечает: «Наша цель — коммунизм». Большой народной иронии, большего общественного сарказма по отношению к декларируемой государством программе продемонстрировать было уже невозможно.

Вскоре наступил 1991 год, игра в августовский «путч» и его реальный провал. Тогда миллион москвичей вышел на улицы. Всех объединила бесконечная радость свободы. Старые, изжившие себя, лживые лозунги, подобно языческим идолам, удалось наконец сбросить. Ненавистная КПСС была распущена, хотя ее дурная слава еще долго отравляла общественную атмосферу. Всем казалось, что мы переживаем самые счастливые, самые светлые и судьбоносные моменты нашей истории. Но такое состояние общества сохранялось не долго. У всех на глазах распалось государство. Придя к власти,

новые политики проявляли странную медлительность и бездействие. Экономическое положение продолжало ухудшаться.

А через некоторое время в сознании людей стал возникать новый, острый и остающийся без ответа вопрос — да, исчерпавшие себя старые ценности мы наконец выбросили на историческую свалку, но откуда взять новые, естественные, адекватные нормы и правила? В повседневный обиход стало входить слово *беспредел*, пришедшее из тюремного лексикона. Обычно язык деградирует, когда в него проникают слова более низкого уровня, но в данном случае новый термин очень точно объяснял то, что с нами происходило.

И как еще можно было описать положение, при котором государство в рамках так называемой либерализации цен за несколько дней лишило миллионы граждан честно заработанных трудовых сбережений, которые те накапливали всю жизнь и которые были **доверены** этому самому государству? Многие заводы и фабрики стали закрываться, их работники оказывались на улице. Те же, кто продолжал работать, месяцами не получал никакой зарплаты. С большими сбоями стали функционировать здравоохранение, общественный транспорт, другие социальные учреждения. Власть превратилась в поголовно коррумпированную. Происходила не осознаваемая частью общества культурная деградация. Нецензурная лексика зазвучала в эфире, непечатные слова стали печатными. Героями массовых телепрограмм вдруг оказались киллеры, наркоманы, бандиты и проститутки. Миллионы граждан стали считаться негражданами, не меньше людей перешло на положение беженцев. Но и тот, кто никуда не уезжал, тоже стал беженцем, переместился не он, исчез сам дом, само государство, в котором он прежде жил.

Помните известное с детства: «Кроха сын к отцу пришел,/ и спросила кроха,/ что такое хорошо/ и что

такое плохо»? Усвоение общественных правил, ценностей, норм происходит с самого детства. В этом и состоит социализация, взросление, становление самостоятельного и ответственного человека. Но что делать детям и взрослым, если никаких общепризнанных норм не осталось? Если понятия «вина», «грех», «несправедливость» просто исчезли из официального лексикона?

Подытоживая, можно сказать, что с конца 80-х годов наша страна попала в полосу многомерного, полисистемного кризиса. Мы видим, точнее, постоянно ощущаем на собственной шкуре, что милиция и армия функционируют неправильно, что финансовая система регулярно дает сбой, что управление государством и экономика неэффективны. Самый острый переживаемый нами кризис — экономический, ибо треть населения находится за чертой бедности, но самый глубокий — идейный. Мы сбились с пути, старые ориентиры отброшены, а новые не сформированы. На обыденном уровне в той или иной мере это ощущает каждый. А что говорят по этому поводу власти?

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЕЕ КРИЗИС: ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ

Когда из «форосского заточения» в Москву скоропостижно вернулся М.С. Горбачев, журналисты встретили его впечатавшейся в десятилетия фразой *он вернулся в другую страну*. После распада СССР политические преобразования продолжились, и в декабре 1993 года на всенародном референдуме был принят новый Основной Закон Российской Федерации. Конституция подтверждала, что в стране происходят фундаментальные изменения. Статья 1 документа определяет Россию как *демократическое, правовое государство с республиканской формой правления*. В последней советской Конституции 1977 года СССР объявлялся *социалистическим, общена-*

родным государством (статья 6). Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром политической системы признавалась, разумеется, КПСС. В Конституции России ни КПСС, ни социализм уже не упоминаются. Более того, статья 13 объявляет — «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», статья 19 усиливает это положение, признавая недопустимым само существование идеологии.

Такие конституционные изменения конечно же очень показательны и существенны, однако они ставят множество новых вопросов, не давая на них ответы. Прежде всего, не ясно — с каким государством мы простились и в какое идем? Неудивительно, что в конце концов, хотя и с явным опозданием, проблема была сформулирована на высшем политическом уровне. В июле 1996 года президент Б.Н. Ельцин, обращаясь по телевидению ко всем, кто его слушал, заявил, что Россия находится в полосе идейного кризиса. Газеты изложили это высказывание следующим образом: «В истории России в XX веке были разные периоды — монархизм, тоталитаризм, перестройка, наконец, демократический путь развития. На каждом этапе была своя идеология. А у нас ее сейчас нет. И это плохо. И над этим надо работать. Подумайте над этим, какая национальная идея, национальная идеология — самая главная для России» (цит. по: Независимая газета. 1996. 13 июля).

Признаюсь, что тогда, в 96-м, я был, наверное, самым возбужденным слушателем этого обращения. Дело в том, что вскоре после преобразований 1991 года я начал отходить от неформального демократического движения, в котором участвовал пять лет. Я решил вернуться в философию, ведь теперь уже можно было свободно, открыто говорить и писать, все, что считаешь необходимым, цензуру мы уничтожили. После «путча»

я пришел к выводу, что отныне главная социально-философская проблема для России — определение новой системы ценностей, тогда же я начал работать над новой темой. По случайному совпадению, через месяц после высказываний президента в Москве была опубликована моя первая книжка о российской национальной идее, и многие решили, что писалась она по заданию Кремля. Я особо не спорил и даже несколько раз использовал этот миф. Например, когда в ГИТИСе, где я тогда работал, решили от меня избавиться — моя прежняя неформальная активность многих раздражала и не прощалась, — я вывел в коридор заведующего кафедрой, чьими руками это хотели сделать, и объявил: вы же понимаете, все, что я пишу, — это заказ самой высокой инстанции! Я имел в виду, конечно, совесть, но человек, на меня наседавший, понял фразу иначе, и я получил возможность еще год не менять работу. (Позднее моя книга стала победительницей конкурса работ о русской идее, проводившегося Гарвардским университетом США. Монография была переведена и издана в Америке в 1998 году, вызвав там немалый резонанс, была разослана нескольким сотням ведущих политиков, в американской периодике появился ряд отзывов и рецензий.)

Вернемся к высказываниям президента. С самого начала в них нельзя было не заметить некоторые странные моменты. К кому он на самом деле обращался — к российской науке или к своим чиновным помощникам? Вскоре стало ясно, что никак не к первым, и уже поэтому президентская затея оказалась изначально обреченной на неудачу. Подробнее об этом — чуть позже. Странно было и то, что, обращаясь к нашему прошлому, Б. Ельцин вспоминал лишь ушедшее столетие. XX век, и к этой теме мы вернемся, во всей нашей истории самый кризисный, непоказательный. Выстраивать на его основе будущий маршрут все рав-

но что предсказывать путь мотоциклиста, увидев, как минуту назад он попал в вираж, и не сознавая, что предыдущие сто километров он проскочил строго по прямой. Наконец, странно звучало предложение подумать *о выборе* главной идеи. Получалось, что речь идет о том, что можно угадать или выдумать, национальная идея попадала в сферу субъективизма и произвола. Но мы же понимаем, что Архимед не выдумал закон, носящий его имя, он его открыл. А вот с национальной идеей предлагалось поступить иначе — просто-напросто изобрести?!

На обращение главы государства тут же отреагировали соответствующие структуры и органы. Незамедлительно появилась группа чиновных ученых во главе с математиком Георгием Сатаровым. О своей работе они сообщали крайне мало, вызывая тем самым особый интерес электронных и печатных СМИ. Проработав год на госдаче в Сосенках, сатаровцы тихо завершили титаническую деятельность изданием небольшой книжки «Россия в поисках идеи». Сто с лишним страниц сборника представляют разбитые на разные рубрики выдержки из сотен публикаций различных авторов в российских газетах по проблеме национальной идеи. Цитаты не сопровождаются никаким авторским комментарием. Книгу завершает **обещание** подготовить более серьезные последующие выпуски, которое, разумеется, так и осталось невыполненным.

Добавлю, что, вняв настойчивым советам друзей, я все же отправил свою книжку Б.Н. Ельцину, но не получил никакого ответа. Тогда все были убеждены, что «идейные призывы» президента были им озвучены с подачи Г. Сатарова. Поэтому на нескольких публичных дискуссиях, где присутствовал Георгий, я категорически требовал — дайте ответ: если я не прав, то в чем, а если прав — действуйте. Сатаров нервничал, но ответить ничего не мог. Позднее наши страсти утихли,

и Георгий был в числе тех, кто дал положительный отзыв на мою докторскую диссертацию, с которой, впрочем, также не обошлось без приключений.

Кроме работы чиновников, обращение президента вызвало широкую дискуссию в наших СМИ. Единственная официальная правительственная «Российская газета» в августе 1996 года объявила конкурс среди читателей «Идея для России». Всех желающих приглашали принять в нем участие. Было объявлено, что подведение итогов и вручение наград состоится в конце следующего, 1997 года. Признаюсь, что ряд моих статей и многие другие публикации, на мой взгляд, весьма содержательные, тогда в течение полутора лет были в газете представлены. Особенно порадовало, что в декабре 1997 года мне позвонил заместитель главного редактора «Российской газеты». Он спросил, не могу ли я подготовить сценарий итогового заседания, упомянув, что присутствовать и вручать премии будет В.С. Черномырдин. Я заверил журналиста, что написать сценарий не составит никакого труда.

Между тем из газеты мне больше никто не звонил и в декабре итоги не подводились, но в апреле 1998 года среди других публикаций в «РГ» появилось письмо доктора исторических наук Л. Воронкова. Он сожалел, извинялся, что не принимал прежде участие в дискуссии, сообщал, что давно хотел это сделать. Теперь же спешил поделиться своими выводами: поиск национальной идеи — занятие вредное, оно отвлекает людей от нужных дел. Поэтому подводить итоги конкурса он бы не советовал. Читатель будет, конечно, крайне удивлен, но правительственное издание, опубликовавшее сотни интереснейших размышлений о российской стратегии, обо всех этих размышлениях тут же забыло и прислушалось к указаниям Воронкова. Читая это письмо, я думал об объявленном когда-то Сталиным запрете на генетику

Национальная идея — такая же глупость, как национальный кислород...

Константин КЕДРОВ,
доктор философских наук,
«Известия»

«Известия».
18 июля 1997 г.

и кибернетику. Да, не перевелись на Руси «добры молодцы». Я никогда не видел Воронкова и с ним не общался, но и по сей день желаю ему доброго здоровья и, одновременно, держаться как можно дальше от науки. Воронковщина в разных проявлениях — большой грех наших гуманитариев, и об этом нельзя забывать!

Объявленный властями и озвученный «черно-воронковским» письмом запрет висел над нашими СМИ полтора года. Однако 1 сентября 1999 года, выступая в МГУ в связи с началом учебного года, тогдашний и.о. главы правительства В. Путин вновь признал, что стране нужна идеология, нужна новая система идей. И опять многие публицисты и политики, эмоционально доказывавшие, что поиск национальной идеи — дело ненужное, решительно повернулись на 180 градусов и стали обосновывать обратное. Тогда же, осенью 1999 года, под руководством Г. Грефа начал работать Центр стратегических разработок, одной из задач которого стало определение нашей национальной идеи. К работе Центра не допускались специалисты, ведущие научный, объективный поиск в соответствующей области. Его работу характеризуют те же негативные особенности, которые были типичны для группы Сатарова. Греф «забыл» не только о существовании серьезных научных исследова-

ний по данной теме, но и проигнорировал все результаты, уже полученные в ходе содержательной общественной дискуссии в «РГ». Откровенные и неформальные разговоры с руководителями Центра показали, что речь идет не об объективном поиске, а о «подгонке ответа под заранее сформулированный политический заказ». Не удивительно, что и Центр Грэфанника никакой национальной идеи не предложил, да и предложить ее не сможет.

Тем временем политическая дискуссия о национальной идее продолжалась. Пик полемики должен был вновь прийти на канун выборов. Поэтому я не очень удивился, когда за несколько месяцев до смены думского депутатского корпуса мне позвонил брат (наш предыдущий телефонный диалог состоялся, наверное, за год или полтора до этого) и попросил дать ему мои публикации о национальной идее. (До этих выборов на протяжении 10 лет он ни разу не проявлял интереса к моей работе.) Я адресовал Анатолия на свой сайт, и итогом чтения стала растиражированная информационными каналами предложенная им идея «либеральной империи», которая на самом деле не имеет никакого отношения к обсуждаемой теме.

Российский вариант чучхе

Отвечая на вопросы доверенных лиц накануне выборов, В. Путин сформулировал национальную идею России как «конкурентоспособность во всем». Предвыборная риторика — жанр специфический, и если она ведет к успеху, значит, скорее всего удачна. Но проходит короткое время, и вот уже правительство создает специальную службу — совет по конкурентоспособности. Что будет дальше, можно только догадываться. Но уже сейчас хочется охладить чиновничий пыл.

Пойдем чуть дальше лозунга и задумаемся над его смыслом. Конкурентоспособность во всем — это что, больше всех в мире и лучше всех выращивать крокодилов или выводить наилучшие сорта кофе и бананов? Значит ли это, что Россия станет первой по уровню овладения языком суахили или речь идет только о знании санскрита? Не стану продолжать, ведь СССР уже был «родиной слонов», а советские лилипуты — самыми большими лилипутами в мире.

Как видно, в мозгах политтехнологов произошло позднее оплодотворение идеи чучхе — опора на собственные силы — совокупилась с до боли знакомой каждому советскому человеку идеей всестороннего развития личности.

И дело не только в том, что в эпоху специализация и глобализация создавать новую натуральную экономику невозможно, что для выхода на мировые рынки необходима концентрация всех усилий именно на направлениях прорыва. Еще ведь следует и определить, где, учитывая наши способности и традиции, такой прорыв возможен, где и в чем именно мы должны преуспеть, в какие соревнования, причем не только экономические, нам вообще следует вступать, а в какие вообще не следует. Такая постановка вопроса оказывается несколько ближе к проблеме общенациональной идеи.

Вообще же пора понять, что не только элементарные частицы не открывают к празднику Первомая, но и социальные открытия не совершают пиарщики и составители речей. Есть российская гуманитарная наука, есть начатая Ф. М. Достоевским почти полтора столетия назад дискуссия об идее и идентичности. Есть и решение этой проблемы, изложенное в статьях и монографиях, в докторских диссертациях и даже в учебниках, которые спичрайтеры незнакомы.

И. Чубайс. «Известия». 6 апреля 2004 г.

Неоднократно и по-разному высказывался о национальной идее президент В. Путин. В канун последних выборов, выступая перед доверенными лицами, он отметил — нам нужно быть конкурентоспособными во всем. «Человек должен быть конкурентоспособным, город, деревня, отрасль производства и вся страна. Вот это и есть наша основная национальная идея сегодня, подчеркнул президент». (Известия. 2004. 14 февраля.)

Между тем задача власти никак не сводится к формулированию национальной идеи, она состоит в создании условий для соответствующего научного поиска, в концентрации внимания на этой проблеме. Власти могли бы выделить соответствующие гранты, организовать телевизионное обсуждение темы на государственных каналах, поощрить наиболее серьезные разработки. В противном случае здесь воспроизводится ситуация, возникшая в советском государстве и не существовавшая прежде. Я имею в виду следующие обстоятельства. В исторической, дооктябрьской России главной ценностной системой было православие. Но император не был «трактователем» Библии, он ходил в церковь, исповедовался, слушал наставления святых отцов... По-другому был устроен Советский Союз. Главная система ценностей СССР — марксизм-ленинизм. При этом Сталин заявил, что решения партии, ее руководства и есть марксизм-ленинизм сегодня. Следовательно, не партия прислушивалась к голосу философа-марксиста, а философы и все граждане должны были встраиваться в линию партии.

Вопрос выявления национальной идеи — это прежде всего задача для науки, это проблема социально-гуманитарного научного поиска. Наука должна предложить свое решение обществу, а общество должно иметь возможность свободно его обсудить. Задача властей — создать соответствующие условия для научной работы и гражданской дискуссии. Полученные результаты долж-

ны быть использованы системой управления на всех уровнях. В противном случае все будут допускать ошибки, а политики — попадать в не соответствующее их статусу положение. Выявив, что проблема смены национальной идеи является одной из ключевых в современной политике, перейдем теперь к ее научно-философскому анализу.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЕЕ КРИЗИС: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Некоторые современные авторы, рассуждающие об идейном кризисе, уверены, что он начался тогда, когда Б. Ельцин призвал его преодолеть. Другие считают, что спусковым механизмом стал распад Советского государства. В действительности дело обстоит иначе.

Сначала разберемся с тем, когда и почему возникло понятие «русская идея». Появление нового термина, новой научной категории, как правило, является результатом двух противоположных процессов. *Либо в какой-то области происходит интеллектуальный прорыв, совершается открытие, так, к примеру, возникли понятия «рентгеновское излучение», «самолет», «спутник», либо, напротив, выявляются принципиально новые, прежде неизвестные проблемы, конфликты, которые нужно каким-то образом обозначать.* Например, термин «экология» стал общеупотребительным и вызвал появление целой группы производных слов вслед за возникновением экологического кризиса. Другой пример — вся история России есть история монархии, но партия монархистов заявила о себе только в 1906 году, как ответ на революцию, впервые поколебавшую власть императора. Добавлю, что оба выделенных процесса — научного прорыва и социального кризиса — взаимосвязаны, проблема обычно возникает там, где позднее достигается успех. Правда, в слу-

чае с национальной идеей первая тенденция пока не совпала со второй.

Однако вернемся к вопросу о возникновении термина «русская идея». Федор Михайлович Достоевский употребил его впервые в 1862 году в «Дневнике писателя». Позднее, в 1888 году крупнейший отечественный философ В.С. Соловьев выступил в Париже с докладом, получившим то же название. Спустя двадцать лет этот доклад не забыли, напротив, его перевели и издали по-русски. С началом XX века едва ли не все крупные отечественные мыслители, среди них И. Ильин, Е. Трубецкой, Л. Карсавин, также заговорили о русской идее. Дискуссия становилась все более интенсивной, но после Октябрьских событий ее можно было продолжать только за рубежом. Спустя еще 30 лет, в 1946 году, другой знаменитый отечественный философ, изгнанный Лениным из страны Н. Бердяев, издает в Париже итоговую работу своей жизни, которая также называется «Русская идея». О том, что с началом перестройки этот термин вернулся в Россию, я уже писал.

Ситуация, когда одна и та же проблема обсуждается на протяжении столетия, когда разные авторы дают своим работам одинаковые названия, для философии и в целом для науки совершенно не типична, но в то же время очень показательна. Приведенные обстоятельства указывают на **актуальность и нерешенность** проблемы. Заметим, что о русской идее у нас не говорили ни в IX, ни в XIV, ни в XVII веках. Вопрос оказался актуальным на рубеже XIX—XX столетий. Именно в этот период русская идея, российская система ценностей попала в полосу кризиса.

Важнейшая составляющая этого кризиса заключалась в кризисе веры.

Поскольку вера, глубокая, органичная, внутренняя вера была повсеместной нормой жизни, всякий европеец должен был следовать указанным в Библии

моральным заповедям — чтить отца своего, чтить мать свою. **Право** также воспринималось как имеющее божественное происхождение, ибо в тех же заповедях сказано — не убий, не укради, не лжесвидетельствуй. Христианство было идейным фундаментом не только морали и права, оно служило кристаллизатором многих **бытовых и культурных традиций** (пост, крещение и т.д.). Европейская **политическая система** также выросла из христианского вероучения. Политическая власть скреплялась не системой выборов и уж тем более не силовыми приемами. Власть монарха была несомненной, поскольку император объявлялся помазанником Божиим.

И вот в последней трети XIX столетия православие и христианство в целом впервые сталкиваются с отходом части людей от веры, причем части наиболее активной, социально продвинутой. Понятно, что все социальные традиции, общественные правила и нормы тут же «повисают в воздухе». Эту проблему замечают и осознают крупнейшие европейские мыслители, хотя относятся к ней по-разному. Из Германии мы слышим голос Фридриха Ницше, приветствующего уход Бога. На смену старому, несвободному человеку, ограниченному нормами религиозной морали, придет новый, совершенно свободный сверхчеловек, пишет немецкий философ. Единомышленник Ницше Рихард Вагнер создает музыкальный цикл «Гибель Богов». Петр Ильич Чайковский призывает слушать Вагнера, чтобы понять, как не надо сочинять музыку. А Федор Михайлович Достоевский устами своего героя произносит фразу, которая стала, пожалуй, самым цитируемым высказыванием писателя: «Если Бога нет, то все дозволено». А сегодня хочется добавить — да и человека тогда не будет.

Действительно, с появлением атеизма в стране возникли нигилисты, бомбисты, террористы, которых никто не мог остановить. На царей и высших чиновни-

ков стали покушаться, в них стали стрелять, их убивали. Кризис национальной идеи породил кризис на всех социальных уровнях. Зашаталось само государство. В России начался бурный поиск новых идей и правил. Любопытно, что китайский иероглиф, обозначающий понятие «кризис», это тот же иероглиф, который обозначает новые возможности.

Период, обычно называемый серебряным веком русской поэзии (правильнее было бы говорить о бриллиантовом веке отечественной культуры), рубеж XIX—XX столетий был, в конечном счете, не чем иным, как попыткой найти новые ответы и новые решения. Кризисно-дезинтеграционные процессы на западе Европы также породили известный интеллектуальный поиск. Показательно в этом отношении творчество Франца Кафки, описывающего отчаяние, страх, тоску и бессилие индивида. В распавшейся Австро-Венгрии рождается также психоанализ Зигмунда Фрейда, исследующего глубины бессознательного и природу болезненного невротического сознания. В философии набирает популярность школа экзистенциализма, суть которого заключалась в признании абсурдности внешнего мира, в отрицании прогресса, в ориентации на внутреннее, индивидуально-экзистенциальное бытие человека. В России интеллектуальный поиск дополнило прямое социальное действие революций 1905 и 1917 годов.

В обществе возникло три разных отношения к происходящему. Консервативные группы требовали ничего не менять и любой ценой **сохранить** существующие правила. Близок к ним был сам император. Наши наиболее дальновидные соотечественники, и прежде всего Петр Аркадьевич Столыпин, призывали **реформировать** устаревшие начала. А радикалы слева навязывали свой ответ — едва ли не от всех существующих идей следует **отказаться**, разрушив их до основания. Наибо-

лее последовательные среди них — левые эсеры добились поставленных целей с помощью прямого вооруженного террора.

Как известно, линия Ленина оказалась в тот период сильнее линии Столыпина. На обломках старой России возникла молодая Советская республика. Наше государство оказалось страной, разорванной во времени. На смену русской идее пришла коммунистическая идея и коммунистическая идеология. Октябрьская революция была не столько пролетарским протестом, не столько сменой формаций, сколько попыткой выхода из идейного кризиса через переход в новую идентичность. Радикальная общественная трансформация породила огромные социальные потрясения. В России началась Гражданская война, но большевизм и здесь победил. Все бы хорошо, но, прожив семь десятилетий, — в историческом масштабе времени это всего лишь мгновение, — Советский Союз прекратил существование. И если непосредственной причиной падения Российской империи было обострившее некоторые ее проблемы участие в Первой мировой войне, то СССР самораспустился в условиях всемирной солидарности и поддержки, несмотря на всеобщее признание его первого и последнего президента, нобелевского лауреата.

Распад Советского государства показал, что мы вторично за столетие попали в полосу идейного дефолта. Тогда же, в начале 90-х годов, в наш обиход странным образом вернулось понятие «русская идея». Мало ли о чем спорили люди столетие назад, многие из тех дискуссий забыты даже специалистами. Но сегодня проблема русской идеи вновь осознана как наиболее актуальная. Потерпев неудачу в построении социализма, мы пришли ко «второму изданию» кризиса национальной идеи. Поэтому главной задачей общества, если оно хочет себя сохранить, вновь ста-

новится поиск ценностей, поскольку утверждавшиеся 70 лет нормы перестали работать. Как это сделать, какие здесь возможны ответы — об этом и будет идти речь в следующей части книги. Но начать работу надо практически с нуля, с самого начала, разобравшись при этом — нельзя ли вообще обойтись без национальной идеи.

*ПОЧЕМУ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ НУЖНА.
ОТВЕТ ТЕМ, КТО УТВЕРЖДАЕТ ОБРАТНОЕ*

В нашей периодике и политической публицистике нередко встречается мнение о ненужности и даже опасности национально-идейной определенности.

Возражения сводятся к нескольким повторяющимся аргументам. Первый можно изложить словами из песни А. Галича — «Бойся того, кто скажет — я знаю, как надо». (Впрочем, сам Галич конечно же никак не комментировал проблему национальной идеи.) Ответ представлю кратко и тоже на уровне здравого смысла: невозможно уверенно двигаться в желаемом направлении, если никто, собственно, не объяснил, какое направление желанно.

В другом возражении речь идет о том, что мы ведь уже жили «как положено» и шаг в сторону от верного учения считался побегом. Неужели опять на нас свалят какую-то руководящую национальную идею? Но ведь «руководить» можно по-разному, отвечу я, — тоталитарно, авторитарно, демократически. Да и национальные идеи бывают разными. И выявить нужно такую, которая не будет восприниматься навязанной, т.е. такую, которая вытекает из нашего совместного исторического опыта. Один уважаемый академик сформулировал свое возражение следующим образом: Иван, допустим, с ней согласится, но что скажут Ахмет, Абрам и Петро? Здесь, отвечу я, проблема возникает от неверного толкования

исходного термина. Я уже писал, что *национальная* здесь понимается как *общенациональная, российская*, и подробно проанализирую эту тему в другой части книги.

Наконец, представители различных политических групп также иногда объявляют поиск национальной идеи ненужным, беспредметным занятием. Письмо Воронкова, которое я прежде упоминал, — а можно назвать и другие высказывания деятелей разного политического уровня, — конечно же не было случайностью. Дело в том, что выявление национальной идеи, достижение общественного согласия в этом вопросе, с одной стороны, избавит общество от ошибок и метаний, но также ограничит и власть, поставит ее в разумные рамки, обяжет работать на перспективу. А власти это, конечно, не нравится. Осознание национальной идеи сделает необходимым существование адекватной государственной политической стратегии, которой сегодня, увы, не существует. (Да и появление настоящей оппозиции затруднительно, пока нет сформулированной и объявленной позиции, и это тоже на руку власти.)

Можно утверждать, что осознание национальной идеи должно предшествовать принятию конституции. Ибо первая, по существу, есть фундамент, условие существования второй. И если национальная идея отсутствует, конституция будет неизбежно нарушаться или безмерно широко интерпретироваться. Определенные выводы из выявления или невыявления национальной идеи следуют и для политических партий. Их существование имеет смысл лишь тогда, когда они едины в понимании национальной сверхзадачи и общественно-государственного договора, хотя вести к достижению общепризнанного ориентира они могут разными путями. В противном случае при условии победы на выборах партии будут толкать государство в совершенно разные, взаимоисключающие стороны, провоцируя его раскол.

Если власти удастся сохранить положение, при котором национальную идею можно не определять, в конце концов возникнет ситуация, в которой спрашивать с властей будет нечего и не за что, ибо не сформирована общероссийская система социальных координат, отсутствует начальная точка отсчета. С ситуациями, когда отсутствовала общепризнанная трактовка тех или иных значимых социальных терминов, мы уже сталкивались. Например, в разгар сталинской борьбы с кулачеством само понятие «кулак» так и не было определено, более того, возник новый термин «подкулачник», и потому репрессиям можно было подвергать кого угодно. Раскулачивание мы проехали, но еще недавно людям морочили голову, уверяя, что понятие «фашист» невозможно определить, и потому наказывать участников экстремистских группировок невозможно. В результате немало людей пострадало от рук коричневых, а Государственная Дума на своем заседании в июле 2004 года отвергла законопроект, предусматривающий ответственность за публичное использование нацистской символики. Тем самым, как писали газеты, Госдума разрешила свастику. Если никак не определять термин «национальная идея», более того, отрицать саму его необходимость, последствия окажутся еще более деструктивными.

Остановимся на рассматриваемой проблеме несколько подробнее. Выясним, какие еще функции выполняет национальная идея.

*ПОЧЕМУ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ НУЖНА.
ОТВЕТ ТЕМ, КТО НЕ РАЗОБРАЛСЯ*

А) Философская аргументация

Поясню, что в книге вы встретите ряд положений и выводов, представляемых впервые и являющихся авторскими. Но сейчас мы расскажем о том, что в науке не является новостью и в общем-то известно давно, хотя

некоторыми игнорируется. Почти триста лет назад в Кенигсберге появился на свет будущий великий философ Иммануил Кант. Он прославился разработкой оригинальной теории познания, которая относительно недавно получила экспериментальное подтверждение. Как человек познает мир, с чего начинается познание? Вы думаете, с отдельных ощущений, переживаний и наблюдений? Общее представление выстраивают из частных деталей? Нет, Кант показал, что на самом деле все происходит наоборот — познание мира начинается с познания общих идей. Ведь еще до того, как вы начали читать эту книгу, у вас уже было о ней некоторое представление. До того как вы поехали в какую-то страну, вы от этой поездки чего-то ждали. До того как вы создали семью, у вас уже существовало определенное представление о браке, о вашей избраннице или избраннике и даже о том, какими будут ваши дети. Иначе говоря, сначала было слово, точнее, логос, т.е. закон или идея. Этот принцип справедлив и по отношению к своему государству. Жить в стране, быть ее полноценным сознательным гражданином, активно участвовать или противодействовать различным общественным призывам, не позволять себя обманывать, не понимая, что это за страна, какова ее ключевая идея и главные ценности, — очень затруднительно. Можно сказать и более категорично: без идеи не существует и страны.

Б) Социологическая аргументация

Как соорганизовываются и связываются физические предметы? Передо мной письменный стол, слева на нем настольная лампа, справа вдоль стены — стеллаж. Если я уйду из комнаты и никто не зайдет в нее 10 дней (или 10 лет), все названные предметы так и останутся на своих местах. Физические тела связывает гравитация. А что объединяет людей? Недавно я выступал на радио «Эхо Москвы», рассказывая о том, как пишу эту книгу. Слушатели звонили в редакцию, зада-

вали вопросы. Между приглашенным в студию и аудиторией возникла определенная общность, определенная целостность. Потом мое выступление закончилось, и началась другая передача. У нее тоже были свои слушатели, уже другие. Так продолжалось до глубокой ночи. Что связывало выступавших с аудиторией? Общие интересы, темы, сходство ценностных ориентаций. Меняется коммуникатор — меняются реципиенты.

Социологи давно показали, что людей объединяет сходство интересов, ценностей, идей. Так устроены и малые группы, и крупные объединения, и народ в целом. Поясню эту мысль несколькими историческими примерами. В конце XVIII века Польское государство было трижды разделено, точнее, переразделено соседними странами и прекратило свое существование. Но *идея Польши*, особые нормы и ценности, *польскость* были сформулированы и осознаны обществом столь глубоко, что мысль об отечестве постоянно сохранялась в сознании людей. Поэтому поляки неоднократно поднимали восстания, требуя вернуть независимость. И в 1918 году, спустя 120 лет после исчезновения, государство было возрождено. Во время Второй мировой войны Польша была полностью оккупирована, но она оказалась одной из немногих стран, где государство действовало в подполье. Здесь на контролируемой (!) нацистами территории действовали своя армия, разведка, пресса, система образования, а из Лондона всем этим руководило польское правительство. Можно привести и другие примеры. Еще более древний народ — евреи утратили государственность почти 2000 лет назад. Но все это время они сохраняли не чиновничество, не армию и даже не родной язык, который был почти полностью утрачен. Евреи сохраняли свою веру, выражавшую дух народа, что и позволило им сохранить самобытность. Поэтому, когда возникли соответствующие исторические условия, иудеи быстро восстановили и свой язык, и свое государство.

Тезис о социальной интеграции через идею можно подтвердить также примерами «от противного». Крах той или иной сплывающей идеи — не внешних ее проявлений, а глубинной интериоризации — с неизбежностью вызывает распад объединяемого ею общества. У нас до сих пор обсуждают вопрос о том, кто же развалил СССР — Ельцин, Горбачев или американский империализм. Следует прямо и ясно признать: *первопричина распада государства — разрушение связывавшей его «комидеологии»*. В Социалистической Чехословакии, в Федеративной Югославии не было ни Ельцина, ни Горбачева, но и там произошел распад, потому что национально-этническая идея оказалась сильнее комидеологической. США вели антисоветскую пропаганду так же активно, как СССР антиамериканскую, но Соединенные Штаты не разъединились, американская идея оказалась несравнимо более устойчивой, чем советская.

Признаем, что в нашей стране и сегодня есть люди, не осознающие все последствия распада государства. Как уже было сказано, отсутствие сплывающей идеи порождает социальную дезинтеграцию. Но распад социума — лишь начало процесса. Ведь общество, как и природа, не терпит пустоты. Если оно не сохраняет свои ценности, в его сознание неизбежно проникают ценности иных, более активных и энергичных этносов. И тогда один народ оказывается ассимилированным другим. Если мы хотим сохранить себя, свою идентичность, мы должны заботиться о своем духовном здоровье.

В) Психологическая и биологическая аргументация

В психологии в пользу тезиса о национальной идее свидетельствуют рассуждения, связанные с проблемой идентичности и самоидентификации. Всякий человек, живущий в обществе, не может бездействовать. Его поступки, все его поведение в конечном счете направле-

но на поддержание и реализацию самого себя, своей я-концепции, представлений о собственной идентичности. Психология исследует и такую экстремальную ситуацию, — хотя подобное бывает в исключительных случаях, — когда индивид в результате какого-то стресса или шока утрачивает идентичность, т.е. забывает, кто он такой, свой пол, возраст, язык и т.д. В этом случае человек не может ничего делать, ибо, не осознавая, кем является, он не знает, что для него необходимо, а что нежелательно.

Проблема идентичности является фундаментальной не только для отдельного человека, но и для всего, что создано людьми, а также для всего, что существует в живой природе, от самых малых до самых грандиозных ее проявлений. Самец бабочки реагирует на все окружающее, но тоньше всего — на свою пару, которую способен опознать и идентифицировать, находясь от нее на удалении до 1 километра. (Биологи пока не могут понять механизм идентификации, действующий в мире энтомологии.) Насекомые, птицы, животные метят себя или меняют свой облик, свою территорию, чтобы их опознали «свои» и не заметили чужие. В человеческой деятельности мы также постоянно сталкиваемся с проявлением или непрявлением идентичности. Если вы хотите выставить на лондонском аукционе Сотбис картину кисти Айвазовского, начинать надо с получения документа, подтверждающего подлинность, т.е. идентичность, этой работы. Если же ваша сфера деятельности совсем иная, скажем — армия, то и здесь первое дело — не перепутать, где враг, а где друг. Хотя и в Чечне, и в Ираке ошибки, порожденные неправильной идентификацией, происходят постоянно.

Ну а если идентичность утрачивает не животное, не человек, а целое государство? Проблемы соответствующего масштаба появятся непременно, причем затронут они как саму страну, так и ее соседей. Помните

недавние времена, когда нашими друзьями побывали и Билл, и Цзян, и Гельмут, и Рю, когда к российско-белорусскому союзу намеревались присоединить Югославию Милошевича? Надо ли напоминать, что все эти политики не особо друг друга жаловали. С середины 90-х годов меня и других исследователей, занимавшихся проблемой российской идентичности, приглашали на многие международные научные конференции, поскольку никто не мог толком понять — что же такое теперь Россия и как с ней выстраивать отношения. После 1991 года у нашего государства продолжительное время отсутствовала концепция национальной безопасности, а в последнее время она регулярно меняется, и все оттого, что мы не определили свою идентичность, мы еще не осознали, кто мы.

Продолжим рассмотрение темы. Заметим, что проблема идентификации постоянно проявляется и в нашей сугубо внутренней жизни. Захоронить тело Ленина или не стоит, запретить КПРФ или не надо, восстанавливать памятник Дзержинскому или оставить как есть, отмечать 7 ноября или наш праздник 4 ноября? Да мы не с Дзержинским не разобрались, мы все еще не разобрались с тем, **кем мы сами являемся**. Лишь ответив на последний вопрос, можно решать и конкретные задачи. А заодно и с топонимикой прояснится — правильно ли мы делаем, опоясывая Санкт-Петербург Ленинградской областью, а Екатеринбург — Свердловской?

Рассуждая об идентичности, надо иметь в виду, что здесь нас подстерегают, как минимум, две опасности. Очень плохо, если **вопрос не решается вовсе и никакие идеи и ценности не признаются своими**. В социологии существует понятие — аффиляция, т.е. человек не может быть не включенным ни в какие социальные группы, он не может жить в обществе, не соотнося себя ни с кем. А как быть, если все нормы и правила поставлены под вопрос и, следовательно, все существующие

План по самоубийцам

**Уступит ли Россия лидерство
в печальном конкурсе по суициду**

В начале июля некоторые СМИ сообщили о том, что Россия якобы вновь лидирует по числу самоубийств и этот факт подтвержден Всемирной организацией здравоохранения. Причиной неожиданной «сенсации» стал не иначе как летний дефицит настоящих новостей. На самом деле последний масштабный доклад ВОЗ по проблемам суицида был опубликован еще в прошлом году.

Татьяна БАТЕНЕВА

Уровень самоубийств в России действительно один из самых высоких в мире: 62,6 на 100 тысяч населения среди мужчин и 11,6 — среди женщин. Но надо знать, что доклад ВОЗ обобщил данные национальных служб здравоохранения за самые разные годы — от 1972 до 2000-го. Данные России приведены за 1998 год — год дефолта и крушения многих жизненных планов.

«Известия».

12 июля 2003 г.

группы и сообщества, на них построенные, — сомнительны? Тогда возникает два типа ответов. Или человек радикально объявляет себя самого единственно правым, высшим, абсолютным, а те, кто на него не похож, оказываются, с его точки зрения, не достойными существования. Я имею в виду, конечно, скинхедов. Или, напротив, сомнительность всех социальных правил ве-

дет к полной пассивности, к объявлению жизни бесцельной и лишённой смысла. Понятно, отчего у нас каждый пятый школьник задумывается о суициде. Более того, число самоубийств в современной России превосходит число убийств.

Другая опасность — **идентификационный обман**, объявление себя не тем, кем на самом деле являешься. Такая ситуация тоже хорошо знакома. Она была типична для советского способа социальной иерархизации. Не случайно политики, академики, генералы, народные артисты, отмеченные наградами и званиями, ведут себя по-разному. Одни демократичны, открыты, не нуждаются в разного рода охране, постоянно готовы к диалогу и стремятся неумолимо подтверждать собственный статус. Между ними и обществом нет дистанции. До других, напротив, невозможно дозвониться, они никогда не выступают в прямом телеэфире, да и сам прямой эфир стремятся отменить, спонтанных выступлений избегают, ибо их формальный идентификационный статус не соответствует реальному личностному потенциалу. Притчей во языцех стала еще одна известная идентификационная нелепица. В Советском Союзе всем гражданам постоянно внушали мысль о превосходстве существующего общественного строя: «советское — значит отличное», «мы впереди планеты всей». При этом только власть и иностранные гости пребывали на привилегированном положении, тогда как поездка за рубеж, в «умирающий и загнивающий капитализм» для абсолютного большинства советских людей была недоступна.

Приведенных рассуждений, думаю, вполне достаточно, пора поставить точку и считать вопрос исчерпанным. **Правомерно сделать вывод о необходимости российской самоидентификации, т.е. о востребованности российской национальной идеи.** Добавлю, что обсуждавшийся здесь вопрос не представляет особой теоретической сложности. Но я не сомневаюсь, что некоторые поли-

тики и дальше будут стремиться морочить людям голову и будут объявлять рассуждения о национальной идее ненужными. Поэтому завершу свои построения парой уточняющих штрихов.

Напомню характерную для нас бытовую особенность. В отличие от многих других стран, именно у нас при встрече люди любят вести оживленные и продолжительные дискуссии «за жизнь», на, казалось бы, весьма отвлеченные философско-политические темы. Созная это или не созная, мы ищем своего Бога, ищем то главное, что придает смысл существованию страны и каждого из нас и без чего ни страны, ни нас настоящему просто нет. Укажу и на такую распространенную повсеместно и всем знакомую деталь. Когда писатели, поэты, сценаристы, режиссеры рассказывают об *американской* трагедии, о чисто *английском* убийстве, о браке или разводе *по-итальянски*, о любви *по-русски* и т.д. и т.п., они показывают, что культуре любого народа присущи свои особенности, хотя каждый из названных феноменов — брак, любовь, трагедия распространены повсеместно. Эту особенность и неповторимость России, увы, изрядно утраченную, нам и предстоит найти и осознать. Ее необходимо выявить и описать, чтобы скорректировать свой путь, чтобы сознательно и уверенно двигаться в завтра.

Философские рассуждения невозможно сделать абсолютно простыми и понятными, даже если перевести их в форму детских сказок. Ведь и глубинная трактовка русских сказок остается делом спорным и незавершенным. Словом, я понимаю, что кто-то легко отмахал предыдущие страницы, а кому-то приходилось останавливаться и некоторые абзацы перечитывать заново. Такой читатель особо дорог, да и понятно, что не обязаны все изучать философию, у каждого свой выбор, свое дело. Но чтобы ключевая проблема стала яс-

нее, давайте обратимся к искусству. Уверю вас, что писатели, художники, размышляющие о России, не могли пройти мимо волнующей нас темы.

РОССИЙСКОЕ ИСКУССТВО И РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Вспомним киноповесть и фильм Василия Макаровича Шукшина «Калина красная», вышедший на экраны в середине 70-х годов. Почему фильм так назван?

В картине звучит несколько фраз из знакомой песни:

Калина красная, калина вызрела,
я у залеточки характер вызнала.
Характер вызнала, характер вон какой.
Я не уважила, а он пошел к другой.

В русской лирике любовь всегда изображается на фоне природы («Ой, цветет калина», «Распрямись ты, рожь высокая»). Ну а несостоявшаяся любовь — на фоне чего-то несбывшегося, на фоне впустую вызревшей ягоды. Вспомним, что у Марины Цветаевой есть стихотворение о России, где наша страна сравнивается с образом красной рябины. Обобщение в названии подталкивает и нас к метафорическому пониманию сюжета.

Кто же главный герой картины? Это деревенский парень, человек «от земли», Егор Прокудин (по-русски Егор — землепашец). Однако Егор оставляет отчий дом, идет другим путем и попадает в преступную шайку. Да и свое имя теряет, получая взамен кличку Горе. Намучившись и намаявшись, Прокудин решает вернуться домой. И снова автор использует природные образы для передачи эмоционального состояния героя. Стоя в *красной* рубахе, шукшинский герой обнимает *белые* березы, разговаривая с ними, как с живыми людьми. Однако путь назад не складывается. Даже родная мать не узнает своего сына.

Заканчивается все трагически — бывшие дружки Егора не оставляют. Изначально сценарий завершало убийство Прокудина, но советское искусство должно быть оптимистичным, и Шукшина обязывают придумать другую концовку. В ней свояк Егора Петро, здоровенный, медлительный и очень спокойный человек, узнав о случившемся, вскакивает в грузовик, догоняет машину с бандитами и сталкивает ее с моста. Когда Петр поднимается, оператор показывает происходящее сзади, мы видим на нем шоферские брюки и майку со словом РОССИЯ. Егор и Петр для Василия Макаровича Шукшина — очень значимые образы. Рассказывая о них, автор, несомненно, задумывается о путях и тупиках нашей страны.

Десять лет спустя, в начале перестройки, на экраны вышел фильм режиссера Е. Валуцкого «Зимняя вишня». На первый взгляд картина всего-навсего о симпатичной современной женщине, которая выбирает себе жениха. Все начинается со сцены, где будущие персонажи собираются на вечеринку и просят Олю — так зовут главную героиню — произнести тост. Та поднимает бокал со словами «Выпьем за родину, ведь семья как родина, она не может не быть». Дальше мы видим три варианта этой семьи, за которыми довольно прозрачно просвечивает и возможное будущее родины.

Один жених, его играет невысокий и не особо представительный актер, приходит в желанный дом с небольшим портфелем. Он мечтательно говорит о будущем, о русских детях, о России. «Это все, что у тебя осталось?» — спрашивает Оля, показывая на портфельчик. «Ну, в общем-то, да», — отвечает гость. Их отношения явно не складываются. Другой жених, его играет высокий, очаровательный латышский актер, приходит к невесте с виски и колодой. Он только что прилетел из Женевы и готов увезти будущую жену в Швейцарию. В конце концов, они решают ехать вместе, но по дороге в аэро-

порт машину догоняет и останавливает третий жених. Говоря точнее, он не жених, а любовник, поскольку у него уже есть семья. Этот третий постоянно обещает Ольге золотые горы и светлое будущее, но все время ее обманывает. Свою законную жену он не оставляет и на этот раз. Так куда же, подобно героине фильма, идет наша страна — на Запад, назад к своим истокам, или ее просто никуда не отпускает постоянно лгущий и паразитирующий класс бюрократов? Этот вопрос интересует и режиссера, и автора книги, и, думаю, читателей, поэтому возвращаемся из кинозала к нашим проблемам.

КАК ВОССТАНОВИТЬ РОССИЙСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ? ЧЕТЫРЕ ВАРИАНТА ОТВЕТА

Итак, мы видим, что наша страна второй раз на протяжении столетия переживает идейно-идентификационный кризис. После 1991 года мы все, осознавая это или нет, ищем решение. Нынешнюю ситуацию никто не называет новым золотым веком отечественной культуры, — недотягиваем, ресурсы изрядно растрачены. Однако интеллектуальный поиск, духовное возрождение происходит и сейчас. И пусть телевидение нас всех непрерывно развлекает и повышает сексуальную грамотность народа, а наши СМИ регулярно сообщают о коррупции и криминальных разборках. Все это действительно имеет место. И хотя об интеллектуальном поиске мы слышим не часто, никто же не живет по принципу — если этого нет на телевидении, значит, нет в жизни. Мы знаем, что телеобраз реальности и сама реальность не совпадают.

В чем конкретно проявляется духовный подъем? Не только в том, что прививаемые телевидением антигуманизм и антиценности очень плохо прививаются. За прошедшее десятилетие число вузов и количество студентов в России увеличилось не на проценты, а в разы.

Перечень выходящих литературных, социологических, политологических, философских и иных гуманитарных журналов возрос не в разы, а на порядки. Иностран-ными языками свободно владеют теперь не белые вороны, а широкий круг молодых, и не только, специа-листов. Пройдя критическую точку, постоянно растет книгоиздание. Ежегодная открытая и свободная Мос-ковская международная книжная ярмарка (прежде дело неслыханное) позволяет и свою продукцию продви-гать, и с чужой знакомиться. В Москве за последние годы возникли десятки новых театров и небольших те-атральных трупп.

А на конференциях, «круглых столах», интернет-форумах научная дискуссия идет просто непрерывно, затихая лишь на время летне-дачного сезона. Засвиде-тельствую, что в советские годы научные дискуссии не только подвергались цензурному контролю, но и были, как правило, идеологически помпезными. А действи-тельно научные форумы оказывались весьма редким событием.

Итак, есть кризис, но есть и поиск. Впрочем, при-знаем его важную особенность: сегодня можно гово-рить о «широте разбега», но затруднительно — о «высо-те полета».

Вернемся к самому идентификационному кризису. Существует ли из него выход и в чем он состоит? Логи-ка и философия (а первая — составная часть второй) показывают, что выход есть. Говоря точнее, при фор-мальном подходе можно выделить четыре варианта ре-шения, но лишь один из них представляется приемле-мым и эффективным.

Вариант №1. Назовем его: СССР умер, да здрав-ствует новый СССР! Часть людей считает, что нынеш-няя Россия выйдет из хаоса, став новым изданием, уменьшенным, но улучшенным и исправленным, Со-

ветского Союза. Есть всем известная партия — КПРФ, есть и 20% избирателей, которые ее поддерживают. Этот вариант можно прокомментировать русской пословицей «Все кузни исходил, да не кован воротился!».

Вариант №2. «Дан приказ ему — на Запад!» Новая Россия может отказаться как от советского, так и от досоветского прошлого, объявляя свою историю сплошным набором заблуждений. При таком подходе все предлагается начать с нуля, ориентируясь в основном на западные образцы. Подобный проект, по радикальности отказа напоминаящий события 1917 года, рассматривается обществом как все менее привлекательный. Между тем партия СПС пока существует, и какая-то мизерная часть избирателей готова ее поддерживать.

Вариант №3. Преемство. Новая Россия может попытаться самовоссоединиться с тысячелетней (дооктябрьской) Россией. Речь идет о том, чтобы продолжить свою историческую логику и вписать ее в современность, разумеется, с учетом того, что произошло за 70 советских лет в стране и вне ее. Повторю, речь

Поланский снова снимает

На студии «Бабельсберг» в Германии Роман Поланский запускает фильм «Пианист» — мастер ужасов вернулся в Польшу, чтобы вслед за Спилбергом отдать дань памяти: его отец провел четыре года в концлагере, а мать погибла в Аушвице. Поланский расскажет о Владиславе Шпильмане, пианисте. Когда немцы разбомбили варшавское радио, он в прямом эфире играл Шопена. Его бросили в варшавское гетто, друзья помогли ему спрыгнуть с поезда, идущего в лагерь смерти, после долгих мытарств его укрыл и спас немецкий офицер, который тоже до войны был пианистом. В 1945-м Польша была освобождена, и варшавское радио возобновило передачи тем самым ноктюрном Шопена, который был прерван шесть лет назад.

Валерий КУЗНЕЦОВ

«Известия».
17 февраля 2001 г.

идет не о возвращении в прошлое, в XIX век, а о встраивании прошлого, о его продолжении и вписывании в современность. Воссоединение с собой не означает замкнутости и закрытости. Историческая Россия всегда была страной открытой, возвращение к себе означает для нас и возвращение в Европу. Но принципиальное отличие этой концепции от 2-го варианта в том, что западный и любой иной опыт предлагается прививать на свою основу, а не наоборот.

Мы хорошо понимаем, что СССР был отгорожен от внешнего мира «железным занавесом», и этот занавес теперь поднят. Хуже осознано то, что Советский Союз был отделен от исторической России **красным фундаментом** и этот фундамент нам во многом еще предстоит разбирать. Восстановление российскости, соединение с прошлым, перерезанным коммунистическим бронепоездом, не может быть делом легким и простым. Дополнительный драматизм порождает то обстоятельство, что в истории за ошибки одних поколений платить, как правило, приходится другим. И еще одно грустное уточнение: далеко не со всем, что отрицалось семьдесят лет, соединиться вообще возможно. Многие утрачено навсегда.

А вот то, что восстановленную историю продолжить можно и как это сделать, составляет предмет дальнейших рассуждений. Стоящие на таких позициях партии и политические группы сегодня малозаметны, зато пре-емство — это новое научное направление, новая гуманитарная школа, которая возникла у нас в последнее десятилетие. Многие юристы, историки, культурологи, религиоведы, философы разрабатывают теперь конкретные алгоритмы такого самовоссоединения. В 20-е годы русская гуманитарная мысль объединилась в эмиграции, создав оригинальное научное направление — *евразийство*. Школа евразийства, хотя и просуществовала недолго, внесла вклад в наше гуманитарное наследие. Те-

перь о себе заявляют подвижники второй гуманитарной традиции, сторонники преемства, в число которых входит и автор этой книги.

Вариант №4. Винегрет. Еще один способ восстановления идентичности — это попытка двигаться во всех вышеуказанных направлениях одновременно. Но если западное и российское сочетать можно и нужно, то западное и советское, как и российское и советское, вообще не сочетаются, между ними — революция и Гражданская война. Пусть многие уже свыклись с тем, что флаг у нас российский, а гимн советский (впрочем, этот гимн граждане, как и руководители государства, не поют), что тело Ленина в Мавзолее, а останки расстрелянного его властью Николая II — в Петропавловке, что мемориальная доска Андропову восстановлена тогда же, когда награждался А.И. Солженицын, лишенный Андроповым родины. (И А.И.Солженицын получать награду отказался.) Такой подход возможен лишь как кратковременный паллиатив, полумера. В длительной перспективе он разрушает всякие правила и делает все возможным. Он снимает какую-либо ответственность, ибо узаконивает взаимоисключающие, несовместимые, т.е. любые, нормы и правила. Жить без смеха, хотя и горького, под лозунгом Ивана Чонкина «Добро пожаловать немецко-фашистским оккупантам» невозможно.

Сделаем небольшое и необязательное для торопливых читателей математическое пояснение по поводу проделанной классификации. Фактически она исчерпывает все существующие возможности, хотя формально-логически описано не все. Если нынешняя Россия, обозначим ее как R-3, так или иначе соотносится с не-Россией — R-0, исторической Россией — R-1 и Россией советской R-2, то возможные варианты выхода из кризиса математически необходимо обозначить следующим образом.

Вариант 1. $R-3 \leftarrow R-2$ (нынешняя Россия порождается СССР).

Вариант 2. $R-3 \leftarrow R-0$ (т.е. нынешняя Россия порождается не-Россией).

Вариант 3. $R-3 \leftarrow R-1$ (нынешнюю Россию порождает историческая Россия, формула преемства).

Вариант 4. $R-3 \leftarrow (R-0 + R-1 + R-2)$ (нынешнюю Россию порождают Запад, СССР и историческая Россия).

Неполнота и условность перечня состоят в том, что в варианте 1 в качестве $R-0$ может быть не только Запад, но и Восток, и Юг и т. д. Однако на практике подобную ситуацию представить довольно сложно. В варианте 4 может быть меньше слагаемых, но в действительности процесс происходит именно так, как описано в предложенной формуле.

Предлагаемая классификация является достаточно фундаментальной, она затрагивает саму суть, основу происходящих в стране процессов. Поэтому она должна многое прояснять. Существующие у нас политические партии классифицируются по традиции: левые, правые, центр. Но такое деление ничего не объясняет. К примеру, КПРФ с ее элементами национализма — это налево или направо? А СПСовцы с их безмерным либерализмом — правые или левые? О каком центризме бывшего «Нашего дома» и нынешних единороссов можно говорить, если они вообще отказываются от какого-либо идеологического позиционирования и утверждают тем самым всеядность? Правильное структурирование политического пространства на просоветское, прозападное, пророссийское и «всеядное» помогло бы избирателям принимать внутренне обоснованное решение в период выборов. Общество и наши СМИ не устраивали бы дискуссии вокруг политических ярлыков, скрывающих, а не проясняющих реальный смысл происходящего.

Данная классификация задает и определяет также логику наших последующих рассуждений. Для того чтобы выявить содержание возрожденной, вписанной в современность российской идеи, нам потребуется сначала определить: какой была система ценностей исторической России, как формировалась и что представляла собой русская идея, каково ее содержание, в чем заключался ее кризис на рубеже XIX—XX веков?

Затем надо будет определить: какова система ценностей Советского государства, ответить на вопрос: почему на смену русской идее пришли коммунистическая идея и коммунистическая идеология, что они собой представляли, могут ли они быть восстановлены и использованы далее или нет и почему?

После этого мы получим достаточно оснований, чтобы сформулировать ответ на главный вопрос — об идентичности, об основных ценностях современной России.

О МЕТОДЕ ИДЕЙНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО АНАЛИЗА

Итак, мы сформулировали ключевую задачу и определили стратегию ее разрешения. Но прежде чем отправиться в путь, необходимо сориентироваться в последнем из предварительных вопросов: какую методологию следует использовать для достижения поставленной цели? Проблема метода является одной из самых актуальных в отечественной гуманитарной науке и в философии в целом, ибо на сегодня сколько-нибудь отработанного и признанного метода научного поиска нет, а без четкой методологии никакой научный анализ вообще невозможен. Исследование без метода порождает несовместимый с наукой субъективизм.

А) Какая методология использовалась недавно?

Говоря о российском идентификационном кризисе начала XX века, мы уже показали, что это был прежде всего кризис главной ценностной системы — христианства, православной веры. Распад Советского государства также был результатом деградации его ключевого учения — марксизма-ленинизма. В основе социальной доктрины ленинизма лежит концепция и методология классовой борьбы, порождающей прогресс и переход от одной общественно-экономической формации к другой. Иначе говоря, все социальные изменения советские идеологи описывали в терминах смены формаций (рабовладение, капитализм, коммунизм), эти изменения в конечном итоге объявлялись следствием антагонистической борьбы классов. Поясню рассматриваемую проблему через простую аналогию: если вы хотите измерить площадь собственной квартиры и понять, больше она или меньше той, что была раньше, вы берете метр и измеряете им каждую комнату. Таким метром марксизма-ленинизма были объявлены классы и отношения между ними. Чтобы понять, в каком направлении движется то или иное общество, государство, человечество в целом, требовалось выявить, из каких классов оно состоит и в какие отношения эти классы вступают. В этом, говоря кратко, и состояла основа марксистско-ленинской социальной методологии.

Между тем кризис советского ленинизма был также кризисом его методологии. Хотя анализ социальных отношений, социальных конфликтов, выявление конфигурации различных общественных групп, слоев, страт, классов — дело весьма полезное для составления социального прогноза, сегодня о классовой борьбе пишет лишь совсем небольшая группа исследователей. Моральный износ, амортизация и исчерпанность дискредитированного практикой учения, точнее, —

к этой теме еще предстоит вернуться, — его *советско-соцстрановской версии*, лишили наследников марксистско-ленинского общественнознания какой бы то ни было методологии. История, этот многоопытный хирург, бескорыстно помогла плохим танцорам из политбюро.

Сложившаяся ситуация породила, да, да, опять этот самый пресловутый кризис постсоветского обществоведения. (А где кризис — там, как уже говорилось, и новый шанс, а значит, дискуссия, полемика и споры.) Но по сей день гуманитарная наука не нашла свои методы и до сих пор не может представить убедительную картину настоящего, его вразумительную ретроспекцию и проекцию на будущее.

Б) Чем заняты наши гуманитарии?

Вообще стоит хотя бы кратко рассказать о состоянии нашей гуманитарной науки, поскольку ее потенциал — это важная часть ресурса, необходимого для выхода из кризиса. В прежние времена, когда «чистота» идеологии требовала от властей тщательно следить и управлять процессами на идеологическом фронте, встречи руководителей партии с учеными-обществоведами проходили регулярно. Сейчас высшее руководство начало проявлять интерес к представителям технических, естественных, точных наук, но никак не к гуманитариям.

В самой же общественной науке можно заметить несколько характерных тенденций. Часть ученых стоит, по существу, на прежних, марксистско-ленинских позициях и выглядит безнадежно устаревшей. Их подход правильнее было бы называть не марксизмом, а абстрактным, оторванным от жизни схоластическим умствованием. Глубинная несостоятельность советской общественной науки вытекает уже из того, что ни один советский академик не предсказал распад государства. При этом, узнав о случившемся, ни один из них не

разрыдался и не сдал свои академические документы. Напротив, некоторые по сей день продолжают охотно рассказывать о серьезных философских успехах, достигнутых в СССР.

Одна из важнейших особенностей общественной науки в СССР связана с тем, что философию, с одной стороны, невозможно было просто отменить, запретить или превратить в «эсэсэсэровский» вариант идей Мао или Ким Ир Сена, — слишком великим культурным наследием обладала страна. В то же время дать гуманитариям право на свободный интеллектуальный поиск было просто невыносимо. Ведь мощь свободной социальной мысли огромна. Как заметил еще В. Гюго, «можно сопротивляться вторжению армий, вторжению идей сопротивляться невозможно». Выход номенклатура нашла в том, чтобы выхолостить все социальное знание, т.е. сделать его с виду заумным, а по существу абсолютно пустым и оторванным от жизни. Советские книги по философии — это туманные рассуждения ни о чем. И хотя уже второе десятилетие такие запреты сняты, из некоторых голов они не ушли и, как видно, никогда не уйдут. Оторванные от действительности пустопорожние умствования и сегодня встречаются в гуманитарной среде. Признаюсь, намерение помещать время от времени на полях книги вырезки из газетных материалов, служащих своеобразным резонатором рассуждениям внутри текста, — это и вызов схоластам, и попытка показать: то, о чем говорится в книге, прямо вытекает из сегодняшних событий и тесно с ними переплетается.

Другая часть ученых, вырвавшихся из оков единственно верного учения, тут же попала в объятия новомодных западных веяний и растворилась в потоке постмодернизма. Последний уже породил разочарование у себя на родине, ибо обосновывает деструктивное и бесплодное отрицание всяких ценностей, порождает релятивизм норм и правил. Постмодерн не пригоден для

нас, поскольку специфичность российской ситуации признается всеми. Думаю, что это ветреное увлечение скоро пройдет, хотя время, потраченное впустую, уже никто не вернет.

Отдельная группа наших гуманитариев ушла в политтехнологии, политконсалтинг и обслуживает интересы различных властно-политических группировок. Здесь работают специалисты очень разного уровня, но прямая ангажированность в политические отношения обычно мешает давать объективный и беспристрастный анализ.

Нельзя не упомянуть целый ряд серьезных исследователей новой волны, которые основательно изучают процессы, происходящие в различных «секторах» социального пространства. Я просто не в состоянии назвать все имена, но с удовольствием упомяну тех, с чьими работами сталкивался и от кого узнал много нового. В частности, о ситуации в области демографии (В. Тишков), об исследовании так называемой политической элиты (О. Крыштановская), о проблемах коррупции (Г. Сатаров), о состоянии общественного мнения (Ю. Левада, Е. Башкирова), о социальных изменениях в конкретных сферах (М. Горшков), о российском социально-политическом процессе (в работах недавно ушедшего от нас А. Панарина) и др. Добавлю, что поколение ученых, получивших образование в новой России, еще только набирает высоту. Что до региональной науки, то она, к огромному сожалению, недостаточно знакома в столицах и оттого пока в недостаточной мере влияет на идущий научный поиск.

Если вернуться от частных гуманитарных изысканий на общефилософский уровень, придется повторить, что здесь еще очень многое предстоит сделать. Тем более что философский анализ происходящих в стране процессов чрезвычайно актуален и востребован. В состав Российской академии наук входят институты Ев-

ропы, Африки, США и Канады, востоковедения, Дальнего Востока, Латинской Америки и даже институт Арктики и Антарктики. И все это очень здорово. Плохо только, что института России в России нет. Такой институт нужен, так сказать, не «до кучи», а потому что самих себя мы понимаем много хуже, чем других. Странное отношение к собственной стране проявляется, в частности, в том, что возникшие в последние годы или возвращенные из прошлого термины «россиеведение», «философия России» и другие не включаются в широкий научный оборот. Книги на эту тему даже не могут быть правильно выставлены в книжных магазинах и размещены в каталогах библиотек, где отсутствует соответствующий раздел и представлена лишь рубрика «россика», т.е. зарубежное россиеведение.

В) О методологии западных социальных исследователей

Но вернемся к проблеме методологии, от которой мы несколько отступили. Если старая научная методология себя изжила, а новая у нас не появилась, может быть, необходимые научные ответы можно найти за рубежом? Пожалуй, самым «раскрученным» западным именем сейчас является американский социальный философ Самюэль Хантингтон. Его работа «Столкновение цивилизаций» переведена на многие языки, в частности на русский. Хантингтон рассматривает разворачивающуюся историю как сферу *межцивилизационных* отношений. Надо признать, что автору принадлежит ряд интересных наблюдений и убедительных рекомендаций, но он так и не сформулировал дефиницию ключевого термина (*цивилизация*), поэтому в самой книге ответ на вопрос — сколько же цивилизаций существует — в разных местах различен.

В западной социальной мысли практикуются и некоторые другие методологии и классификации. Полез-

ным было выделение индустриального и постиндустриального, иначе — информационного, общества, пишут о традиционных и современных обществах, о демократиях и тоталитарных системах. Каждый из этих методов позволяет увидеть нечто новое, не фиксируемое иными системами отсчета. Между тем заранее известно, что сложность разворачивающейся истории безгранична, сколько за ней ни подсматривай, раньше или позже опять увидишь что-то новое.

Г) Преемство: методология у нас есть!

В контексте всего сказанного все-таки несколько странным представляется пренебрежение тем наследием, которое находится буквально рядом с нами. Ведь когда Ф. Достоевский и В. Соловьев, И. Ильин и Н. Бердяев писали о **русской идее**, они стремились понять намечавшиеся и произошедшие в России трансформации через анализ ее ключевых ценностей и **идей**. Скажу больше, зачатки такого метода в определенном смысле можно найти много раньше, уже у философов Древней Греции. Еще в античности Платон утверждал, что изначально существуют не телесные образования, а их эйдосы или вечные идеи, которые порождают все многообразие преходящих материальных объектов и процессов. Если не слишком строго перевести этот принцип на повседневный язык, можно сказать — сначала замысел, а потом его воплощение. Если «идеи правят миром», то метод, зародившийся в античности и продолженный русской философией, пора наконец опробовать и применить для понимания конкретных социальных процессов. Поэтому в следующих частях книги мы будем изучать Россию не столько через ее классы и сословия, не через ее отношения с другими цивилизациями, но через выяснение того, как и почему формировались ее ключевые идеи, какими они были, как и почему они

сменяли друг друга. Анализ общества через выявление и изучение порожденной им и порождающей его идеи, через исследование вырастающей из этой идеи идентичности и следует назвать **методом идейно-идентификационного анализа**. Ну а **философия России** — это изучение ключевых идей, формировавших наше общество и наше государство.

ЧАСТЬ II

ЧТО ТАКОЕ РУССКАЯ ИДЕЯ?

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ

Нам предстоит ответить на вопросы:

Почему образ исторической России искажен и мифологизирован?

Как избавиться от ложных мифов?

Каковы методы выявления объективного содержания русской идеи?

Отечественная история как источник представлений о русской идее; можно ли ее по-новому структурировать?

Можно ли использовать фольклор как источник представлений о русской идее?

Что такое контент-анализ пословиц?

Каков поэтический портрет России?

Что писали отечественные мыслители о русской идее?

Что в «сухом остатке» — каково реальное содержание русской идеи?

В чем заключался кризис русской идеи конца XIX — начала XX века?

Уважение к минувшему — вот черта, отделяющая образованность от дикости.

А.С. Пушкин

Вынесенный в название части вопрос некоторым читателям может показаться странным. Ведь говорили уже про Соловьева, Ильина, Бердяева, упоминали целые книги о русской идее. Зачем опять разбирать то, что давно известно? На самом деле ситуация в этой области социальных исследований достаточно необычная. Разговор о русской идее идет более ста лет, само это понятие давно вошло в лексикон и постоянно повторяется, однако общепринятого или разделяемого какой-то частью исследователей толкования интересующего нас термина до сих пор не существует. Загадки возможны не только в физике, где представление об атоме зародилось в V веке до нашей эры, а сам атом исследователи увидели только в XX веке нашей эры. Загадки возможны и в социальной науке, и нам предстоит их разгадать.

Но прежде чем начать поиск ответа на главный в этой части книги вопрос, надо хотя бы кратко представить образ нашей страны, каким он был на рубеже XIX—XX столетий. Здесь мы опять сталкиваемся с более чем странным парадоксом. Советская идеология и ее штатные политобозреватели формировали крайне негативное представление о западном, капиталистическом мире. Казалось, что у всяких Жуковых, Зориных и Фесуненко просто в зубах навязли изо дня в день повторяемые перлы про умирающий, гнивающий, паразитический строй, про бесчеловечную эксплуатацию, про капиталистические джунгли и свободу лишь для денежного мешка. Но чем больше эта мутная пена извергалась, тем глубже в общественном мнении укоренялось убеждение, что Запад — это настоящий рай. Контрпродуктивность коммунистической пропаганды

была невероятной. Потребовались годы, чтобы в обществе начала вырисовываться более сбалансированная оценка, чтобы многим стало понятно: Запад — это вовсе не рай, но, конечно, и не ад.

Иначе случилось с образом исторической России. Коммунистическая пропаганда именовала ее исключительно *убогой, забитой, лапотной, бесправной, невежественной* и т.д. и т.п. Все это очернение сливалось в супернегатив «**царская Россия**». Но, как ни странно, эта мифологема была обществом усвоена, хоть и сказано: *не единожды солгавшему — кто поверит?* Изуродованная картина собственного прошлого оказалась гораздо более живучей, разделяемой, увы, и по сей день многими политиками, простыми гражданами и даже учеными-гуманитариями. Может быть, все потому, что на Запад теперь съездить просто, а в собственную историю отправиться сложнее? «Железный занавес», отделивший нас от внешнего мира, давно поднят, а красный фундамент, оторвавший Советское государство от тысячелетней России, до сих пор толком не демонтирован. Пересечь географическое пространство проще, чем преодолеть историческое время.

И вот теперь, чтобы восстановить и представить образ исторической России, нам необходимо сделать два взаимодополняющих шага. Сначала расскажем о том, чем Россия не была, а потом — что было на самом деле.

ИЗБАВИМСЯ ОТ ЛОЖНЫХ МИФОВ И ВЫЯСНИМ, КАКОЮ РОССИЯ НЕ БЫЛА

Начнем с мифов, которые сохраняются по сей день и от которых пора освободиться. То, что в нашей стране люди имеют чрезмерное пристрастие к хмельному, известно всем. Ведь еще Владимир-креститель бросил: «Веселие Руси питие есть» и потому отказал-

ся обращать народ в ислам. И правильно сделал. Разве можно прибегать к спиртному в тех жарких краях, где проживает большинство мусульман? Но и в нашей полосе, где зима крепкая, настоящая, отрицать спиртное было бы неразумно. Между тем алкогольный сюжет окажется более точным и определенным, если придать ему хоть немного исторической и фактологической достоверности. Сколько же пили на Руси? Напомню, что крепкие напитки появились со времен Петра, они проникли к нам с Запада. С началом Первой мировой, в 1914 году, в стране был введен сухой закон, и, как ни странно, он достаточно строго соблюдался. С его отмены начиналась власть большевиков, но это уже совсем другая история. Знаток русской жизни писатель Василий Белов, сравнивая то, что стало, с тем, что было, как-то заметил — если раньше на всю деревню был один пьяница — это считалось много, если теперь на всю деревню один трезвенник — это тоже считается много.

Сравним несколько цифр. В статистике принят такой длинно звучащий показатель — среднестатистическое потребление алкоголя в пересчете на чистый спирт за год. В 1913 году он у нас равнялся 4,7 литра, в остальной Европе он тогда дошел до 5,0 литра. В 1910 году Россия была одной из самых трезвых стран, занимая 60—70-е место в мире по потреблению алкоголя. Совершенно другая картина зафиксирована в конце прошедшего десятилетия: тот же показатель составил 9,0 литра, и он продолжает расти. (Некоторые российские источники указывают цифру **11,3 литра** в 1980 году.) Как принято говорить в таких случаях, комментарии излишни. Можно совершенно точно и справедливо заявить: в советское время происходило организованное властями сознательное спаивание людей, которое дополнялось распространением мифа о вечном русском пьянстве.

Социально-психологической нормой для любого народа является ситуация, когда он изображает себя в искусстве, фольклоре, культуре сугубо положительно. При этом каждый приписывает себе какую-то изюминку, которой лишены другие. Можно быть спокойными за французов, потому что они уверены: французские женщины — самые красивые (русских девушек они пока не видели, ну да бог с ними). Немцы убеждены, что они самые точные и аккуратные, — тоже неплохо (на подмосковных и подпитерских шести сотках они не бывали и не видели, как горожане обрабатывают здесь каждый сантиметр, как кормятся с этих крох целый год, потому как нет здесь ни милиции, ни налоговой инспекции).

Через какие же стрессы и катаклизмы должны были мы пройти, чтобы начать повторять про самих себя угрюмое и безнадежное про «дураков и дороги» и не менее бессмысленное о том, что «там лучше — где нас нет». Нет, дорогие мои, Николай Васильевич Гоголь никогда этого не писал! Нашлись люди неленивые, перечитали все восемь томов сочинений. Проверено. Знать и помнить стоит совсем другое. Уже в XVIII веке передвижение по нашей стране считалось самым быстрым в Европе, через каждые 30 километров пути были оборудованы ямщицкие станции. Порядок на них власти тщательно поддерживали, путник всегда мог пересест в новый экипаж и продолжить путешествие. «Какой же русский не любит быстрой езды» — вот это действительно слова Гоголя.

Эту тему можно продолжить, напомнив, что в начале прошлого века наша страна прославилась как раз прокладкой самого большого в мире количества железных дорог. Вторую магистраль, подобную Транссибу, — широтную, через всю Азию — никто не соорудил до сих пор. Как и памятник ее идейному отцу — Сергею Юльевичу Витте, министру путей сообщения,

а потом и первому председателю русского правительства, тоже пока не поставили.

А цитировать Гоголя, конечно, стоит. Например, его письмо «Нужно проездиться по России»: «Нет выше званья, как монашеское. Очнитесь! Монастырь наш Россия» (см.: *Гоголь Н.В. Собр. соч.*: В 7 т. М., 1986. Т. 6. С. 254—262). Или еще точнее — наш храм Россия.

О том, что на Руси воруют, со слов Николая Михайловича Карамзина известно каждому. Но и это суждение невозможно превратить в абсолютный императив. Не составит труда привести изрядное количество примеров, опровергающих этот миф. Известно, что когда умер московский царь Иван III, все оставшееся после него имущество уместилось в одном небольшом сундуке. Борис Годунов, вступая на царство, обещал, что нищих в Москве не останется. Чтобы слово сдержать, он раздавал им собственные деньги. Николай I, узнав, что Пушкин оказался в сложном материальном положении, не стал изобретать «государственные премии», а дал ему свои собственные 25 тысяч рублей. Спустя два года после выхода в отставку уже упоминавшийся первый российский премьер С.Ю. Витте обратился к императору с просьбой об оказании материальной помощи. Конечно, вряд ли его примеру последует В.С. Черномырдин, который после первого ухода с должности председателя правительства приобрел, как сообщали газеты, антикварный автомобиль за 100 000 долларов, но ведь это совсем другие времена. Приведу еще один сюжет. В канун Февральской революции оппозиционная пресса активно распространяла слухи о том, что царское правительство глубоко коррумпировано. Поэтому вслед за отречением императора была создана правительственная комиссия для выявления всех случаев хищения и злоупотребления. Проработав полгода и перерыв весь архив, контролеры представили свое заключение — ни одного серьезного финансового нарушения обнаружено не было! Понят-

но, что в нынешней ситуации, когда размеры совокупно получаемых чиновниками взяток соизмеримы с размером госбюджета, миф о вечной российской коррумпированности оказался очень востребованным.

Вариацией мифа о воровстве стала другая забавная сказка — про чиновников. Так уж у нас повелось считать, что здесь всегда столоначальникам не только жилось вольготно, но и было их немерено. И нынче мы просто расплачиваемся за ошибки прошлого. Чтобы не терять понапрасну время, назову сразу цифры, которые имеются в работах историков и политологов. В период с середины XIX до начала XX века в России чиновников на 1000 жителей было **в три-четыре раза меньше**, чем в Германии, Франции и ряде других европейских стран. Кстати, термин «Западная Европа» стал повторяющейся политологической категорией только после образования СССР. До этого про восток и запад континента говорили не чаще, чем об его юге и севере. Даже авторы «Коммунистического манифеста», отправившие свой призрак бродить по Европе, не стали уточнять, предпочтет ли он ее западную или восточную половину.

Следующий пример устойчивого мифотворчества — регулярно повторяемый тезис о рабской покорности русских людей. Да, с Пушкиным не поспоришь, народ в его драме действительно *безмолвствовал*. И как же мог Сталин, поднимая тост в победном 45-м, не отметить особое терпение русского народа?! Спустя 30 лет очередной генсек, Брежнев, «написавший» серию мемуаров, в разделе, названном его помощниками «Возрождение», опять говорит о той же народной терпеливости.

И все-таки хочется спросить, если Россия была столь покорной, кто такие Емельян Пугачев и Стенька Разин, Кондратий Булавин и Иван Болотников? Как

этот тихий и робкий народ устроил три революции, Гражданскую войну, власовское движение? Конечно, нелепо рассматривать историю страны как непрерывную цепь бунтов и восстаний. Да для такого противодействия просто не было причин, но когда они возникали, за словом в карман никто не лез, и не только за словом. Потому и вынуждена была тоталитарная власть уничтожать наших соотечественников миллионами.

А как же с Пушкиным? Классика надо просто чаще перечитывать. Трагедия «Борис Годунов» заканчивается следующим фрагментом: на крыльцо выходит знатный вельможа Мосальский, который кричит:

«Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует» (Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. М., 1998. С. 447).

Молчание народа в «Борисе Годунове» — это форма протеста. В советские годы А. Солженицын призывал, по существу, к тому же — не хлопайте, не аплодируйте. Но здесь большинство действительно не стеснялось и хлопало. Другие времена! Был и тургеневский Герасим, молча выполнявший поручения барыни, но были и народные песни о «нашем атамане», с которым «не приходится тужить». Ни в каком народе все не бывают вожаками. Но не следует отдельные эпизоды превращать в универсальную матрицу, записывать всех поголовно в безмолвствующих рабов, хотя это и удобно для правящего слоя.

А сколько написано про нашу особо жестокую, кровавую историю, про якобы человеческое бесправие, хотя не было в дооктябрьской Руси ни крестовых походов, ни инквизиции. Подробней эту легенду развеивает другой автор, тоже занимавшийся проблемой мифов.

Его книгу еще можно встретить на книжных развалах (см.: *Горянин А.* Мифы о России и дух нации. М., 2002).

Итак, надеюсь, мы пришли к согласию и не будем объявлять Россию самой пьющей, ворующей и рабской страной. Мы очень бегло показали, какой Россия не была, но, прежде чем выяснить, какой она была, надо сказать еще об одном глубоко укоренившемся стереотипе. О крепостничестве. Это, видимо, самое отвратительное пятно на историческом облике страны (ведь ГУЛАГа тогда и в помине не было).

Конечно, крепостное право у нас было, и дело здесь уже не в цитатах из классиков. Однако и эта тема скрыта под множеством наслоений, от которых пора освободиться. Откуда вообще берется негативная оценка крепостного права? Известно откуда, она содержится в русской литературе и публицистике середины XIX века. Но уже здесь нужны уточнения. Можем ли мы без всяких коррективов вписывать в сегодняшний контекст оценки, данные в другое время? Правление русских царей большевики назвали игом. Но если давать ему такую характеристику, нельзя не видеть, что «по сравнению с игом русских коммунистов оно было легче пуха», пишет Дмитрий Мережковский (см.: *Мережковский Д.* Тайна русской революции. М., 1998. С. 11—12). Иначе говоря, если мы берем некую оценку явления, данную ему в одной социальной системе, и повторяем ее, находясь в совершенно иной социальной системе, мы заведомо совершаем ошибку!

Вернемся к проблеме крепостничества. Во-первых, подчеркнем, что крепостной — это никак не раб. По существовавшим в XVIII—XIX веках нормам крепостные должны были 3—4 дня в неделю работать на помещика. (Боюсь, что сегодня уровень эксплуатации у нас будет повыше, и это является реальной, а не выдуманной проблемой.) Остальное время принадлежало им самим. Крестьяне имели свои семьи и свои дома. Само по себе зак-

репощение не было какой-то глупостью или необдуман-ным произволом. Офицерский корпус русской армии состоял из дворянства, и, значит, кто-то это дворян-ство должен был кормить! Учтем, что и в других евро-пейских странах также практиковалось крепостное пра-во. Когда в 1861 году великий реформатор Александр II издал свой манифест, доля крепостных в разных губер-ниях сильно разнилась, но относительно всего населе-ния она составляла 28%. Многие из них пребывали в нор-мальных отношениях с хозяевами и не собирались нику-да от них уходить. Кстати, рабство в Америке было отменено на два года позже, чем у нас крепостничество. Для того чтобы лучше представлять положение с граж-данскими правами в Европе столетие назад, надо учи-тывать, что, к примеру, телесные наказания практико-вались тогда на всем континенте, еще в начале XX века берлинский полицейский мог публично палками отлу-пить нарушителя порядка. А английских школьников учи-теля могут легально отшлепать и сегодня.

Разочарую и тех, кого воспитывали на страшилке про Салтычиху. Причины и последствия действий Дарьи Ива-новны Салтыковой были не так давно выявлены истори-ком-архивистом Яковом Белецким. В молодости Дарья была влюблена, но однажды застала своего возлюбленного с дворовой девкой. После этого потрясения она долго ле-чилась, однако рассудок женщины помутился, а характер крайне ожесточился. В отношении крепостных Дарья про-являла невиданную жестокость: суд признал за ней 10 убийств. Власти вмешались в происходившее, как толь-ко одному крепостному удалось бежать от хозяйки и доб-раться до полицейского участка. Зимой 1768 года в центре Москвы Салтыкова была привязана к позорному столбу, а затем, по решению суда, лишена всех имений, титулов, фамилии и пожизненно заключена в монастырь. Вопрос о том, было ли типичным поведение Салтыковой для все-го дворянства, становится, надеюсь, риторическим.

Характерно, что устрашающие истории о крепостном праве создавались и поддерживались советской пропагандой. Ведь на таком фоне скромные успехи колхозного строя выглядели не столь удручающе. Было бы, конечно, неверным утверждать, что в исторической России все функционировало прекрасно. Например, тяжелой ношей для общества было существование рекрутчины, т.е. фактически пожизненный (на 25 лет или до серьезного ранения) призыв в армию. Молодые парни, принимая воинскую повинность, вынуждены были оставаться без семьи и без дома. «Наши жены — пушки заряжены», — поется в известной песне. Но эта тема советской пропагандой никогда не обсуждалась, видимо, реалии Советской Армии приводили к выводу, что лучше ее вообще не затрагивать.

Мы коснулись лишь нескольких донныне сохраняющихся лжесказок о собственной стране. Задумаемся над тем, почему они появились и кому были нужны? Поскольку дела в Советском Союзе шли не особенно ладно, следовало отыскать подходящего стрелочника. На эту роль неплохо подходила дооктябрьская Россия (были и другие без вины виноватые, но об этом позже). Историческая Россия изображалась настолько падшей, что ее преобразователи автоматически становились гигантами. Эта идеологическая линия выдерживалась на протяжении всех семи советских десятилетий. Вспомним интермедии самого яркого и растиражированного сатирика советских времен Аркадия Райкина. О каких только проблемах он не умудрялся говорить, какие просчеты не изобличал! Но общий пафос его интермедий прозрачен и ясен. Нет, не генсек, не политбюро, не власть и не КПСС во всем виноваты. Мы сами такие, народ у нас убогий, страна у нас ненормальная, и с этим (здесь главное) ничего поделывать нельзя! Так формировались важнейшие советско-постсоветские мифы: **у нас все плохо, и это для нас нормально; от нас ничего не**

зависит; мы ничего никогда не изменим; на долю каждого человека остается лишь молчаливое терпение. Добавлю, что ничего похожего на райкинский юмор в других странах не существует.

Следы этой никчемной традиции легко сохраняются в дне сегодняшнем. Уже в постсоветской России вышла хорошо разрекламированная книга «Почему Россия не Америка». Ее главная идея в следующем. В России среднегодовая температура ниже, чем в других странах, на отопление надо затрачивать сил и средств больше. Поэтому мы обречены на вечное отставание. То есть во всем виноваты не мы, не наши власти, не экономическая конъюнктура, а само мироустройство. Нас приговорили навсегда! Не слабо. Хотя не терпится спросить: а если где-то не сильно холодно, а сильно жарко (американцы расходуют на кондиционирование помещений в три раза больше энергии, чем мы на обогрев) — там тоже, извините за выражение, «кранты»? Или другой вариант: в двух странах одинаково низкая температура, но одна из них — в безводной пустыне, а в землях другой — залежи нефти, газа и золотые россыпи. И что ж — обе пропадут? Спрашивается, а квалификация и профессионализм людей играют какую-то роль? Про достижения лишенной всяких полезных ископаемых Японии и вспоминать как-то излишне.

Создав искажающие мифы, изуродовав образ страны, советская пропаганда отняла у нас Родину. Человек без собственности, человек без Отечества пуст, ему нечего ценить и нечего беречь. Такому человеку не за что держаться, им легко манипулировать. Как известно, разруха начинается не в клозетах, а в головах. Но в головах начинается и подъем. Дело не в отдельных зловредных мифах, их перечень и демистификацию можно было бы продолжить. Нужно вообще избавиться от подобного оскотинного мышления. Если любая кле-

вета постыдна, то клеветать на самих себя — почти безумие. Не пора ли вспомнить, что не так давно наши предки не долдонили про «дураков и дороги», а величали свою страну **святой Русью!**

А КАКОЙ РОССИЯ БЫЛА?

Так что же представляла собой Россия на рубеже XIX—XX столетий? После многих веков непрерывного и весьма успешного собирания земель, выхода к естественным границам расширение своей территории мы приостановили. Начался переход к интенсивному качественному росту. По размеру территории Россия уступала тогда только Британской империи, площадь государства составляла 22,4 млн кв. км (сейчас площадь России около 17,1 млн кв. км). Численность населения к 1914 году составляла 182 млн человек (больше в то время проживало только в двух странах — Китае и Великобритании). С конца XIX века в России происходил огромный прирост населения (по полтора процента ежегодно), и потому за 20 лет правления императора Николая II — с 1894 по 1914 год — оно возросло в полтора раза.

По объему валового производства Россия занимала 3—4-е место в мире, но по темпам экономического роста с 1890 по 1916 год наша страна опередила весь остальной мир, соответствующие годовые показатели колебались между 7 и 11%. Это было время, когда ведущие немецкие философы призывали «учиться у России», а японские фабриканты ставили на своих товарах поддельное клеймо «Сделано в России». Вглядимся в фотографии той поры. Их и сейчас сохранилось немало, поскольку страна была достаточно богатой, и только зародившееся в Европе искусство фотографии было у нас очень популярно. В лицах людей того времени видны здоровье, открытость, радость и очень характерная для наших предшественников удаля.

Первое экономическое чудо XX века происходило не в послевоенной Германии и не в Японии 50-х годов. Вопреки расхожему мнению, оно начиналось в России! Наши просторы и экономические перспективы привлекали множество иностранцев, по числу въезжающих в страну мы вышли на второе место в мире, уступив первое североамериканцам. Россия имела бездефицитный бюджет, крепкий рубль, значительные накопления золотого запаса. Валютный курс рубля сохранял устойчивость, доллар стоил 1 рубль 94 копейки, немецкая марка — 47 копеек. По официальной статистике, в 1913 году среднедушевой доход на одного россиянина был примерно в 2,6 раза ниже, чем в Германии. Но бремя налогов и цены были у нас значительно ниже, и потому разница в реальном уровне жизни была еще меньшей. За прошедшие с начала XX века полтора десятилетия расходы на народное образование увеличились более чем в 5 раз! При этом средств хватало и на то, чтобы, соразмерно меняющейся ситуации, увеличить расходы на армию и флот. Двенадцать лет постсоветских экономических реформ не дали людям почти ничего, в то время как николаевские преобразования 1905—1916 годов — это огромный рывок вперед.

Конституция 1906 года предоставляла гражданам России свободу выбора места жительства и выезда за границу. Загранпаспорт получали на третий день после представления соответствующего заявления, русского паспорта и 10 рублей (цена 10 килограммов сливочного масла). Власть императора и прежде была ограничена, в частности, законом о престолонаследии, исключавшим произвол и субъективизм в процедуре передачи полномочий. В ходе революционных изменений 1905—1907 годов в стране был создан новый выборный орган власти, политическую систему России стали называть *думской* монархией. В стране начал действовать десяток набирающих вес и влияние политических партий. В 1914 году в Москве уже шли подготовительные работы по постройке метро.

В России действовало очень либеральное по тем временам социальное законодательство. Уже с конца XVIII века детский и женский труд жестко ограничивался. Поэтому Трудовой кодекс, отпечатанный у нас на французском и латинском языках для заграницы, был запрещен для обнародования во Франции и Англии как крамольный. После революции 1905 года были узаконены профсоюзы, труд детей до 12 лет запрещался, женщины в ночную смену не работали, рабочий день в целом не мог превышать 10 часов. Неудивительно, что в 1912 году американский президент Тафт заявил российской делегации: «Ваш император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может» (см.: *Бразоль Б.Л.* Царствование императора Николая II 1894—1917 в цифрах и фактах. Приложение к книге Л.А. Тихомирова «Единоличная власть как принцип государственного строения». Нью-Йорк, 1943).

Многоязычное государство, получившее название Империи Всероссийской, объединяло пространство от Вислы и Балтики до Тихого океана, от берегов Северного Ледовитого океана до отрогов Гималаев. На этих территориях проживало большое количество различных этносов. В отношении правительства к иностранцам иногда проявлялись «уклоны» в сторону национализма, но сам русский народ в целом, как пишет замечательный историк, эмигрант первой волны С.Г. Пушкарев, «никогда не страдал болезнью национального самомнения и не рассматривал своих соседей как «низшие расы». Хотя официальная политика двух последних императоров ограничивала использование местных языков, поляки, евреи, немцы, армяне, татары, буряты, монголы и около сотни других народов сохраняли свою религию, язык, обычаи» (см.: *Пушкарев С.Г.* Россия 1801—1917: власть и общество. М., 2001. С. 528). Подобных оценок придержива-

вался не только Пушкарев, они были типичными и для других исследователей России.

Иван Солоневич в известной работе «Народная монархия» отмечает, что все народы, включенные в орбиту государственного строительства, чувствовали себя одинаково — «удобно или неудобно, но так же, как русский народ» (Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 235). Он считает это основной чертой русского государственного строительства. Оказавшись в эмиграции, русские интеллектуалы создали в 20-е годы оригинальное научное направление — евразийство. Представители этой школы также показали, что формирование Российской империи существенно отличалось от того, как формировались другие полиэтнические государства. Скажем, англичане, когда они попадали в Африку или Азию, смотрели на окружающие народы сверху вниз, они уже были сформированы как нация. А жителям Ганы еще предстояло пройти через процесс образования нации. В России русские формировались совместно с другими этносами, здесь шел двусторонний культурный обмен и взаимовлияние, здесь не было деления на высших и низших.

Россия называла себя и фактически была семьей народов, про «тюрьму народов» придумали, конечно же, советские пропагандисты. По сей день можно встретить журналистов и политологов, не знакомых с собственной историей и оттого «мудро» предсказывающих печальную развязку всем империям. Этот прогноз, к счастью, не подходит для России. Между Британской империей и Российской империей общего столько же, сколько между ключевым словом в сочетаниях «милостивый государь» и «государь император». Русские не обирали присоединенные народы, они им помогали.

Однако трудно представить страну начала прошедшего века только по цифрам и политико-статистическим отчетам. Ее надо почувствовать, а для этого хоро-

шо бы включить аудиозапись и услышать голос Федора Ивановича Шаляпина, увидеть картины Третьяковки, полюбоваться красотой старого московского храма, а потом зайти внутрь и увидеть сохранившийся иконостас. Начало века — это действительный духовный взлет. Это музыка великих композиторов, оставшаяся с нами навсегда, это литература с мировым резонансом, это новый балет, новый театр, драматургия, режиссура, актеры. Как легко не замечать того, что рядом, но многие ли народы смогли выразить себя так широко и так глубоко! Поставить рядом можно, пожалуй, лишь древних греков, на философское наследие которых мы опираемся по сей день.

Динамичное, интенсивное развитие страны позволяло делать оптимистические прогнозы. Считалось (расчеты были выполнены до 1914 года и не учитывали приближение Первой мировой войны), что к 1920—1922 годам Россия достигнет всеобщей грамотности (к 1917 году грамотными были 45% всего населения), к 1930 году — выйдет на первое место в мире по уровню внутреннего валового производства. К 1950 году население империи, по прогнозам Д.И. Менделеева, должно было приблизиться к 300 млн человек.

Однако реальный социально-исторический процесс разворачивался иначе. В причинах этого нам еще предстоит разобраться.

КАК ВЫЯВИТЬ СОДЕРЖАНИЕ РУССКОЙ ИДЕИ?

Проанализировав ряд мифов и реалий, мы можем теперь подойти к исследованию главного для нас вопроса — что же такое русская идея. Надо заметить, что толкование у этого термина двоякое. В философии существует устойчивое словосочетание — *спекулятивное рассуждение*. Речь идет о субъективном поиске, осуществляемом кон-

кретным ученым, о его субъективном выводе, сделанном на основании личных наблюдений. Спекулятивные рассуждения оказываются тем интересней, чем значимей личность исследователя, т.е. чем глубже он погружен в проблему и чем выше его интеллектуальные возможности. Мнение о русской идее, высказанное случайным прохожим, тоже являет собой пример спекуляции, но значение такого суждения не будет значимым.

В этой связи надо сказать, что все рассуждения о русской идее отечественных мыслителей начала века носили спекулятивный характер. Это и неудивительно, ведь они *были непосредственными, прямыми участниками процесса, о котором говорили и писали*. Их свидетельства весьма интересны, но никого здесь не должно удивлять отсутствие совпадений. Разные авторы замечали в российском маршруте разное, видели различные его особенности.

Теперь, спустя более 80 лет после падения исторической России, о национальной идее можно и даже необходимо говорить в другом смысле. Если этим термином обозначают фундаментальные *нормы* и правила, которые существуют объективно, независимо от воли и желаний исследователя, то следует поискать соответствующие объективные методы и приемы выявления этих самых *норм*. Сегодня живых носителей норм и правил, которые были в начале прошлого века, остались единицы. Этих стариков эмигрантов и их детей, сохранивших свою культуру, собрать вместе и опросить, по существу, невозможно. Но зато в последние полвека в гуманитарной науке появились прежде неизвестные приемы и методики, которые позволяют обнаружить и раскрыть глубинное содержание текстов, что и поможет нам в поиске и реконструкции российской исторической системы ценностей. Мы вынуждены, по понятным причинам, воспользоваться именно этим путем поиска русской идеи.

Вернемся к вопросу: каким образом можно получить максимально объективный и максимально надежный, достоверный результат? Я предлагаю сделать это, проведя четыре взаимодополняющих и взаимопроверяющих исследования.

Первое. Начнем с обращения к истории страны, она описана и изложена в большом количестве содержательных и общепризнанных трудов. Если сквозь призму философии прочесть и проанализировать эти работы, ставя целью обнаружение и выявление главных системообразующих ценностей и закономерностей нашего прошлого, мы сможем сделать серьезный шаг, приближающий нас к раскрытию объективного содержания русской идеи.

Второе. Другим источником необходимых для нас решений может стать русский фольклор. Пословицы и поговорки собраны и опубликованы. В них заключен столь важный народный опыт, что изначально он даже не нуждался в специальной записи, его передавали из уст в уста. Мимо такого наследия проходить не следует.

Третье. Еще одним важнейшим пластом культуры, доступным для анализа, является, конечно, наша художественная литература. На первый взгляд кажется куда как просто — взял томик Чехова, полистал Толстого — и вся российская система ценностей как на ладони. Но на самом деле провести такое выявление будет очень непросто. Сегодня многие забывают, что направление, сложившееся в нашей литературе в XIX веке, называется *критический реализм*. Писатели, рассказывавшие о нашей жизни, прежде всего рассказывали о наших проблемах. Они не были фотографами реальности, их миссия больше напоминала миссию врача. Найти проблему и исследовать ее, почувствовать чужую боль как свою и рассказать о ней — вот как понималась задача художника. А здоровое и крепкое в таком пристальном внимании не нуждалось. У Чехова вы найдете сто рассказов

о любви, и все они о любви несчастной. Но тот, кто из этого сделает вывод, что на Руси любить не умели, будет совершенно не прав. И уж вовсе станет заблуждаться тот, кто из сатиры Салтыкова-Щедрина будет монтировать документальный портрет своего отечества. Кроме всего прочего, надо напомнить, что Михаил Евграфович был не диссидентом, а вице-губернатором Рязани.

Но если реконструировать образ страны из прозы так сложно, может быть, это удастся сделать, обращаясь к поэтическим текстам? Если взять все стихотворения, в названии которых есть слова «Русь», «Родина», «Отечество», и попытаться построить коллективный поэтический портрет России? Несомненно, таким образом мы сможем получить новый интересный материал для анализа.

Четвертое. Предлагаемые три направления исследований мы дополним сопоставлением с четвертым. Нам предстоит проанализировать и обобщить результаты, которые в рамках уже упоминавшегося спекулятивного поиска получены отечественными философами и писателями, работавшими на рубеже XIX—XX веков. Большинство этих рассуждений собрано профессором М.А. Маслиным в своеобразной хрестоматии, которая так и называется «Русская идея» (издана в Москве в 1992 году). Мы проведем исследование этих высказываний и поразмышляем над ними.

Итак, в путь.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РУССКОЙ ИДЕЕ, ИЛИ В ЧЕМ ЛОГИКА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ?

Приступая к анализу роли истории и исторического знания в нашей стране, надо иметь в виду, что за время советской государственности здесь происходили существенные трансформации. В нормальном обществе

и нормальном государстве обращение к прошлому, знание своей истории является важнейшим основанием при принятии решений о будущем. Завтра рождается из вчера, правильная стратегия опирается на глубокий исторический фундамент. Однако в тоталитарном государстве единственный источник принятия решений — субъективная воля диктатора, значение

Тут ведь еще важна сама возможность превратить в не существующее огромное событие. Оно ему невыгодно — и его как бы не было. То есть я — о безграничности этой власти. Власти делать с историей все, что захочется. Не только со своим народом, но и с историей. Игнорировать ее или пускать по такому руслу, где ее можно превратно изложить. По такому руслу, которое ему кажется выгодным.

«Новая газета».
5—11 марта 2001 г.

исторического знания здесь минимально. Реальная история превращается в малосущественный довесок к «подлинной» истории, началом которой объявляется момент прихода к власти данного правящего слоя. Тот или иной залп «Авроры» отыскивается всегда, а из всего предшествующего выбирается лишь то, что выгодно и подкрепляет официальную мифологию. Остальные знания оказываются избыточными или даже вредными. «В жизни всякое может быть в смысле исторических событий. Но мало ли что было и как было! Важно вспоминать, нарисовать прошлое устно или тем более письменно так, как требуется сейчас, как нужно сейчас для нас. А все, что нам не на пользу, того и не следует вспоминать. А если не придержишься этого, значит, вступаешь во враждебное действие», — объясняет «кагебешник» Едигею в замечательном философском романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» (Роман-газета. 1982. №3 (937). С. 61). Такой подход полностью деформировал, принципиально искажал роль и место исторического знания в общественном сознании. Из сказанного также следует, что с отказом от

тоталитаризма **роль исторического знания в постсоветском государстве должна возрастать**, и она действительно возрастает. Во всяком случае, интерес, спрос на историческую литературу невероятно вырос. Электронные СМИ, учитывая этот интерес, едва ли не на всех телеканалах демонстрируют новые документальные сериалы по истории России или об отдельных значимых ее периодах.

Между тем наше обращение к истории предварим еще одним замечанием. Разные авторы описывают прошлое по-разному, а можно сказать и более жестко — нет двух авторов, которые трактуют историю одинаково. Как к этому относиться, не свидетельствует ли это о субъективизме в науке и не обесцениваются ли тем самым все наши «исторические потуги»? Позиция автора заключается в следующем. История всякой страны многомерна и многозначна, различия в ее трактовках неизбежны. Мы давно привыкли и хорошо понимаем, что литературная, театральная классика может быть прочитана по-разному, нас не удивляет, что в одно и то же время в Москве идет несколько разных постановок чеховского «Вишневого сада», причем можно идти на каждую из них и всякий раз видеть и узнавать что-то новое. Еще более многозначна историческая драма целого государства. Вопрос ее интерпретации, всегда актуальный, оказывается особенно злободневным в период глубоких социальных изменений. Неудивительно, что в бывших республиках СССР, теперь независимых государствах, например в Украине, исторические дискуссии были очень острыми, и в итоге современные трактовки ее прошлого принципиально отличаются от тех, что были приняты каких-то 15 или 20 лет назад.

А как быть с российской историей? Здесь также многое нуждается в переосмыслении. (Но ни в коем случае не в политической «подгонке». Попытка переинтерпретировать норманнскую теорию, предприни-

маемая, по указанию властей, в последнее время некоторыми статусными историками, ведет не к отказу от давно доказанных истин, а к дискредитации «передоказателей».)

Поясню принимаемый здесь подход еще несколькими комментариями. Для меня несомненным является то, что отечественная история, как, впрочем, и любая другая, может трактоваться по-разному. Опираясь на действительные, подлинные факты, можно сделать вывод, что данная страна ужасна, что рассчитывать здесь не на что и оставаться незачем. Как говорил один давний знакомый-эмигрант, русские — это люди, которые совершенно не могут жить в России и уж тем более не могут жить вне России. Возможно и бесконечное количество иных трактовок пройденного пути. Я исхожу из того, что сегодня Россией востребовано патриотическое понимание истории, из того, что оно возможно без каких-либо искажений и сознательных умолчаний. Автор подчеркивает и прямо признает, что через фильтр патриотизма он и будет анализировать события, происходившие в стране и вне ее.

Итак, перед нами все разноцветье российского исторического полотна. Как же его структурировать? Прошлое страны принято классифицировать разными методами. Наверное, нагляднее всего выделение разных периодов и эпох в соответствии с именем руководителя, который в тот или иной период действовал: говорят об эпохе Петра, о временах Екатерины и т.п. Другая классификация связана с чередованием периодов изменений и временем стабильности: пишут о реформах Александра II, о консерватизме Николая I, о брежневском застое и т.п. Часто историю делят на формации (феодализм, капитализм), на традиционное общество и модернизированное. Есть и другие классификации и структурирования.

В этой работе при анализе истории будет представлен новый подход, который позволит сделать новое осмысление прошлого, получить новые выводы, извлечь из него новые уроки. Автор исходит из того, что в отечественной истории можно говорить о **трех фундаментальных эпохах. Первая из них —**

*ЭПОХА ПОИСКА
ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО ЦЕНТРА*

Все начиналось с поиска места, с выбора точки в пространстве, из которой можно уверенно начать созидание государства. Конечно, стремление выбрать место для столицы не было декларированным, программным действием наших предков. Но при анализе происходившего с VIII по XIV век объективный смысл событий с высот сегодняшнего времени просматривается вполне отчетливо.

Двенадцать столетий назад наши предки оставили центр и запад Европы, чтобы отправиться на восток в поисках, по-видимому, более спокойной и безопасной жизни. Придя в менее подходящие в климатическом отношении территории, они, ради отсутствия враждебных соседей, готовы были терпеть гораздо больший холод и справляться с ним. Расселяясь на огромных, почти не освоенных просторах Восточно-Европейской равнины и на берегах Днепра, они встретились со сложностями, преодолеть которые можно было лишь через создание новой, более эффективной формы социальной организации — через создание государства. Пытаясь жить сначала децентрализованно, небольшими независимыми самостоятельными поселениями, восточные славяне вскоре столкнулись с проблемой, порожденной отсутствием единых правил и норм. Разного рода столкновения и трения, возникавшие внутри и между соседями, невозможно было мирно урегулировать.

ровать, так как не существовало никакой третьей силы, никакого механизма для более-менее объективного разрешения конфликта. Каждая из сторон тянула на себя, и это только усложняло ситуацию.

Вскоре стало ясно, что автономно-децентрализованный способ самоорганизации неэффективен. Тогда и началось постепенное создание государства на территориях, которые теперь являются русским северо-западом. Нашей первой столицей стал городок Старая Ладога, возводившийся на берегах реки с характерным названием *Волхов*. С конца XX века в этом районе ведутся археологические раскопки, которые, в частности, выявляют связь и влияние на формирующееся славянское сообщество скандинавских соседей, проживавших западнее и севернее осваиваемых русскими территорий. Некоторые исследователи — Андрей Чернов, Сергей Мирон — высказывают предположение, что попытки принять христианство предпринимались восточными славянами одновременно со становлением их первой столицы, т.е. уже в IX веке. Побывавший в Царьграде-Константинополе и похороненный в сопке на краю Старой Ладоги Вещий Олег в конце своей жизни принял христианство. Его гибель, инспирированная языческими *волхвами*, стала расплатой за попытку крестить Русь. Так или иначе, но столица постепенно перемещается в другой, более перспективный город — расположенный выше по течению Волхова Великий Новгород.

На формирование нашего государства в его начальный период заметное влияние оказали две культуры — скандинавская и греческая. В 862 году наши предки приглашают в Великий Новгород викинга Рюрика, который становится князем — главным руководителем создаваемого государства. Уточним, что роль и функции русских князей в дотатарский период были ограниченными. Жители заключали с ними своеобразный дого-

вор, по которому последние выполняли прежде всего роль военачальников, отвечавших за защиту контролируемых земель. Большинство гражданских, экономических, политических вопросов находилось тогда в ведении вечевого схода. Добавлю, что первый европейский парламент возник фактически одновременно в двух странах — в Исландии в форме альтинга и на Руси — в форме веча.

Но вернемся в Великий Новгород. Когда Рюрик умирал, он передал княжение близкому родственнику Олегу. Ему же он препоручил малого сына своего Игоря. Спустя несколько лет Олег и Игорь добираются по рекам на лодках до Киева. Убив начальников местной дружины, Олег затем садится в городе княжить, и столица перемещается с севера на юг. Киев становится «матерью городов русских», Олег строит их в большом количестве. В домонгольской Руси было основано 300 городов, правда, после свержения ига возродилось меньше половины. Ходившие через эти земли, а точнее, по нашим рекам из варяг в греки викинги называют Русь «Гардарики» — Страной городов. Возглавляли каждый город и объединяемые им земли князья. Все они принадлежали к одной большой семье, к одной правящей династии, они входили в род Рюриковичей.

В 882 году Олег объединил Киев и Новгород в единое государство, причем это слияние, как и последующее расширение земель, имело свою важную особенность. У наших западных соседей объединение происходило в виде альянса племен и народов. Название разных земель в Германии поныне сохраняет отголосок названий этносов. Прусы, саксы, швабы — это изначально имена племен, давших наименования Пруссии, Саксонии и т.д. Российская интеграция не носила этнический характер. Около полутора десятков племен, сформировавших русский народ, за малым исключением, не оставили своих имен в нашей топонимике. Они

слились, создав навсегда великое для нас слово «Русь». Собрание страны происходило не как собрание народов, а как собрание земель. Русский философ Н. Бердяев писал, что «русским чужда мистика расы и крови, но очень близка мистика земли». Эта же мысль высказывалась и другим известным философом русской эмиграции — А.Р. Редлихом. Наше объединение, отмечал он, происходило по принципу — «зов родной земли сильнее голоса крови». (См. об этом также в книге «Отечественноеведение». М., 2004, в разделе 1 «Историософия России», написанном д.пед.н. Е.А. Князевым.) И поныне разные территории называются у нас именами, производными от имен городов: Московия, Псковщина, Вологодщина. Характерно, что в наш язык вошло и сохраняется слово «земляк», не знакомое во многих других языках.

Между тем объединение земель, не знавшее межэтнических барьеров, и сплачивание их единой правящей династией оказывалось недостаточно прочным. Огромные уже по тем временам территории невозможно было эффективно интегрировать без принятия единой системы духовных ценностей. Выражаясь современным языком, киевские князья могли решить стоявшие перед ними задачи государственного масштаба, лишь преодолев *первый в нашей истории идейно-идентификационный кризис*. Впрочем, говоря об идейном кризисе, мы должны сделать уточнение. Если сегодня суть кризиса в том, что старые правила потеряны, а новые не найдены, то тогда, в X веке, в зарождающемся государстве старых правил и быть не могло, власти и формирующемуся обществу предстояло найти и принять доселе неведомые нормы и ценности.

Эту проблему с блеском разрешил киевский князь Владимир, получивший в народе прозвище Красное Солнышко. В 988 году он призвал всех горожан прийти на обряд крещения к Днепру и принять христианскую

веру. «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом», — пригрозил он киевлянам. (Сначала Владимир попытался решить задачу духовного объединения путем укрепления язычества, но из этого ничего не получалось.) В день крещения в Киеве были сброшены и сожжены все прежние языческие идолы. Между тем стоит, хотя бы кратко, напомнить, что предшествовало крещению, и рассказать о том, чему оно способствовало.

Известно, что выбор Владимира не был поспешным, его обусловили разные мотивы. Торговля и походы на Грецию еще раньше познакомили русских с христианством. Уже при Игоре в Киеве была построена церковь Ильи-пророка. Христианкой была бабка Владимира Ольга, которая считалась человеком очень мудрым. Сам же Владимир долго расспрашивал четырех приглашенных им послов-миссионеров о разных представляемых ими религиях. Он общался с болгаринмомусульманином, с хазарским иудеем, с католиком, направленным папой римским, и с греком — православным философом. Самым убедительным показался Владимиру грек-философ, хотя, скорее всего, в принятии решения сыграли роль и вполне понятные личные мотивы. Владимир хотел жениться на Анне, сестре константинопольских братьев-диархов, и таким образом породниться с византийской императорской фамилией. Диархи Василий и Константин ответили, что христианка не может выйти замуж за язычника, и тогда соответствующий выбор киевским князем был сделан. Спустя два года вслед за Киевом крещение приняли жители Великого Новгорода, и постепенно православная вера распространилась по всей стране.

О благотворных и разноплановых последствиях принятого решения, а они проявлялись, проявляются и еще будут проявляться, написано много. Если гово-

речь кратко и останавливаться на сугубо культурологических и социальных последствиях (религиозная значимость принятия православия — это отдельный сюжет, который здесь не обсуждается), их можно свести к нескольким основным. С принятием православия проект создания русского государства оказался полностью построенным, он приобрел важнейшую составляющую, которой недоставало и без которой осуществить интеграцию формирующегося общества было невозможно. Крещение Руси сплотило общество, стало мощным импульсом для его становления и развития. Кроме того, сама церковь стала новым и важнейшим институтом общественной жизни, утверждавшим в обществе новую систему ценностей. Важнейшая составляющая этой системы состояла в том, что, приняв православие Владимир сознательно ограничил власть князей Божественным законом, т.е. нормами, которые не были созданы людьми и потому не могли быть людьми отменены.

Решение Владимира изменило как внутреннюю ситуацию, так и внешний образ страны. Русь перестала быть неким самобытным языческим краем, она становилась частью формирующегося сообщества христианских народов. Православие связало Русь с тогдашними основными центрами политической, религиозной, экономической и культурной жизни, прежде всего с Константинополем, Афинами, Римом, Иерусалимом, а также и с другими, пусть не самыми главными, христианскими странами. Принятие христианства произошло у нас на столетия раньше, чем у многих соседних народов, что объективно делало Русь лидером в постоянном соревновании этносов и государств.

Принятие православия и необходимость распространения нового вероучения привели одновременно к принятию письменности. Глаголица, а затем и кириллица, дарованные нам братьями Кириллом и Мефодием, содействовали становлению нашей культуры

больше, чем что-либо иное. Всякая книга, которую вы читали, как и любая серьезная книга, как и книга вообще, особо уважаема на Руси оттого, что в конечном счете связана с самыми истоками нашей культуры. Ибо многие века наши предки читали одну, главную и священную книгу — Библию. И все, что мы читаем сегодня, — это хоть и отдаленные, но все же родственники той, Первой книги. Почти все в российской культуре так или иначе выводимо из православной первоосновы. Но есть и такие образования, которые дошли до нас почти без изменений из тех далеких времен — это, пожалуй, вера, письменность и баня. (Согласно преданиям, о диковинной русской бане упоминал еще Андрей Первозванный.)

Принятие православия изменило в лучшую сторону саму ментальность русских людей. Их нравы стали более мягкими, религиозная мораль глубоко укоренилась в сознании. Для отказа от языческого обычая кровной мести церковь уже в XI веке выработала весьма гуманные правовые нормы. В своде законов той поры, называвшемся «Русская Правда», смертная казнь отсутствовала.

Между тем, несмотря на действие множества позитивных, способствующих созданию и укреплению государства факторов, просуществовав три с половиной столетия, Киевская Русь вошла в полосу кризиса, из которого не смогла найти выход. Изгнав из своих пределов хазар и печенегов, русские находили управу и на появившихся позднее половцев. Лишь когда в 1223 году князь Мстислав Удалой проиграл татарским отрядам битву у реки Калки, Киев попал в усиливающуюся финансово-политическую зависимость от Золотой Орды. Впрочем, погубили его не столько внешние враги, сколько собственная неэффективная система политического управления. Монархия типа Киевской Руси оказалась системой саморазрушающейся.

Основой ее политического устройства был принцип — после смерти правящего князя власть в городе переходила не к его старшему сыну, а к следующему по возрасту брату, который до этого жил и княжил в другом, менее значимом городе. Старший из оставшихся братьев покидал занимаемый им раньше город, на опустевшее место из другого города приходил следующий по возрасту брат и т.д. Затем во властный круговорот могли вступать дети, племянники.

Такая система в определенном отношении была эффективна, ибо самым простым и естественным способом — через семейные узы — объединяла население разных земель, способствовала интеграции Древней Руси, изначально расположившейся на огромных пространствах в сотни тысяч квадратных километров. Но та же система порождала и глубокие проблемы, ибо вела к безответственности руководителя.

Православие облагораживало нравы, многие киевские князья вошли в историю как люди высокого нравственного примера. Среди них — Ярослав Мудрый, Всеволод Большое Гнездо, первые русские святые — Борис и Глеб. При правильном социальном устройстве нравственные ценности не должны противоречить экономическим и политическим интересам. Однако в Киевской Руси мы сталкиваемся именно с такой контроверсией. Зачем некоему князю радеть и усердствовать за свою вотчину, свой город, если в этом городе он — временщик? Рано ли, поздно ли его ждет новый город, а затем — опять перемещение. Одних нравственных принципов было недостаточно. Номенклатурный способ смены власти, когда ни один начальник ни за что самостоятельно не отвечает (лишь весь род или вся номенклатура целиком) и при этом гарантированно имеет новые назначения, работал на разрушение государства как в веке XII — в Киевской Руси, так и в веке XX — в Советском Союзе.

Между тем падение Киевской Руси не означало, что потенциал создания собственного государства русскими уже исчерпан. Строительство государства было продолжено, и теперь за право стать образующим его центром спорили несколько городов. Это были Вильнюс, Тверь, Владимир, Суздаль, Москва. В период татаро-монгольского нашествия многие русские пытались защитить себя, перемещаясь на запад или подчиняя свои земли более лояльной им власти литовского князя. Это привело к тому, что в XIV веке 90% литовской территории составляли земли, населенные русскими. Литовское государство при Гедиминасе стало называться Литовской Русью, а сам князь в официальных грамотах именовал себя *Rex Litviorum Ruthenorumque*, т.е. Царь Литовский и Русский. Русское культурное влияние некоторое время оказалось здесь преобладающим, ибо литовской письменности еще не существовало и в официальном делопроизводстве при дворе использовался древнерусский язык.

Русское население было православным, при этом оно не испытывало никакого религиозного или этнического давления со стороны литовцев. Однако шанс собирания русских земель под эгидой Вильнюса был утрачен, когда князь Ягайло (1350—1434) принял католичество. Он стал королем Польско-Литовским и обязался обратить в свою веру всех подданных. С этого времени на первый план в борьбе за русское лидерство выходит противостояние Москвы и Твери.

Потерпев неудачу в попытке создания государства в наиболее благодатных в климатическом отношении Приднепровских и Северо-Черноморских землях, наши предки предприняли новую попытку в краях более суровых, отстоящих от Киева на север и восток. Наиболее удачливым, да и талантливym политиком и деятелем государственного масштаба оказался великий князь московский Иван Калита. В своей политической прак-

тике он применял разные приемы, не всегда достаточно честные. Однако именно ему удалось решить ту задачу, которую его политические предшественники пытались разрешить на протяжении пяти столетий. Ни татаро-монгольское нашествие, ни внутренние усобицы и кровавые русско-русские тяжбы, особенно между Москвой и Тверью, не смогли помешать Калите придать своей родине исторический импульс. Московскому князю удалось найти общий язык с Ордой, для этого он девять раз приезжал к хану, одаривая его и всех его родственников. В результате Иван Калита добился высочайшего расположения, что привело к получению крайне важного в той ситуации права самостоятельно собирать дань.

Монгольские баскаки в Московии больше не оставались. Находясь в очень сложном военном, политическом, экономическом положении, Калита смог извернуться, саккумулировать в своих руках финансовые средства и сделать город привлекательным для ремесленников и мастеровых из других русских земель. Получаемые средства Калита расходовал на покупку и присоединение к Москве новых территорий. Прежде в Великом Новгороде процесс присоединения территорий происходил так, что новые земли не становились новгородскими. Они превращались в колонии, из которых не стремились получить ничего, кроме прибыли. Калита поступал иначе, делая новые территории полноправными составляющими своего княжества. Государство, создававшееся в Москве, отличалось и от Киевской Руси. Здесь князь становился полноправным политическим и государственным руководителем. Его власть не ограничивалась лишь заботой о состоянии дружины и готовностью защитить свою землю. Государство формировалось как верховный собственник всего богатства страны, а население и знать получали свои части по праву «пожалования». Маленький, дотоле ма-

лоизвестный городок стал расти и превращаться в центр консолидации русских земель. С деятельности Ивана Калиты (годы правления 1325—1340) начинается **вторая важнейшая эпоха отечественной истории** —

*ЭПОХА СОБИРАНИЯ ЗЕМЕЛЬ
ВОКРУГ ЕДИНОГО, СТАБИЛЬНОГО ЦЕНТРА.
МОСКОВСКАЯ РУСЬ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ*

С начала XIV и до середины XIX века, на протяжении 500 лет, в России происходили как важные внутренние качественные изменения, так и непрерывное приращивание территории. Второй процесс происходил гораздо активной и энергичней, чем первый, он и составляет основное содержание анализируемой нами эпохи.

Выделю здесь одно важное геополитическое обстоятельство, обнаруживающее связь между количественными и качественными изменениями. В нашей истории специфическим индикатором, показателем стратегического успеха или, напротив, поражения является направление, в котором перемещаются столица и западная граница государства. Движение на запад, как правило, оказывается прогрессивным, отступление на восток — свидетельство регресса. Перенос центра из Киева в Москву был, несомненно, знаком отступления, показателем стратегического поражения. Однако, как мы позднее увидим, поражения временного, поражения, которое удалось преодолеть.

Для того чтобы Москва смогла стать полноценной столицей, сюда необходимо было перевести и центр православия. Первым киевским митрополитом, переехавшим в Москву, стал Петр. Непосредственно в город он прибыл из Владимира, переманил его оттуда не кто иной, как сам Калита. В дальнейшем в разного рода кризисных и проблемных ситуациях церковь неоднократно, вплоть до петровских реформ, выполняла миссию своеобразного руководителя государства. Например,

когда княжил малолетний внук Калиты Дмитрий, стабильность поддерживалась при участии митрополита Алексия и его друга, основателя Троицкого монастыря преподобного Сергия Радонежского. В тот период на Руси наряду с мирской властью огромную роль и авторитет обрели духовные подвижники, основатели монашеских обителей, превратившихся в центры веры, образования и культуры. Было сформировано около 40 таких центров собирания и сохранения русской земли. Среди них Симонов монастырь в Москве, а также Соловецкий, Кирило-Белозерский и др.

Начатому Калитой в крайне невыгодных политических условиях поступательному продвижению Москвы препятствовало сохранявшееся два с лишним столетия татаро-монгольское иго. Важным шагом на пути его преодоления стала произошедшая в 1380 году битва русских с ордынцами на Куликовом поле. Русское войско под командованием великого князя московского Дмитрия Донского в тяжелейшем сражении одержало победу. Согласно преданиям, перед битвой Дмитрий пришел в Троицкий монастырь, чтобы получить благословение и узнать у Сергия Радонежского, удастся ли русским победить. После долгой молитвы Сергей ответил утвердительно. И поскольку преподобный никогда в своей жизни не лгал, был праведником, его ответ вселил в русских воинов особую силу. В дальнейшем русским людям еще приходилось терпеть монгольские набеги, но постепенно гнет пришельцев ослабевал. Окончательно — и формально, и фактически — Русь вновь стала не платящей дань страной только в 1480 году, после «стояния на реке Угре», когда войска московского князя Ивана III были готовы дать бой монгольскому хану Ахмату. Но последний так и не решился преодолеть водную преграду и в конце концов ушел назад в степь. Еще за два года до исторического стояния Иван III подчинил себе важнейший и самый богатый русский город — Великий Новгород. Вече прекратило свое

существование, а его символ — колокол — был срезан и вывезен в Москву. Политика присоединения территорий окончательно взяла верх над линией внутреннего, качественного развития. Ивану III удалось завершить объединение средневековых русских княжеств.

Принято считать, что история не знает сослагательного наклонения. И потому рассуждения на тему «что бы было, победи не Москва, а новгородцы», беспочвенны. На самом деле мы имеем здесь дело с устаревшим заблуждением. Конечно, история как реально происходившие события не может быть переиначена. Но история как теоретическое знание, как понятийная модель конкретных событий тем и интересна, что является более вариативной, чем сама действительность, она содержит больше возможностей, чем единственно свершившаяся и реализовавшаяся цепь событий. Поэтому теоретическая история должна содержать в себе больше выводов и уроков, чем история реальная.

Вернемся еще раз на берег Волхова и представим, что Новгородская республика победила Ивана III. Каковы могли быть последствия этой победы? Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что социальные феномены не существуют вне конкретного времени, они всегда вписаны и действуют в реальном историческом контексте. Ошибочно считать, что демократия — всевременная или вневременная ценность. Сохранись средневековая вечевая демократия и дальше, наши предки были бы лишены возможности создать мощное централизованное русское государство. Русь распалась бы на множество малых феодальных республик, беззащитных перед нашествием врагов. Но на самом деле Русь уже испытала горький опыт ига и потому хорошо сознавала необходимость интеграции. Идея сближения и согласия выражена в самой знаменитой иконе той поры — в рублевской «Троице». К счастью, именно эта тенденция оказалась преобладающей.

Однако пора вернуться от телескопа гипотетической истории возможного к микроскопу хроники реально происходившего. Еще внук Дмитрия великий князь московский Василий Васильевич (1415—1462) делает важный шаг по выправлению механизма государственного устройства — он изменяет порядок престолонаследия: теперь власть будет переходить не от старшего брата к младшему, а от отца к сыну.

В 1500 году войска Ивана III одерживают победу в битве с литовцами, и часть западных земель переходит под управление Москвы. Это привело к изменению официального титула Ивана III, его впервые на Руси называют царем, что стало нормой внутри страны, но вызывало некоторое раздражение за ее пределами (Иван III в договоре с Александром Литовским впервые поименовал себя «государь всея Руси», что встревожило литовцев, так как за ними оставалось еще много русских земель).

Переместимся теперь вновь на восток и посмотрим, что происходит в стане монголо-татар. После разгрома на Куликовом поле Золотая Орда распалась на три самостоятельных государства — Астраханское, Казанское и Крымское (было еще и четвертое — Сибирское, но оно находилось достаточно далеко и не оказывало заметного влияния на процессы, происходящие в Московской Руси). Внук Ивана III царь Иван IV (Грозный) энергично продолжил русскую экспансию. Он без особого кровопролития захватил и подчинил Москве Астрахань, а до того под полный контроль попала Казань. Битва за Казань, как отмечают историки, была очень тяжелой, город более месяца находился в осаде, татары сопротивлялись отчаянно. И только после страшной резни ханство вынудили признать полное поражение. В результате присоединения Астрахани и Казани Волга, во всем ее течении, оказалась под русским контролем. Торговля и судоходство по реке

расширились, и она уже повсеместно называлась не Итиль, а Волга.

В последние годы в Татарии появились люди, которые отмечают день взятия Казани как трагическую дату. Я уверен, что в истории ничего не следует искажать или замалчивать, в противном случае она перестает быть настоящим учителем и превращается в живого врага, к тому же выряженного в одежды друга. Дать объективную оценку тому, что происходило 450 лет назад, можно, лишь вписав казанскую эпопею в действительный исторический контекст. Контекст этот заключается в следующем. Чтобы понять, с какими чувствами русские отряды осаждали Казань, надо помнить, что этому событию предшествовало более двух веков ига, поборов и народного унижения. Важно и то, что большую часть войска Ивана Грозного составляли принявшие православие татары, которые возвращались к себе домой.

Но самое главное даже не в том, что предшествовало штурму, а в том, что за ним последовало. Спустя 60 лет после присоединения ханства Русь попала в полосу Смуты, о чем нам еще предстоит говорить. Так вот, когда в Москву пришли поляки и государство на несколько месяцев потеряло централизованное управление, по призыву церкви впервые было создано народное ополчение, которое освободило столицу и всю страну. В число ополченцев вошли не только нижегородцы, отряды из других поволжских земель, но и многочисленные татарские отряды, которые выступили на защиту своей страны. Говоря современным языком, национальная политика Кремля была в те времена настолько мудрой, что она эффективно лечила и русские, и татарские раны и умело формировала единый, сплоченный народ.

Раз уж я опять отошел от прямой логико-исторической канвы повествования, назову еще одну особен-

ность русского государства, которая формировалась с давних времен. Наша страна была открытой, никаких «железных занавесов» здесь никто не выстраивал. Уже в XIV—XV веках в Москве появились целые улицы, районы, слободы, где постоянно проживали иностранные мастера и учителя. В городе жили поляки, армяне, литовцы, немцы. В XVIII веке у стен Белого города поселились даже индусы. Также с давних времен большая русская община жила в Константинополе, в районе горы Афон в Греции и в других местах. Эти несомненные факты развеивают миф о вечном тоталитарно-замкнутом характере Русского государства.

Что же касается тенденции на соби́рание земель, она была не просто личной стратегией нескольких царей, она явно выражала внутренние интенции всего народа. Иван Грозный в последние годы жизни с интересом узнал, что казацкие отряды самостоятельно пришли в Сибирь и начали присоединять Зауралье. Русь продолжала расширяться.

Между тем на рубеже XVI—XVII веков государство вновь попало в полосу тяжелых испытаний. Кризис был связан с тем, что род Рюриковичей, успешно правивший семь столетий, неожиданно пресекся. У Ивана Грозного было два сына — старший Федор и младший Дмитрий. Царствовавший 14 лет Федор Иванович отличался плохим здоровьем, и детей у него не было. В 1591 году из Углича пришла неожиданная и трагическая весть об убийстве малолетнего царевича Дмитрия. Семейство Рюриковичей осталось без наследников, а государство и общество лишалось устойчивого, веками отработанного механизма управления.

Спустя короткое время из Польши на русскую столицу отправляется самозванец, объявляющий себя не кем иным, как чудом спасшимся царем Дмитрием. С ним вместе движется польское войско. Поляки были наслышаны о завоеваниях испанских конкистадоров

в Южной Америке, и нечто подобное решили осуществить к востоку от своих территорий. Высланные из Москвы защитные отряды не знают, как быть, — вдруг и вправду идет Дмитрий, вдруг он действительно спасся?! Избранный на царствие Борис Годунов вскоре умирает. На смену приходит царь-неудачник Василий Шуйский, которого изгоняют из Кремля. В конце концов Лжедмитрий подходит к столице. Он обещает принять православие, и с этим условием бояре впускают его в Кремль. Однако вскоре становится ясно, что от католичества Лжедмитрий не откажется (исторический шанс, который получили братья-славяне, не был ими использован), не говоря уже о том, что в баню он не ходит, а это, считай, первое дело после церкви для всякого москвича. Ситуация становится не просто странной и подозрительной, но и, в конце концов, неприемлемой для русских.

По призыву церкви, прозвучавшему из Троице-Сергиева монастыря, Ляпунов, Минин и Пожарский создают народное *ополчение*. (Каково слово! Сегодня про людей говорят, что они располнели, облысели, а тогда народ мог и ополчиться.) И народное войско изгоняет и побивает неверных.

Завершилась Смута в следующем после освобождения Москвы 1613 году. Представители всех русских земель и разных сословий собрались в столице, чтобы выбрать царя. После трехдневного поста участники Земского собора подали письменные мнения, и каждый указал на одного и того же человека. В царствование был избран шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов, сын высокоуважаемого в стране митрополита Филарета. Заслуги Филарета в противостоянии полякам были народу хорошо известны. В пользу кандидатуры Михаила Федоровича действовало еще одно важное обстоятельство — род Романовых был кровно близок к династии Рюриковичей. Народ преодолел социально-

политический кризис, подтвердив, что Русь неммыслима без управления ею мудрым и сильным монархом.

Восстановление пошатнувшейся государственности позволило ускорить процесс собирания земель. Замечу, что и в годы Смуты он не останавливался. При Борисе Годунове были присоединены обширные северные территории в районе Таймыра и устья Енисея. При Шуйском в состав царства вошли земли в районе рек Нижняя и Средняя Тунгуска. С середины XVII века с Москвой воссоединяется Левобережная Украина (в 1654 году царю присягает Богдан Хмельницкий). В эти же годы были сделаны огромные территориальные присоединения на востоке. Русские землепроходцы В. Поярков, С. Дежнев, Ф. Попов, Е. Хабаров включили в состав государства Сибирь, Чукотку, Камчатку и Дальний Восток.

Глубокие качественные многоплановые реформы, а также дальнейшее расширение территорий осуществил император Петр Великий. Вхождение в состав страны все новых и новых народов привело к изменению самого ее названия — Русь стала называться Российской империей или Россией. С этого периода огромное евразийское пространство поднималось и осваивалось, стало родиной не только русским, но и всем другим проживающим на нашей земле племенам и народностям.

Сделаем еще одно отступление и остановимся на происхождении и значении ключевого для нас слова *Русь*. Такая работа выполнялась рядом исследователей, недавно ее обобщил и дополнил новыми результатами наш замечательный лингвист академик Юрий Сергеевич Степанов. Изложим основные положения, представленные в его книге «Константы: словарь русской культуры», изданной в Москве в 2001 году. Главные тезисы статьи «Русь — племя» (указ. соч. С. 151—155) следующие. Слово *русские* является прилагательным, т.е. первоначально значит просто «те, кто относится к Руси».

Но какова этимология самого термина «Русь»? Начальный летописный свод считает *русь* одним из заморских варяжских племен, из которого вышли или с частью которого пришли призванные новгородцами и союзными с ними финскими племенами князя. Когда мы рассуждаем о первоначальном значении термина «Русь», центром всей проблемы становится вопрос «свои — чужие». Иначе говоря, кто называет кого, с чьей стороны дается имя? По мнению Ю.С. Степанова, *русь* — это не самоназвание, а имя, данное племени одним из соседних народов. Приняв это предположение, теперь необходимо ответить на два вопроса:

а) каким народом дано это имя?

б) что оно значит?

Русь, по убеждению большинства исследователей, слово германского происхождения, но вряд ли это имя восточных славян, данное германцами. Имя *русь* является скорее всего заимствованием в славянский из финского языка. Этим именем (*ruotsi*) финны обозначали выходцев из Скандинавии, из той ее области, которая впоследствии стала Швецией. Само же имя племени *Ruotsi* в финских языках происходит от слова *drott*, т.е. дружина. Оно стало обозначать у финнов все племя пришельцев.

Ю.С. Степанов уточняет, что слово *drott* использовалось в качестве именованя скандинавского племени и его дружины первоначально не восточными славянами, а прибалтийскими финнами. Интересны также изыскания о семье слов, связанных с *drott* — «дружина», в самих германских языках. Там эти понятия имеют значение «прочно держаться вместе». Слова этой группы означают, с одной стороны, «лесок, роща», с другой — всякий человеческий союз, основанный на прочной естественной или установленной обетом, обязательством связи, — брак, семью, воинский союз и т.д. В конечном счете выясняется, пишет Ю.С. Степанов, что в самом русском языке слова «Русь» и «друг», «друзья», «дру-

жина» оказываются дальними родственниками. Итак, «русь» — скорее всего финское слово, обозначающее племя, жившее в Швеции. Изначально им обозначался некий союз, объединение людей. Говоря о Петровских реформах, мы задумываемся о самых основах своей цивилизации, и потому возникает необходимость проанализировать слово «Русь».

Теперь вернемся к нашим философско-историческим рассуждениям. Попробуем выяснить и определить: в чем, собственно, состоял главный итог Петровских преобразований, если подходить к ним с позиций историсофских и философских. Корректно ли вообще говорить о *реформах* Петра или уместно утверждать, что в начале XVIII века в России произошел революционный *разрыв*, соизмеримый с преобразованиями советских времен? Для ответа на последний вопрос надо понять, что, собственно, могло разрываться или не разрываться, т.е. что собой представляла русская идея, из чего она состояла. Однако содержание русской идеи мы еще не выявили. Но когда мы это сделаем, мы непременно вернемся к поставленному вопросу и определим — был ли Петр реформатором, или он действовал как революционер.

Вновь зададимся вопросом о смысле Петровских преобразований. В поиске ответа нам поможет классификация, предложенная французским ученым Ж. Демюзилом. Он показал, что еще в древних индоевропейских сообществах боги выполняют три основные функции, дублируемые человеческим сообществом. Эти функции включают: отправление сакральных (религиозно-идеологических) действий, военную деятельность и экономику. Три названные функции определенным образом соотнесены и иерархизированы. Если применить схему Демюзиля к истории нашей страны, получаем следующий результат. Изначально, в VIII—X веках самым главным элементом славянской общины были

представители военной власти, т.е. князя. Волхвы и колдуны выполняли функции, сходные с ролью шаманов в азиатских культурах, их место было вторичным, т.е. сначала царство, а ниже — священство.

С принятием на Руси христианства место волхвов занимают священники, их роль становится главной в формирующейся системе ценностей. На первый план выходит священство, на второй — царство. Соответственно поменялись все ценностные ориентации самих бывших язычников, нравственным идеалом русского человека стал святой. Петровские преобразования, конечно, не предполагали отмену христианства как такового, но изменения в российской системе ценностей произошли очень глубокие. Если создатель глаголицы философ Константин учил стремиться в делах подражать Иисусу, то теперь образцом для подражания становится царь (Петр упраздняет патриаршество и ставит над священством Синод, им же и назначаемый). Не могу не согласиться с замечательным филологом, кандидатом филологических наук А.Н. Барулиным, который именно в этом ряду событий объясняет создание Петром такого странного и, более того, сомнительного учреждения, как «Всешутейший и всепьянейший собор». Сверхзадача этой структуры в конечном счете состояла в содействии изменению роли и места церкви. При этом Петр не впадал в атеизм, не отрекался от православия, не искал другой религии, не поддерживал ереси и идеи Реформации. В результате его преобразований в России возник новый для страны, да и для всего христианского мира феномен светской святости (см.: Отецествоведение. М., 2004. С.176).

Петру присваивается титул «отец отечества», который до этого полагался только патриархам. Служение Богу как высшая ценность, обеспечивающая спасение, было по существу заменено служением царю и отечеству (соответственно спасение как главная цель жизни

было сильно потеснено стремлением к мирскому благу, исполнение долга перед Богом — исполнением долга перед царем и государством). Святость, как высший жизненный идеал, была заменена на верную службу. Введение Петром Табели о рангах, по существу, означало, что заслуга человека усматривается не в его происхождении, а в реально осуществляемой им службе. Добродетелью гражданина стал патриотизм. Церковная система ценностей была оттеснена системой мирских ценностей, на первый план выходит семья, любовь, утечи мирной жизни. Интересно, что роль писателя как проповедника Божьей правды, Божьего слова, святости и святых, как заступника перед Богом за весь народ трансформируется в роль поборника правды мирской, в проповедника справедливости. Если протопоп Аввакум считал своей заслугой то, что он страдал за истинную веру, то самый крупный поэт XVIII века Гаврила Державин ставил себе в заслугу то, что он дерзал «истину царям с улыбкой говорить» и за это тоже страдал.

Многие современники Петра видели в его преобразованиях страшные кощунства, а его самого считали чуть ли не воплощением антихриста. Но в действительности великие реформы вели российское общество и государство к соответствию ситуации, складывавшейся после падения Константинополя, к учету тех реалий, которые начали формироваться в отдельных странах нашего континента в результате произошедших там буржуазных революций. Не вступи Россия вовремя на этот путь, ее в XVIII—XIX веках ждало бы затяжное отставание и историческое поражение. У меня нет возможности подробно говорить о том, что представлял в своем большинстве тогдашний запад нашего континента, это тема другого исследования. Ограничусь лишь утверждением, что о существовании некоей «благопристойной Европы» тогда никто не догадывался. Положение в двух главных странах континента опишу одной цита-

той. Петр родился вскоре после окончания Тридцатилетней войны. В это время «население Германии и Франции вымирало от голода. Десятая часть населения Франции нищенствовала, а половина была близка к этому. Дороги Европы наводнились разбойными бандами; жандармы для устрашения вешали людей тысячами. В Саксонии только один судья приговорил к смерти 20 тысяч человек» (см.: Гудзенко А. Русский менталитет. М., 2001. С. 43).

Единой оценки Петровских преобразований в нашей истории не существует. Слишком они многомерны и многоплановы. Споры продолжаются. Несомненно то, что реформы обошлись стране дорого. Но бесспорно и другое: в исторической перспективе жертвы и лишения были не напрасны, их плодами мы пользуемся по сей день. Петр вздыбил Россию, словно застоявшегося коня, что нашло свое образное воплощение в знаменитом Медном всаднике. Напряжение общества дошло до крайнего предела, но это было напряжение во имя высших и прогрессивных целей. Если бы Петр не заложил город и порт на Неве, если бы не освоил территории, называвшиеся тогда Ингрией и заселенные ижорцами, возможно, сегодня они оказались бы вне России. Если бы после страшного поражения в битве с Карлом XII под Нарвой через 20 лет Петр не разбил шведов под Полтавой, сегодняшняя карта Европы могла выглядеть совсем по-другому и российской краски на ней было бы еще меньше...

Можно говорить и о невыученных уроках истории. Организаторы скоропалительной постсоветской приватизации, передававшие за бесценок на псевдозалоговых аукционах порты, заводы, рудники и нефтяные скважины криминально-номенклатурным хозяевам, оправдывали свои действия тем, что у желающих приобрести крупную собственность просто нет достаточных средств.

В начале XVIII века за два десятилетия реформ в России появилось 220 новых заводов и фабрик. Были созданы не существовавшие прежде отрасли промышленности, работавшие лучше или на уровне передовых зарубежных образцов. Было налажено производство собственной российской стали, сукна, парусины, высококачественной бумаги. Предприятия строились на общественный кошт, за счет увеличенных налогов. Уже готовыми их продавали **в кредит** тем, кто готов был осваивать производство, нести ответственность за количество и качество выпускаемой продукции, за возврат полученного кредита. Тогда результатом преобразований стал подъем страны, а не разбухание чиновничества и олигархов. Если бы мы лучше знали свою историю, на пути повторения приватизационных, да и множества иных политических ошибок появилось бы серьезное препятствие.

Успешно проводя на редкость многоплановые преобразования, затрагивавшие культуру, экономику, финансы, управление, образование, Петр также создал флот и новую армию. Присоединение земель было продолжено. В состав империи на западе вошла Прибалтика, на юге — западное побережье Каспия. Но главным успехом великого царя стала победа в двадцатилетней Северной войне, выход к Балтийскому морю и основание Санкт-Петербурга, который два столетия — с 1712 по 1918 год оставался официальной российской столицей.

Выход к морю был давней мечтой россиян. Еще за 150 лет до Петра эту задачу пытался решить Иван Грозный, однако начатая им успешно Ливонская война завершилась малозначительными результатами. Основание новой столицы на северо-западе, возвращение России на западные земли — все это было знаком исторического реванша после произошедшего несколькими столетиями ранее ухода из Киева в Москву. Речь шла

о начале качественно нового этапа государственного строительства. Продолжая самоформирование, самостроительство, продолжая расширение и собирание территорий вокруг единого центра, государство стало энергично включаться в формирующуюся общеевропейскую систему отношений. Россия становилась не просто элементом этой системы, но фактором, существенно на нее влияющим, ее определяющим. Успешно реализуемый внутренний вектор развития был дополнен значимым вектором внешнеполитической стратегии. Если принятие православия тесно связало Русь с Византией, то перенос центра империи на берега Балтики связывал Россию с остальной Европой. Собственно, и сам запад или, лучше сказать, центр континента начал смещаться в сторону России. Произошедшие изменения получают соответствующее политико-юридическое оформление. Осенью 1721 года Сенат дарует Петру титул императора, а Россия соответственно провозглашается империей. Мощное государство, из столетия в столетие увеличивавшее свои масштабы и влияние, вступает в складывающееся новое сообщество мировых держав.

На протяжении всего XVIII века продолжается территориальная экспансия России. В правление Екатерины страна обретает причерноморские земли, получившие официальное название Новороссия. Интересен метод освоения этих пространств. На сей раз речь идет не о военных захватах или о дипломатических победах, но о продуманной миграционной политике. Императрица призвала всех православных, где бы они ни находились — в Турции, Сербии или Австрии, прийти в новый район (теперь эту территорию окаймляют города Херсон, Днепрпетровск и Новороссийск) и начать его освоение. Всем прибывшим гарантировались покровительство российской власти, материальная поддержка и налоговые преференции. Так и хочется спросить — неужели у нас сегодня мало опустевших территорий, куда на-

верняка согласятся поехать бывшие советские граждане, оказавшиеся за пределами России?!

К концу XVIII столетия, после третьего раздела Польши, в состав Российской империи были включены Литва и Белоруссия, а также Правобережная Украина и Крым. Дело воссоединения западнорусских земель завершилось. Князь Потемкин на месте турецкой крепости основал город-порт Одессу, — к важнейшему, основанному Петром I городу на Балтике спустя 90 лет Екатерина II добавила стратегически важный порт на Черном море. В царствование Александра I западная российская граница была фактически сформирована окончательно и в дальнейшем почти не менялась. Лишь в 1809 году в состав империи была включена Финляндия, причем не на правах губернии, а как самостоятельное государство. Несколько раньше была присоединена Валахия, нынешняя Молдова. Попытка Наполеона создать великую империю именно на российской земле завершилась полным провалом. В наш язык вошло малосимпатичное слово «шаромыжник»; отступавшие французские солдаты в каждом подходящем дворе попрошайничали — *шер ами*, кусочек хлеба! Изгнав редеющие французские войска со своей территории, наша армия освободила другие европейские страны и вошла в Париж.

В 1814 году, проведя парад победы в столице Франции, русская армия вернулась домой. При этом Александр I *не намеревался никого присоединять и завоевывать*. Россия приобрела огромный авторитет в Европе и прослыла освободительницей. В результате в 1815 году по инициативе российского императора был создан Священный союз, фактически прообраз нынешнего Европейского союза, в который вошли Россия, Австрия и Пруссия. Победа России в войне с Наполеоном привела, благодаря правильной политике Петербурга, не к разделению Европы, а к ее интеграции.

(Иначе поступил Сталин, который, изгнав в 1944 году оккупантов из СССР, затем включил в советский блок государства Центральной Европы. К чему эта запоздалая экспансия привела, сегодня всем хорошо известно.) Впрочем, исключение в стратегии императора все-таки было, он тоже не полностью удержался от соблазна. Речь идет о Варшавском княжестве, включенном по итогам войны с Наполеоном в состав России. И хотя, как показывают сами польские историки, это княжество обладало заметно большим суверенитетом, чем так называемая независимая «народная Польша» советского периода, в исторической перспективе надежды Александра I на интеграцию западных присоединений не оправдались. Спустя столетие поляки восстановили независимость своего государства. Фактически то же произошло и с присоединенной Финляндией.

Стоит добавить, что сохраняемое представление о Российской империи как об унитарном государстве если и не с тоталитарными, то с авторитарными нормами — пример типичного заблуждения. Например, те же Финляндия и Польша, пребывая в составе России, имели свои конституции, парламенты, а финны сохраняли даже небольшие вооруженные формирования (и откуда взяться большим, если ее население не превышало 2 млн человек?!). Как известно, летом 1917 года Ленин, разыскиваемый Временным правительством, пребывал в финском поселке Разлив, власти присоединенной Суоми политически преследуемых в Петербург не возвращали.

Завершив в XVIII веке продвижение на самом важном для нас западном направлении, Россия в XIX веке переместила направление экспансии на юг и на восток. В состав империи Николаем I были включены две важные области на Кавказе — Эриванская и Нахичеванс-

кая. В результате тяжелой и многолетней войны, после длительного сопротивления, русским войскам удалось даже присоединить территорию Западного Кавказа. Тогда, в 1864 году, осознав бесперспективность дальнейшего противостояния, лидер горцев Мухаммед Амин и 400 тыс. его соплеменников, не желая подчинения чужой власти, покинули свою страну и ушли в Турцию. Как любят и сегодня повторять в Махачкале, Дагестан никогда добровольно в состав России не входил, но, добавляют, никогда из нее добровольно и не выйдет.

Поражение России в Крымской войне 1853—1856 годов заметно ограничило ее влияние на Балканах и Ближнем Востоке. Это поражение также закрыло для нас перспективы продвижения на Американском континенте. Александр II сознавал, что в случае английского нападения ему будет крайне затруднительно оборонять Аляску, и потому в 1867 году принял своевременное решение о ее продаже американцам. В итоге стратегические интересы России сконцентрировались в середине и второй трети XIX столетия на Средней Азии и Дальнем Востоке.

Военные и дипломатические усилия позволили включить в состав страны обширные территории Средней Азии. Как и в других регионах, русская администрация проводила здесь свою политику с учетом местных традиций. Привилегии духовенства и богатой части общества не ставились под сомнение, в то же время было ликвидировано рабство и работорговля, материальное и правовое положение крестьян улучшилось. Весьма образованную, квалифицированную часть общества составлял русский офицерский корпус. Расквартированные в новых азиатских территориях офицеры приобщали к европейской культуре местных жителей. Военные топографы составляли географические карты. В Самарканде русские археологи раскопали и восстановили знаменитую средневековую обсерваторию Улуг-

бека. Назначенный императором губернатор Туркестана инженер-генерал К.П. Кауфман принял этот пост с условием, что в Ташкент не будет вводиться жандармский корпус. И это условие было выполнено. Атмосферу тех времен передают строчки из письма генерала, написанного в 1878 году: «прошу похоронить меня здесь, чтобы каждый знал, что здесь настоящая русская земля, в которой не стыдно лежать русскому человеку».

Остановив продвижение на запад, не имея возможности расширяться на Ближнем Востоке, оставив территории на Американском континенте и завершив удачную экспансию в центре Азии, Россия завершала свою блистательную пятисотлетнюю стратегию собирания земель. Александр II в 1857 году присоединил Сахалин, а также дальневосточные и приамурские территории. В планы Николая II входило сближение с Маньчжурией. На российские деньги — свой личный вклад сделал и сам император — была построена Китайско-Восточная железная дорога. В состав страны в разное время вошли Белая, Малая, Красная, Новая Русь, хотели создать еще и желтую, но этим планам не суждено было сбыться.

Говоря точнее, экономическое и культурное проникновение России на восток было успешным, что и вынудило Японию в 1904 году начать очень рискованные для нее военные действия против России. Война быстро завершилась не в нашу пользу, японцы получили от Петербурга карт-бланш на вовлечение Кореи в зону своего влияния. Но все это еще раз подтверждало, что политика экспансии исчерпана. Не предназначенные для широкой огласки документы, отчеты, внутренняя переписка сотрудников российского МИДа начала прошлого столетия также свидетельствуют — мысль о завершении территориальной экспансии становится постоянно повторяющейся.

С точки зрения теории систем несомненным является стремление к экстенсивно-количественному росту всякого молодого, нового формирования. Люди рождаются на свет младенцами и до 20 лет непрерывно растут. Похожий процесс происходит и у других млекопитающих. Сходный пример — история государств и народов. И монголы, и турки, и датчане, и шведы, и англичане, и французы, и немцы, и американцы очень хотели расширить свои владения. Но более всего в этом преуспели россияне, которым удалось создать самое большое в мире государство. Хорошо понятно, что такая государственно-политическая концепция требовала соответствующего стиля и методов управления. Регулярная многочисленная армия, а следовательно, направление в эту сферу больших людских и финансовых ресурсов, готовность к защите собственных границ и к новым присоединениям — все это обуславливало постоянное напряжение и внутреннюю мобилизованность. Напомним, что только на Руси возник особый социальный слой — казачество, основная задача которого — охрана границ. Кажется, только израильские евреи пытались создать нечто подобное, но у них это не получилось, тогда как в состав российского казачества входили и лихие еврейские станицы. О крепостничестве как факторе поддержания армии мы уже говорили. Экстенсивный рост не может быть бесконечным хотя бы потому, что требует неисчерпаемых внешних ресурсов. Выйдя в XIV веке за стены Московского Кремля, вдохновляемые православной идеей, россияне, в конце концов, вступили в контакт с народами, либо контролируруемыми другими мощными державами, либо имеющими свои собственные, не менее сильные государствообразующие идеи и потому ни на каких условиях не согласными принимать чужие идеи и присягать под чужими знаменами.

В государственной стратегии назревали глубинные изменения, и они начали происходить. Первые серьезные признаки принципиальных трансформаций российской геополитики можно обнаружить уже в действиях Петра I и, во всяком случае, в деяниях Екатерины Великой. В ее правление принимаются первые важные решения, направленные на отказ от экстенсивно-количественного развития страны. В 1785 году Екатерина издает *жалованную грамоту о вольности дворянства*. В результате первое социальное сословие, не считая казачества, становится реально свободным в гражданском и политическом смысле. До этого дворянин отбывал военную службу с 15 лет до инвалидности, гибели или глубокой старости. Правда, у Екатерины были и другие эпохальные проекты — например, взятие под российский контроль Византии, создание огромной империи с несколькими столицами в Константинополе, Берлине, Москве, Петербурге, Астрахани, но им суждено было превратиться в архивную пыль. Сигнал перехода к новой стратегии, несомненно, звучал, хотя здесь трудно назвать какую-то конкретную политическую фигуру, подобную Ивану Калите, внятно сообщившую о начале роста количественного. Итак, мы перейдем теперь к рассмотрению новой составляющей российской стратегии и зададимся новыми вопросами.

***КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ СОВРЕМЕННАЯ
РОССИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРОИЗОШЕЛ ЛИ
ПЕРЕХОД РОССИИ К III ЭПОХЕ СВОЕЙ ИСТОРИИ?***

Сначала ответчу на вопрос о содержании III исторической эпохи. **Завершение количественного развития должно вести к росту качественному.** Любящий полемизировать читатель, если и согласился с тем, что количественный рост себя исчерпал, вполне может задать свой ехидный вопрос о росте качественном. Откуда все

это берется, не выдумана ли такая схема самим автором? На этот вопрос, конечно, требуется аргументированный ответ, хотя ответ этот будет кратким. Дело в том, что фундаментальные диалектические закономерности, устанавливающие, что количественные изменения на определенном этапе неизбежно вызывают глубинные качественные трансформации, были выявлены, вопреки мнению некоторых, вовсе не спичрайтерами двадцать лохматого съезда КПСС. Первым о диалектике количества и качества сообщил не Энгельс и даже не Гегель. Диалектика присутствует уже в работах философов Древней Греции, в первую очередь в сохранившихся фрагментах текстов Гераклита, а написаны они в V веке до нашей эры! Впрочем, и Гераклит не первый, до него подобные закономерности были вскрыты в древнеегипетском тексте «Великие арканы Таро». С тех пор диалектические закономерности никто не смог опровергнуть.

Но не будем погружаться столь глубоко в прошлое. Посмотрим, как указанная универсальная закономерность проявилась в нашей не очень далекой истории. Надо еще раз уточнить, что речь идет не о сознательно декларированной государственной программе, а о тенденции, которую мы самостоятельно обнаруживаем и в существовании которой теперь постараемся убедить сомневающегося читателя.

Если государство намерено отказаться от экспансии, т.е. от развития за счет преимущественно внешних ресурсов, ему остается выбрать развитие за счет ресурсов внутренних. А для роста внутреннего потенциала необходимо сделать общество более мобильным, подвижным, т.е. более свободным.

В условиях Российской империи это означало постепенное уменьшение полномочий первого лица за счет включения в процесс социально-политических изменений новых акторов, которые прежде были его пас-

сивными участниками. Такой процесс все отчетливей просматривается на протяжении XIX века, причем, несмотря на принципиальную сложность, новизну, он носит двусторонний характер, сигналы идут от власти к обществу и от общества к власти. По распоряжению императора Александра I его друг граф М.М. Сперанский готовит ряд качественно новых, демократически ориентированных законоуложений. Правда, лишь часть из них удается принять. Сперанский подготовил даже проект первой Конституции. Сколько страстей кипело вокруг этой книжечки, недавно переизданной в Москве! (См.: План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. М., 2004. 190 с.) Но волею судеб ее текст остался не только недействующим, но и недоступным для современников. К конституционным демократическим преобразованиям призывала власти группа офицеров, вышедших вместе со своими подчиненными на Сенатскую площадь северной столицы в декабре 1825 года. Но эти идеи тогда действительно не имели сколько-нибудь заметной поддержки в обществе, тем более не принималась попытка утвердить их силовым путем.

(Для любителей считать, что Россия всегда и во всем отставала от остальной Европы, приведу один факт. Судьба декабристов известна, большинство из них раскаялись в содеянном, многие сосланы, *пятеро* были казнены. Так вот, тогдашний английский посол в Санкт-Петербурге с удивлением замечал — случись такое в Париже или Лондоне, и *тысячи* голов слетели бы с гильотины! Отставание действительно очевидно.)

Преобразования, задуманные и лишь робко начатые Александром I, были вовсе остановлены его преемником императором Николаем I. Зато Александр II вошел в историю отечества как великий царь-реформатор. Его имя должно бы быть вписано в историческом пантеоне рядом с именем Петра I, но произведен-

ные переустройства оказались обесцененными событиями, начавшимися во втором десятилетии XX века. И лишь сегодня благодарные потомки намереваются установить в столице памятник царю-освободителю. Время, называемое историками **эпохой великих реформ**, — это и есть время, сделавшее общество значительно более динамичным и свободным. Самая известная заслуга Александра II — реформа 1861 года, отмена крепостного права. Этому событию предшествовали семьдесят лет непрерывного расширения прав всех других социальных сословий, начатое уже упоминавшейся грамотой Екатерины о дворянстве и продолженное улучшением статуса мещанства, купечества, государственных крестьян. Крепостные оставались последним несвободным сословием.

Сделаю здесь небольшое пояснение. Надо правильно представлять ситуацию того времени и понимать, что положение закрепленных крестьян вовсе не было каким-то критическим. В вышедшей в 1908 году, после отмены цензурных ограничений (скопированных, кстати, в свое время у Пруссии), и весьма критической в оценке прошлого монографии известных ученых Е.И.Вишняковой и В.И.Пичеты «Очерки русской истории» говорится следующее: «Нашим крепостным крестьянам живется во всяком случае лучше, чем свободным крестьянам на Западе. Патриархальные отношения помещика к крестьянину делают жизнь последнего более чем сносной» (С. 213). Желая проверить и вести самостоятельный поиск называю работы других, разумеется, несоветских авторов, высказывавших сходные мысли: *Пушкарев С.Г.* Россия 1801—1917: власть и общество. М., 2001; *Врангель Н.Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003; *Горянин А.* Мифы о России. М., 2002, и др.

Наша история действительно невероятно искажалась в советское время. Для проведения объективного

философского анализа ее приходится сначала «выправлять», как искореженный автомобиль, а потом восстанавливать внутреннюю логику событий. Так, в современной системе политического времени крестьянская реформа не могла бы считаться запаздывающей, ибо уровень развития аграрной экономики позволял тогда полностью обеспечивать страну сельхозпродукцией, к экспорту продовольствия в период крепостного права никто не прибегал. Сами крестьяне восстаний не устраивали и после освобождения спокойно взаимодействовали с прежними хозяевами. Однако в рамках правил, существовавших у нас в середине XIX века, передовая часть общества считала крепостное право злом и позором страны. *Добавлю, забегаю вперед, что сегодняшняя Россия остро нуждается в освобождении от тяжелейшего бюрократического ига. Именно неуправляемая, корыстная, паразитирующая бюрократия являет собой главное препятствие на пути нашего развития. Ничто другое не мешает нам так, как нынешнее чиновничество, поставившее не себя на службу Отечеству, а себе в услужение всю страну.* Между тем никого, похожего на нового Александра II, мы пока не видим и не слышим.

Однако вернемся в светлое время настоящих, а не словесных реформ. Выражаясь современным языком, их следовало бы назвать комплексными и всесторонними. Преобразования носили не верхушечный, а глубинный характер. Изменение статуса и положения крестьян потребовало изменения форм управления, права и т.д., вплоть до реформы военного дела и системы образования. Было разработано и принято новое законодательство о земстве, или, иначе, о местном самоуправлении. В итоге в земских собраниях за одним столом встретились бывшие господа и их бывшие крепостные, причем встреча эта, как уже отмечалось, носила удивительно спокойный и деловой характер. Реформы в армии привели к сокращению срока службы: в 1859 году — до

15 лет, а с 1874 года, когда была введена всеобщая воинская повинность, — до 5 лет. Воинская служба сделалась нормальной гражданской обязанностью и перестала рассматриваться как тяжкое и вынужденное бремя. Правовая реформа, проведенная Александром II, привела на должности судей и адвокатов молодых людей с университетским образованием. Они поставили правовые отношения на большую высоту, освободили их от коррупции, сделали суд уважаемым в обществе местом решения социальных конфликтов. В мировом суде (аналог местного, районного суда) простые люди впервые оказались действительно равными перед законом с богатыми и знатными.

К несчастью, либерализация Александра II стала также временем зарождения терроризма. Бомба убийцы прервала его жизнь. Вынужденный консерватизм Александра III, архаичный характер общественного сознания одной части населения и неадекватная агрессивность другой помешали стране энергично продолжить необходимые демократические преобразования.

Анализируя изменения, проводившиеся в России в XIX веке, сделаю еще одно существенное уточнение: демократические преобразования происходили не на пустом месте, не на выжженной тоталитаризмом земле. Ко второй половине XIX века возрастающую роль в общественной жизни играли выборные органы и формирующиеся гражданские (т.е. создаваемые самими гражданами, а не властями) структуры и организации. Об этом хочется сказать особо, поскольку в ушах по сей день стоит барабанный грохот, поднятый при первых президентских выборах Ельцина. Их организаторы создавали абсурдное впечатление, будто наши предки никогда не слышали про такой феномен, как выборы. Сельские жители издавна объединялись в общину, по-другому — мир, который имел собственное самоуправ-

ление — сход. Местная власть находилась в ведении земств, в которых в обязательном порядке были представлены все сословия. Эти органы решали самые главные вопросы местной жизни — организация здравоохранения, образования, строительство и поддержание дорог. Свободные выборы проводились в земские органы, в суды разных уровней, в руководство университетов и др. Полноценными гражданскими объединениями стали Дворянское собрание, Купеческое собрание, Географическое и ряд иных научных обществ. Ориентация на новые ценности проявлялась даже в таком плохо совместимом с демократией занятии, как военное дело. М.И. Кутузов после не проигранной им битвы под Бородино дал приказ отступить и оставить Москву. Для командующего сохранение жизни солдат стало более приоритетно, чем спасение городских построек, которые после пожара старой столицы можно было восстановить. И действительно, вскоре после войны 1812 года в Москве появилось множество новых замечательных зданий и архитектурных ансамблей, подобные которым, несмотря на бурное строительство рубежа XX—XXI веков, теперь не возникают.

Между тем надо признать, что движение к качественному развитию, к динамизму, демократичности хотя и было в XIX веке отчетливо заметным, все же не стало определяющим. Для того чтобы эта тенденция набрала необходимую глубину и мощь, страна нуждалась в новых стратегических решениях, которые в конце концов были приняты. Общее дело, начатое по-разному и с разных сторон, было продолжено Русской революцией 1905—1907 годов. В итоге Россия обрела Основной закон, выборную Думу и преобразовалась из формально самодержавного государства в думскую монархию. Таким образом, политические свободы были обретены и дополнили действующие экономические свободы. Все это позволило России, завершив территори-

альную экспансию, начать мощный качественный экономический разбег уже в конце XIX столетия.

Последней помехой делу оставались лишь ограничения в крестьянской жизни. Они носили исторический, культурно-традиционный характер и были связаны с сохранением сельской общины. Освободившись от помещиков, крестьяне продолжали жить миром, сохраняя коллективную собственность на землю. Член общины не мог свой надел продать.

Испокон веку каждый общинник работал с максимальным напряжением, понимая, что только так он сможет обеспечить себя, сознавая, что при неблагоприятном стечении обстоятельств ему помогут соседи. Но в начале XX века появляются качественно новые агроприемы, новые удобрения, совершенно новая техника. С 1900 по 1913 год стоимость используемых в сельском хозяйстве машин увеличилась в 3,9 раза, количество вносимых минеральных удобрений возросло с 6 до 35 млн пудов. В итоге одни миряне стали работать с прохладцей (им и так хватало), а другие продолжали трудиться изо всех сил. Сельское хозяйство обеспечивало уже не просто выживание людей, оно становилось товарно-рыночным. Однако отстающим приходилось по-прежнему помогать, и развитие общины стало напоминать движение большого отряда, скорость которого равна скорости самого медленного воина. Активно происходила дифференциация и разложение общины. В этих условиях началась Столыпинская реформа. Российский премьер законодательными мерами и всеми иными средствами содействовал расселению крестьянства из мира на семейные хутора. Выражаясь современным языком, натурально-общинное хозяйство стало быстро превращаться в фермерское. Крестьянин наконец получил реальную возможность стать крепким, полновластным, самостоятельным хозяином... Здесь действитель-

но приходится поставить многоточие. Потому что Столыпинскую реформу не удалось довести до конца, а начинавшаяся III эпоха отечественной истории была прервана.

Нам же не до перерыва, нам пора завершать философско-исторический анализ и сделать необходимые выводы. Каковы же российские начала, каковы составляющие русской идеи? Ответ у читателя, думаю, уже готов. Главные компоненты русской идеи, отчетливо зафиксированные нашим философско-историческим исследованием, — это **православие и собирание земель, переросшее в имперскую политику**. Такой вывод и есть итог анализа 1000-летнего российского исторического маршрута.

Между тем, как вы помните, выполненная здесь работа — только начало. Теперь настало время перейти к анализу русского фольклора. Нам предстоит выяснить, какие идеи и ценности выражены в русских поговорках.

НАРОДНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РУССКОЙ ИДЕЕ

Мы по-прежнему стремимся приблизиться к подлинному образу исторической России, который важен и интересен сам по себе. Одновременно мы продолжаем поиск составляющих русской идеи. Весьма устойчивым, глубинным компонентом духовной культуры, не подверженным сиюминутным политическим веяниям, являются народные пословицы и поговорки. Подобно тому как минералы, извлеченные из морских глубин, открывают наблюдателю столетиями сохранявшиеся на их поверхности отпечатки исчезнувших животных, народный фольклор, независимо от меняющихся официальных, идеологических установок, сохраняет самые устойчивые идейно-ценностные представления народа.

Вот почему крайне интересно и полезно заглянуть в этот кладезь мудрости.

Сначала, как всегда, сделаем некоторые уточнения. Отдельные исследователи высказывают убеждение в «неанализируемости» пословиц. Почему? Все дело, мол, в их противоречивости. Есть, к примеру, поговорка «Разлука любовь бережет», а есть «С глаз долой — из сердца вон». И в результате нет ответа на вопрос: что же такое любовь? Замечу, что и в этом конкретном случае, и во всех других ситуациях никакого противоречия нет. Любовь явление широкое, у одних — бережет, у других — вон. И все это истинно.

Иная методологическая проблема, связанная с анализом поговорок, похожа на первую, но имеет свою специфику. Читая собранную Далем коллекцию, я обнаружил, что во многих рубриках сталкиваюсь с некоторым парадоксом. Мысль, высказываемая в 98% пословиц, в конце концов, каким-то одним суждением опровергается. Сопоставив разные типы текстов, я пришел к следующему выводу — народное мышление такое же живое и гибкое, как мышление отдельного человека. В нем выражены почти такие же перепады настроений, эмоций, чувств, которые бывают у всякого нормального индивида. Даже тот, кто неизменно хорошо относится к своим близким, припомнит ситуацию, в которой он «завелся», «сорвался» и наговорил что-то лишнее. Это только в цензурированных идеологических текстах существовало полное единообразие. Сколько бы вы ни ходили на октябрьские демонстрации, вы всегда видели плакаты «Слава КПСС», никто так и не пришел на Красную площадь с транспарантом «Долой КПСС».

Чтобы делать правильные выводы из пословиц, надо брать не отдельное высказывание, а анализировать рубрику целиком и фиксировать, каков вес того или иного суждения. Иначе выводы будут неправиль-

ными. Мне, например, пришлось долго спорить с одним автором, запомнившим почему-то суждение «Где община — там всему кончина», но не знавшим всю рубрику целиком, где зафиксировано очень уважительное отношение к общинному коллективизму. В поисках разрешения сформулированного здесь парадокса я пришел к выводу — в каждом свободно составленном сборнике суждений по определенной теме рано или поздно отыщется суждение, противоречащее предыдущим. В противном случае мы, скорее всего, сталкиваемся со специально подобранным, предварительно отцензурированным текстом.

Итак, передо мной книга с 30 000 паремий, собранных Владимиром Ивановичем Далем. Первоначально я думал, что, прочитав несколько десятков высказываний, легко составлю «таблицу русских ценностей», некий философский аналог таблицы элементов Менделеева. Если для советского человека главное — социализм и мировая революция, то у россиян на первом месте, скорее всего, окажутся Бог, Родина, земля, а где-нибудь месте на 10-м — деньги и т.д. На самом деле так четко разложить по полочкам и формализовать весь опыт, мудрость, переживания прежних поколений мне не удалось, может быть, это получится у кого-то другого.

Сложность при исследовании поговорок заключается в том, что никто не предложил подходящий способ их анализа и измерения. Где тот метр, которым можно, **ничего не потеряв**, перевести огромный, почти 1000-страничный текст в несколько десятков четких цифровых показателей? В конце концов, после перебора математических, логических, семантических и иных способов исследования, я нашел, как мне представляется, вполне эффективный прием. Речь идет о методике контент-анализа. Замечу, что по отношению к русским поговоркам она прежде не применялась.

Относительно контент-анализа известен такой любопытный эпизод, подтверждающий его эффективность. В конце 1944 года американские социологи, исследовавшие с его помощью открытую немецкую печать, пришли к выводу, что Германия собирается применить некое новейшее очень мощное оружие (позднее стало ясно, что речь идет об атомной бомбе). Эту информацию — ее подтверждали независимые разведданные — союзное командование учло, и соответствующие меры были приняты. Английская авиация разбомбила в Норвегии завод по производству тяжелой воды, непреложного компонента для изготовления немецкой атомной бомбы.

Для нашего исследования важно, что контент-анализ (буквально — анализ содержания) позволяет выявлять глубинный, внешне незаметный смысл того или иного текста. Но ведь меня как раз и интересует сущность, так сказать, соль пословиц. Не могу не упомянуть еще одну историю. Во время перестройки я познакомился в Москве с известным в то время американским советологом Виктором Зожей. Вспомнили 1968 год. И Виктор рассказал, как за месяц до ввода войск в Чехословакию с помощью контент-анализа газеты «Правда» он определил, что оккупация ЧССР состоится в конце августа. Зожа оказался единственным из журналистов и ученых, кто смог это предвидеть. Так что оснований для опробования соответствующей методики у меня было вполне достаточно.

Оставалось только определить, какой именно прием стоит применить, ибо в рамках контент-анализа их разработано довольно много. Перечитав пословицы, я решил обратиться к методу, который можно было бы назвать *обобщенным выражением смысла*. Он успешно применялся Михаилом Гаспаровым для анализа басен Эзопа (см. вступительную статью Гаспарова к сборнику: Эзоп. Басни. М., 1968). Поясню суть этого приема

конкретными примерами. В сборнике В. Даля в рубрике «Родина — чужбина» встречаем пословицы «Хвали за море, а сиди дома», «Не бери дальнюю хваленку, а бери ближнюю хаянку», «Своя печаль чужой радости дороже», «Хорош Париж, а живет и Курмыш» и т.д. Содержание всех приведенных высказываний обобщенно можно выразить одним суждением — лучше в своей стороне, чем в чужой.

Итак, открываем Даля. Все собранные паремии Владимир Иванович — а сборники русских пословиц выходили и до него — впервые разделил на рубрики. Для исследования я выбрал семь наиболее значимых и объемных тематических разделов: Бог — вера, земледелие, человек, Родина — чужбина, правда — кривда, богатство — достаток, народ — мир. В общей сложности в них входит 1100 паремий. Читателю, который не очень спешит, я хочу предложить немного поупражняться. Что, *на ваш взгляд*, наши предшественники думали о Родине, Боге, богатстве, — запишите несколько подходящих, по вашему мнению, суждений. А когда я покажу, что выявляет анализ пословиц, будет понятно, насколько адекватны наши представления о прошлом. Должен честно признать, что мои собственные субъективные ожидания и реальный результат оказались существенно различными.

Итак, начнем с раздела «Бог — вера», в него включено 283 пословицы и поговорки. В советское время в каждом учебнике по «научному атеизму», и не только в нем, всех читателей уверяли, что русский народ никогда всерьез в Бога не верил (само это слово можно было писать только с маленькой буквы), а если и была какая-то вера, то, скорее всего, языческая. Сегодня, по существу, утверждается обратное. Что же было на самом деле? Используя описанный выше метод, духовный опыт россиян можно свести к семи ключевым суждениям.

1. Бог — высшее и всеобъемлющее положительное начало. Об этом говорят пословицы «Велико имя Господне на земле», «В мале Бог и в велике Бог», «Божья вода по божьей земле бежит», или та же мысль, но через отрицание, так сказать, от противного — «Без Бога и червяк сглохнет» и др.

2. Бог во всех отношениях выше человека. Эту мысль передают все паремии, построенные на диспозиции: Бог — человек. Смотри, например: «Ни отец до детей, как Бог до людей», «Всяк про себя, а Господь про всех», «Больше Бога не будешь», «Человек ходит, Бог водит» и т.д.

3. Человеку следует стремиться к божественным, православным нормам и правилам жизни. Об этом пословицы «Богу молиться — вперед пригодится», «Кто перекрестясь работает — тому Божья помощь», «Одно трости — Господи прости» и т.д.

4. С Божьей помощью у человека все выходит лучше, но, делая дурное, к Богу не взывай. К такому выводу приводят пословицы «Бог полюбит, так не погубит», «На Бога помолишься — не обложишься», «Коли Бог по нас, то никто на нас», но «Лихо думаешь — Богу не молись» и т.д.

5. Бог накажет, но Бог и поддержит. Такой вывод можно считать некоторым уточнением и конкретизацией предыдущего суждения. Он вытекает из пословиц «Бог дал, Бог и взял», «Бог вымочит, Бог и высушит» и др.

6. Во всех делах человек должен сам усердствовать, а не просто уповать на Бога. Приведу здесь пословицы «Богу молись, а в делах не плошись», «На Бога надейся, а сам не плошай» и др.

7. Некоторая часть паремий в мягкой форме укоряет прихожан за известную леность и умеренность в вере. Покажу, на основании чего сделаны эти выводы. «В тревогу — и мы к Богу, а по тревоге забыли о Боге», или

«Попы за книжки, а миряне — за пышки», или «На дудку есть, а на свечку нет». Но нашлась и одна поговорка, призывающая к определенной религиозной сдержанности — «Богу молиться — не вовсе разориться» (т.е. надо заняться и мирским).

Перейдем к анализу полученных обобщений. Сформулированный ранее вопрос получил ясный ответ, подтверждающий, что вера у нас действительно была глубинной нормой жизни. Можно сказать больше — Бог был мерой всех вещей и отношений, потому что и в других рубриках сборника все ключевые термины так или иначе соотносятся с Богом. Они оцениваются, маркируются фольклором либо как богоугодные, либо как нежелательные. **Иначе говоря, Бог выступает как действительный создатель системы социальных координат, как точка отсчета русской культуры.**

Что касается следов язычества, а они, конечно, присутствуют в нашей культуре, эти отсветы было бы совершенно неправильно трактовать как свидетельства российского безбожия. На самом деле речь идет, во-первых, о неизбежных отголосках языческого эха, существовавшего в древних обществах десятки тысячелетий и потому так или иначе проявляющегося сегодня. Как говорится, прошлое никуда не исчезает, оно даже не становится прошлым. С другой стороны, присутствие языческого следа — свидетельство достаточно мягкого характера православия, свойственного далеко не всем мировым религиям. Например, утверждение исламской веры привело ее носителей к полному исчезновению языческого отзвука.

Анализ паремий позволяет лучше понять, чем же было православие не с точек зрения верующего или неверующего, а с позиций философии, в рамках объективного научного анализа. Итак, вера не была у нас фанатичной или сверхортодоксальной. Российское пра-

вославие характеризуют глубина, целостность, органичность, одновременно естественность, жизненность и живость, в чем-то даже самоироничность, а потому опять-таки гибкость и, следовательно, живучесть. Я исхожу из того, что разные культуры, тем более религии нельзя сравнивать в терминах «лучше» — «хуже», «правильней» — «неправильней». Любая из них представляет интерес и вызывает уважение, а кроме того, каждая настоящая культура целостна и самодостаточна. Но с учетом этого уточнения, тем не менее, можно сопоставить некоторые особенности ислама и православия. В первом часть верующих намеренно украшает лоб черной точкой, как бы показывая, что молебен был глубоким и на лбу остались его следы. В православной среде над неистово молящимся могли и поиронизировать.

Сравним также поведение приверженцев коммунистической идеи, точнее, героев искусства и литературы соцреализма, и поведение православного человека. Первые, что характерно, приносят себя в жертву, проливают свою и чужую кровь и гибнут за коммунистические идеалы. Тогда как идея Бога для россиян никогда не означала какого-то конфликта, надлома или разрыва. Она была глубокой, естественной и органичной одновременно. Опираясь на эту идею, христиане стремились так организовать мирскую жизнь, чтобы исключить всякие жертвы и кровопролития внутри общины, жизнь строилась в согласии с самим собой и с окружающими. Православие обеспечивало глубокую внутреннюю интеграцию, но работало и на противостояние внешнему, иному, другому, чужому, а в особых случаях этот чужой мог объявляться и врагом.

В отличие от этого, коммунистическая идея в ее советской интерпретации разъедала общество изнутри. Врагов следовало искать в собственном доме, хотя находили их повсеместно, вне дома тоже.

Стоит заметить, что тип вероисповедания — это очень важный дифференцирующий фактор российского общества. В паспортах тогда именно это и указывали, графа «национальность» отсутствовала, как и само это слово. Оно появилось и стало идентификационным принципом лишь в начале XX века.

«Земледелие» — следующая рубрика нашего исследования. У Даля она разделена на четыре подрубрики, три из которых выражают замеченные в природе и схваченные в паремиях приметы и отношения. (Например, «Живет и такой год, что на день семь погод», или «Журавль прилетел и теплынь принес», или «Цыплята прячутся — к сырой погоде» и т.п.)

Один из подразделов — в него Даль включил 260 пословиц и поговорок — выражает отношение россиян к земле и земледелию. Основные идеи этого массива сводятся к следующим суждениям.

1. Долг человека — работать на земле: «Господь повелел от земли кормиться» или «Держись за сошеньку, за кривую ноженьку» и др.

2. Работать на земле надо много и правильно (т.е. учитывая природные особенности). Эта мысль выражена во множестве паремий: «Наездом хлеба не напашешь», «Навоз отвезли — так и хлеб привезли», «Хлеб на хлеб сеять — ни молотить, ни веять» и др.

Несколько паремий особо заостряют эту мысль, подводя к выводу: будешь соблюдать правила земледелия — даже Бог не помешает собрать хороший урожай. Например, «Навоз Бога обманет» или «Вози навоз, не ленись, так хоть Богу не молись».

3. Урожай дает Бог: «Бог не родит, и земля не даст», «Бог с рожью, а черт с костром», «Уроди, Бог, повальный хлеб» и др.

4. Урожай зависит от погоды. Эта мысль содержится в пословицах «Сей под погоду, будешь есть хлеб год

от году», «Не земля родит, а год. Не земля хлеб родит, а небо» и др.

5. Абсолютное большинство паремий указывает на существование устойчивых связей и отношений в природе, которые необходимо помнить земледельцу. Например, «Как в мае дождь, так будет и рожь», «Сей рожь в золу, а пшеницу в пору», или «Лягушки кричат — пора сеять», или «Гречку сей, когда трава хороша», или «Крылатые муравьи показали — сей овес» и т.д.

6. Часть пословиц говорит о существовании устойчивого иррационального влияния человека на природу и природы на человека. Об этом поучения и паремии «Сея капусту — пересыпь зерна из руки в руку, иначе уродится не капуста, а брюква», «Сажая капусту, приговаривают: не будь голенаста, будь пузаста, не будь мала, будь велика», «Если испечь луковицу прежде, чем лук собран с огорода, то весь лук высохнет», «Во время града выкинь помело в окно — пройдет».

7. Большинство содержащихся в рубрике пословиц позволяет сделать еще один вывод, отчасти являющийся также результатом обобщения предыдущих. Наши предки ощущали себя совершенно неотъемлемой частью природы, осознавали свое всестороннее единство с ней. Вживаясь в природу, сливаясь с ней, человек мог сохранить и продолжить себя. «Коли печень шуки к голове толще — ранний посев будет лучше, а к хвосту — поздний». Фантастика! «Сколько раз бухало (выпь) будет бухать, по стольку кадей хлеба будешь молотить с овина», «Кого кукушка закукует голодного (натошак), тот осенью не закармливает скотины, иначе она всю зиму будет голодна» и т.д.

Анализируя полученные обобщения, можно сказать, что земледелие и, более широко, выживание на Руси требовало максимального напряжения сил — надо было работать и много, и правильно, опираясь на веру

в Бога, на здравый смысл и на сохранившиеся языческие поверья. Россия, оставаясь в зоне европейской земледельческой культуры, находилась на ее окраине. Народы, проживающие в более суровых природных условиях, обычно культивируют скотоводство, а не земледелие. Некоторые историки, например Б.А. Рыбаков, считают, что в период, предшествовавший созданию Русского государства, наши предки, проживавшие на этой территории, также начинали с занятий скотоводством, но затем все-таки смогли освоить земледелие.

Анализ пословиц выявляет высокую трудовую мораль, существовавшую в прошлом. Ни одна паремия даже не обсуждает вопрос — надо ли хорошо работать или нет. Такой сюжет вообще отсутствует. Каждый и без того должен был работать и работал с полной отдачей. Вчитываясь в сохраненные стараниями В.И. Даля, но переставшие быть неотъемлемой частью живого фольклора суждения, мы сознаем, как много было потеряно! И насколько эти выводы противоречат некоторым стереотипам, формируемым по сей день. Московский юморист М. Задорнов в одной из интермедий пытается доказать, что, в отличие от американцев, русские никогда не хотели работать. Вот и поговорки у нас соответствующие: «Работа не волк», «Дурака работа любит». А посидел бы Задорнов с томиком Даля, тогда бы понял, сколь высоки были в прошлом трудовые нормы и правила. И заодно увидел бы, где поговорки советские, а где — русские. Кстати, еще А.И. Солженицын заметил, что слова «халтура», «туфта» — из советского лексикона. Прежде они не употреблялись.

Рассмотрим теперь одну из самых объемных рубрик сборника В. Даля — «Человек». В общей сложности в ней собрано 625 паремий. Большой частью это разного рода присловья, подшучивания по поводу индивидуальных особенностей человека. Например, «Чихнул —

головой вильнул», «Его в три объёма не обнимешь» или «По роже знать, что Сазоном звать» и т.п. Такие поговорки показывают присутствие шутки и юмора в бытовых отношениях.

Весь массив паремий о человеке разделен составителем сборника на четыре части. Мы анализируем первую, состоящую из 96 пословиц, имеющих более глубокое философское звучание. Вообще рубрика «Человек» отличается от остальных, по крайней мере, одной специфической деталью. За каждым обобщением предыдущих разделов стоит, как правило, десяток-полтора паремий. В рассматриваемой сейчас теме некоторые суждения я должен был вывести из одной, двух, трех пословиц. Но паремии эти столь значимы, что не заметить их было нельзя. Часть выводов, как и прежде, строится на обобщении десятка и более пословиц, значение такого вывода должно быть более основательным. Заключение, сделанные из одного-двух суждений, я помечу звездочкой. Признаю, что используемый здесь вариант контент-анализа к рубрике «Человек» применим с некоторым уточнением. Дело не в том, что метод плох, но в том, что создатели пословиц сами провели необходимые обобщения и выразили свой опыт в достаточно универсальных суждениях.

Итак, 12, а не 6—7, как обычно, итоговых суждений.

1. *Мир огромен, и весь этот мир для человека. Это вывод из двух пословиц — «Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля» и «В мире, что в омуте: ни дна, ни крышки».

2. Человек грешен, от человека добра не жди. Об этом поговорки «Мир в суетах, человек в грехах», «От живого человека добра не жди, а от мертвого подавно», «Все люди ложь, и мы тож» и др.

3. *Бог выше человека. Об этом только одна пословица: «Бог — что захочет, человек — что сможет».

4. Все люди — одна семья, и границ между ними нет. «Что ни человек, то и я», «Человек человека стоит» и др.

5. Несколько поговорок видит общественный идеал в прошлом, но ни одна — в настоящем или будущем. Такая система ценностей характерна для устойчивых, стабильных, эффективно функционирующих культур. «Старое вымерло, а новое не народится», «Человек бы человеком, да облика Господня в нем не стало».

6. Несколько паремий утверждают, что нравственность дороже, чем богатство: «Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом».

7. Душа и тело противостоят друг другу, духовное выше телесного. Это основная идея паремий «Чистота духовная паче телесной», «Душа всего дороже», «Не об одном хлебе сыты бываем» и др.

8. Честь и совесть в человеке от Бога, проявляются они через стыд и страх («Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет — и совести нет», «В ком есть страх, в том есть Бог», «За честь и голова гинет»). Значит, **честь дороже жизни**, а ведь каждый советский школьник должен был заучить слова Н. Островского «Самое дорогое у человека — это жизнь». В исторической России именно за оскорбление чести вызывали противника на дуэль.

9. Излишняя стыдливость приводит к тому, что человек оказывается обделенным. Судя по поговоркам, такие ситуации порой возникали. Об этом паремии «Стыдливый из-за стола голодный встает», «Стыдиться жены, так и детей не видать», но «Как сыт стал, так и стыд взял» и др.

10. Люди разнятся — есть совестливые, есть и бессовестные. Об этом поговорки «Душа христианская, да совесть цыганская», «У него совесть — дырявое решето», «С его совестью и помирать не надо» и др.

11. Безнравственный поступок не скрыть, но если человек вовсе без морали, его ничем не проймешь. Об

этом поговорки «Кто слова не боится, тому и плеть не страшна», «Как нет души, так что хошь пиши», «За кем нет погони, тот и не бежит».

12. Человека нельзя ни познать, ни предсказать до конца, в каждом человеке есть тайна. Об этом поговорки «Нет таких трав, чтоб знать чужой нрав», «Сердце не лукошко, не прорежешь окошка», «Чужая душа потемки».

Перейдем к более общим выводам и заключениям. Пословицы выявляют удивительную укорененность нравственно-религиозных начал. Наши предки не знали, что такое народ-несун, народ-халявщик или народ-доносчик. Это особенно хочется подчеркнуть, ведь мы анализировали не прошедший цензуру моральный кодекс строителя коммунизма, а самые обычные, повсеместно распространенные поговорки. Они вовсе не идеализируют реальность, они признают существование зла, но среди сотен суждений нет ни одного высказывания, поощряющего стремление к отрицательным ценностям.

Многие обобщения, утверждающие приоритет духовного, нравственного, поднимают, очищают, возвышают человека, они свидетельствуют о правильном, здоровом устройстве культуры. В обществе, утверждающем противоположные ценности, с неизбежностью будет происходить процесс социальной деградации.

Пословицы рассматриваемой рубрики жизненны и реалистичны, они не упрощают образ человека, а передают всю сложность и противоречивость его натуры. В них нет ни ортодоксального морального фанатизма, ни капли цинизма. Еще один вывод касается того, что пословицы обнаруживают определенную целостность, слитность российского общества. Поговорки рубрики «Бог — вера» довольно легко классифицируются на небольшое количество суждений, ибо Бог один и он един. Многомиллионное коренное население России выра-

жает себя в целостном, непротиворечивом, хотя и не упрощенном, неоднородном наборе суждений. Анализ поговорок выявляет существование единой российской общности, единой духовной целостности, построенной на православии или, что по существу то же самое, на общечеловеческой нравственности.

Ключевое понятие русской культуры — понятие «правда». В сборнике Даля к этой тематике примыкают целых три рубрики: «Правда — кривда», «Правда — неправда — ложь» и «Неправда — ложь». Первая из них — самая объемная, в ней 139 пословиц — более других подходит для изучения методом контент-анализа. А поскольку она тоже должна раскрывать место и роль морали, мы рассмотрим ее вслед за рубрикой «Человек». Смысл исследуемой группы суждений сводится к семи основным тезисам.

1. Правда — превыше всего. Об этом пословицы «Правда — светлее солнца», «Правда — дороже золота», «Кто за правду горой — тот истый герой» и др.

2. Бог — в правде, а неправда — от лукавого. Таков вывод из паремий «В правде Бог помогает, а в неправде запинаят», «Бог тому дает, кто правдой живет», «Вся неправда — от лукавого» и др.

3. Без правды нет жизни. Это результат анализа пословиц «Без правды не живут люди, а только маются», «Без правды жить — с бела света бежать», «Без правды веку не изживешь» и др.

4. В правде — великая сила. Суждение, выводимое из пословиц «Правда суда не боится», «От правды некуда деваться», «Правда уши дерет» и др.

5. Некоторым уточнением предыдущего тезиса можно считать следующее суждение — ни правду, ни ложь скрыть невозможно. Об этом паремии «Как ни путай, а Божья воля распутает», «Кровь пути кажет», «Огонь под полой недалеко унесешь» и др.

6. Говорить надо правду, хотя это и сложно. Таковы пословицы «Правду говори, что дрова руби», «Велику правду говорить — не легче лжи», «Нечего Бога гневить, надо правду говорить» и др.

7. Бог любит правду, а люди — нет. К такой мысли приводят пословицы «Правда у Бога, а кривда — на земле», «Правдою жить — от людей отбить, неправдою жить — Бога прогневить», «Правду говорить — никому не угодить» и т.д.

Перейдем теперь к обобщениям следующего уровня. Во-первых, паремии о правде сами представляются очень правдивыми. Отражая сложность бытия, они в то же время не идеализируют и не переоценивают происходящее. Представления о правде помогают человеку сохранить себя, правильно ориентироваться, не опускаться, но подниматься над житейской суетой. Правда представляется как высшая ценность, без нее все теряет смысл. Противоположных по значению поговорок русский народ не сложил. И потому Россия, оставаясь климатической и географической окраиной Европы, могла считаться ее нравственным центром.

Еще раз поясню, что в сборнике Даля можно найти, хотя это и большая редкость, даже очень пессимистические высказывания, например «Всяк человек ложь — и мы тож» или «Изжил век, а правды нет». Удивляет другое. При всех сложностях и противоречиях правда для наших предков оставалась высшим нравственным идеалом. Она, как писал В.М. Шукшин, входит в те высшие ценности, которые Россия сохраняла, отбирала, возводила в степень уважения. Не случайно, в отличие от латиноязычных культур, в русском языке наряду с понятием «истина» существует не менее значимая категория «правда», т.е. такая истина, которая нравственна и человечна. Точного аналога этому слову в западно-европейских языках просто не существует. Русский народник, социолог Н.М. Михайловский различал прав-

ду-истину и правду-справедливость. Истина, вообще говоря, может быть любой, даже бездушной и антигуманной, правда — нет. Восприятие мира как слитого с божественным началом проявилось в России не в искусстве барокко и рококо, как это было на западе континента (читайте об этом подробнее в книге О. Шпенглера «Закат Европы»), но в принятии в наш язык и сознание особого понятия — понятия «правда». Добавлю, что в исторической России люди не могли обойтись без еще одного характерного и ныне почти забытого слова — «праведник».

Стремясь не утратить научную объективность, необходимо учитывать и такое обстоятельство. В западноевропейских языках есть термин «истина»; в русском — термин «правда», объединяющий истинное и нравственное. А в китайском языке есть иероглиф, обозначающий единство трех начал — истинного, нравственного и прекрасного. Почему Россия оказалась как бы посередине такого синтеза — тема отдельного исследования. Впрочем, у нас есть, пожалуй, некоторый аналог и этого иероглифа — это слово «благо».

Полезно для нас будет проанализировать отношение предшествующих поколений к бедности и богатству. В сборнике Даля есть три близкие по смыслу рубрики — «Достаток и убожество» (больше полутысячи суждений), «Богатство и убожество» и 96 паремий в разделе «Богатство и достаток». Само это многообразие подтверждает, что рассматриваемая проблема находилась в фокусе внимания российского сознания. Используя прежнюю методику и не принимая во внимание несколько единичных малосущественных суждений (например, «Смерть животы кажет», т.е. имущество), смысл поговорок рубрики «Богатство и достаток» вновь сводится к семи ключевым суждениям.

1. Деньги делаются людьми. В этом суть пословиц «Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили», «Деньги не голова, наживное дело», «Деньги — временем хлопоты» и др.

2. Деньги порождают заботы и проблемы. Большая часть всех паремий выражает этот и следующий (№ 3) тезисы. «Деньги — забота, мешок — тягота», «Через золото — слезы льются», «Меньше денег — меньше хлопот» и многие другие.

3. Деньги портят человека. Вывод сделан из суждений «В аду не быть — богатства не нажить», «Богатый и не тужит, да брюзжит», «Грехов много, да и денег вволю» и др.

4. Не богатство достоинство, но щедрость. Таких пословиц несколько — «Не проси у богатого, проси у тороватого», «Не богатый кормит, тороватый» и др.

5. Деньги любят четкий расчет. Это главная идея поговорок «Деньги не щепки, счетом крепки», «Счесть, да после сгрести» и др.

6. Деньги не главная ценность. Это основной смысл поговорок «Деньгами души не выкупишь», «Не штука деньги, штука разум», «Не хвались серебром, хвались добром» и др.

7. Бедному человеку жизнь дорога. Таково заключение из пословиц «Дорог хлеб, коли денег нет», «Что шаг — то гривна», «Кусхватишь — рубль платишь, досыта наешься — не разделаешься» и др.

Анализ и этого ряда пословиц показывает, что нравственные ценности в исторической России значили больше, чем ценности материальные. Некоторые паремии содержат еще более жесткое суждение — материальные ценности не только ниже духовных, но *иногда* они превращаются в антиценности.

Выделим еще два важных уточняющих суждения. Фольклор показывает, что богатство вполне может быть достигнуто, в ряде случаев — это просто результат це-

ленаправленных трудовых усилий. Кроме того, в паремиях присутствует мысль, что жесткой, непреодолимой грани между богатством и бедностью не существует. Наконец, паремии осуждают богатство, нажитое несправедливо, и одобряют нажитое честным трудом (такое было возможно).

Некоторые авторы этимологически выводят слово «богатство» из слова «Бог», соответственно убожество есть нечто, не угодное Творцу. Замечу, что подобная этимологическая трактовка неверна, но подробное обоснование такого вывода выходит за рамки нашего исследования.

Перейдем теперь к еще одной важной рубрике. Как уже отмечалось, жизнь большинства россиян на протяжении многих столетий проходила в общине, которая была самой устойчивой традиционной формой, организующей социальные отношения сельского общества. Посмотрим, как наши предки представляли свою общину, как к ней относились, как изображали ее пословицы. Пристальный интерес к этой тематике связан еще и с тем, что многие отечественные философы причисляли соборность и коллективизм к фундаментальным, характерообразующим особенностям российского общества.

В сборнике В. Даля находим рубрику «Народ — мир», в ней 71 паремия. Кстати замечу, что в пословицах не употребляется термин «община», во времена Даля общеупотребимым был его синоним, понятие «мир». Это показатель само по себе. Ведь община представляла ту целостность, то объединение, в котором люди прежних поколений являлись на свет и пребывали всю свою жизнь. Значение такого сообщества выражено в самом его названии — «мир». Итак, смысл этого ряда пословиц сводится к шести ключевым выводам. Причем больше половины всех суждений в разной форме подводят к двум первым.

1. Решение мира — самое главное.

2. Община — огромная сила. Этому учат паремии «Что мир порядил, то Бог рассудил», «На мир и суда нет. Мир один Бог судит», «Что миром положено, тому быть так» и «Мир заорет — так леса стонут», «Коли все миром вздохнут, и до царя слухи дойдут», «Мирская шея толстая» и др.

3. Несколько поговорок подчеркивают, что в общине надо жить по ее правилам: «Попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй», «Вперед не забегай, а от своих не отставай!», «Берись дружно, не будет грузно».

4. В общине все сообща, все решения принимаются вместе, но и здесь должен быть руководитель: «И мир не без начальника», «Мир всех старше, а и миру урядчик есть».

5. Несколько пословиц говорят о роли сходки как способе управления общиной («Сошелся мир — хоть сейчас воевать, разошелся мир — на полатях лежать» и др.).

6. Две-три поговорки утверждают, что отдельный человек умнее общины («Мужик умен, да мир дурак»).

Приведу еще пару пословиц из той же рубрики, идеи которых не повторяются другими паремиями. «Царство разделится — скоро разорится» — вот зачем нужна была община, в одиночку человеку не продержаться, да и всей стране это наука. И еще — «В народе, что в туче: в грозу все наружу выйдет». Точнее и выразительнее сказать, наверное, невозможно.

Мы видим, что контент-анализ фольклора оказывается не менее содержательным, чем философско-исторический анализ. Основой российской жизни и российского сознания действительно была община. Более того, мир можно считать своеобразной основой российского гражданского общества. Ни в XV, ни в XVII, ни в XIX веках человек не был у нас бессилен, незащищен, одинок, потому что его защищал

мир. Человек оказывался частью коллектива, в котором другие готовы были прийти на помощь, где тяготы личной жизни и обязанности перед государством делились на всех, справедливо, по-христиански. Впрочем, устройство мира, конечно, не следует понимать упрощенно, как некое место, где все сообща трудились, а потом поровну делили результаты. Никакого деления поровну не было. Главная особенность мира в том, что он был коллективным собственником обрабатываемой земли. Продажа своего надела исключалась, да и сами участки внутри общины постоянно переходили от одних к другим. Таким образом формировалась не частнособственническая, а коллективистская психология. Это правило действовало и для тех крестьян, которые освободились от крепостничества в 1861 году, и для тех, кто вообще никогда крепостным не был.

В современной России община, конечно, не сохранилась и, что гораздо хуже, нет и сформированного гражданского общества. Отдельному человеку очень сложно выразить и отстаивать свои интересы, когда государство их попирает. Однако сохраняющиеся традиции коллективизма могут помочь в создании новых гражданских структур.

Анализ фольклора мы завершим рассмотрением, пожалуй, самой значимой для нас рубрики — «Родина — чужбина», в которую Даль включил 125 паремий. Методика контент-анализа позволяет их очень четко расклассифицировать.

1. Смысл большей части пословиц (69 суждений, более 60% всего объема рубрики) можно передать следующим образом — в своей стороне всегда лучше, чем в чужой. Вот примеры таких суждений: «Хвали заморье, а седи дома», «Своя сторонушка и собаке мила», «Мила та сторона, где пупок резан» и т.д.

2. Человек должен принимать нормы и правила той стороны, в которой он живет. «В какой народ придешь, таку и шапку наденешь» или «Где жить, там и слыть».

3. Кто хочет чего-то добиться, не должен сидеть на одном и том же месте. Об этом паремии «Дома сидеть, ничего не высидеть» или «На одном месте и камень мхом обрастет».

4. И в других краях можно жить. Это вывод из суждений «И за горами люди живут», «К нам люди ездят — к себе в гости зовут», «И кулик чужу сторону знает» и др.

5. Между деревней и городом, между Москвой и другими городами существует некоторое противостояние и спор. Это смысл примерно десятка пословиц («Жить в деревне — не ведать веселья», но «Город — царство, а деревня — рай», «Хороша Москва, да не дома» и др.).

6. Сытая добрая жизнь важнее привязанности к родному месту. Об этом три пословицы: «Где ни жить, только бы сыту быть», «Хоть в Орде, да в добре», «Пойду туда, где про меня рожь молотят».

Анализ полученных заключений я бы начал не с того, что в них содержится, а с того, чего в них нет. Как видим, здесь нет никаких угнетенных, никакого «чей стон раздается». Образ нищей и убогой России не соответствует образу, созданному самим народом и выраженному в его фольклоре. Пословицы выявляют глубокую связь, сродненность человека с местом, где он живет. Причем эта привязанность не выводится из каких-то специфических особенностей, она мотивируется не рационально, а скорее эмоционально-психологически. Собственно, так формируются симпатия и любовь, и потому можно говорить о здоровых, естественных общественных отношениях, существовавших в те времена, ибо к чужому, к предавшему, к мачехе не тянутся, притягивает лишь свое, родное.

Пословицы выявляют также не жесткую интегрированность, не абсолютную централизованность русских земель, но их своеобразное мягкое сосуществование. Страна в целом выглядит в первую очередь как множество близких разным людям малых родин и уже затем как единая Родина и держава. Чужбиной является и та земля, что за горой, и та, что в Париже. Понятия «граница» и «заграница» не имели в прошлые столетия того рокового смысла, который укоренялся в советском человеке, когда каждый помнил — граница на замке! В пословицах присутствует отброшенный в СССР мотив знания и разумного одобрения заграницы.

В фольклоре отразилась еще одна специфическая особенность прежней жизни. Главной проблемой того времени оставалась проблема выживания, во всяком случае, переезд в другие края, ради ухода от нужды, никем не осуждался и считался приемлемым. У прежних поколений, как я уже отмечал, не было ни религиозного, ни тем более идеологического фанатизма, что свидетельствует о достаточно мягком, нетоталитарном характере государства. В то же время условия жизни, прежде всего климатические, не были особенно легкими. Поэтому в крайних случаях люди были готовы сменить место жительства, чтобы выжить. В образе жизни прежних поколений преобладал здравый смысл, тогда как в советское время людям навязывался идеологический абсолютизм.

Уже в опыте, полученном в давние времена, присутствует одобрение активности, подвижничества. Поговорки подтверждают, что русские побывали в разных краях, их суждения о чужих землях обоснованны и фундированны. Такой опыт привел их к пониманию иных правил и норм жизни, при этом ни о каком разочаровании в собственной жизни в паремиях речь не идет.

Перейдем теперь к обобщениям следующего уровня и к продолжению поиска ответа на главный воп-

рос — о содержании русской идеи. Что нам открыли паремии? Честно скажу, что, когда 10 лет назад впервые проделал эту работу, я испытал сильное эмоциональное переживание. Возникло ощущение, что я напрямую, без посредников и искажающих шумов времени общаюсь со своими предками. Соответствующие методики позволяют хорошо расслышать голос истории. В сборнике Даля осталось еще много неисследованных рубрик, желающие могут продолжить начатый диалог поколений.

В целом анализ паремий действительно позволил приблизиться к более точному образу страны, как и к представлениям о ее системе ценностей. Первый вывод касается православия. Оно, несомненно, составляло основу российских правил, и этот вывод подтверждается выводами предыдущего историко-философского исследования. Значение веры выявляет не только рубрика о Боге, но и ряд других подразделов сборника. Поговорки о правде, о человеке, даже раздел «Богатство — достаток» показывают особую значимость морали в нашей культуре. Приоритетное место нравственности есть прямой показатель укоренения православных норм. В мировых религиях есть много общего, но есть конечно же и специфика. Никакая религия не противоречит морали, но на особый пьедестал возводит ее именно православие, и это отражается в пословицах. В иных конфессиях сложились свои системы ценностных приоритетов, о чем мы будем говорить позднее.

Анализ пословиц заставляет также особо отметить роль общины и формируемого ею коллективизма. Несколько опосредованно на значение мира указывает исследование истории. Существенно то, что П. Столыпин не мог ввести страну в XX век, не реформировав общину. Значит, община имела базисное, фундаментальное значение в российской социальной системе. Паремии также показывают особое значение мира

и коллективизма. Следовательно, их также следует рассматривать как важную составляющую российской системы ценностей.

Итак, анализ фольклора подтвердил и показал особое значение православия и общинного коллективизма. Теперь можно двигаться дальше.

РОССИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ЗЕРКАЛО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РУССКОЙ ИДЕЕ, ИЛИ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РОССИИ

Результаты анализа истории и фольклора дополним и проверим анализом отечественной поэзии. Я уже упоминал о принципиальной сложности исследования художественной прозы, написанной в традиции критического реализма. К сказанному добавлю, что в соответствии с положениями теории информации поэтический текст оказывается более содержательным и концентрированным, чем прозаический. Он для нашего рассмотрения предпочтительнее еще и потому, что позволяет реконструировать образ России не по косвенным признакам — через характеристики героев, а напрямую, непосредственно. Давайте соберем и проанализируем стихотворения российских поэтов о Родине. Рассмотрим все сочинения, в названии которых или в первой строке упоминаются слова «Русь», «Отечество» и т.п.

Работа начинается с просмотра приблизительно сотни поэтических сборников, изданных в разные годы разными издательствами, в которых представлена русская поэзия XIX века. В них я выделил все стихотворения, посвященные России. В тех нечастых случаях, когда поэт написал два или даже три стихотворения на интересующую нас тему, я проявил некоторый субъективизм и оставил только одно, показавшееся мне более выразительным и значимым. (Это касается сочинений пяти авторов — А.И. Плещеева, А.С. Хомякова,

Н.А. Некрасова, А.К. Толстого и Ф.И. Тютчева.) Все остальное было собрано без какой-либо селекции в «единый банк поэтических данных». В нем оказалось 14 сочинений, перечислю их в хронологической последовательности.

А.Ф. Мерзляков. Росс. 1797.

Е.А. Баратынский. Родина. 1821.

А.С. Хомяков. России. 1839.

М.Ю. Лермонтов. Родина. 1841.

С.Ф. Дуров. Куда ни посмотришь — повсюду. 1848.

И.С. Никитин. Русь. 1851.

В.С. Курочкин. Тысячелетие России. 1862.

Ф.И. Тютчев. Умом Россию не понять. 1866.

П.А. Вяземский. Русский Бог (между 1850 и 1877).

А.К. Толстой. История государства Российского. 1868.

Н.А. Некрасов. Есть и Руси чем гордиться. 1877.

И.А. Бунин. Родине. 1891.

А.Н. Будищев. На Родине. 1891.

Н.М. Языков. Родине (написано между 1889 — 1893).

Слышу, слышу, кто-то уже недовольно чертыхается — почему же автор не включил в перечень известное патриотическое стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России»? Дело в том, что оно по форме принципиально отличается от предыдущих текстов. Если 14 выделенных авторов рассказывают о том, что есть Россия, то А.С. Пушкин рассказывает о том, что стране приписывают и чем она не является. Метод анализа, который я использовал и который чуть позже опишу, для разбора такого типа конструкций не подходит.

Особо остановлюсь на знаменитом стихотворении Ф.И. Тютчева. Похоже, его глубинный, философский смысл не был осознан ни его, ни нашими современниками. Почему Тютчев утверждает, что Россию нельзя понять? Что хочет он этим сказать? Поэт

был не чужд философии, в качестве дипломата долго проработал в Германии и наверняка был знаком с сочинениями И. Канта. Кант же в своей теории познания убедительно показал, что познаваемо только ограниченное и конечное. Бесконечное всегда остается объектом веры. Надо ограничить место знания, писал Кант, чтобы оставить место вере. Высшим объектом веры является Бог. Когда Тютчев пишет, что **в Россию можно только верить**, он боготворит свою Родину!

Мы видим, что в список вошли авторы, представляющие различные литературные, философские и даже политические направления. Их творчество представляет воззрения разных периодов XIX века, здесь присутствуют сочинения самых известных и значительных поэтов столетия и имена менее популярные и менее влиятельные. Поэтому в целом получившийся список можно считать представительным или, как говорят социологи, репрезентативным. Правда, на первый взгляд анализ 14 стихотворений кажется информационно значительно более бедным, чем анализ 1100 пословиц. Но социология доказывает другое. Минимальный по количеству представленных в нем единиц массив, обработка которого дает добротные, обоснованные выводы, состоит как раз из полутора десятков объектов. Иначе говоря, отыщи мы не 14, а 140 стихотворений о России, результат их анализа принципиально не отличался бы от того, что мы получаем в нашем случае. (Если какому-либо читателю известны какие-то иные стихотворения о России, кроме тех, что были указаны, и он будет так любезен, что пришлет тексты автору, я обещаю их также проанализировать и учесть в следующем издании книги.) Несмотря на разнообразие названий, а некоторые сочинения таковых вообще не имеют, каждое из 14 стихотворений — это маленький поэтический портрет России.

Можно ли трансформировать эти 14 картин в некий общий портрет? Как из тонких поэтических кружев выплести строгие формальные характеристики, подпадающие под объективное рациональное исследование? Да, это опять проблема метода. И к счастью, такой прием хорошо известен в лингвистике, он называется методом анализа семантического поля. Суть его заключается в том, что, обращаясь к каждому поэтическому тексту, необходимо всякий раз выписывать те суждения, которыми автор характеризует Россию. Все остальное нужно опустить. Каждое такое суждение уникально и индивидуально. Все выписанные суждения несложно сгруппировать и разделить на

- а) положительные;
- б) отрицательные;
- в) нейтральные.

Проделав эту работу, я получил следующее наполнение семантического поля слова «Родина». Начну с суждений, носящих позитивный характер.

1. Россия — это огромные пространства, богатейшая природа, великая страна. (Мысль повторяется 9 раз.)

2. Россия — страна богатой истории и славных героических побед. (Повторяется 6 раз.)

3. Россия — это Родина, то, что близко, связано с любимыми воспоминаниями, то, что будут ценить и потомки. (6 раз.)

4. Достоинство и ценность России — в ее вере, в православии. (2 раза.)

Остальные высказывания этой группы носят единственный характер, приведу и их.

5. Россия, родина — место, где хочется возделывать землю.

6. Россия — страна мира и счастья.

7. Россия — страна особая, в которую можно только верить.

8. Прелесть России не в монументальности, но в ее повседневности с сельскими пейзажами и обычаями простых людей.

9. Тот, кто укоряет Россию, подобен сыну, устыдившемуся любящей его матери.

Теперь перейдем к суждениям, имеющим скорее негативный, отрицательный характер. Лишь одно из них — относительно иностранцев — повторяется дважды.

1. Россия — страна многочисленных забредших сюда иноземцев, особенно немцев. (Надо пояснить, что в прежние времена немцами называли всех пришельцев из Европы — и шведов, и голландцев, и самих немцев и т.д.) Бросается в глаза принципиальное отличие отношения к иностранцам в исторической России и в СССР, где ничто так не ценилось, как возможность общения с людьми из других стран.

2. За 1000 лет истории в России почти никогда не было порядка.

3. Русские заводчики напрасно гордятся нашим богатством.

4. Россия — страна суровой природы и общей нестроенности убогих людей, глупости и нелепости.

5. Нынешние министры напоминают смешных, нелепых детей.

6. Здесь повсюду встречаются грусть и людская мука.

7. Русское горе и терпение должны иметь границы.

Перейдем теперь к высказываниям, не имеющим отчетливо негативный или отчетливо позитивный характер, каждое из них единично и не повторяется.

1. Россия близка молениям убогого труженика о лучшем и свободном дне.

2. Здесь слышны родные звуки тоскливой и раздольной песни.

3. В России суровая красота.

4. Россия рационально непостижима.
5. И России есть чем гордиться, но предмет ее гордости далеко и глубоко упрятан.
6. Так ли хорошо Россия прожила свое тысячелетие?
7. В России не самая лучшая, не самая передовая пресса.

Прокомментирую полученные результаты. Прежде всего замечу, что они действительно есть. Ведь едва ли кто-то мог четко представить, каков образ России, создававшийся отечественной поэзией, до проведения соответствующего исследования. Во всяком случае, у меня такой картины не было. Как соотносятся сюжеты, созданные профессиональными сочинителями, с образами, рожденными народным творчеством, с реальной исторической канвой, оставленной нашими предками? О чем хочется сказать, разгуливая по широкому русскому семантическому полю?

Первое, что приходит в голову и о чем уже отчасти говорилось, — мысль о свободе. То, что я нахожу в поэзии, противоречит клишированному образу забитого народа и забитой страны. Русские поэты свободно рассказывали о достоинствах и недостатках своего отечества. Неабсолютизм власти российского государства выводится из многих оснований. Несколько гиперболизируя, можно сказать, что каждый советский поэт должен был сочинить минимум полтора десятка стихотворений о любимой Родине и партии Ленина—Сталина. А на тысяче русских поэтических страниц мы находим лишь два десятка сочинений об отечестве. Кроме того, в поэзии мы встречаем выписанные открыто, а вовсе не эзоповским языком как положительные, так и весьма отрицательные характеристики нашей жизни. У советских поэтов рассуждений о подобных недостатках встретить невозможно. Сам язык русской поэзии, жизненный и органичный, прин-

ципиально отличается от искусственно идеологизированных текстов советских стихотворений.

Анализ поэзии выявляет преобладание природно-пространственного описания над социокультурным. Эта характеристика является своеобразным поэтическим подтверждением уже знакомой нам особенности — речь идет об активно формирующейся стране, об энергичной экспансии россиян, затрачивавших большие усилия на присоединение новых территорий. Социокультурная интеграция не может опережать этот процесс, соединение территорий и пространств остается на первом плане. Духовное сближение племен и народов носит догоняющий, вторичный характер. Но эти рассуждения справедливы с одним неизменным уточнением. Пространство, природа для наших предков никогда не была холодным пейзажем, тем более объектом завоеваний. Человек сознавал себя погруженным в природу как в материнское лоно, он слит и един с ней, человек и природа — даже не части друг друга, но скорее целостное единство. Духовное освоение присоединяемых пространств как раз и начиналось органичным слиянием с ними. Окультуренное природное пространство становилось общим знаменателем межплеменной социальной интеграции.

Огромные размеры государства отражаются и звучат в самом русском слове *прО—стрАн—ствО*, с тремя гласными, с двумя открытыми «О». Это звучание совсем не похоже на зажатое согласными, короткое немецкое «Rraum» или чуть менее тесное английское «Room». **Анализ поэзии, как и исследование истории, в характерной для него форме подтверждает, что собирание земель было для россиян важнейшим делом.**

Исследование поэтических текстов также отмечает особое значение православия в нашей культуре.

Еще один вывод из проведенного анализа состоит в следующем: русские авторы выражали в поэзии свои

чувства к родине и потому изображали ее весьма привлекательно. В рассмотренных нами стихотворениях положительные суждения встречаются 28 раз, а отрицательные — только 8, позитивное в портрете страны в три с лишним раза превосходит негативное. Поэтический образ России вполне положителен, но острый глаз сочинителя конечно же замечает разные проблемы и недостатки. И если на эти противоречия не реагировать, проблемы могут разрастаться. В итоге можно сказать, что в здоровом государстве существовала глубокая любовь к отечеству, но любовь не слепая, а с критикой, выявлением проблем и без апологетики, так сказать, без михалковщины.

Подытожим: анализ поэзии подтверждает уже полученные прежде выводы, но не добавляет в представления о русской идее принципиально новые моменты. Это позволяет считать работу по выявлению содержания нашей системы ценностей, в принципе, выполненной. Но прежде чем подводить окончательные итоги, я сделаю небольшие отступления от главной темы и несколько дополнительных пояснений.

Проведенный здесь философский анализ отечественного культурного наследия можно считать лишь началом большого проекта. Ведь многое пока остается неизученным или недостаточно изученным. Например, важные культурные коды содержит русская музыка, как классическая, так и народная. Контент-анализ вполне возможен как выявление глубинного смысла музыкального текста. Пока этим никто не занимался, конкретные методики не разработаны. Но такой поиск может стать интересным и содержательным занятием. Выявление преобладающих тональностей — мажорных или минорных, как в песнях донских казаков, определение темпоритмов, соотношение и перевес длинных или

коротких нот, сопоставление религиозных и бытовых песнопений, сравнение русских мелодий и песен других народов — все это поможет составить более полную и точную картину духовной жизни прошедших эпох, а значит, поможет лучше понять и сохранить самих себя.

Особо стоит сказать о русских сказках. Рядом с открытиями, сделанными Владимиром Проппом, все еще трудно поставить что-то соразмерное. Между тем ряд сомнительных обобщений и сентенций о народных сказках можно встретить как в научной литературе, так и в обычной периодике. Часто и упрощенно обсуждаемыми темами являются вопросы: почему главный герой наших сказок — Иван-дурак и можно ли считать, что повествования о коврах-самолетах и скатертях-самобранках свидетельствуют о склонности к лени и пассивности их создателей? Очень кратко, но все же попробую ответить на это.

В поисках решения надо исходить из того, что фольклор не следует понимать и трактовать прямолинейно, поскольку *народное сознание глубоко диалектично*. Люди старшего поколения, вынужденные изучать пресловутый марксизм-ленинизм, сохранили стойкую неприязнь по отношению к *диалектике*, которая была в Советском Союзе выхолощена и превращена в идеологическую химеру. Однако настоящая диалектика не может быть выдумана и не может быть отменена, она присутствует во всем, и в частности в культуре. Можно, как злого духа, изгонять мысль *о единстве противоположностей* (кто-то еще помнит *закон единства и борьбы противоположностей?*), но ведь поговорки утверждают, что тише едешь — дальше будешь, что в тихом омуте — большие черти, что не было бы счастья, да несчастье, и — от великого до смешного, как от любви до ненависти. Идея количественно-качественного перехода тоже выражена в фольклоре, мы говорим «Капля камень точит», или «Москва не сразу строилась». Даже запутанный учебниками философии тезис

о развитии как возвращении в исходную точку на новом уровне (суть закона отрицания отрицания) тоже выражен в фольклоре. Вспомним сказку о рыбаке и рыбке, которая начинается и заканчивается рассказом о старухе, сидящей у разбитого корыта. Правда, читатель заканчивает чтение с новым для него выводом, с пониманием, что чрезмерная жадность наказуема и ни к чему хорошему не приводит.

Мы видим, что диалектика действительно присутствует в народном мышлении, более того, она и является подлинным ключом для правильного понимания сказочных героев и образов. Иван-дурак — это лишь поначалу, пройдя все испытания, он-то и оказывается настоящим умницей. Еще В.М. Шукшин, который любил рассказывать про разных чудиков, уловил диалектическую противоречивость жизни. Он показал, что самые мудрые, готовые говорить правду — это и наивные простаки, и глубокие мудрецы. Скатерть-самобранка — вовсе не от безделья, это естественные мечты тех, кто напряженно трудится. Похожая природа и у библейского сюжета о рае. Православие и диалектика глубоко вошли в наше сознание, потому время напряженного труда стало временем светлых утопий.

Неудивительно, что XX век, с его физическими облегчениями, материальным потребительством и бездуховностью, стал временем антиутопий. Сегодня фантасты и писатели не предсказывают светлое будущее, в их текстах все чаще речь заходит о предвидении удручающей развязки.

Итак, основываясь на проделанном анализе, мы можем сформулировать предварительные итоги. Три составляющие русской системы ценностей, три кита, на которых держалась русская идея, — это православие, соби-
рание земель, переросшее в имперскую политику, и об-
щинный коллективизм.

РУССКАЯ ИДЕЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Анализ русских философских текстов, написанных всего столетие назад, оказывается сегодня делом затруднительным. Я уже писал и еще буду возвращаться к этой проблеме: *Россия — страна, разделенная во времени*. Чтобы восстановить подлинный образ исторической России, правильно понять ее историю, ее мышление и ценности, требуется основательная восстановительно-пояснительная работа. Особенно трудно правильно понять и верно истолковать оставленные нам *философские тексты*, ибо, как известно, философия есть наиболее обобщенное, абстрактное, по-своему зашифрованное и закодированное отражение реальной жизни. Постсоветская философия охотно занимается анализом и усвоением западных веяний, исследует идеи далекой античности и европейского Средневековья, но самовоссоединение с собственными корнями у нас только начинается. (Трудно представить, скажем, сегодняшних французских философов, изучающих в Сорбонне Соловьева, Бердяева, Ильина и почти не знакомых со своими Декартом, Руссо и Монтескье. Но ситуация, зеркальная предложенной, в Москве существует не одно десятилетие. Исследователей Декарта в российских столицах куда больше, чем специалистов по Ильину.) Слава богу, самовоссоединение действительно началось. Но мировая значимость русской философской мысли, а она, несомненно, существует и крайне важна в ситуации нынешнего духовного кризиса, лишь только начинает раскрываться.

Все сказанное относится и к рассуждениям о русской идее. Еще 5–7 лет назад некоторые исследователи считали, что анализ работ прошлого на эту тему вообще бесперспективен и ничего конкретного не даст.

Сегодня настроения меняются. Если говорить коротко, смысл текстов, написанных в до- и внесоветской философской традиции, начинает раскрываться, но глубина их постижения еще будет углубляться и углубляться.

Учитывая высказанные предостережения, перейдем теперь к анализу наиболее значимых суждений наших соотечественников и прокомментируем их. О роли высших идей как таковых в общественном сознании высказывался ряд российских мыслителей. Еще Ф.М. Достоевский признавал за ними особое значение. Он писал: «Без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности». В другом месте мы находим: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» (цит. по: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 59). Через полвека высланный в 1922 году из страны русский философ и историк Л. Карсавин, на глазах которого проходила Гражданская война, по-своему уточнил и конкретизировал эти суждения. В работе «Восток, Запад и русская идея» (издана в Петрограде в 1922 году) он писал «Ради идеала он (россиянин. — *И. Ч.*) готов отказаться от всего, пожертвовать всем; усомнившись в идеале или его близкой осуществимости, являет образ неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему».

Посмотрим, что писал о ценностях первый толкователь русской идеи Владимир Сергеевич Соловьев. «Истинная церковь, — отмечал философ, — всегда осудит доктрину, утверждающую, что нет ничего выше национальных интересов, это новое язычество, творящее себе из нации верховное божество, это ложный патриотизм, стремящийся стать на место религии. Церковь признает права наций, нападая в то же время на национальный эгоизм; она утверждает власть государства, но проти-

воборствует его абсолютизму» (Соловьев В.С. Русская идея. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 227).

С этой очень важной и глубокой констатацией необходимо согласиться. Попытка заменить высшие ценности какими-то иными, например национальными, раньше или позже ведет к деформации социальных отношений. Это все равно что дом основывать не на фундаменте, а на фасаде или какой-то другой плоскости. От подобного поворота дел и предостерегает В. Соловьев, одновременно предупреждая, что церковь, если она боготворит государство и власть, нарушает сами церковные каноны.

Затем все в той же работе В. Соловьев отмечает: «Русская идея, исторический дом России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращением всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно, свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы — вот в чем русская идея». Соловьев далее поясняет, что речь идет лишь о новом аспекте самой христианской идеи, что для ее осуществления нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них.

Понимание национальной идеи, предложенное В. Соловьевым, поднимает и соединяет ее с идеей религиозной. И общество, и государство стремятся обрести божественный статус. Верно то, что без выведения из абсолютных начал наши цели и идеалы становятся релятивными, временными, преходящими. Они вырождаются в разрозненные частные представления, лишенные общественного, а в конечном счете и личного смыс-

ла. Современный исследователь русской философии О.С. Волгин справедливо отмечает, что ни одна сфера социальной деятельности, ни политическая, с ее идеалом демократии, ни правовая, с идеалом гражданского общества, ни экономическая, с ориентацией на производительность и эффективность, не является опорной и самодостаточной. Смысл учения В. Соловьева о всеединстве (церкви, государства и общества) — в интегральном видении реальности.

Вячеслав Иванов в работе «О русской идее», написанной в 1909 году, как бы вторит В. Соловьеву в главном: «Общий склад русской души таков, что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу» (Иванов В.И. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 323). Однако другой русский мыслитель — Е. Трубецкой считал, что государственность несовместима с Царствием Божиим. Он был уверен, что и сам Соловьев к концу жизни осознал свои теоретические заблуждения (там же. С. 323 «Старый и новый национальный мессианизм»). Оппонентов у Соловьева оказалось больше, чем последователей, однако большинство русских мыслителей в том или ином контексте отмечали особую роль православия. Уже упоминавшийся Л.П. Карсавин в работе «Восток, Запад и русская идея» пишет, что «русскому человеку свойственно ощущение святости и божественности всего сущего» (С. 29).

Посмотрим, как понимает русскую идею другой известный философ, также высланный большевиками в эмиграцию, Иван Ильин (статья «О русской идее». Париж, 1948). «Русская идея есть идея сердца» — Ильин утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически predisposed к чувству, сочувствию и доброте, вос-

приняла исторически от христианства; она отозвалась сердцем на Божие благовестие, на главную заповедь Божию и уверовала, что «Бог есть любовь».

Признаем, что в приведенных рассуждениях не все представляется достаточно прозрачным, не все убедительно и взаимосвязано. Любовь справедливо понимать как объединение, притяжение, это своеобразное социокультурное инобытие природной гравитации. (См. подробнее нашу статью «Любовь, история, свобода»// Вопросы философии. 2003. № 8. С. 64—72.) Бог в этом смысле есть высший всеобъединитель. Принятие Бога означает принятие любви. Но почему из любви выводится вера и «вся культура духа», не вполне ясно. Возможно, эти идеи Ильина будут осознаны позднее, но уже сейчас можно отметить характерную связь между русской идеей и идеей Бога.

Обратимся, наконец, к работе «Русская идея», написанной также изгнанником, крупнейшим отечественным философом Н. Бердяевым. Николай Александрович справедливо замечает: «Остается вечной истиной, что человек в том лишь случае сохраняет свою высшую ценность, свою свободу и независимость от власти природы и общества, если есть Бог и Богочеловечество. Это тема русской мысли» (цит. по: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 79). Иначе говоря, подлинным оказывается только служение истине, служение вечному, оно освобождает человека от сиюминутного, относительного, выдаваемого за вечное.

В завершение все той же работы Н.А. Бердяев пишет, что «русская мысль, русские искания XIX и начала XX века свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа. Русский народ — религиозный по своему типу и по своей душевной структуре. Религиозное беспокойство свойственно и неверующим». «Русская идея — эсха-

тологическая (эсхатология, говоря кратко, — это вера в то, что после крайне сложных испытаний наступает счастливая развязка. — *И. Ч.*), обращенная к концу. Отсюда русский максимализм. Но в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления ко всеобщему спасению. Русские люди любовь ставят выше справедливости. Русская религиозность носит соборный характер. Христиане Запада не знают такой коммунальности (т.е. коллективизма, соборности. — *И. Ч.*), которая свойственна русским».

Современные исследователи Н.А. Бердяева часто указывают на метафоричность и известную противоречивость его текстов. Некоторые даже считают, что, назвав соответствующим образом книгу, он на самом деле ничего не сказал в ней о русской идее (мнение таких разных авторов, как В. Аксюциц и М. Ванчугов). Я убежден в другом. Скорее, наших современных знаний недостает, чтобы правильно понять и выявить все идейные нюансы философа, разорванным тканям и капиллярам российского духовного поиска еще предстоит срастись. Но и из приведенных цитат, как и из всей работы, понятно, что русская идея связывается у Бердяева с *коллективизмом и православием*. Эти слова — ключевые в его исследовании. Если применить к результатам философских поисков метод частотного анализа, **православие и коллективизм** и окажутся концептами, повторяющимися чаще других.

В целом из приведенных цитат и комментариев можно сделать и более общие выводы. Очевидно, что интерес к проблеме идеи, национальных ценностей был в начале прошлого века преобладающим. По существу, ни один крупный мыслитель того времени не прошел мимо этой темы. Отечественная философия, в отличие от, скажем, немецкой или английской того же периода, не занималась активно отвлеченными гносеологически-позитивистскими вопросами. У нас рождалась

философия России. Вслед за фундаментальными историческими исследованиями Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева наши мыслители перешли к философскому осмыслению и познанию собственной страны. Процесс саморефлексии проходил интенсивно, насыщенно, разнопланово, как это и принято в свободном обществе, но, к сожалению, он был прерван и оказался незавершенным. Продолжить поиск — дело уже наших современников. Заканчивая тему «Отечественные мыслители о русской идее», надо сказать, что философско-спекулятивные изыскания идейных начал, осуществленные столетие назад, в целом хорошо согласуются с итогами эмпирического поиска, выполненного с применением современных методик. Эти результаты органично сплавляются в

ОБЩИЙ ИТОГ

Подытоживая проведенные в этой части книги четыре исследования, мы можем утверждать, что объективное, реальное содержание дотоле загадочной русской идеи теперь ясно и четко выявлено.

Система ценностей, на которой выстраивалась историческая Россия, включала три фундаментальных начала — православие, собирание земель и общинный коллективизм.

Национальная идея — это своеобразная матрица, задающая форму национальной культуре, это структура, определяющая характер и маршрут движения общества. Остановимся кратко на анализе полученного результата, посмотрим, как эта матрица трансформировалась и что происходило с ней на рубеже XIX—XX веков.

Я уже писал, что первый идейный кризис наши далекие предки преодолели в X веке, когда киевский

князь Владимир принял историческое решение о крещении Руси. С тех самых пор и до конца XIX века ценностная система России, испытывавшая определенные реформаторские преобразования и воздействия, в целом не претерпела принципиально существенных изменений. На протяжении тысячелетия российская идентичность сохраняла устойчивость и стабильность.

Изначальным центром христианства русские считали Рим. Но позднее центр подлинного христианства — православия переместился из Рима в Царьград (Константинополь). В 1453 году турки захватили Константинополь, столицу Византийской империи. Его падение воспринималось на Руси как сотрясение самих основ мироздания, и тогда псковский старец Филофей в послании великому князю московскому Василию III сформулировал обновленное понимание национальной идеи: «Москва — третий Рим». (Некоторые исследователи доказывают, что изначально эта формула родилась не в Пскове, а в болгарской церкви и уже оттуда попала к нам.) Уточнение понимания своих фундаментальных ценностей, а лучше сказать, их упрочение, кристаллизация произошли не из-за внутренней нестабильности, но ввиду изменения ситуации за пределами страны. Добавлю, что речь шла о формулировке некоего хорошо понятного духовного лозунга, а не о научно обоснованном выявлении содержания *национальной идеи*, такой потребности в те времена просто не существовало.

Почти четыре столетия спустя, в середине XIX века, в преддверии теперь уже внутренних социальных трансформаций, России вновь потребовалось провозгласить сплывающий общенародный лозунг. Это сделал граф Сергей Семенович Уваров, президент Петербургской академии наук и министр народного просвещения. Ему принадлежит хорошо известная формула «Православие,

самодержавие, народность». И в этом случае речь шла о понятном лозунге, о внешнем выражении некоей внутренней основы, которая всеми чувствовалась, ощущалась, но не нуждалась в специальном научном обосновании.

Полученный на страницах этой книги результат вполне согласуется с модификациями русской идеи, прозвучавшими в разные исторические эпохи. Три составляющие русской идеи раскрывают глубинные особенности жизни страны в трех ее проявлениях. Основа духовности — это православие, основа ментальности — коллективизм, основа народно-государственной стратегии — собирание земель. Можно сказать несколько иначе: православие настолько укоренилось в нашем сознании и культуре, что именно оно привело к выводу о возможности коллективного спасения и к коллективизму, оно же вдохновило наших предков на мессианскую экспансию и собирание земель. Иначе говоря, выявленные три начала не являются автономными, самостоятельными образованиями, скорее они оказываются взаимосвязанными, взаимопретекующими и порождающими друг друга началами.

К КРИЗИСУ РУССКОЙ ИДЕИ РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ. ВЫВОДЫ И СЛЕДСТВИЯ

Проведя объемные предварительные изыскания, мы пришли наконец к искомому результату и выявили составляющие, формировавшие российскую систему ценностей. Теперь можно ясно показать, что же происходило с русской идеей на рубеже XIX—XX веков, в чем заключался ее кризис.

Этот кризис, прежде всего, *затронул веру*, и об этом мы уже говорили в первой части книги. В 60-е и 70-е годы XIX века в России появились неведомые

прежде атеисты, которые отрицали Бога, а вместе с ним и все правила, на которых выстраивалось общество и государство. Кризис христианства затронул всю европейскую цивилизацию. Если искать ответ на вопрос о первопричинах кризиса, выявлять его суть, в краткой форме результат сводится к следующему. В XIX веке материальные, потребительские запросы становились для европейцев все более значимым и определяющим фактором поведения. Погоня за материальным успехом заставляла людей становиться более динамичными и свободными. Увеличение социальной мобильности требовало избавляться от всего, что этому мешало, от всяких сдерживающих незыблемых правил и абсолютных норм, от религиозных до моральных. Ускорение перемещения, в свою очередь, само по себе делало относительными все ценности. Религиозный паломник, единожды посетивший святые места, и все остальное воспринимает как слабый отблеск увиденного. А для вечного путешественника, постоянно перемещающегося с места на место, главным становится сам факт поездки, перемещение как таковое. От поклонения высшему культура переходит к поклонению материальному (деньгам), от духовности — к скорости, которая позволяет это материальное обрести.

Итак, *конец XIX века стал для Европы и России временем отхода от церкви.*

Мы говорили и о том, что другая составляющая русской идеи — *стратегия экспансии и расширения пространства* — тоже оказывалась исчерпанной. В западном, европейском направлении Россия завершила продвижение в самом начале XIX века. Американский континент, Аляску пришлось оставить в середине того же столетия. Спустя еще пару десятилетий остановилось продвижение к центру Азии. Освоение Северного мор-

ского пути означало завершение процесса количественного приращения.

Еще раз обратимся к российскому коллективизму, порождавшему соборность духа, артельность труда, общинность быта. И его затронули внутренние, качественные трансформации. Петр Аркадьевич Столыпин, начавший расселение из общины на хутора и отруба, тем самым демонтировал мир, который был социальной основой, культурным фундаментом, порождавшим и воспроизводящим коллективизм. Корни коллективизма заложены в глубинных пластах русской культуры. (В наших сказках самый отрицательный, хитрый и лживый персонаж — это лиса, и все оттого, что ей присущ индивидуалистический образ жизни.) Итак, вместе с двумя другими основаниями *пошатнулся и коллективизм.*

В результате **все три фундаментальных начала**, создавших Россию, **одновременно** попали в полосу кризиса и требовали срочных трансформаций. Ожидаемые преобразования начались, существовала совершенно реальная возможность преодоления и разрешения российского кризиса. Но существовала, конечно, и другая возможность — слома и отбрасывания собственных основ. Проблему исторического выбора крайне обострило вовлечение страны в Первую мировую войну. Империя, совершавшая беспрецедентный стратегический маневр, вынужденная реформировать одновременно все сферы жизни и успешно эти реформы осуществлявшая, все-таки не могла поспевать повсюду. Как раз в деле подготовки государства к войне произошло отставание, а когда после двух лет боевых действий его удалось преодолеть, кризис в северной столице становился все менее управляемым. В преддверии Первой мировой Столыпин всеми силами стремился избежать участия Рос-

сии в будущем конфликте. Но в августе 1914 года его уже не было. Три года войны обострили российские проблемы. Деятельность радикальных политических групп привела в конце концов к смене государственной стратегии, к разрыву с тысячелетней идентичностью, к отказу от своей системы ценностей.

В разгар Первой мировой войны идейно-идентификационный кризис достиг своего максимума. Каким образом он был преодолен — об этом мы будем говорить в следующей части книги.

ЧАСТЬ III

СОВЕТСКИЙ КОММУНИЗМ КАК ОТВЕТ НА РОССИЙСКИЙ ИДЕЙНЫЙ КРИЗИС. СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Почему не был построен коммунизм?

*Нам предстоит ответить на следующие вопросы:
Был ли актуален лозунг «Землю — крестьянам»?
Почему на месте исторической России образовался
Союз ССР?*

*Почему Октябрьская революция привела к отказу
от русской идеи?*

*Почему Россия стала страной, разделенной во времени?
Что такое «красный фундамент»?*

*Почему советское государство стало не рабоче-
крестьянским, а бюрократическим?*

*Что утверждала новая власть — коммунистическую
идею или коммунистическую идеологию?*

*Что есть «комидеология» в узком и в широком
смысле?*

В чем минусы и плюсы «комидеологии»?

Почему Союз ССР распался?

Какова историческая оценка роли Ленина и Сталина?

Попытка построить рай на земле
неизменно порождает ад.

К. Поппер

Спор между сторонниками реформирования страны и сторонниками отказа от русской идеи был завершён в 1917 году победой радикалов. Главным ключом к пониманию российской истории XX века, несомненно, является трактовка событий, начатых в феврале—октябре 1917 года. Советский подход, по инерции воспроизводимый по сей день, состоит в том, что Октябрь 1917-го представляется как пролетарская революция, как смена общественных формаций, как переход от капитализма к социализму. На самом же деле тезис о **социалистической** революции мало что объясняет или просто не работает. Подробнее об этом мы поговорим чуть позже. Сейчас же поясню — наша задача состоит не столько в отбрасывании прежних воззрений, сколько в представлении новых. Предлагаемая концепция будет приемлемой только в случае, если окажется аргументированной, лишенной внутренних противоречий и, что крайне важно, будет способна убедительно объяснить прошлое и предсказать будущее.

Период февраля—октября 1917 года мы понимаем как время действительно революционных, глубинных преобразований, как отказ от прежней идентичности, от попавшей в полосу кризиса национальной идеи и ее замены новой идеей, как разрыв с исторической Россией. Февральско-октябрьская революция — это выход из идейного кризиса через радикальный переход к принципиально новой идее.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ.
ТРЕБОВАНИЕ УВЕЛИЧИТЬ ЗЕМЕЛЬНЫЕ НАДЕЛЫ
КАК ПРИМЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИСТИФИКАЦИИ**

Выделенный жирным шрифтом вывод и заголовок необходимо обосновать и доказать. Перейдем к выполнению этой работы. Начнем с демистификации

главного предреволюционного требования о перераспределении помещичьей земли и увеличении семейных наделов.

В российском общественном сознании начала века эта проблема наряду с проблемой демократизации считалась самой актуальной. В ходе революции 1905—1907 годов седьмая часть всех помещичьих хозяйств была крестьянами сожжена и разграблена. На этом фоне и началась земельная реформа, подготовленная датским агрономом Коффодом, хорошо знавшим как скандинавский и немецкий, так и российский аграрный сектор. В подготовке реформы важную роль сыграл С.Ю. Витте, а непосредственно внедрял ее в жизнь, как уже отмечалось, П.А. Столыпин. Осенью 1906 года подписывается указ о праве выхода из общины каждого крестьянина вместе с его земельным наделом. Понятно, что поднять самостоятельное фермерское, выражаясь современным языком, хозяйство было по силам лишь наиболее крепким, обеспеченным семьям. Постепенно их количество увеличивалось, и за десятилетие — к 1915 году — почти половина всех крестьян-домохозяев подала заявление о намерении провести землеустроительные мероприятия или уже начала их.

Реформа реально разрешала аграрную проблему, хотя одновременно вела к дифференциации крестьянских доходов. Социальное напряжение между бедными и богатыми возрастало. Если одна часть крестьян переходила к интенсивному ведению хозяйства, используя качественно новые технологии, то другая требовала количественного увеличения наделов. Некоторые продавали свою землю и уходили на заработки в город. Надо признать, что повсеместное требование увеличения земельных наделов было столь же популярным, сколь необоснованным и нереализуемым. После отмены крепостного права каждая семья уже получила примерно по 2,5 га (это вам не знакомые большинству современ-

ных горожан 6 соток — 0,06 га). Для обеспечения всех по предлагаемой новой «трудовой норме» требовалось 200 млн десятин, реально же можно было перераспределить только 40 млн десятин. Когда в 1918 году перераспределение земель действительно произошло, крестьянские землевладения увеличились в среднем лишь на 16% на человека. При этом сбор зерновых сократился на 30–40%, поскольку крупные землевладения были сразу разорены, а мелкие не могли быстро подняться. (Подробнее о происходивших преобразованиях можно также прочитать в монографии С.Г. Пушкирева «Россия 1801—1917: власть и общество» (М., 2001) и в работе заведующего статистическим отделом Наркомзема Б.Н. Книповича «Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года» (М., 1920).)

Необходимость перехода от количественного к качественному росту страны, в том числе перехода от экстенсивного к интенсивному ведению сельского хозяйства, осознавалась далеко не всеми. Ряд левых политических партий раздул вопрос о земле, точнее, о ее переделе до вселенских размеров. Историк С.Г. Пушкирев справедливо отмечает, что крестьяне не были знакомы с аграрной статистикой, они не знали, что дележка «господских» земель принципиально не увеличит их землепользование. Иначе крестьяне старались бы улучшить качество собственных хозяйств. Созданный левыми партиями миф о фантастических возможностях, даваемых «прирезкой» новой пахоты, — не что иное, как историческое заблуждение, внушенное крестьянству политиками. Но именно этот миф оказался одним из самых действенных факторов слома существовавшей государственной власти. Большевики развернули на своих знаменах украденный у эсеров призыв «Земля — крестьянам». В ответ миллионы русских крестьян, сидевших в окопах Первой мировой войны, побросав винтовки, отпавились по домам. Ведь ленинцы пообещали еще и «Мир — народам».

До сих пор многие политологи утверждают, что жесткость большевистских преобразований — это плата за модернизацию экономики страны. Объективный анализ, тем не менее, показывает обратное. Победа Октября прервала успешную экономическую модернизацию. Укрепление и, так сказать, *тоталитаризация новой власти* шла параллельно с двумя другими процессами — *разрывом с российской системой ценностей и началом фатального, стратегического экономического отставания.*

ФЕВРАЛЬСКО-ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ОТКАЗ ОТ РУССКОЙ ИДЕИ

Посмотрим, как происходил ценностный разрыв, как новая власть отнеслась к находившейся в полосе кризиса русской идее.

Основой российской системы ценностей, напомним еще раз, было православие. С конца XIX века церковь стала разъедаться сектантством и атеизмом. Свообразным ответом на этот процесс было появление среди интеллигенции богоискателей и богостроителей, стремившихся реформировать церковь и вписать ее в меняющуюся социальную реальность.

В возникшей общественной дискуссии позиция революционеров была однозначной. Большевистское отношение к церкви, как известно, было абсолютно негативным. Прежде, даже в давние времена татаро-монгольского ига, храмы и монастыри нормально функционировали и не испытывали политического давления. А теперь, лишь только новая власть укрепилась на местах, церковь подверглась самым страшным в своей истории гонениям и притеснениям. Из 80 тысяч храмов в СССР сохранилось менее 10%. Остальные были разрушены, взорваны, превращены в склады, а в некоторых даже открыли музеи атеизма. Около полумиллиона священников подверглось репрессиям, 200 тысяч было

уничтожено физически. На смену богоискателям и богостроителям пришло Общество воинствующих безбожников. Драматизм происходившего становится более понятным, если учесть, что церковные храмы в отечественной культуре по своему значению были сопоставимы с культовыми пирамидами Древнего Египта. Некоторые грандиозные религиозные сооружения, возведенные в пустынных, уединенных местах, с особой силой свидетельствовали о небывалой российской возвышенности духа.

Репрессиям были подвергнуты и все другие конфессии, и сохранившееся в отдельных регионах язычество. Позднее аналогичные процессы происходили и в других социалистических странах, а в некоторых, скажем, в КНДР, происходят и сейчас. Впрочем, в каждой из них проявлялась своя национальная специфика. Например, в «народной Польше» запрет костела оказался бы равносильным запрету самой Польши, поэтому коммунисты не запрещали католицизм, но члены ПОРП не могли себя публично признавать верующими. В Монголии, напротив, буддизм искоренялся полностью, в стране не осталось **ни одного** буддийского ламы!

Непримиримая борьба советской власти с религией не была случайностью или ошибкой. Она осуществлялась совершенно сознательно. Новое государство утверждало абсолютную, безальтернативную власть и идеологию. Какой-либо плюрализм мнений, как и многобожие, оказывался здесь совершенно недопустимым. В бога стремились превратить самого действующего вождя, Библию заменял Марксов «Капитал», место церковей заняли «ленинские комнаты», райкомы и дворцы съездов. Вместо христианской веры следовало утвердить веру в коммунизм. Если проводившиеся Петром I в XVII веке реформы означали несомненное сохранение церкви, хотя и меняли ее социальный статус,

то преобразования большевиков вели к возможно быстрому уничтожению церкви как таковой.

Теперь посмотрим, что произошло с исчерпавшим себя собиранием земель и экспансией. В качестве теории и программы всех своих действий новая власть провозгласила марксизм. Согласно марксизму, революционный переход от капитализма к социализму есть универсальный закон истории, этим маршрутом рано или поздно должны пройти все страны и народы. Правда, по Марксу, подобные преобразования не могут быть искусственно навязаны или спровоцированы. Они носят объективно-исторический характер и возможны только после созревания соответствующих социальных предпосылок. Между тем в Советской России вера в неизбежность мировой революции, достигаемой с помощью вооруженной экспансии, мысль о ее неодолимости быстро и энергично внедрялись в сознание народных масс.

Мы раздуем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сровняем с землей —
Ведь от тайги до Британских морей
Красная Армия всех сильнее, —

пели красноармейцы 20-х годов. Тезис об экспансии не был простой словесной страшилкой, он активно воплощался в жизнь. Молодая Советская Республика оказывала идейную, экономическую, военную помощь своим единомышленникам во всех тех случаях, когда подобная помощь вообще могла быть оказана. Механизмом осуществления такого влияния стал, в частности, Коммунистический Интернационал, созданный в Москве в 1919 году. И уже в 1920 году Иосиф Сталин подготовил проект Конституции социалистической федерации, в которую на первых порах предполагалось включить четыре государства —

Россию, Польшу, Венгрию и Баварию. В трех из них коммунисты были близки к победе или побеждали, но надолго взять власть не смогли. И только изнуряющая Гражданская война, противостояние красным белого движения спасло Европу от экспансии большевиков. Именно в таком контексте воспринимал Гражданскую войну Ленин, который в сентябре 1919 года писал: «Не понять даже теперь, что идет в России (и во всем мире начинается или зреет) гражданская война пролетариата с буржуазией, мог бы лишь круглый идиот» (*Ленин В.И. Соч. 2-е изд. М., 1926—1932. Т. 24. С.459—460*).

Однако планы, которые не удалось реализовать в 20-е годы, были отчасти осуществлены позднее, после победы Советского Союза над фашистской Германией. В 50-е годы был создан «мировой социалистический лагерь», в который входили полтора десятка стран. Красный флаг развевался над Пекином и Тираной, над Берлином и Ханоем. Коммунистические партии и организации, иногда малочисленные, подпольные, а иногда и столь влиятельные, что были представлены в парламентах, существовали почти во всех странах мира. Коммунистическая экспансия продолжалась в 60-е, 70-е и даже 80-е годы. Она распространилась на страны Африки, Азии, Центральной и Латинской Америки.

Можно ли считать, что распространение московского влияния означало своеобразное продолжение русской идеи в советских условиях? Вовсе нет, ведь собиранье земель у нас происходило в XV—XVIII, начале XIX века, т.е. в период, когда государства лишь формировались. В те времена не существовало международного права, а нормы, которые складывались в Европе, как раз предполагали возможность взаимопоглощения и интеграции. Россия собирала различные земли и территории, помогая их становлению в рамках единой

и общей (а не сугубо русской или православной) империи. В отличие от этого Советский Союз направлял свою армию в другие, уже сложившиеся государства, нарушая их суверенитет и требуя, чтобы они шли с ним в едином строю. Еще более важным, напомним, было то, что Россия с середины XIX века начала сворачивать экспансию, переходя к преимущественно качественному развитию. Поэтому говорить о расширении советского влияния как о продолжении русской идеи собирания земель невозможно.

Третьей составляющей русской идеи был, как мы помним, общинный коллективизм. Менялось ли что-то в этой сфере? В Советском Союзе коллективизм официально и открыто признавался важнейшей общественной нормой. Он считался одной из главных черт советского человека. На первый взгляд может показаться, что советский коллективизм есть прямое продолжение российской традиции. Однако в действительности «крестьянский мир» и «советский коллектив» отличаются принципиально. Община вырастала снизу, она служила своеобразным социальным ответом на вызов природы, на сложные для земледельцев погодные условия. А советский коллективизм насаждался сверху, его цель заключалась в повседневном контроле власти над личностью.

В СССР каждый человек с самого детства оказывался в коллективе — в школьном, пионерском, комсомольском. В зрелом возрасте также никто не мог укрыться в одиночестве: советские люди пребывали в трудовых, партийных, творческих, воинских, спортивных, научных и т.п. коллективах. Социологи делят коллективы (точнее, группы) на неформальные (их правила формируют сами участники) и формальные (действуют в основном по нормам и правилам, созданным вне данной группы, контролируемым

в конечном счете государством). Все советские коллективы были формальными, их руководители, от самых маленьких до самых высших, были обязаны сверять высказывания и действия каждого члена группы с официальными нормами и правилами. Коллектив подчинялся руководителю, а руководитель — государству.

Конечно, определить коллектив как формальный вовсе не значит выставить ему отрицательную оценку. Но такая задача и не ставится, наша цель — показать принципиальное отличие общинного коллективизма от коллективизма советского. Какие именно нормы и ценности утверждал советский коллективизм, мы определим позднее. Замечу только, что первый кинофильм, показавший, как может быть прав отдельный человек, а не коллектив, в котором он пребывает, вышел у нас в канун перестройки, — это картина Ролана Быкова «Чучело». Прежде же сомневаться в том, что «Я — последняя буква алфавита», было нельзя, и школьники как непреложный императив зазубривали строчки В. Маяковского «Единица — вздор, единица — ноль».

Набирая на компьютере этот текст, я вспоминаю другую давнюю историю о формальном характере советского коллектива, историю, которая произошла не в кино, а на самом деле. В канун Нового, 1969 года редколлегия курсовой стенгазеты философского факультета, где я учился, решила сделать ударный номер. Наряду с прочими обратились и ко мне с просьбой написать о событиях в Чехословакии. Сделать это было очень сложно, поскольку мои взгляды противоречили официальной советской позиции. Как быть? Вариант с обманом и подстраиванием под линию партии я для себя исключал. Невыполнение поручения, а речь шла о задании, данном моим коллективом, тоже не устраивало. В конце концов я решил написать то, что ду-

маю, т.е. не соврать, и выполнить поручение. При этом я был почти уверен, что такую заметку все равно не опубликуют.

Однако члены редколлегии тоже не растерялись — они опубликовали очерк, сделав приписку: «Редакция не согласна с мнением студента И. Чубайса». Стенгазета провисела на факультете ровно один перерыв и потом куда-то исчезла. Через четыре месяца, в апреле 1969 года наша учебная группа, как, впрочем, и весь факультет, университет, город и страна в целом, собралась для получения «ленинского зачета». На это заурядное идеологическое мероприятие к нам почему-то пришли секретарь парткома факультета и прочее начальство. Когда очередь дошла до моей кандидатуры, вся группа была «за», а партийный секретарь — против. Еще через пару дней я случайно узнал, что меня отчисляют из университета (с членами редколлегии провели собеседование в парткоме). Спас меня тогда отец, который работал начальником кафедры философии в военном вузе. Он написал от моего имени покаянное письмо в деканат. У отца потом тоже были неприятности, но это уже другая история.

Мог ли тогда коллектив не подчиниться официальным правилам, могла ли формальная группа стать неформальной? Нет, не могла, ведь даже самый маленький советский коллектив, самый что ни на есть первичный и незаметный, был под контролем государства и не мог отступить от официальной линии ни на шаг. Потому что формировался он не снизу, а сверху.

Итак, мы вправе сделать вывод: новое государство отвергло прежнюю систему ценностей. То, что нуждалось в поддержке, было отброшено, то, что исчерпало себя, насильственно продолжили, а то, что работало, вывернули наизнанку.

**ОКтябрьская революция
КАК РАЗРЫВ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ.
РОССИЯ — РАЗДЕЛЕННАЯ СТРАНА**

Процесс отказа от прежних ценностей и разрыва времени происходил фактически на всех уровнях социальной организации. Вернемся в первые послереволюционные годы и посмотрим, как именно это происходило. Но сначала сделаем еще одно отступление и поясним, что тезис о разделенности России во времени, мысль о том, что историческая Россия и Россия советская — это разные государства, является одной из самых главных составляющих излагаемой в книге концепции. Почему этот тезис так важен, будет показано в следующей части работы, сейчас только обратим на него особое внимание и разберем его неспешно, последовательно, по пунктам.

Поскольку мне приходилось выступать в самых разных аудиториях без преувеличения сотни раз, я привык к тому, что люди постарше, как правило, ни о каком разрыве слышать не хотят. СССР они воспринимают как естественное и органичное продолжение дооктябрьской России. Публикуя пару лет назад статью в журнале «Вопросы философии», я, каюсь, был вынужден написать, что еще Н. Бердяев справедливо показал российскую разорванность во времени. Без этой вынужденной мистификации мои рассуждения представлялись редактору то ли неубедительными, то ли излишне радикальными. Мысль о разделенности страны во времени неведома и западным россияевам. Для молодой же, студенческо-аспирантской аудитории, напротив, непонятно, о чем спор. Для них два разных государственных образования — так называемая царская Россия и СССР — несовместимы и несочетаемы.

Итак, задумаемся над характером, содержанием, философским смыслом тех процессов, которые нача-

лись на огромных пространствах хмурым ноябрьским днем, впечатанным в историю холостым выстрелом кормового орудия крейсера «Аврора».

А) Разрыв произошел на уровне государственного устройства

Думская монархия превратилась в республику рабочих и крестьян, в государство советов. Место царских чиновников заняли партийные выдвиженцы, персональный состав правящего класса совершенно изменился. Были отвергнуты старые и утверждены новые символы государства — флаг, герб, гимн, изменилось само его название. Вместо девиза «С нами Бог!» утвер-

Сразу после войны Советский Союз получил от чехословацкого правительства знаменитый русский заграничный исторический архив, которому положила начало в 1923 году в Праге группа эмигрантов (стал доступен исследователям в 1987 г.). Как писал один из них, «мы не только побеждены, мы и оклеветаны. Нужно накопить, нужно сберечь оправдательные материалы». За рубеж смогли вывезти свои коллекции, собрания, кроме частных лиц, и учреждения, войсковые части. Спасен был Донской казачий архив. В 30-м году за пределами СССР действовало 14 русских музеев и 10 архивов! Все это собиралось, приобреталось в надежде на возвращение. Ждали, что вот-вот большевики рухнут. Мало кто дождался.

дилась формула «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Советские энциклопедии справедливо характеризовали Ленина не только как создателя нового учения и новой партии, но и как *создателя нового государства*. Но это одновременно означало, что речь идет о разрушителе государства прежнего. Произошел перенос столицы с запада на восток — из Петрограда в Москву. Значительная часть западных территорий (Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, часть Грузии и Армении) была утрачена. В целом территори-

«Известия».
15 мая 2002 г.

альные преобразования носили более сложный характер, например, по так называемому Брестскому миру формально образовывалась Украинская республика, но в действительности это был лишь способ негласно отдать Малороссию Германии, которая тут же ее оккупировала. Мы не будем здесь более подробно останавливаться на множестве исторических деталей, для нас важно разобраться в проблеме обобщенно-философски.

Б) Полный разрыв произошел на правовом уровне

30 ноября 1917 года Председатель Совнаркома В. Ленин издал декрет, отменяющий и запрещающий употребление всего формировавшегося тысячу лет корпуса российских законов. От российского суда, в частности суда присяжных, страна перешла к так называемому пролетарскому правосудию. Между тем новые законы не формируются так быстро, как отменяются прежние. Образовавшийся правовой вакуум очень устраивал новую власть. Вместо старых законов она призывала апеллировать к революционной воле, к пролетарскому сознанию, к законам Парижской коммуны и т.д. и т.п. При этом любая апелляция к прежнему российскому законодательству считалась преступлением, а виновные приговаривались к «лишению всего имущества».

Спустя 70 лет, в разгар перестройки, М. Горбачев призвал построить правовое государство, тем самым признав, что с 1917 года мы находимся в государстве неправовом. Кстати, в правовое государство мы не вернулись и по сей день. В рамках международного права Советская Россия действовала в том же ключе, отказавшись от правопреемства с исторической Россией. Это послужило новой власти основанием для отказа от выплаты как внутренних, так и внешних долгов. Правда, никто особо не задумался над тем, что вопрос о много-

миллиардной российской собственности за рубежом в результате этих действий повис в воздухе. (Актуальность проблемы усугубляется тем, что в 1992 году Россия объявила себя правопреемницей СССР, а не Российской империи. К этой теме мы вернемся позднее.) Вопрос о правовом разрыве сам по себе очень широк. Отмечая только некоторые узловые моменты, не могу не указать еще на несколько существенных обстоятельств.

Выйдя из правового пространства, новое государство (а можно сказать, квазигосударство) стало с неизбежностью нарушать не только российское законодательство, но и те правовые нормы, которые само же декларировало. Оно порывало с самим собой и разрушало само себя. Запрещенными, помещаемыми в спецхран становились не только свободные издания Запада, но и собственные партийные газеты 15—20-летней давности. Первое большевистское правительство называлось «Временное рабоче-крестьянское правительство». Было объявлено, что **эта власть действует только до созыва Учредительного собрания**. И действительно, всего через 17 дней после захвата Зимнего состоялись свободные выборы в Учредительное собрание. Но его первое заседание, прошедшее 18 января 1918 года, стало и последним. Депутаты, отказавшиеся признавать советские декреты, были разогнаны. А «Временное правительство» преобразовано в Совнарком, который с марта 1946 года переименован в Совет Министров, просуществовавший до распада СССР. Об обещании прислушаться к решению Учредительного собрания так никто и не вспомнил.

Такая же нелегитимность присутствовала и в деятельности правящей партии. Десятый съезд РКП (б), проходивший в марте 1921 года, **временно, на период действия чрезвычайной ситуации**, — в дни его работы начался Кронштадтский мятеж — запретил создание фракций. В апреле 1990 года из КПСС был исключен

ряд наиболее активных членов «Демократической платформы» — сторонников создания социал-демократической фракции. Образование фракции и было причиной их исключения. Это решение, осуществленное по команде Е. Лигачева, фактически означало, что чрезвычайная ситуация сохранялась в партии все 70 лет существования СССР.

В) Моральный разрыв стал продолжением и завершением разрыва правового

Если в исторической России в основе моральных норм стояли библейские заповеди, то советское государство такого потерпеть не могло. И Ленин на III съезде комсомола провозглашает новые критерии и новые нравственные принципы. Отныне *морально то, что способствует победе мировой революции, что содействует победе коммунизма*. В новом советском иконостасе соответствующее место занял Павлик Морозов, ребенок, отказавшийся чтить отца своего и донесший на него. Новую мораль, означающую полный разрыв с прошлым, удачно символизировал этот образ пионера-героя.

Г) Разрыв на уровне социальной структуры и собственности

Важнейшим декларируемым принципом новой власти был, как всегда, принцип отмены привилегий. Его реализация предполагала отмену всех существовавших в стране сословий. Лозунги социальной справедливости, равенства вдохновляли миллионы людей на активные действия. В результате реализации этой программы общество стало действительно однородным. Летом 1918 года был расстрелян император с женой и детьми. Одновременно или несколько позже новая власть экономически, политически, а частично и физически ликвидировала дворянство, купечество, духовенство, царское офицерство, интеллигенцию. Ка-

зачество подверглось расказачиванию, кулачество — раскулачиванию.

Последним ликвидированным, а отчасти коллективизированным на советский лад сословием стало крестьянство. Землю после революции крестьяне действительно получили, но три года Гражданской войны они были обязаны отдавать почти весь урожай по продразверстке. После введения нэпа и отмены разверстки положение сельских жителей значительно улучшилось. Но в 1933 году началось создание колхозов и массовая коллективизация в сельском хозяйстве. Загнать свободных крестьян в колхозы большевики смогли только под страхом голодной смерти. В зиму 1932/33 года в стране было уморено с голоду приблизительно 6 млн человек. Уцелевшие весной 1933 года вступили в колхозы.

Значительно раньше, уже в 1918 году, большевики провели национализацию и передали в собственность государства все банки, заводы, фабрики, транспорт, недвижимость и т.п. Вся собственность (кроме личной) объявлялась общенародной. В результате произошла радикальная трансформация всей социальной структуры общества. Кто был ничем — стал всем, а кто был всем — стал ничем. Соответственно менялись на противоположные знаки всей системы социальных поощрений и наказаний. Дети прежней интеллигенции и других имущих классов лишались права на получение образования, царские ордена и награды носить было нельзя, государственные преступники далекого и недавнего прошлого Российской империи становились героями...

Однако, несмотря на все производившиеся преобразования, общество равных так и не было создано. Вместе с победой Октября возникло новое социальное деление; рядом с трудящимися и простым народом из бывших «профессиональных революционеров» и новых партийцев быстро формировался класс номенклатуры, тайно наделявший себя всеми возможными привилеги-

ями. Само существование этого класса в СССР было тайной, а термин «номенклатура» никогда не использовался в советских научных изданиях.

Д) Особенности тоталитарного государства

То, что начало происходить в нашей стране после Октября 1917 года, имело свои особенности, свое специфическое лицо, но было во всем этом и общее, универсальное. Всякая тоталитарная, абсолютистская власть всегда и непременно порывает с прошлым. История не ведет к тоталитаризму, и потому тоталитаризм с историей несовместим. Прошлое в такой системе всегда от-

Сегодня — Новый год. По самому молодому из ныне существующих летоисчислений наступил 91-й год — новый год чужейской эры, введенной в Северной Корее 5 лет назад. Исполняется 90 лет со дня рождения «солнца нации» Ким Ир Сена — именно от дня его рождения 15 апреля 1912 года в деревушке Мангэде и ведут сейчас отсчет времени двадцать миллионов жителей Корейской Народно-Демократической Республики. В этот же самый день за тысячи километров от Кореи, в водах Атлантики погиб «Титаник».

Для северных корейцев день рождения «отца нации» и раньше был главным праздником — все-таки бывший партизан правил почти 50 лет. Но после его смерти в 1994-м его сын и наследник Ким Чен Ир решил не только навеки оставить за отцом должность президента, но и поменять календарь. Последняя по-настоящему коммунистическая страна-планета живет по учению Кима-старшего — идеям чучхе об «опоре на собственные силы».

«Известия».
15 апреля 2002 г.

брасывается за ненадобностью. Новая власть начинает свой собственный отсчет времени, объявляя себя вечной. Подлинная история объявляется начинающейся именно с нее. Поэтому советские календари, указывая номер наступившего года, всегда указывали и какой

это год от Октябрьской революции. Так поступают и в Северной Корее, на Кубе, так же поступали и в Третьем рейхе и т.д. Со времен фултонской речи У. Черчилля, произнесенной в 1946 году, мир стал говорить о «**железном занавесе**», опустившемся над социалистическим лагерем. (Впервые этот термин употребил в одном из своих послеоктябрьских стихотворений Василий Розанов.) Но мы до сих пор плохо осознали, что были оторваны не только от внешнего мира, но и от собственных корней. Между СССР и исторической Россией был вбит **красный фундамент**, который до сих пор не вполне демонтирован.

**Е) Невозможно переоценить
важность и актуальность проблемы
исторического разрыва**

Ведь если разделенности эпох не было, то и говорить не о чем, пенять не на кого, исторической ответственности ни у кого ни перед кем не возникает. А если разрыв был, остро встает фундаментальная проблема сегодняшнего дня — как к нему относиться, можно ли его преодолеть и нужно ли это делать? Какой должна быть стратегия постсоветского государства? Эти вопросы очень сложны и остры, поскольку задевают каждого жителя страны. Ведь все мы и наши близкие родом из СССР, любой ответ влияет на наше социальное самочувствие, на нашу самоидентификацию. Между тем, уход от ответа не меньше влияет на каждого из нас и на страну в целом. Поэтому в предстоящем поиске следует проявить и терпение и настойчивость, нам необходимо найти объективный и достоверный ответ.

Добавлю несколько соображений, адресованных прежде всего тем уважаемым читателям, которые искренне придерживаются левых убеждений. Во всех дискуссиях, в которых я принимал участие, коммунисты категорически отрицают какой-либо разрыв в нашей

истории. Но ведь ответ на этот вопрос сформулирован еще в работах Ленина. Как спорить со всем здесь сказанным, если по обсуждаемой теме Ленин написал специальный труд, в котором ясно сформулировал свое, точнее, марксистское понимание проблемы. Летом 1917 года, готовясь и приближая бурные события, он работал над книгой «Государство и революция». Вот что в ней говорится: «...все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 33. С. 28). Сказать яснее, на мой взгляд, просто невозможно.

Тема исторического разрыва неисчерпаема, список аргументов можно продолжить. Но если кто-то с этой идеей абсолютно не согласен, его уже никак не переубедить. Даже если вспомнить, что с тех времен в наш язык вошли соответствующие клише «новое время», «молодая советская республика», в книгах стали писать о «родоначальниках советской поэзии, цирка, театра», а анекдот сообщал, имитируя голос радиодиктора: «Мы передавали музыку, а сейчас послушайте произведения советских композиторов».

И все-таки теперь уже мне самому не понятно, как можно игнорировать разрыв, если происходившее в Петрограде, а затем охватившее всю остальную страну никто не называл «планово-легитимным переходом к новому государственному статусу». Если поначалу события 25 октября считали вооруженным переворотом, то позже их стали официально именовать *Великой Октябрьской социалистической революцией*.

Если большое видится на расстоянии, давайте взглянем на себя со стороны. Представьте, что из недели в неделю телевидение информирует о бурных событиях в каком-нибудь европейском государстве. (Заранее извиняюсь за неприятный для ее граждан пример.) Скажем, сообщается, что в Риме некие

восставшие синекарабинеры низвергли правительство и президента, разогнали парламент, национализировали собственность, выслали из страны интеллигенцию, переименовали государство, перенесли столицу, отменили Конституцию, отказались от правопреемства с Итальянской республикой, репрессировали генералов, офицеров, всех прежних собственников и политиков, вышли из всех международных договоров, объявили о предстоящем захвате всего мира, а также ежедневно расстреливали, расстреливали, расстреливали. Если это не разрыв с прежней историей, тогда что же такое разрыв?

Некоторые оппоненты, не вникая в приводимые аргументы, продолжают не принимать идею разрыва. Ну разве власть генсека не похожа на полномочия императора, а отсюда и все вытекающее. Верно, что в практике СССР повторялись некоторые российские образцы, но повторялось, увы, то, что устарело и нуждалось в модернизации, что начинало реформироваться еще в дофевральские времена. Способность к изменениям есть суть и условие существования любой живой системы. Символично, что советской святыней стал Мавзолей — место, где сохранялась «посмертная жизнь», где увековечивалось, консервировалось ушедшее.

Если вы приходите в дом, где месяц назад родился ребенок, и видите, как младенец пьет молоко матери, — у вас возникает чувство радости: крепкий малыш растет. Если вы приходите в тот же дом через полгода и видите сходную картину — чувство радости за друзей лишь увеличится. Но если вы придете в этот дом лет через пятнадцать и увидите прильнувшего к материнской груди усатого юнца — у вас волосы встанут дыбом. Все надо делать вовремя, не запаздывая, само развитие не может происходить строго линейно. И если в XVIII веке имперское устройство России было естественно и органично, то его воспроиз-

ведение в советское время было противоестественно. Поэтому трактовка отдельных совпадений как аргумент в пользу советского продолжения России оказывается серьезным заблуждением.

Возвращаясь к рассматриваемым событиям, надо сознавать, что разрыв с собственными корнями неизбежно порождает и разрыв с общеевропейской традицией, с включенностью в европейскую цивилизацию. Россия не просто отступила на восток, она уходила в некий ирреальный условный мир. Именно после **1917 года деление на Восток и Запад стало не просто заглавным, оно стало системой координат, а слова эти — базовыми категориями социально-философской и политологической картины мира.** На протяжении всего своего существования СССР не сближался с Европой, не выстраивал новые мосты, не вступал в настоящий диалог и не искал честных компромиссов. Оторвавшись от Европы, он постоянно стремился вновь туда вернуться, но лишь для того, чтобы полностью ее переделать и оторвать от собственной европейской традиции так же, как был оторван от российской традиции Советский Союз. СССР всеми способами навязывал ей советско-коммунистическую идентичность и идеологию.

Разрыв с собственными корнями, начатый в 17-м году, вызвал глубочайший раскол в российском обществе. Он породил Гражданскую войну, продолжавшуюся 4 года и унесшую до 17 млн жизней. (За три года участия в Первой мировой Россия потеряла, по разным данным, от 3 до 5 млн человек.) Теоретический диалог о судьбе русской идеи, начатый Ф. Достоевским и В. Соловьевым, перерос в губительный для любого общества кровавый выбор — либо реформирование исторической России, либо революционное отбрасывание тысячелетнего наследия. Победили, как известно,

ИЗВЕСТИЯ: Много ли еще осталось страшно-го и драматичного из того, что произошло в XX веке и пока не было предано гласности?

Сванидзе: Очень многое. Причем интересное не только людям рядовым, которые историю учили по школьным учебникам и давно забыли, но даже профессиональным историкам. Мы читали не те книжки. Что было известно тогда о нашей стране, что известно сейчас — это небо и земля. Те, кому интересно, могут узнать всю правду о нашей истории, и я хочу через СМИ сделать ее достоянием многих людей, которые не имеют возможности, времени и привычки читать специальные книги.

«Известия».
29 октября 2004 г.

предсказанные Достоевским *бесы*, а страна не услышала провидческое предупреждение.

Конечно, надо сознавать, что действительно полный, абсолютный, стерильно чистый социальный разрыв невозможен и никогда нигде не происходил. Никакой коммунистический

бронепоезд не мог перерезать всю ткань российской истории. (Даже в послевоенном Кенигсберге, переименованном в Калининград, где вся топонимика была целенаправленно изменена, две улицы все-таки сохранили прежние названия — Артиллерийская и Литовский вал, да и название реки Прегеле не менялось.) Прежде всего, мы сохранили родной язык (немецкий язык, как и его носители, в Калининграде не сохранился), который следует считать — до сих пор мы об этом почти не говорили — четвертым важнейшим компонентом русской идеи. Уже это обстоятельство дает шанс на самовоссоединение с собственной историей. Сохранились и некоторые культурные, исторические и иные символы, знаки и ценности, такие как Эрмитаж, музей П.И. Чайковского, часть русской музыки, литературы. Впрочем, их статус был противоречивым, как пел В. Высоцкий: «Они — богатства нашего народа, хотя и пережиток старины».

БЮРОКРАТИЯ КАК ОСНОВА И СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Последствия происходивших в России изменений были многоплановыми. Подчеркну и выделю одно из наиболее важных. Начавшиеся изменения меняли, мягко говоря, в худшую сторону статус всех устойчивых социальных слоев и сословий, кроме люмпентства. Радикальность революционных призывов и их несовместимость с российской социально-исторической культурной традицией могла разрешиться двумя путями — либо отказом от этих призывов и возвращением к модернизированной традиции, либо сотрясением самих устоев и превращением маргинальности в норму. На практике именно вторая тенденция возторжествовала, и поэтому левая власть, уничтожившая или радикально деформировавшая все существовавшие социальные слои и группы, остро нуждалась в создании новой, собственной, надежной социальной базы. И такая база возникла, ею стали сами преобразователи. Бюрократия стала основой и опорой нового якобы рабоче-крестьянского, но в действительности абсолютно бюрократического, точнее, **бюрократически-идеологического государства**. Численность бюрократии и бюрократических учреждений стала расти сразу после Октября, но и спустя десятилетия появлялись новые, прежде неведомые структуры, какие-то там Главспичпромы, Мосгорлаборпоомкоопсоюз и т.д. и т.п. Чиновники в домоуправлении и в Кремле, в Верховном, городских и районных советах, в погонах и без, в Академии наук и Союзе писателей, в парткомах, профкомах, фабкомах, женкомах, комбедах и бесконечном количестве других «комов» заполнили и опутали всю страну, разрастаясь как страшная опухоль, направляемая *политбюрократами* и лично *секретарем* (первым или генераль-

ным) правящей партии. Спустя тридцать—сорок лет то же самое происходило и в других странах Европы и Азии, идущих по так называемому социалистическому пути или «выбравших» в Африке и Азии некапиталистический путь развития. Перерождение власти было причиной, следствием и зримым проявлением происходившего разрыва во времени.

Мысль о вбитом красном фундаменте, о разрыве с прошлым нуждается в развитии и дальнейшем осмыслении. Но уже сейчас она начинает находить своеобразное выражение и подтверждение в постсоветском искусстве. Недавно в Москве, во МХАТе им. Чехова, в постановке режиссера С. Женовача, вышел спектакль по известной пьесе М. Булгакова «Белая гвардия». Новизна и своеобразие постановки проявляются, в частности, в том, что действие спектакля происходит не на ровной поверхности, а на наклонной и изломанной сцене. Впрочем, свобода трактовки остается за зрителем.

ПОЧЕМУ РАЗРЫВ СТАЛ ВОЗМОЖЕН?

Утверждая мысль об историческом разрыве, мы одновременно порожаем серию новых загадок. Например, типичный вопрос, который возникает в этой связи, — а как все это могло произойти, *чьими руками все было сделано?* Ведь не марсиане же разрывали на части тысячелетнюю Россию? Марсиан, разумеется, не было. Правда, численность иностранных наемников в Красной Армии (китайцев, венгров, немцев, латышей, чехов, словаков, сербов и т.д.) доходила до миллиона человек, т.е. составляла около трети ее личного состава. Собственно, это обстоятельство и побудило большевиков раздуть миф о капиталистической интервенции, которой фактически не было.

Между тем короткий ответ на поставленный вопрос с позиций обывателя и здравого смысла мы находим в книге отца белого генерала Н.Е. Врангеля «Воспоминания. От крепостного права до большевиков» (М., 2003). Николай Егорович пишет: «Неоднократно и от иностранцев, и от русских приходилось слышать вопрос: «Как могло многомиллионное население подпасть под иго ничтожного меньшинства, даже не меньшинства, а горстки негодяев?» Можно ответить коротко: благодаря равнодушию большинства и темноте остальных.

Когда с террасы дома Кшесинской ленинские молодцы, одетые в непривычные для русского глаза швейцарского фасона платья, явились народу и с нерусскими ужимками начали выкрикивать свои непривычные для русского уха слова, над ними трунили.

— Ишь его разбирает, сердечного! Точно кликуша на церковной паперти.

— А из каких они, батюшка, будут? — спрашивает старуха. — Тальянцы, что ли?

— А Бог их знает! Не то тальянцы, не то французы.

— Шуты гороховые, вот кто! — веско говорит чиновник. Почти то же думали многие обыватели, и когда большевики стали у власти, страшного в них на вид ничего не было». (С. 371)

Действительно, проблемы начались несколько позже.

Я уже писал, что в начале прошлого века наша страна нуждалась в серьезных качественных изменениях. Российское общество — и крестьянство, и интеллигенция, и политически активные слои — было готово к преобразованиям и ожидало их. Поэтому бурные потрясения 1917 года не были какой-то случайностью, как считает академик А.Н. Яковлев. Но отношение к произошедшему очень быстро раскололо страну. И большевикам необходимо было удержать контроль над

теми, кто их не принял. Добиться этого было не просто, весь набор методов и приемов предстоит еще внимательно изучить и проанализировать, поскольку на протяжении семи десятилетий весь этот процесс описывался совсем с иных позиций.

Подходя к проблеме достаточно схематично, я бы выделил в этом контексте несколько важных обстоятельств. Прежде всего, будущая власть провозгласила привлекательные и понятные лозунги, гарантируя всем мир, землю, фабрики... Хотя еще в начале 17-го года призыв к миру и поражению своего правительства в войне привлекал небольшую часть деморализованных люмпенов, за 10 месяцев непрерывной пропаганды настроение людей удалось переломить. (Через неделю после приезда Ленина из Швейцарии в Россию большевики начали издавать 250 новых газет. Не трудно догадаться, на чьи деньги это делалось.) Так что, представив себе общественное настроение тех времен, можно понять, кто вливался в ряды красноармейцев и краснофлотцев.

Другой фактор, несомненно содействовавший удержанию власти, — прямая социальная демагогия, апелляция к низменным человеческим чувствам. Призыв экспроприировать экспроприаторов, переведенный для простоты на русский как «Грабь награбленное», привлек в революционную массу активных сторонников. Я уж не говорю о декрете, отменившем сухой закон. В следующие после Октября месяцы, годы и десятилетия, по мере усиления контроля над рычагами управления, по мере укрепления нового чиновничьего класса и осознания себя действительными, реальными хозяевами огромного государства с его несметными сокровищами, ленинцы, не колеблясь, и от обещаний отказывались, и лозунги регулярно меняли. Никакие фабрики рабочие не получили, а крестьяне, взявшие землю, вскоре об этом горько пожалели. Тем време-

нем власть становилась все более монолитной и сплоченной.

Активисты октябрьских событий 17-го года и в страшном сне не могли представить то, что произойдет в 30-е годы. Если бы стране сразу пообещали ГУЛАГ, голод и уничтожение церкви, шансы ленинцев были бы равны нулю. Внутри слоя, оказавшегося непосредственно во власти, также шел сложный процесс размежеваний и дифференциации. Постепенно разочаровываясь в происходящем, часть партийцев пыталась создавать внутри ВКП(б) альтернативные группы, оппозиционные объединения, платформы, стремилась организовать свободную дискуссию.

Поэтому в конце 30-х годов Сталину пришлось вести борьбу на уничтожение с инакомыслящими внутри самой правящей партии. Больше половины (по другим данным, более 70%) делегатов проходившего в январе—феврале 1934 года XVII съезда ВКП(б) было затем репрессировано и физически уничтожено. К 1940 году в компартии практически не осталось никого из тех, кто вступал в нее в годы революции и Гражданской войны. Установители новой власти были репрессированы и уничтожены своими руководителями. (Похожие процессы, но без физических репрессий, происходили во времена перестройки и демократизации. Многие участники и активисты демократического движения 1986—1991 годов либо не пошли во власть, либо, придя туда, в скором времени оказались для нее лишними и ненужными. Теплые места заняли совсем другие люди.)

Анализируя причины укрепления новой власти, необходимо учитывать специфику организационного устройства советской компартии, которая, среди прочего, отличалась от нормальной политической партии особой жесткостью. В КПСС трудно было вступить и невозможно свободно, без последствий выйти. Провозглашенный в уставе принцип демократического централизма на прак-

тике означал абсолютный централизм без демократии. Рядовые партийцы были полностью подчинены правящему номенклатурному слою, а тот, в свою очередь, жестко зависел от состоящей из 10—15 человек высшей руководящей группы. Все было устроено таким образом, что воля вождя легко транслировалась партийной массе, формально являвшейся авангардом всего четвертьмиллиардного населения страны.

Еще одним важным приемом из большевистского арсенала, служащего сохранению власти, был механизм гласных, официальных запретов и ограничений. Иначе говоря, власть открыто опиралась на силу. В считанные дни и часы после октябрьских событий были запрещены и прекратили существование оппозиционные газеты. Была введена цензура, полностью низвергнутая перед этим Февральской революцией. Несогласные с РСДРП(б) партии, а ими, как очень быстро выяснилось, оказались все остальные российские партии, лишились возможности функционировать легально.

Между тем новые высшие руководители большевиков, хорошо ориентировавшиеся в ситуации, понимали, что всю Россию зомбировать невозможно. Поэтому самым важным фактором удержания власти с самого начала стало насилие. Характерное наблюдение находим у писателя Владимира Солоухина. Правда, он не указывает источник приводимых сведений, а я нигде более с таким материалом не сталкивался. Тем не менее свидетельства писателя представляются достаточно вероятными. В книге «При свете дня» (М., 1992) В. Солоухин пишет, что к лету 18-го года для Ленина стало очевидно — Россия не принимает его программы, и тогда вождь начал обдумывать план бегства из страны. Положение Ленина и всей правящей группы действительно не раз и не два оказывалось висящим на волоске, никакой фатальной предзаданности сохранения власти большевиков конечно же не существовало.

Узнав о планах вождя, к нему пришли Троцкий и Свердлов, вместе они нашли выход — было принято решение о переходе к **массовому красному террору**.

Сам Ленин прямо и открыто писал о роли насилия в управлении Советским государством. Созданный большевиками новый государственный строй они называли **диктатурой пролетариата**. Такую диктатуру Ленин определял как власть «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся» (*Ленин В.И. Собр. соч. Т. 41. С. 383*). Чтобы лучше понять, как различались старая и новая власть, сопоставим два факта. В 1887 году группа народовольцев совершила неудачное покушение на императора Александра III. Власти провели расследование, судебное разбирательство и пять человек, чья вина была доказана, приговорили к смертной казни. В 1918 году в Петрограде был убит начальник местной ЧК Урицкий. В ответ на это в течение трех суток по всем городам и весям без суда и следствия было схвачено и расстреляно 10 000 человек.

**СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ КАК ДЕКЛАРИРОВАНИЕ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ.
ЧТО ТАКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ?**

Описав происходившее после 1917 года как глубокий «разрыв с переворотом», а точнее — революционный переворот с разрывом, мы приходим к новой проблеме. Если старые ценности столь радикально отбрасывались, что же было помещено на опустевший пьедестал? Ведь общество, как и природа, не терпит пустоты, и страна в целом не может сохранять себя без серьезной спланированной идеи. Новая власть не могла заниматься только отрицанием, ей требовалось какое-то оправдание и обоснова-

ние своих действий. Ворвавшись в правительственные кабинеты с помощью вооруженного восстания, отбросив все существовавшие до того правила и нормы, революционеры не могли оправдать свои действия существующими законами, не могли ссылаться на конституцию или итоги выборов. Захват власти невозможно было оправдать ссылками на какие-то более общие основания — например, на защиту народных традиций. Никак не подходила и апелляция к принятым и усвоенным в прежней России социально-политическим правилам монархии, Временного правительства, против которых РСДРП призывала бороться.

Большевики нуждались в принципиально новых идеях, и эти идеи были у них изначально, причем не какие-то кустарные, доморощенные. В дело пошли весьма серьезные, признанные, значимые, получившие распространение в Европе и за ее пределами тезисы об исторической роли пролетариата, о борьбе с эксплуататорами, о всеобщем равенстве и свободе от наживы. Лозунги эффектно адаптировались к российской специфике: хлеб — голодным, мир — хижинам, война — дворцам и т.д. Все вместе это составляло основу русской коммунистической идеи и выглядело вполне убедительно и привлекательно. Впрочем, почти с самого начала русская версия коммунизма предполагала необходимость *насилия* над «классовым врагом». Причем принцип насилия трактовался так широко, что в 30-е годы врагом народа, по словам А. Солженицына, оказался сам народ. *Итак, на месте русской идеи вскоре была возведена коммунистическая идея и некая коммунистическая идеология.*

Определим сначала более точно, что называют коммунистической идеей. Никаких сенсаций, конечно, нас не ждет, докапываться до «тайного» смысла интересующего нас термина вовсе не придется. Значение

этого понятия постоянно раскрывали не только специальные партийные документы, но и все советские газеты, журналы, а также телевидение, радио и кино.

И хотя на протяжении семи десятилетий декларируемая цель и смысл существования Советского государства — коммунистическая идея несколько изменялась и модернизировалась, никаких принципиальных ее переосмыслений не происходило. В третьей и последней Программе КПСС, принятой XXII съездом в 1961 году, она сформулирована наиболее кратко и сводится к следующему — «коммунизм утверждает на земле мир, труд, свободу, равенство, братство и счастье всех народов».

Некоторую эволюцию представлений о коммунистической идее можно выявить, анализируя, как в советском искусстве из десятилетия в десятилетие менялись образы вождей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, а также выясняя, как менялись акценты внутри могучей четверки. Если в первой редакции картины М. Ромма «Ленин в 1918 году», вышедшей на экраны за два года до начала Великой Отечественной войны, вождь неоднократно призывает «расстрелять врага», то в более поздних редакциях того же фильма эти фразы вырезаны. В художественных произведениях 30-х годов Ленин *предстает не просто сторонником жестоких мер, он безжалостно критикует тех своих сторонников, которые проявляют нездоровую сдержанность в борьбе с врагом.* (В 1921 году, после победы в Крыму над армией Врангеля, большевистский вождь Л. Троцкий потребовал расстрелять 40 000 белых офицеров. Все они добровольно сдались в плен под честное слово М. Фрунзе, обещавшего сохранить им жизнь. И все эти люди не в кино, а в действительности были расстреляны.)

Во время Отечественной войны советское искусство, в соответствии с указаниями действующего вождя, совершило резкий *маневр в сторону патриотизма.*

Первым образы Родины и Сталина объединил А. Толстой. Провозглашая тост на юбилее генсека в 1939 году, он оставил в подарок потомкам чеканную формулу «За Родину! За Сталина!», затем многократно растиражированную. На киноэкранах вождь стал появляться, как правило, вовсе не с Лениным, а в том или ином сочетании с Суворовым, Кутузовым, Нахимовым и даже с Александром Невским.

В трудные послевоенные годы *коммунизм изображался как воплощение вечной мечты о достатке и изобилии*. В годы хрущевской «оттепели» был создан новый миф — о хорошем дедушке Ленине и очень, очень плохом Сталине. Ленин превратился в «самого человеческого человека», стал *символом гуманизма*, правда, гуманизм мог быть только «подлинным и социалистическим». В брежневский застой *коммунизм в первую очередь означал борьбу за мир*, против военной угрозой. Тогда же друзей Москвы, «борцов за мир» стали ежегодно награждать Международной ленинской премией. В период перестройки образ Ленина снова меняется. В театрах ставится новая пьеса М. Шатрова с характерным названием «Диктатура совести». В ней *Ленин и его соратники изображались как абсолютно честные, порядочные люди, утверждающие общечеловеческую мораль и справедливость*. Вождь партии предстал перед зрителем как настоящий новый Христос. (Правда, М. Шатров не отвечал на вопрос — зачем же в таком случае большевики уничтожали церковь?) Важной особенностью всех вариаций было то, что при любых модификациях Ленин оставался «вечно живым».

Итак, в разные периоды советской государственности коммунистическая идея и ее глашатаи трактовались несколько по-разному, при этом почти всегда представляя собой набор наиболее значимых, общепризнанных, высоких ценностей. Этот букет являлся компиляцией из Библии и Маркса, который дополняли лозунги по-

литико-прагматического характера. (К примеру, норма из Морального кодекса строителя коммунизма «Кто не работает, тот не ест» на самом деле есть слова из новозаветного послания апостола Павла коринфянам.) «Комидея» изображалась достаточно привлекательно и, в принципе, могла успешно пропагандироваться как внутри страны, так и за рубежом.

Не разгаданная доселе загадка состояла не в «комидее», а в том, что рука об руку с ней всегда шла «комидеология». Было ли второе слово простым синонимом первого, или оно обладало неким самостоятельным значением, в чем его суть? На эти вопросы нам теперь и предстоит дать ответ.

**СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ.
ЧТО ТАКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ?**

Раскрыв любую советскую газету, вы встретите многократное повторение термина «коммунистическая идеология», при этом вы никогда не увидите раскрытие его содержания. Ссылки газет на статьи и речи Ленина тоже были постоянными, но книги Ленина желающий мог прочитать, а книги под названием «Коммунистическая идеология» не было ни в одной библиотеке. Правда, какие-то «идеологические отблески» можно отыскать в советских учебниках по историческому материализму, в словарях и энциклопедиях, но все эти краткие ответы оказываются крайне невнятными, замутненными и маловразумительными. Например, в «Философском словаре», изданном в Москве в 1980 году, мы находим: «Идеология — система взглядов и идей: (вот спасибо!) политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных, философских» (С. 123). Дальше говорится про надстройку, научность и ненаучность

и прочую дребедень. Что-то действительно понять про «комидеологию» из этих дефиниций совершенно невозможно.

Если за разъяснением обратиться к классикам нового учения, интрига еще больше обострится, поскольку именно К. Марксу принадлежит работа «Немецкая идеология» (Соч. Т. 3), впервые изданная в СССР в 1956 году, в которой он показывает, что всякая идеология есть искаженная, деформированная картина реальности. Что же до термина «коммунистическая идеология», таковой никогда не употреблялся ни автором «Капитала», ни его единомышленником Ф. Энгельсом и был им абсолютно неведом.

Стремясь избавиться от гнетущего невежества, найдя странный ответ у якобы самого создателя «комидеологии», я обратился к трудам ведущего западного специалиста по проблеме идеологии, немецкого философа Карла Манхейма. Внимательно перечитав его работу «Идеология и утопия», я сделал из нее всего одну выписку: «В каждом обществе есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира. Мы называем эти группы «интеллигенцией» (*Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. Идеология и утопия. С. 15*). Сказано точно, но это ответ не на наш вопрос. Внимательно изучив еще 300 страниц текста, я с сожалением констатировал, что и на сей раз практически ничего про «комидеологию» не узнал или, точнее, узнал то, чего не ожидал. Стало понятно, что *идеология* вообще и советская *коммунистическая идеология* — это очень разные, не совпадающие феномены.

Тогда я решил поискать работы западных авторов, написанные специально о коммунистической идеологии. Книга Алена Безансона «Интеллектуальные истоки ленинизма» вышла в Москве в 1998 году, через год после

публикации во Франции. Ее первая глава так и называется «Идеология». Увы, убедительного ответа я не нашел и здесь, хотя разные удачные наблюдения и характеристики у А. Безансона встречаются. Специфика «комидеологии» хорошо схвачена, например, в таком тезисе: «Идеология — это форма верования, в котором больше нет ничего религиозного, и она всеми силами отрицает, что она является верованием» (С. 26).

В постперестроечное время я иногда оказывался на встречах и конференциях, где присутствовали главные идеологи компартии последних лет. Люди, прежде абсолютно недоступные, оказывались рядом со мной. Пользуясь случаем, я всегда задавал им один и тот же вопрос — что такое «комидеология»?

21 февраля 2002 года в Санкт-Петербурге проходил гражданский форум. На нем присутствовал бывший секретарь ЦК КПСС по идеологии В.А. Медведев. В ответ на мой вопрос Вадим Андреевич иронично улыбнулся, пожал мне руку и ответил: «Игорь, я занимался только идеологией перестройки». Несмотря на мои настойчивые просьбы, добавить к сказанному он ничего не захотел.

28 ноября 2003 года на презентации книги А.Н. Яковлева «Свобода — моя религия» в Центральном доме литераторов в Москве на мой традиционный вопрос бывший член Политбюро ЦК КПСС ответил без запинок — «Нетерпимость! Это нетерпимость». А потом добавил: «Нам нужно вырваться из 1000-летнего рабства».

5 января 2004 года в посольстве Швейцарии в Москве проходил неформальный музыкальный вечер, где присутствовал М.С. Горбачев. Когда начался фуршет, я подошел к Михаилу Сергеевичу, чтобы и ему задать свой вопрос, но начал издали. Напомнил, как в апреле 1990 года за создание «Демократической платформы» в КПСС я был по команде из Политбюро исключен из партии, а спустя 10 лет, вместе с приехавшим

к нам на годовщину Горбачевым, отмечал демплатформовский юбилей. Наконец, добрался и до главного вопроса. «Да вы сами все знаете и в книжках пишете», — стал уходить от ответа бывший генсек. Но потом все-таки согласился пояснить. «Комидеология — это попытка превзойти даже религию, исключить все другие точки зрения и позиции», — сказал Михаил Сергеевич и дальше продолжал развивать и растолковывать эту мысль.

По правде говоря, ко времени этих бесед у меня уже был ответ на ключевой вопрос. Но хотелось себя проверить, вдруг «первоисточники» раскроют что-то такое, чего мне в голову не приходило. Увы, никаких откровений не случилось, впрочем, это показательно само по себе. Поэтому вернусь к прерванному поиску, чтобы затем сформулировать и само решение.

В отличие от русской идеи, разобраться с «комидеологией» не удавалось ни через анализ семантического поля советской поэзии, ни через контент-анализ партийной периодики. Тогда я попытался подойти к проблеме с другой стороны. Может быть, значение интересующего нас понятия раскроется не через то, что в тексте присутствует, а через то, чему в тексте присутствовать не позволено? И еще один нетрадиционный прием: поскольку обращение к ранее проведенным *научным* исследованиям результата не давало, следовало его поискать в *художественной* литературе и искусстве. Известно, что серьезные художники, писатели часто раньше других видят или, может быть, чувствуют закономерности, никем до них не подмеченные.

В.М. Шукшин в своих дневниках как-то заметил: «Если бы половина всех советских лозунгов была реализована, жизнь была бы уже раем». В 60—70-е годы в оборот вошла такая характерная идиома — «не выдавайте желаемое за действительное». В вышедшем в годы перестройки фильме Э. Рязанова «Забытая мелодия для

флейты» запомнилась специфическая сцена: по вагону электрички идут с гармошкой два отставных идеологических работника и поют развеселую песню:

Мы не сеем, не пашем, не строим,
Мы гордимся общественным строем.
Мы бумажные важные люди,
И мы были, мы есть и мы будем.

Все это, наконец, и привело к долгожданному выводу. В СССР специально и сознательно создавался разрыв между официальной картиной действительности и самой этой действительностью, между жизнью и ее идеологической моделью. Картина жизни, представленная коммунистической идеологией, всегда соответствовала коммунистической идее, а сама жизнь ей противоречила!

«SWAROVSKI A.G. ОЦЕНИЛА СВОИ УБЫТКИ В 600 ТЫСЯЧ ЕВРО»

**ЗНАМЕНИТЫЙ АВСТРИЙСКИЙ ХРУСТАЛЬ
ДЕЛАЛИ В МОСКОВСКОМ ПОДВАЛЕ**

В Гагаринском суде Москвы начались слушания по делу двух предпринимателей, которые занимались торговлей хрустальными люстрами, торшерами и бра под известным товарным знаком Swarovski. Следствие считает, что бизнесмены незаконно использовали знак, и это грозит им лишением свободы на срок до пяти лет. Компания Swarovski A.G. оценивает нанесенный ей ущерб в 600 тысяч евро.

*«Известия».
16 сентября 2004 г.*

Теперь можно, наконец, понять, чем занималась огромная армия идеологов от соответствующего отдела ЦК и курирующего его секретаря ЦК, через ЦК всех союзных республик, через идеологические отделы обкомов, горкомов и райкомов партии (плюс те же отделы в комсомоле) до секретарей парткомов и цеховых секретарей всех предприятий и учреждений.

Коммунистическая идеология — это искажение подлинной картины реальных социальных процессов через полное утаивание от общества информации или через ее искажение с целью поддержания мифа о строительстве коммунизма. Коммунистический миф, в свою очередь, был необходим как главный фактор легитимации и сохранения существующей власти.

«Комидеология» — это фактически самая широкая и всеобъемлющая государственная цензура. Можно еще уточнить: **«комидеология»** — это совокупность тайных, никогда не объявлявшихся обществу принципов и методов, в соответствии с которыми цензурируется весь доступный высшей власти информационный поток, а также результат такого цензурирования, т.е. сама препарированная информация. Поясню еще раз, «комидеология» — это тайные принципы искажения информации, а также сама информационная картина, являющаяся результатом такой обработки.

Итак, с помощью огромной идеологической машины вся циркулирующая в стране информация оказывалась под полным контролем государства. О том, как именно этот контроль осуществлялся, я расскажу коротко. (Люди постарше вряд ли об этом забыли, но нынешние среднее и младшее поколения, как правило, не имеют никакого представления о «комидеологии».)

Поставленные властями цели достигались несколькими способами. Весь информационный поток, направляемый в страну из-за рубежа, немедленно пресекался.

ДИРЕКТОР РУССКОЙ СЛУЖБЫ «РАДИО «СВОБОДА»
В 1987–1992 ГГ. **ВЛАДИМИР МАТУСЕВИЧ:**

**СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ ГЛУШЕНИЕ ПЕРЕДАЧ
ОБХОДИЛОСЬ В ТРИ РАЗА ДОРОЖЕ,
ЧЕМ ЗАПАДУ — ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕЩАНИЯ**

«Известия».
20 апреля 2004 г.

Система радиоглушения лишала возможности нормально слушать западные радиостанции, на западные газеты подписаться было нельзя, и внутри страны они не продавались (за исключением нескольких столичных гостиниц). Переписка с Западом фактически пресекалась. Причем само существование системы информационного контроля (кроме глушения) власти не признавали. Вспоминаю в этой связи историю одного хитроумного француза, который постоянно отправлял на московские адреса заказные письма антисоветского содержания с уведомлением о вручении. Письма, разумеется, не доходили до адресата, уведомление не возвращалось во Францию, и отсылавший регулярно получал хорошую финансовую компенсацию за пропажу отправлений от Международной организации почтовой связи, в которую входила и советская почта.

Не менее жестко, чем внешняя, контролировалась информация и внутри страны. Любой текст перед печатанием в типографии проходил цензуру, которая официально не существовала и называлась Главлитом (полное наименование этой организации, имевшей хорошо разветвленную структуру, звучало так: «Комитет по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР»). В советских газетах, журналах, книгах

в выходных данных почти всегда указывался не только тираж, объем и т.п., здесь ставилась также буква и рядом с ней непонятные 5 цифр (например, Л-73771). Это и есть цензорный знак (в СССР не было периода без цензуры, но был период, когда сам знак не ставился). Абсолютная цензурируемость советских СМИ приводила к тому, что страна жила с отставанием на сутки от всего остального мира. Кое-что из того, что *они* из выпусков новостей знали сегодня, *мы* узнавали только завтра.

Идеологическая обработка происходила повсеместно; на улицах вывешивались соответствующие плакаты и лозунги. Все трудящиеся (не только члены партии) должны были проходить через систему партийно-политической учебы и регулярно повышали свой «идейно-политический уровень» по месту работы, а иногда и с отрывом от производства. Каждый работник был обязан усвоить официальную трактовку происходящих в стране и за рубежом событий. В канун и во время советских праздников, юбилеев (100-летие Ленина, 50-летие Октября и т.п.) идеологическая обработка резко усиливалась.

Индивидуальные поездки за рубеж практически не существовали, разрешались только поездки в составе группы, где был *соответствующий* руководитель. Для вхождения в такую группу требовалась прежде всего не виза другого государства, а виза-разрешение советской госбезопасности — на право выезда из своей страны. Для этого надо было иметь не только незапятнанную биографию, положительную характеристику с места работы, но и пройти через гласный контроль—собеседование партийных органов и негласный контроль органов КГБ. Несмотря на все эти меры, количество невозвращенцев и перебежчиков постоянно увеличивалось.

Описывать все ветви огромного идеологического дерева — дело долгое, но не могу не сказать об особой

ВАСИЛИЮ ШУКШИНУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 75 ЛЕТ

Фильмы «Калина красная», «Печки-лавочки», «Они сражались за Родину» золотыми буквами вписали имя Василия Шукшина в историю отечественного кинематографа, а рассказами зачитывалась вся страна, ставя его в один ряд с Зощенко. Однако сам Шукшин считал делом всей своей творческой жизни фильм о Степане Разине, который хотел назвать «Я пришел дать вам волю».

Замысел картины зародился у Шукшина в середине 60-х. После того как в марте 1966-го была принята заявка на литературный сценарий фильма «Конец Разина», Василий Макарович перестал сниматься, все свое время уделяя будущей картине. Шукшин изучал обычаи того времени, воинские приемы и уклад жизни казаков. В поездках по Волге подбирал песни, присматривал натуру. Параллельно со сценарием о Разине рождался исторический роман «Я пришел дать вам волю».

Начало съемок было намечено на лето 1967 года, но неожиданно выяснилось, что исторический фильм в двух сериях — это дорого и неактуально. «Разина» заморозили до лучших дней.

«Известия».
23 июля 2004 г.

сфере деятельности — о людях творческих профессий. Здесь контроль властей носил особо тяжелый, драматический, а иногда и просто трагический характер. Всякая написанная художником картина, чтобы быть выставленной в галерее, должна была получить визу выставкома, пьеса, чтобы быть поставленной в театре, а затем быть включенной в репертуар, должна была

иметь разрешение реперткома. Аналогичный механизм существовал в отношении музыки, кино, литературы и т.д. Чтобы режиссер мог начать съемку фильма — запустить его в производство, требовалось пройти 14 цензурных инстанций, чтобы законченная картина вышла в прокат, необходимо было получить еще 7 цензурных разрешений. Не должно удивлять, но и не должно быть никогда забыто, что Владимир Высоцкий за свою творческую жизнь ни разу не выступил под отпечатанную афишу, зато посмертно, в разгар перестройки был награжден «ленинской(?) премией». Василий Шукшин так и не снял свой главный, задуманный за 10 лет до кончины фильм «Я пришел дать вам волю». Сколько книг не было написано, сколько рукописей сгорело, сколько спектаклей не поставлено, сколько кинокартин оставалось на полках! Сколько живых, творческих судеб было искромсано идеологической мясорубкой!

Продолжительное использование «комидеологии» привело к тому, что в 70—80-е годы стало уже просто невозможно выступать на телевидении, печататься в газете и при этом говорить своим голосом, высказывать свое собственное мнение. Важнейшей проблемой, порожденной введением «комидеологии», стала проблема свободы, прежде всего свободы слова. Свободную человеческую мысль сжимали страшные идеологические тиски. Одновременно «комидеология» была своеобразной «фабрикой грез», заменявшей и приукрашивающей реальность. Не религия, а «комидеология» была духовным опиумом для народа. Духовные потребности, не удовлетворяемые в реальной жизни, суррогатно компенсировались через теле- и кинопрограммы. Причем чем меньше действительность походила на ее идеологическую модель, тем активней и интенсивней становилась идеологическая работа, или, точнее, обработка населения.

Во всех крупных библиотеках существовал тайный отдел, так называемый спецхран, в который не допус-

кались обычные читатели. Здесь находилась свободная западная, «самиздатская» и «тамиздатская» литература и здесь должны были «оттачивать» свое мастерство идеологи разного уровня. В результате свободно высказываться, писать, творить в СССР стало фактически невозможно. Через игольное ушко цензуры удавалось, не запятнав себя, пройти лишь тем, кто в совершенстве овладевал эзоповым языком, кому удавалось объясняться намеками. Вы помните, как в последних кадрах фильма «Доживем до понедельника» к зрителю обращается учительница? Она обсуждает с коллегой-историком судьбу сгоревших школьных сочинений. Оказывается, одно из них она успела прочитать и знает, что в нем было написано. В этот момент оператор снимает лицо крупным планом — мы видим во весь экран глаза учительницы, которая говорит: «Счастье — это когда тебя понимают».

«Комидеология» была в СССР главным нормообразующим институтом. Потому и самым страшным преступлением в Советском Союзе были не какие-нибудь банальные убийства, грабежи или изнасилования. Самыми страшными были попытки преодоления цензуры, инакомыслие, диссидентство и **самиздат**, т.е. внецензурное, свободное представление своих воззрений.

Слово «диссидент», т.е. человек, не согласный с коммунистической идеологией, вошло в советский лексикон в начале 70-х годов прошлого века, но люди, негативно относящиеся к происходившим в стра-

Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы.

Мы живем в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий, которые раньше жестко подавлялись господствующей идеологией.

Из обращения Президента РФ В. Путина к гражданам России. «Известия». 23 июля 2004 г.

не изменениям, заявили о себе сразу, как только эти изменения начались. Власти с самого начала понимали, что воздействие на информацию, любое ее искажение, запрещение, подтасовывание не может стать абсолютной гарантией лояльности общества. Поэтому одновременно с созданием коммунистической идеологии в узком смысле, т.е. **устройства по препарированию информации**, была создана идеологическая система в широком смысле — **аппарат воздействия непосредственно на людей**. Всех, кто мог оказаться опасным для новой власти, тем более реально ей противодействовал, ждала разветвленная система предупреждений, наказаний и санкций — от выговора, исключения из партии, понижения по службе, увольнения до отправки в ГУЛАГ (Главное управление лагерей) на принудительные работы без права переписки и с высшей мерой наказания. Система ГУЛАГа описана А.И. Солженицыным в его запрещенном в СССР и переведенном на десятки языков мира исследовании «Архипелаг ГУЛАГ». Между тем далеко не все страницы этой трагической части советской истории перевернуты. Известна официальная цифра погибших в Великой Отечественной войне — Советский Союз потерял 27 млн человек. Количество *погибших* в результате ленинско-сталинских репрессий до сих пор официально не названо, хотя, по оценкам демографов, историков и других специалистов, оно превышает количество погибших в войну. Сколько людей вообще *пострадало* от незаконных репрессий — не известно даже приблизительно. Работающая 20 лет государственная Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте СССР, а затем — при Президенте РФ во главе с неизменно возглавлявшим ее А. Яковлевым подобные отчеты не представила.

Подытоживая, можно сказать, что в широком смысле слова идеологическую работу, сознавая или

даже не сознавая это, выполняли миллионы людей, среди них — пограничники и «глушилщики», октябрятские вожатые и газетные редакторы, сочинители песен и охранники ГУЛАГа. И все это делалось ради настойчивого напоминания альтернативы: веришь в советский коммунизм — будешь достойным жителем «соцлагеря», не хочешь верить — отправляйся в лагерь исправительный. Вся эта огромная, многоуровневая, все пронизывающая скрыто-открытая разветвленная система существовала как добавление к коммунистической идее, ее и следует называть коммунистической идеологией.

Рассуждая об идеологии, советские учебники совершенно справедливо отмечали, что господствующая идеология — это *воля господствующего класса, возведенная в закон*. Спрашивается, кому была нужна мифологизированная, абсолютистская картина мира, согласно которой «там» все умирало и гнивало, а «тут» все было самым передовым и прогрессивным? В сохранении «комидеологии» была кровно заинтересована реальная власть, никогда не называвшая себя вслух по имени — «партгосноменклатура».

Созданная «комидеологией» модель делала власть правящего класса абсолютной и неприкасаемой. Ему она и была нужна. Власть была сконструирована таким образом, что требовалось ее непрерывно восхвалять. Сколько-нибудь серьезный и объективный разбор ее природы, критика ее основ или просто критика власти становилась не просто невозможной, она объявлялась антисоветским преступлением. Ведь критиковать *самое передовое* могут только заклятые враги трудового народа, по отношению к которым Ленин призывал быть абсолютно безжалостным! Собственно говоря, по официальной «комидеологической» версии, никакой специфической власти вообще не было, был просто «авангард рабочего класса и колхозного крестьянства». Та-

ким образом, система самозамыкалась, постоянно воспроизводя самое себя.

Вопрос об устройстве и функционировании «партигосноменклатуры» — это отдельная большая тема, исследование которой, кроме упоминавшейся работы М. Восленского, у нас почти не проводилось. Приведу здесь только самые краткие выводы из нее. Номенклатура — ограниченный круг руководящих чиновников — имела свое специфическое строение. Высшее руководство, например Политбюро, утверждало список руководителей следующего уровня, которых оно назначало. Этот второй уровень начальников подбирал и назначал свой слой чиновников более низкого ранга и т.д. Правила назначения, перемещения, повышения по службе никак не зависели от тех, кем руководят. Все определял тот, кто руководит. Главным достоинством чиновника были не профессионализм и квалификация, а его преданность вышестоящему боссу. Поэтому министром культуры мог быть химик, а министром коммунального хозяйства — однополчанин генсека, работавший до этого директором бани.

Провалив работу на своем посту (ведь указания сверху были в интересах верха, а не в интересах народа и государства), номенклатурщик не мог быть снят, его перемещали на другой пост в другом регионе страны, часто с повышением. Главным стимулом чиновника к выполнению вышестоящих указаний была тайная, строго ранжированная система привилегий, которая делала жизнь властителей совершенно не похожей на жизнь обычных советских людей. Попав в эту систему и вкусив ее прелести, номенклатурщик оказывался абсолютно деморализованным, не способным говорить правду, принимать эффективные решения. Самым страшным для него было выпасть из системы и лишиться льгот. Аналогии здесь просматриваются не только с Киевской Русью, но, увы, и с современностью, с Росси-

ей постсоветской. По данным М. Восленского, численность советской номенклатуры составляла приблизительно 2 млн человек.

ПОЧЕМУ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ — ЭТО ЛОЖЬ?

Мы выпустили массу критических стрел в адрес «комидеологии». Однако оппонент может возразить, что все это больше напоминает житейские рассуждения, чем научный аргументированный анализ. Да и существуют ли объективные основания для того, чтобы считать идеологию несостоятельной? А может быть, мы действительно «впервые в мире» шли «по непроторенным маршрутам», «но враги клеветали», «а прогрессивное человечество», несмотря на «временные трудности», приближалось-таки к заветной цели? Давайте разберемся в этом философски беспристрастно. Прежде всего, я предлагаю вступить в дискуссию честным и принципиальным оппонентам.

Главный тезис «комидеологии» состоял в том, что победа коммунизма объявлялась неизбежной, причем во всемирном масштабе. (На самом деле, увы, мы являемся свидетелями всемирного поражения коммунизма.) Что же касается нашей страны, то здесь, как утверждалось, одерживая одну победу за другой, уверенной поступью наступал социализм. За семьдесят лет о построении социализма официально объявлялось трижды. В марте 1939 года в Москве прошел XVIII съезд ВКП(б). Его делегаты подвели итоги 2-й пятилетки и отметили, что *социализм у нас в основном построен*. Утвердив 3-й пятилетний план, съезд констатировал вступление страны в полосу завершения социалистического строительства. Несколько раньше, в декабре 1936 года (в разгар проводимых НКВД репрессий), была принята сталинская Конституция, провозгласившая СССР социалистическим

государством. Через 20 лет, в конце 1950-х годов, руководство партии объявило, что *социализм у нас победил полностью и окончательно*. А еще через десять лет Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев опубликовал статью, в которой делился с читателями выводом *о построении в СССР развитого социалистического общества*. Задолго до написания этой статьи, в речи на III съезде комсомола Ленин обещал построить коммунизм в 30—40-е годы, но заявление лидера большевиков никогда не комментировалось партийным руководством, зато в 1961 году очередной съезд загодя объявил 1980 год временем построения коммунизма в СССР. Впрочем, серьезные трудности и неясности возникли задолго до объявленной даты.

Несмотря на все цитировавшиеся документы и заявления, можно утверждать, что *ни коммунизм, ни социализм (развитой или неразвитой)* в Советском Союзе построены не были и что «комидеологи», как им и было положено, занимались мистификацией. Чтобы это доказать, необходимо разобраться еще в одном запутанном вопросе — что же такое социализм? Дело в том, что как его критики, так и сторонники понимают социализм по-разному. Известный антисоциалистический теоретик и нобелевский лауреат, австрийский профессор Фридрих Хаек пишет, что социализм — это, прежде всего, плановая, управляемая государством экономика и отсутствие рынка (см.: Хаек Ф. Дорога к рабству. Лондон, 1983). Лидер КПРФ, доктор философских наук Г. Зюганов считает, что социализм — это коллективизм, а поскольку в России испокон веков существовала община, значит, не только мы, но и наши предки были социалистами. Можно привести и другие соображения.

Между тем, согласно К. Марксу, создателю коммунистической теории, самая важная черта социализма заключается в следующем. Все предшествовавшие коммунизму формации — рабовладение, феодализм,

капитализм — построены на эксплуатации человека человеком. Иначе говоря, рабовладелец, как и феодал, и капиталист, присваивает себе часть продуктов, произведенных подвластным классом. Эксплуатируемые соответственно недополучают часть того, что сами производят. А вот социализм, согласно Марксу, есть первая в истории человечества формация, утверждающая социальную справедливость. При социализме нет враждебных классов, и потому никто не может использовать продукты чужого труда. Именно этот принцип вызывал огромную симпатию трудящихся разных стран.

Лев Троцкий, главный соратник и единомышленник Ленина, изгнанный Сталиным из страны, в 1936 году опубликовал книгу «Преданная революция», которую принято считать его главной теоретической работой. В этом исследовании Троцкий на основании имевшейся у него статистики и других источников, пожалуй, впервые показал, что эксплуатация в Советском Союзе существует. Позднее, уже в 80-е годы, некоторые диссиденты-экономисты в СССР и других социалистических странах выявили, что эксплуатация здесь не просто существует, ее уровень оказался заметно выше, чем в так называемых странах капитала. Существовал и класс, который присваивал чужой труд. Югославский ученый Милован Джилас и, уже упоминавшийся эмигрировавший из Советского Союза профессор Михаил Восленский подробно исследовали и описали этот класс, который теперь принято называть номенклатурой. Несмотря на то что публикация подобных исследований и даже ссылка на них в советское время была категорически запрещена, общество и без того правильно ориентировалось в происходящих процессах. Не случайно в канун официального построения коммунизма в стране был популярен такой анекдот:

«Армянское радио спрашивали:

— Что такое капитализм?

— Это эксплуатация человека человеком, — отвечали из Еревана.

— А что такое социализм?

— Это когда все наоборот».

Современная европейская социал-демократия, а социалисты находились или находятся у власти почти во всех странах Западной Европы, подходит к определению интересующего нас понятия несколько иначе. Социинтерн согласен с тем, что отказ от эксплуатации представляется весьма привлекательным, но на практике он едва ли достижим. Коллективная собственность, отказ от эксплуатации, справедливое распределение заработанного возможны в рамках отдельных предприятий и производственных коллективов (так происходит в израильских кибуцах, в испанском кооперативе Мандрагона и т.д.).

Но создать целое государство без эксплуатации едва ли кому удастся, считают современные социалисты. Поэтому, не отказываясь от замечательной идеи, они стремятся к ее реализации другими способами. Справедливость государственного устройства достигается через справедливые налоги и многочисленные социальные программы. Считается, что правильная налоговая шкала должна иметь нарастающий характер: выше доходы — выше налоги. Те, кто нуждается в помощи — инвалиды, старики, многодетные семьи, молодежь, — могут рассчитывать на поддержку государства. Все эти социально-политические программы осуществляются европейскими социалистами многие десятилетия. Характерно, что в богатом Евросоюзе численность миллиардеров невелика, к тому же она сокращается. Зато много миллиардеров имеется в США, и их число возрастает в современной России, где, по

официальным данным, треть населения находится за чертой бедности.

Тем не менее некоторые исследователи делают вывод, что в СССР все-таки существовал социализм, ведь кроме зарплаты люди получали поддержку из так называемых общественных фондов потребления. Бесплатное обучение дополняло бесплатное здравоохранение, жилье также большинство граждан получало совершенно бесплатно.

В действительности в плане социальных гарантий СССР только на первый взгляд близок к обществу справедливости. Если высчитать зарплату граждан с поправкой на упомянутые льготы, окажется, что СССР и здесь был уникален. Дело в том, что Советское государство в первую очередь помогало богатым, а не бедным. Например, в 1970-е годы бюджет обслуживавшего только высший слой номенклатуры 4-го главного управления Минздрава СССР равнялся половине всего бюджета этого министерства. А как было с жильем? Токарь Петров мог стоять в очереди на квартиру всю свою жизнь, а секретарь обкома Степанов получал ее сразу, в лучшем доме и в лучшем районе. То же происходило с льготными путевками, возможностью обучения в престижных вузах, работой за рубежом и т.д. и т.п. Дефицитные товары, продукты без ограничений, да еще и по льготным ценам номенклатура получала в закрытых распределителях. Потребности обычных трудящихся обеспечивались на самом низком и некачественном уровне.

Можно определить социализм еще по-другому. Анализируя пять формаций — от первобытной общины до коммунизма, — И. Сталин в своей работе «Вопросы ленинизма» указывал, что «при рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца, при феодальном строе основой производственных отношений является

собственность феодала» и т.д. Соответственно при социализме экономическим и политическим хозяином страны должен быть социум, т.е. общество, народ. Однако всем известно, что никакой демократии и народовластия в тоталитарном Советском государстве не было, значит, и в этом смысле говорить о социализме не приходится.

Можно искать еще какие-то дефиниции и пытаться применить их к нашему недавнему прошлому — и все равно с социализмом ничего не получается. Все тот же Ленин писал о более высокой производительности труда как главном условии победы нового общественного строя. В СССР, как и в других соцстранах, производительность труда всегда оставалась ниже, чем в странах Запада.

От всех этих рассуждений читатель может совсем запутаться — где социализм был и где его не было? Какое понимание этого термина правильное, а какое нет и вообще, социалисты — это что-то положительное или отрицательное? Терминологическая каша, понятийный винегрет присутствует во всей нашей периодике, публицистике и даже в научной литературе. Невозможно вести сколько-нибудь серьезное обсуждение вопроса, если в исходные термины вкладывается разный, тем более противоположный смысл. На сегодняшний день понятие «социализм» сделалось слишком многозначным. Кроме вышеназванных, говорят еще о русском, арабском, кампучийском социализме и т.д. и т.п. Я убежден, что ситуацию необходимо и можно прояснить, а для этого полезно выделить три основных значения термина.

1. Марксов социализм с преодолением эксплуатации и отчуждения, с особой ролью пролетариата и с социальной справедливостью, социализм и коммунизм как начало подлинной истории человечества,

как выход из предыстории — это понятие чисто теоретическое и гипотетическое, в полном объеме никогда и нигде не реализовывавшееся. Трудно спорить с тем, что в начале XXI века принцип «каждому по потребности» воспринимается как утопический, но ведь история еще не закончилась. **Добавлю, что сама по себе разработанная Марксом и его предшественниками коммунистическая идея может быть оценена вместе с христианской, гуманистической идеями как самый светлый проект, как самая замечательная утопия, порожденная человеческим разумом.**

2. Социализм европейской социал-демократии, социализм Вилли Брандта и Улофа Пальме, представляет собой честную попытку реализовать абстрактный замысел. Стремление к социальной справедливости, перераспределение доходов очень привлекательны, хотя они непременно порождают негативно-проблемный момент. Они всегда ведут к росту бюрократии, на долю которой и выпадает учет и перераспределение доходов. Но если бюрократия находится под надежным общественным контролем, можно говорить об удачном воплощении замысла и о втором типе социализма.

3. Социализм Советского Союза и социалистических стран лишь по названию напоминает утопию Маркса. Миф о строительстве социализма в СССР — самая большая мистификация XX века. На практике мы имели дело с номенклатурно-тоталитарным государством, вталкивавшим своих подданных в жесткие рамки коммунистической идеологической цензуры. Ответственность за происшедшее в первую очередь несет власть, хотя в целом решение проблемы ответственности очень непростое. Кроме того, для полноты картины надо иметь в виду, что даже чисто лозунговая ориентация на великие идеи имела отдельные позитивные последствия, некоторые из которых мы еще будем обсуждать.

С учетом сказанного полезно немного отступить от жесткой логики повествования и сделать некоторые промежуточные выводы. После радикальных властных перестановок, кульминация которых прилась на 1991 год, общество, приученное советским руководством к формулированию целей движения, долгое время ждало ответа на вопрос — **куда мы теперь идем?** По сей день ни менявшиеся главы нашего государства и правительства, ни другие высшие руководители ни разу на этот вопрос не ответили. Такое положение не является результатом случайного недосмотра. Ответ на этот вопрос оказывается крайне затруднительным не в научно-теоретическом, а в конкретно политическом контексте. Если объявить, что мы идем к капитализму, всякий обучавшийся в советском вузе спросит — а зачем же идти от социализма к капитализму? Если объявить, что мы идем к социализму, возникает еще более недоуменный вопрос — зачем же идти от социализма к социализму?

Корень проблемы на самом деле глубже, трудность связана не с ответом на вопрос, куда мы идем, а с ответом на вопрос, откуда мы идем. Если признать, что никакого социализма в СССР никогда не было, возникает множество разноплановых следствий. Это Петровские реформы, как бы дорого они ни стоили, проводились во имя России. А ради чего разрушалась историческая Россия, зачем уничтожалась церковь, ради чего миллионы отправлялись в ГУЛАГ, репрессировались народы, создавался мировой социалистический лагерь? Кто будет выносить юридическую оценку вселенского обмана, совершенного руководством большевиков? Очевидно, что наше общество претерпело слишком много стрессов, эмоциональных испытаний и разочарований. Ворошить ушедшее или не совсем ушедшее прошлое очень больно и неприятно. И все-таки, не нагнетая новые страсти, стоит набраться мужества и найти правильный и честный ответ, соразмерный с ны-

нешним положением и состоянием нашего общества. Оставлять открытым вопрос о нашем будущем и нашем прошлом далее невозможно, ибо это обрекает страну на бессмысленное отставание и плутание в полумраке, это лишает возможности совершить столь необходимый России духовный и экономический прорыв.

На этих страницах я подверг системному анализу и критике коммунистическую идеологию. Понимаю, что не все оппоненты согласятся со сказанным. Поэтому приведу еще несколько аргументов, которые не являются, так сказать, последовательными звеньями некоей железной логики. Это «идеологические антифакты», которые когда-то поразили меня самого.

В Советском Союзе, после объявления о победе и построении социализма, репрессиям, как известно, подвергались не только миллионы отдельных граждан, существовали также целые «репрессированные народы». Трудно быть кратким и беспристрастным при обсуждении таких тем, и все-таки нельзя не подчеркнуть, что народ, согласно той же марксистской доктрине, является подлинным творцом и хозяином истории, а противостоят ему враждебные эксплуататорские классы. Все народы, трудящиеся всех стран — это братья по классу. И объявлять целый народ врагом может только глубоко антинародная власть.

Недоумение остается и в связи с «реабилитацией репрессированных народов», происходившей после 1991 года. Выходит, что данный конкретный народ невиновен, но какой-то другой народ может быть объявлен виноватым. На самом деле нам нужны юридические определения в отношении тех, кто творил беззаконие, а не только оправдание невинных.

Еще одно соображение. В начале 1979 года четыре месяца я провел в командировке в Варшаве, закончи-

вал работу над кандидатской диссертацией о польской социологии телевидения. Побывав во многих книжных магазинах, я с интересом обнаружил фактически запрещенные в СССР издания Библии, причем на разных языках — английском, французском и даже армянском. В выходных данных указывалось, что книги отпечатаны в Южной Корее. Я задавал себе вопрос — откуда в Сеуле нашлись такие специалисты по армянскому языку и христианству? Через некоторое время удалось выяснить, что книги отпечатаны в Советском Союзе и снабжены фиктивными выходными данными. Как говорится, деньги не пахнут, за рубежом номенклатура охотно зарабатывала на том, с чем дома принципиально и непримиримо боролась.

А вот другой сюжет. В Советском Союзе существовала своеобразная традиция — проходившие в Кремле партийные съезды всякий раз приветствовали пионеры-ленинцы. Под бой барабанов и звуки горнов они входили в зал и читали наизусть идеологические четверостишия. На самом деле всю эту мистификацию исполняли солдаты кремлевского полка, которым предварительно брили ноги и повязывали пионерские галстуки.

Ситуации идеологического цинизма далеко не всегда заставляют улыбаться. Приведу пример совсем другого рода. Вскоре после прихода Гитлера к власти в Германии начались гонения и преследования коммунистов. Части из них удалось бежать из страны, большинство добралось и скрылось в государстве их мечты — в Советском Союзе. Между тем отношение Сталина к Гитлеру менялось. В 1939 году в Москве был подписан печально знаменитый пакт Молотова—Риббентропа. После его подписания Сталин приказал передать всех бежавших в СССР антифашистов своему новому немецкому другу. Памятный скорбный знак жертвам этой нечеловеческой лживости и жестокости по сей день ни в Москве, ни в Берлине не поставлен.

Проанализировав крайне важное для нас и не проясненное прежде понятие «коммунистическая идеология», мы продолжим его исследование. Нам предстоит рассмотреть идеологию в узком смысле, как систему тотального информационного контроля, выяснить принципы ее устройства и способы действия.

ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА И ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМИДЕОЛОГИИ

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Выяснив, что такое «комидеология», разобраться в «комидеологическом пространстве» не составит большого труда. Главная его особенность состояла во всеохватности. В СССР не было такой части общественной или личной жизни, интеллектуальной активности, духовного проявления, где можно было бы сказать — «здесь идеология не действует». Она контролировала все в доме и на работе, в лесах и в полях, на земле, под водой и в космосе, в детстве, в зрелости и в старости. Над страной в целом и над каждым ее подданным опустился железный идеологический занавес. Правильнее даже говорить не об идеологическом пространстве, а об идеологическом объеме. О том, как отсекалась внешняя информация и контролировалась внутренняя, я уже писал. Замечу только, что последствия вырванности советских людей из мировой истории и культуры проявляются по сей день и представляют отдельную серьезную проблему. Сделав некоторые пояснения, остановимся на том, к каким результатам приводила идеологическая всеохватность.

Жизнь каждого индивида, независимо от его желания, приобретала невидимый, но самый значимый для власти идеологический компонент. Во всей своей деятельности человек терял свободу и самостоятель-

ность, он должен был всегда *соответствовать* и во всем *руководствоваться*. Партия, как высшая идеологическая инстанция, была руководящей, точнее, тотально руководящей и всенаправляющей силой. В таком пространстве главная задача, скажем, высшей школы состояла не в подготовке квалифицированных специалистов — это дело второе, а в подготовке убежденных борцов за правое дело. Участники спортивных соревнований не просто бегали и прыгали, но обязаны были высоко нести честь советского спорта. В армии главной была не боевая, а политическая подготовка. Космические ракеты взлетали у нас не просто с космодромов, они опирались на социалистический строй. Ежеквартальный план осеменения овцематок в каждом колхозе утверждал райком партии! И это, уверяю, никакой не анекдот и не розыгрыш. Оттого и всякий неуспех в учебе, неудача в космосе, проигрыш в спорте были не просто поражением, но приобретали идеологический статус. О возникших в разных местах чрезвычайных ситуациях говорить сколько-нибудь подробно не полагалось или вообще запрещалось. Агентство ТАСС обычно не информировало о стихийных бедствиях, транспортных авариях, эпидемиях и т.п., «поскольку диабета в стране советской нет!», саркастично замечал изгнанный из этой самой страны А. Галич.

Каждый, кто преуспевал в деле идеологизации, получал специальное поощрение — от повышенной *ленинской* стипендии до высшей государственной премии, разумеется, тоже ленинской. Оплата в «стране победившего социализма» была вовсе не по труду, как призывали классики, а по идеологической ангажированности. Особые идеологические заслуги отмечались даже после ухода в мир иной, — соответствующему активу отвели кремлевскую стену и другие привилегированные места захоронения по всей стране.

Между тем, сделав идеологическое пространство безграничным и всеохватным, номенклатура породила тем самым множество проблем. Объявив идеологический скрежет подлинным голосом трудового народа, идеологи попадали в крайне неприятное положение, когда глас народа действительно прорывался и люди видели жизнь такой, какой она на самом деле была. Подобные ситуации возникали изредка, но оставались в памяти надолго. Например, в 1980—1981 годах в Польше за считанные недели возник 10-миллионный профсоюз «Солидарность» во главе с рабочим гданьской судовой верфи Лехом Валенсой. Власти ввели военное положение, были приняты дополнительные ограничения на деятельность партий, на работу СМИ. Даже члены ПОРП (польской компартии) не могли проводить партсобрания, работа первичных ячеек была заморожена. Однако Политбюро ЦК ПОРП как ни в чем не бывало продолжало выступать от имени всего народа, подтверждая устремленность страны в светлое будущее. Как говорится, если мы идем к светлому будущему, то не от хорошей жизни. Подобные акции конечно же не могли проходить бесследно. Они наносили удар и работали на распад самой коммунистической идеологии.

А вот другой круг проблем. Наука, в отличие от идеологии, признает как наличие познанного, так и существование белых пятен неизвестного. Процесс познания бесконечен, он никогда не может завершиться. А идеолог был вынужден на любой вопрос давать ясный и однозначный ответ, какие-либо сомнения исключались, ответ «не знаю» не допускался. В результате, когда выявлялись некие феномены с непонятным статусом, они становились запретными и говорить о них было невозможно. Именно поэтому в СССР не разрешались публикации об НЛО, биополях, экстрасенсах, астрологии, парапсихологии. Эти темы обсуждать было

нельзя, а разного рода целители подвергались уголовным преследованиям. Правда, власти не могли объяснить, за что они их наказывают, ведь биополя не существуют?!

Категоричность идеологических оценок исключала возможность существования каких-либо иных взглядов и позиций, кроме официальных. Это обстоятельство, в свою очередь, делало невозможным существование нормальных общественных дискуссий, без чего невозможен поиск истины. Изредка организуемые в прессе худосочные полемики — от спора между физиками и лириками до всенародного обсуждения брежневской Конституции — носили угрюмо искусственный, ограниченный характер. Абсолютизация идеологии вела в тупик, ибо она означала остановку процесса познания в бесконечно меняющемся мире. Гуманитарные и общественные науки в полной мере существовать в СССР вообще не могли, ибо задача исследователя сводилась к доказательству заранее известного идеологического тезиса, а не к выявлению чего-то принципиально нового. Одной из первых жертв идеологии стало само коммунистическое учение. С тех пор как в 1930-е годы марксизм перестал быть сферой полемики и дискуссии и превратился в мертвый монолит, он перестал быть и научной теорией.

За 70 лет победившего марксизма советская социальная наука не сделала ни одного признанного в мире открытия. Она не внесла ничего нового в понимание бурно меняющейся социальной реальности. Более того, идеология оказывалась непреодолимым тормозом на пути новых теорий и концепций. Поскольку марксизм объявлялся единственно верным учением, всякий не-марксизм оказывался изначально неверным, а все вытекающие из не-марксизма выводы в сфере психологии, медицины и т.д. тоже оказыва-

лись неприемлемыми. Это обстоятельство привело, например, к запрету в СССР школы психоанализа. В современном сложном постиндустриальном обществе значительная часть людей сталкивается с различными психическими проблемами, эффективно разрешаемыми методами психоанализа. Но из-за абсолютистского характера идеологии неизвестно какое количество граждан СССР было лишено возможности получать соответствующую помощь.

Для того чтобы правящая в СССР номенклатура могла из десятилетия в десятилетие сохранять свою власть, информационный поток необходимо было не только всеохватно контролировать, но и вписывать его в специфическое идеологическое время. Посмотрим, что оно собой представляло.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

История человеческой культуры знает три модели социального времени — **круговую**, **точечную** (дискретную) и **линейную**. Чтобы понять специфику комидеологического времени, имеет смысл прежде остановиться на характеристике указанных культурно-временных модификаций.

Древнейшие народы, которые жили 10, 20, 30 тысяч лет тому назад, были убеждены, что все в этом мире повторяется и *происходит по кругу*. Цикл повторения может быть коротким — как вдох и выдох, как смена дня и ночи, прилива и отлива; может быть длиннее — как биоциклы в организме человека, как смена фаз Луны. Интервалы могут быть еще более продолжительными — как чередование засушливого сезона и сезона дождей, как смена времен года. В конечном счете — об этом повествуют древнеиндийские Ригведы — сама Вселенная, состоящая из галактик, звезд, космического простран-

ства, — есть пульсирующий огонь. Чуть позже, в VI веке до н.э. древнегреческий мудрец Гераклит писал: «Этот мир не создал никакой Бог и никакой герой, но всегда он был, есть и будет огнем, мерами загорающим и мерами потухающим». Короче говоря, древним мир представлялся как совокупность замкнутых циклов разной продолжительности, из чего следовало, что никакой открытости, неизвестности, непознанности не существует. Как говорят американские индейцы, «завтра» — это просто новое имя для «сегодня». Сама глагольная форма будущего времени появилась в языке относительно недавно, значительно позже возникновения форм прошлого и настоящего времени.

Представления о замкнутости времени сохранялись так долго, что частично дошли до наших дней и отразились в современной культуре. Например, новый год, каким бы по счету он ни был, изображается во всех странах младенцем, а человека, отмечающего 20-й, 50-й или 70-й день рождения, иногда дергают за уши, требуя, чтобы он кричал как малыш и изображал новорожденного. Дескать, все повторяется и начинается заново.

Вторая модель — *точечно-дискретная* — возникла на обломках круговой. В VI—V веках до н.э. жители древнегреческих полисов стали приходить к убеждению, что на самом деле не все повторяется и не все происходит по кругу. Случаются и неожиданные, неритмичные, разовые, а значит, непредсказуемые явления. Стало понятно, что мир изменяется, а не движется по кругу, но оставалось не ясно, в каком же направлении происходят изменения. Тогда все происходящее греки стали воспринимать как *происходящее здесь и сейчас, как точку*, как событие одноразовое. В результате *циклическую модель мира сменила точечная*. Такой подход сегодня тоже можно встретить. О человеке, который во всем разочаровался, обычно гово-

рят — он живет одним днем. В известной песне поется: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь».

Начало нового летосчисления связано с тем, что древние евреи принесли в Европу *линейную модель времени*. В тот период люди пришли к заключению, что у каждого процесса есть прошлое, оно может быть прослежено, есть существующее сейчас настоящее и будет некое заранее неведомое будущее. Восприятие мирового процесса как процесса перехода от прошлого через настоящее в неизвестное завтра есть суть линейной модели времени. Переходом к линейной модели обусловлено возникновение науки, в частности истории. С тех пор как образовалась амбразура будущей неизвестности, ее стремятся закрыть телом научного прогноза и предвидения.

Теперь пора выяснить, в чем же особенность «ком-идеологического» времени. Во-первых, это время без открытого будущего. Для идеологии никакой принципиальной неизвестности не существовало, заранее было ясно, что «силы мира победят», что «планы партии будут выполнены», что «победа коммунизма неизбежна». И вообще, все советские люди обязаны были жить «с верой в светлое будущее». Такое замкнуто-остановившееся время, когда «и дольше века длится день», а действительно новый день не может наступить в принципе, наносило страшный удар по изначальному смыслу человеческого существования.

Можно сказать точнее и жестче — существование человека оказывалось просто бессмысленным. Что бы вы ни делали в такой «временной тюрьме» — ударным трудом крепили оборону или, наоборот, вынашивали милитаристские замыслы против первого в мире государства рабочих и крестьян, — все равно планы реакции были «обречены на провал», а «силы мира — победят».

Бесмысленность, заидеологизированность существования приводила, по мнению некоторых психологов и социологов, к возрастанию в СССР числа самоубийств. В конечном счете она привела к самоубийству самого государства, ибо ни один «советский обществовед» в принципе не мог выйти за рамки закрытого времени и предсказать кризис. В противном случае он становился «антисоветчиком» и тут же попадал в объятия «идеологии в широком смысле слова». Цели социальных наук заключались в подтверждении заранее известных идеологических тезисов, но ни в коем случае не в споре с ними.

Поскольку реальное будущее всегда отличалось от идеологически предсказанного, идеологам постоянно приходилось отыскивать причины и находить объяснение несвершившемуся. Решение этого парадокса в условиях сохранения идеологии состояло как в постоянном поиске врагов, так и в непрерывном пересмотре и переинтерпретации прошлого, в пересмотре «исходных позиций». Оба эти приема часто сочетались, и врагов находили в прошлом. Такой процесс особенно характерен для сталинских времен, когда сегодняшних героев завтра приходилось объявлять врагами. Теоретическое обоснование этого подхода сформулировал сам вождь, который предупреждал, что и вредитель может замаскироваться и прикинуться ударником. Надо заметить, что этот принцип применялся не только к руководителям второго или третьего эшелона, он действовал в отношении всех первых лиц партии, кроме самого Ленина (впрочем, некоторые авторы считают, что смерть Ленина была искусственно ускорена действиями его единомышленников). Каждый генсек объявлялся учеником и продолжателем дела великого Ленина. Но после его смерти или отстранения от власти оказывалось, что на самом деле деятельность Сталина была отягощена культом личности, Хрущева — волюнтаризмом, Брежнева — консерватизмом и застоєм

Как вытекает из всего сказанного, «комидеологическая» модель времени не совпадает ни с одной существовавшей в истории временной модификацией, вместе с тем она включает элементы каждой из них, образуя некое парадоксальное целое. В этом целом — закрытое будущее, и в каждой конкретной точке, и только в ней, открытое прошлое. СССР вполне справедливо называли страной с непредсказуемым прошлым и, добавим, с неизменяющимся будущим. **«Комидеологическое» время — это обратно-открытое время, время наглухо закрытого будущего и постоянно изменяемого прошлого.**

Описанная здесь ситуация была поэтически выразительно представлена в одном из стихотворений режиссера Эльдара Рязанова:

Почему же истории нет у России?
Почему у нас только текущий момент?

ИДЕОЛОГИЯ И ЯЗЫК

«Комидеология» основательно воздействовала на сам русский язык, на языки других живших в СССР народов, а через них — на сознание и мышление. В советских СМИ шел постепенный, непрерывный процесс подчинения русской лексики идеологизмам и «новоязыку». В результате на каком-то этапе у постороннего наблюдателя могло возникнуть ощущение, что вся бесконечно разноплановая жизнь человека и общества сводится в СССР к пяти-шести проявлениям. Все советские люди «с честью несли», «достойно встречали», «крепили оборону», «боролись за мир» и беспрерывно «все теснее сплачивались». Одновременно мы узнавали, что *там*, в джунглях капитала, все загнивали, паразитировали, нещадно эксплуатировались и готовились «разжечь пожар третьей мировой».

Поскольку брешь, отделяющая идеологический миф от советской реальности, непрерывно расширялась, это получало свое отражение в языке. Идеологический язык становился все более обозленным, агрессивным, военизированным. Поэтому наши рабочие преобразовывались в *гвардейцев пятилетки, берущих за рубежом рубеж, за высотой — высоту*. Крестьянство вело непрерывную *битву за урожай*, а *животноводство* (в условиях постоянного дефицита мясных продуктов) превращалось в *ударный фронт*. Армия работников науки, как и армия работников искусств, тоже с кем-то вела постоянные сражения. И пролетарский поэт в испуге умолял: «Я прошу, чтоб к штыку приравняли перо!»

Другая особенность идеологического языка состояла в **беспардонном паразитировании на всем, что было наработано в языке неидеологическом**. Отказ от веры не мешал партии называть рубежи Родины *священными*, но термин «одержимый», в религии неприемлемый, становился у «компропагандистов» поощрительным. Апелляция к нормальным человеческим чувствам позволяла идеологам называть политбюро и советское правительство *родными*. Партийные идеологи запретили секс, лица женского пола лишались половой принадлежности, в советских песнях их называли «*девчата*» или «*девчонки*», но никак не девочки. Разрешены были еще и «*мальчишки*». И только В. Высоцкий в неопубликованной песне о Нинке умудрялся публично и доверительно сообщать: «А мне плевать, мне очень хочется». Зато всем советским людям, выслушивавшим очередное выступление генсека, предписывалось это делать с «*чувством глубокого удовлетворения*». Ну а те, кто нарушали идеологические догматы, делали не что иное, как «*грубо извращали марксизм*». Неожиданно признанные крамольными, например, генетика и кибернетика тут же нарекались «*продажными девками американского империализма*».

Чтобы подчеркнуть, что советские люди живут в каком-то особом мире, с особыми правилами, что нам никто не указ, что мы сами знаем, что и как, большинство социально значимых понятий употреблялось только вместе с идеологическими довесками. Концепты *родина, человек, труд, демократия, справедливость, законность, мораль, искусство* и т.п. приобретали весомость, только став либо советскими, либо социалистическими. Без этих прилагательных они не употреблялись либо приобретали какой-то непонятный, чаще всего враждебный, оттенок. Но прежде чем осваивать первые социально-политические термины, советский человек должен был усвоить саму идеологизированную систему координат, исходные правила построения картины реальности, которая жестко разрывала единый мир пополам и настраивала его на конфронтацию. Радио и телевидение, газеты и журналы постоянно повторяли чеканные формулировки «два мира — две системы», «два мира — две морали», «два мира — две идеологии». Мир капитала в представлениях советского человека противостоял миру социализма.

Описанные преобразования часто приводили к тому, что смысл ключевых слов приобретал значение, противоположное исходному. Как писал автор романа-антиутопии «Восемьдесят четвертый» английский писатель Д. Оруэлл, свобода — это рабство, мир — это война, любовь — это ненависть. Та же мысль выражена в известной песне А. Галича:

Мы стоим в защиту мира —
мы готовимся к войне,
Ты же хочешь, как Шапиро,
прохлаждаться в стороне.

Собственностью советского государства стали не только поля и леса, заводы и фабрики, но и сам язык, а значит — человеческая мысль!

**БЫЛИ ЛИ У КОМИДЕОЛОГИИ
ПОЗИТИВНЫЕ СТОРОНЫ?**

Да, конечно! Рассматривая различные свойства и характеристики «комидеологии», их нельзя не отметить. Например, всеохватность идеологии имела некоторую оборотную сторону. Она состояла в том, что всегда, везде и по всем вопросам должна была присутствовать «наша», иначе, единственно правильная позиция. Одним из позитивных следствий такого всеприсутствия стала бесперебойная работа издательства «Советская энциклопедия». Чего-чего, а словарей и энциклопедий издавалось в СССР видимо-невидимо — по всем областям и сферам жизни.

Неверно было бы считать, что «комидеология» поддерживалась в советском государстве только силой, и у нее не было никаких сторонников. В стране действительно существовали Павки Корчагины, правда, с десятилетиями их становилось все меньше и меньше. Люди, верившие в коммунистическое будущее, стремившиеся к нему и старавшиеся его приблизить, были и в других социалистических странах. Они остались и сегодня, и когда мы видим стариков с красными флагами, над которыми так любит смеяться наша пресса, им хочется посочувствовать. Это люди, которые, несмотря на все беды и выпавшие на их головы испытания, верят не в деньги и другие сомнительные ценности. Это, может быть, несколько наивные, но несгибаемые люди, верящие в справедливость и коммунистическую идею.

Между тем общество, которое лишено каких-либо сплывающих начал, оказывается в наиболее сложном положении. В СССР эти начала были, и, перефразируя известное выражение, можно сказать: худые ценности лучше плохого отсутствия всяких ценностей. Несомненная сила «комидеологии» вытекала уже из самой природы сплывающих и интегрирующих идей. Она позволяла

объединять огромное сообщество людей. Особенно остро это проявилось в экстремальной ситуации. Про всякую армию справедливо говорят, что она сильна не только и не столько своей огневой мощью, сколько силой убеждений, своим моральным духом. Вспомним лозунги Великой Отечественной. Ради высших идей люди готовы были идти на смерть. Поскольку девиз «За веру, царя и Отечество» трансформировался в «За Родину, за Сталина», с этими словами воины и шли в последний бой. Трагический парадокс ситуации состоял в том, что одни и те же слова давали номенклатуре право на карьерный рост, привилегии и личный уют и поднимали рядовых партийцев и беспартийных в атаку, заставляли забыть о всяком личном благополучии и комфорте ради страны и всемирной справедливости. Тысячи и тысячи людей в СССР не понаслышке знали о героическом труде, они действительно своими руками, ценой собственного здоровья совершали беспрецедентные трудовые подвиги.

У «комидеологии» было, как минимум, еще одно чрезвычайно положительное качество. «Партидеологи» были обязаны пропагандировать всеми возможными способами только положительные примеры и образцы. Героями советских фильмов, романов, телепрограмм были люди труда, люди чести. Газетные репортажи рассказывали нам о передовых шахтерах и комбайнерах, о лучших учителях, врачах, строителях, летчиках, машинистах. Героями советских СМИ никогда не могли быть бандиты, проститутки, толстосумы, наркоманы, «менты» и т.п. Эти принципы оставались действенными до самого момента распада «комидеологии», они касались всех советских людей и не распространялись только на тайные, негласные правила внутренней жизни самой номенклатуры.

Конечно, красивый миф о «народе — хозяине и депутате — слуге народа» совершенно не соответствовал действительности. Все возрастающая часть об-

щества это сознавала, одновременно усиливалось отчуждение общества от власти и отвращение к официальной лжи.

**ПОЧЕМУ ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА,
ПОСТРОЕННАЯ НА КОМИДЕОЛОГИИ,
БЫЛА ОБРЕЧЕНА?
КАК КОМИДЕОЛОГИЯ ЭВОЛЮЦИОНИРОВАЛА?**

Исчерпаем или неисчерпаем ресурс «комидеологии», должна ли она когда-то закончиться? Поскольку эта система правил находится за рамками морали, ответ является самоочевидным. Но ответ с позиций этики, хотя и верен, многим представляется не убедительным. Да и сама идеология — феномен многослойный, потому и ответ на поставленный вопрос должен быть более широким.

Обреченность «комидеологии» выявляется уже при обращении к фольклору. Идеология — это обман, а *«улжи короткие ноги»*. Оппоненты идеологов обязаны победить уже потому, что *«одно слово правды весь мир перетянет»*. В самом деле, что получится, если пилот самолета под названием «СССР» продаст билеты до аэропорта «Коммунизм», куда мечтают попасть все пассажиры, но реально поведет машину совсем в другую сторону? Оказаться в объявленном пункте никому не удастся. Причем по ходу рейса ситуация будет непрерывно усложняться из-за того, что пилот не только не может объявить, каков реальный маршрут, он вынужден постоянно уверять, что цель становится все ближе. (Если он скажет правду, то тут же лишится штурвала — власти и всех полагающихся ему привилегий.) С какого-то времени пассажиры, подсматривающие в иллюминаторы, полностью перестают доверять информации, распространяемой экипажем, и цель, объявленная командой лайнера, оказывается недостижимой.

«Комидеология» действительно устроена таким образом, что ее приходилось постоянно углублять и расширять. Если после Октябрьского переворота были запрещены только буржуазные газеты, то в 70-е годы запрещать приходилось и поп-музыку, и западную моду, и абстрактную живопись, и собственные газеты пятнадцатилетней давности. Последовательное настаивание на одном лживом тезисе постепенно ведет к утверждению абсолютной лжи, которая неизбежно разрушает самое себя. Говоря точнее, так происходит не в силу устройства «комидеологии», а в силу устройства окружающего мира, в котором действует принцип всеобщей связи.

С годами идеология в СССР все больше напоминала невероятное наркотическое зелье, а страна походила на посаженного на иглу наркомана. В 70–80-е годы партия принимала однообразные постановления об идеологической работе, которые начинались одними и теми же словами — «О дальнейшем углублении и расширении». Это и был знак неизлечимой болезни. Размер идеологической дозы постоянно увеличивался, приближаясь к самоубийственному, но эффект коммунистической нирваны возникал все реже. Весь вопрос был в том, когда, наконец, начнется пресловутая идеологическая ломка. Казалось, она должна была случиться в середине 70-х, нет, говорили другие, подождем еще года три, нет, еще чуть-чуть. Все жили с ощущением, что кризис наступил, просто говорить об этом пока нельзя, да и непонятно — как именно об этом говорить. Вспоминаю такую трагикомическую сцену, свидетелем которой был в 1984 году. Тогда я постоянно работал в библиотеке Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР. В огромном здании института собиралось множество людей и в крайне редких, экстренных ситуациях администрация включала радиотрансляцию, чтобы все могли узнать важные новости. Сутки назад

прозвучало сообщение о смерти Ю. Андропова. Все ждали, кто будет следующим генсеком. Радио транслировало итоги пленума ЦК. Сотни людей вышли в фойе института и напряженно вслушивались в слова диктора. И когда сообщение дошло до фразы «Генеральным секретарем избран товарищ Константин Устинович Черненко», все собравшиеся, не сговариваясь, моментально, как по команде, молча развернулись и возвратились на свои рабочие места. Тогда всеобщее разочарование можно было свободно выразить только таким стихийно-непреднамеренным образом.

Я кратко представил обоснование фатальности и обреченности «комидеологической» ориентации. Вообще надо заметить, что, в отличие от коммунистической идеи, которая почти не менялась, «комидеология» за время существования советского государства трансформировалась весьма основательно. Однако, поскольку само понятие «комидеология», как мы уже убедились, оставалось до недавнего времени непроясненным, еще сложнее, оказывается, изучать его историю и эволюцию.

Тем не менее мы остановимся на этой теме и, хотя бы бегло, посмотрим, как трансформировалась и адаптировалась идеологическая машина за семь советских десятилетий. В 20—30-е годы обстановка послевоенной конфронтации в обществе сохранялась. Борьба с «классовым врагом» не затухала, ГУЛАГ, изобретенный Лениным и основанный ЧК еще в 1920 году, продолжал разрастаться. В нашей литературе невозможно найти убедительный ответ на вопрос: **зачем вообще проводились многомиллионные репрессии?** Ведь красные победили в Гражданской войне, но, одержав победу, они не успокоились, а, напротив, усилили жестокую расправу с собственным народом. Ответ найти трудно уже потому, что сам вопрос почти никем не ставится. Одна из немногих дискуссий на эту тему проходила в Польском

культурном центре в Москве в декабре 2002 года на презентации книги историка Павла Вечоркевича «Цепь смерти». Его объемное исследование посвящено изучению чистки в Красной Армии в 1937—1939 годах. Как оказалось, поляки в этих вопросах разобрались лучше, чем отечественные историки.

По мнению польских участников дискуссии, получалось, что Сталин хотел выкорчевать чуждое, вражеское влияние, чтобы теснее сплотить страну. По мнению немецкого эксперта, репрессии против маршалов — это ответ на успешное проникновение немецкой разведки в советский генералитет. Существует и такая точка зрения: поскольку Троцкий провокационно подчеркивал в открытых письмах и статьях возможности своего огромного влияния на ситуацию в СССР, поскольку он заявлял, что стоит ему пальцем пошевелить, и десятки тысяч военных встанут под его знамена, Сталин сделал все возможное, чтобы это влияние минимизировать. А.И. Солженицын высказывал мнение об абсурдности и бессмысленности репрессий. Сколько парней поднялось бы из окопа, пошло бы за тебя в атаку, ты же погубил их впустую, напрасно, обращается он в одной из своих работ с риторическим вопросом к вождю. Высказывается и такая точка зрения: ГУЛАГ — это бесплатный труд, если подходить к репрессиям чисто экономически, он оказывается для государства выгодным и оправданным. Такой аргумент имел некоторое значение, но он никогда не был главным. О том, что заключенные могут создавать новые промышленные объекты, руководство страны узнало не до начала репрессий, а уже развернув разветвленную сеть лагерей. С таким предложением к Сталину обратился Нафталий Френкель в начале 30-х годов, и оно было поддержано. (В 1923—1927 годах сам Френкель отбывал наказание по ст. 98 УК за мошенничество в отношении госсобственности.)

Если комментировать аргументы, приведенные чуть ранее, остается непонятным, о каком проникновении и влиянии вообще идет речь. Если немислимо согласиться с тем, что все пострадавшие по статьям «шпионаж», «вредительство», «диверсия» действительно были шпионами, вредителями и диверсантами, то нельзя согласиться и с тем, что репрессированные были ни в чем не виноваты. На самом деле происходила невероятная, дьявольская деятельность по искоренению русской идеи, «российскости» и ее носителей и по вбиванию новой системы ценностей, по вколачиванию в людей «советскости». Те, кто не принимал предательство собственных корней или мог их не принять, тот, кто противостоял внедрению новой идеологии, тех и отправляли на конвейер сталинских репрессий. Пострадавшие были действительно виновны в неподчинении новому тоталитарному государству, но они не виноваты перед тысячелетней Россией. Революция продолжалась, разрыв во времени усиливался. Происходило укрепление абсолютистской, тоталитарной власти. Впрочем, исследование этой трагической темы должно быть продолжено.

Посмотрим теперь, как менялся идеологический язык и что происходило за стенами советских концлагерей. Многие из тех, кто находился вне ГУЛАГа, испытывали эмоциональный подъем и энтузиазм. Энергия оптимизма присутствует в идеологических лозунгах и призывах 30-х годов. Все эти «даешь», «обгоним», «выполним досрочно» проходят красной нитью через советские кинофильмы, газеты, журналы того времени. Причины общественного энтузиазма, который вовсе не был мистификацией, убедительно объясняет Александр Солженицын. В стране была инициирована, выражаясь словами социологов, огромная вертикальная мобильность. Место низвергнутых социальных слоев, место тех, кто попал под дамоклов меч репрессий, занимали но-

вые выдвиженцы из народа. Люди, еще недавно пребывавшие на третьестепенных социальных позициях, неожиданно становились лидерами и хозяевами страны. Их оптимистическое мировидение и передают песни, лозунги, названия улиц тех времен.

Если в 1950-е годы еще можно было рассчитывать на то, что планы партии мы «выполним» и «перевыполним», то позднее о перевыполнении речь уже не шла, его сменило безликое «выполняются». Меняющаяся терминология показывала бессилие власти, ее неспособность идеологически поработить общество. Вообще следует разобраться в вопросе — почему массовые репрессии сотрясали страну в 30-е годы, но их масштаб в 60—80-е был несравнимо более умеренным? Может быть, общество оказалось уже сломленным и террор стал просто излишним?

Причины создавшейся ситуации были в другом. В стране наступил период своеобразного равновесия или равнобессилия — власть уже не могла оказывать на общество большее давление, чем она оказывала, а общество, в свою очередь, приспособилось жить двойной жизнью — внешне как бы принимая игру в строительство коммунизма, а внутренне оставаясь к партийной болтовне и демагогии совершенно безучастным.

Чтобы лучше понять, почему идеология сохранялась у нас 70 лет, необходимо также учитывать ее способность к мимикрии. На сохранение идеологического государства была направлена вся его мощь. Для правильного понимания ситуации очень важен анализ преобразований, произведенных в период перехода власти от Сталина к Хрущеву. В большинстве исследований на эту тему подчеркиваются безмерная жестокость и тирания первого, либерализм и мягкость второго. Несомненно, разоблачение сталинских преступлений XX съездом, к которому Н.С. Хрущев шел несколько лет, хотя речь шла исключительно о репрессиях в отношении номен-

клатуры, и с сегодняшних позиций можно только приветствовать. Но мы и по сей день не информированы о подлинных мотивах и истинных причинах такого шага, тогда как поворот, произошедший в организации советской государственности, изменения в параметрах его «комидеологической» машины после 1953 года были принципиальными.

Широкозахватная «комидеология» с **прямым силовым воздействием** на каждого человека была заменена **опосредованной, с воздействием на сознание** каждого человека через информационные каналы. Все те, кто был подвергнут репрессиям при Сталине и выжил, были к 1956 году выпущены на свободу, а сама система лагерей прекратила существование. **Тоталитарное государство осуществило «самолиберализацию»**. Такие процессы происходят крайне редко, они не могут быть результатом случайного стечения обстоятельств и нуждаются во внимательном изучении. Обычно хрущевскую «оттепель» связывают с характером и личными качествами самого ее творца. Но все ли объясняют особенности первого руководителя? И почему до 1953 года этот же самый человек проявлял совершенно другие качества? Будучи в 30-е годы партийным руководителем на Украине, именно Хрущев подписывал карательные приговоры в отношении множества местных «врагов народа». В своих мемуарах он признавал, что его руки были «по локоть в крови».

Наша гипотеза состоит в следующем. Смена стратегии и тактики «комидеологии» была не случайной и не субъективной. Ее трансформация представляла собой реакцию на хотя и известные, но недостаточно проанализированные события. Тоталитарная власть реагирует только на адекватное силовое противодействие, и такое противодействие было. Осенью 1989 года в Москве проходила учредительная конференция общества

«Мемориал». Среди выступавших был гость из Днепропетровска Игорь Михайлович Доброштан, судимость с которого так и не была снята. Игорь Михайлович рассказал, что в 1953 году в Воркуте работал в 1-м лаготделе шахты «Капитальная», тогда он и стал одним из руководителей стотысячного восстания заключенных. Зеки прекратили работу, им удалось захватить территорию нескольких лагерей и взять ее под собственный контроль. Восставших пытались уничтожить войска НКВД, против них была поднята военная авиация, но бунт продолжался. Штаб повстанцев был самолетом доставлен в Москву на переговоры с членами политбюро. Частично требования штаба были выполнены, частично их обманули. В конце концов восстание было прекращено. Часть заключенных бежала в тайгу. Некоторые погибли из-за нападения волчьих стай. Обглоданные трупы охранники потом демонстративно возили по лагерям, популярно объясняя, что будет с репрессированными, поднимись они еще раз.

Никак не информируя граждан страны о происшедшем (фильм «Холодное лето 53-го года» не в счет, здесь акцент смещен в совершенно иную плоскость — противостояние не власти и лагерников, а «плохих» уголовников и «хороших» политических), сам господствовавший режим располагал всей полнотой данных и вполне мог сделать должные выводы. Вождям стало ясно, что продолжать массовые репрессии невозможно, поскольку в следующий раз не спасут ни лагерные, ни кремлевские стены. А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» также описывает три произошедших после смерти Сталина восстания заключенных Воркуты, Норильска и Кенгира. В октябре 2004 года в Москве, в обществе «Мемориал», проходила небольшая конференция участников кенгирского восстания-забастовки. Свидетельства кенгирцев также убеждают автора в правомерности высказанного здесь предположения. После этих массовых бунтов и на-

чалась либерализация, хрущевская «оттепель», массовое жилищное строительство и переселение из лагерей в пятиэтажки, много позже названные «хрущобами».

Между тем, закрыв сталинские лагеря, партия на этом не остановилась. В марте 1954 года пленум ЦК КПСС принимает постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Эпоху ГУЛАГа сменяет эпоха ударных комсомольских строек. Первые секретные и теперь открытые документы ЦК о предстоящем освоении целины датированы октябрём 1953 года. (Возможно, этот вопрос обсуждался в партийном руководстве и раньше.) А уже весной 1954 года в Западную и Восточную Сибирь, на Урал и, прежде всего, в Северный Казахстан по комсомольским путевкам направляется более 500 тыс. человек. К этому времени в местах расположения целинников не были подготовлены ни жильё, ни бани (!), не организована система торговли, недостает ни продуктов, ни промтоваров. Недостает также техники, складов, элеваторов. В письме от 15 декабря 1954 года, направленном Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, целинники жалуются, что *живут в старых землянках по 3—4 семьи, освещения — нет, отопления — нет, положенные одежда и продукты не выданы.* (В числе прочих документов это письмо было представлено летом 2004 года в Центральном экспозиционном зале федеральных архивов на выставке, посвященной 50-летию освоения целины.)

Возможность бесплатно использовать труд заключенных была исчерпана, и ей на смену пришла выдуманная идеологами «романтика ударных комсомольских». Власть и на этот раз проявила неспособность перейти к интенсивному ведению хозяйства, вместо качественного развития продолжала действовать стратегия экстенсивного роста. С точки зрения экономической эффективности невозможно понять, почему силы были брошены не на подъем богатейшего рос-

сийского Черноземья, а на освоение полунепригодных для земледелия территорий. И по сей день, когда средний урожай зерновых в Европе равен шестидесяти—семидесяти центнерам с гектара, когда у нас средние показатели превышают двадцать центнеров, на бывшей целине они едва преодолевают уровень в десять центнеров с гектара.

Но и само экстенсивное *развитие* выглядело очень странным. Программы освоения запущенных земель не выполнялись по всем позициям, кроме одной — количество отобюрокраченных и направленных в новые районы людей всегда соответствовало или превышало плановые показатели. За несколько лет на новые земли было отправлено 2 млн человек! И опять же самим целинникам можно лишь в ноги поклониться, они добровольно отдали свою молодость, свою энергию подъему сельского хозяйства, сознательно разрушенного в ходе коллективизации и борьбы с кулачеством. Но власти именно этого и добивались, два миллиона молодых энергичных людей увязли в борьбе со стихией, им было уже не до политической активности и не до гражданских протестов. Освоение целины — это лишь в третью очередь экономический проект, в первую и во вторую — это сознательная политико-идеологическая акция. В политбюро очень не хотели иметь дело с новыми Игорями Доброштанами.

И по сей день уничтожение российского сельского хозяйства, коллективизация, раскулачивание, гибель от голода миллионов людей не стали трагической меткой нашего календаря, за это никто не ответил. Однако 50-летие варварского освоения целины отмечалось на самом высоком уровне. Думаю, еще найдутся у нас исследователи, которые продолжат «Архипелаг ГУЛАГ» и напишут «Архипелаг Целина».

С середины 50-х годов на смену физическому воздействию на граждан, ставшему для власти слишком

опасным, на первый план вышел контроль за мыслью и словом. Идеология адаптировалась. В 60-е годы язык всех газет, радио, устных докладов и выступлений на собраниях, а они должны были писаться заранее, стал настолько трафаретным, настолько «отшлифованным» цензурой всех уровней, что это превышало чисто психологические способности людей выдерживать подобное давление. Отовсюду слышно было только «Слава КПСС». Впрочем, эта дурная слава обществу опостылела, и люди искали способы, как от нее избавиться.

Вспоминаю сюжет фильма, вышедшего в середине 60-х годов. Формально это была картина о военных летчиках, об аварии самолета. Почти все экранное время комиссия, исследующая черный ящик, старается расшифровать непонятные слова пилота. В конце концов выясняется, что это не секретное сообщение, не последний приказ, а простая не предписанная уставом народная присказка, которую время от времени произносил офицер. Вокруг этих простых слов и строится весь сценарий. В детстве я жил с родителями в маленьком военном городке в Белоруссии, и у меня в памяти осталась целая коллекция «словесных побегов», смысл которых раскрылся мне много позже. Помню, как в 58-м году на местном стадионе комдив открывал спортивные соревнования. Он выступал с заранее написанной речью, благодарил за все партию, но в конце концов попытался вырваться из языкового капкана и, вместо того чтобы поздравить присутствующих с открытием спартакиады, поздравил их с открытием «спортивной киады»! Тотальный идеологический контроль над языком породил не забытое по сей день двустишие:

Прошла зима, настало лето —
Спасибо партии за это!

Вспоминается еще и «райкомовский тост», который любили разыгрывать в компании друзей. Хозяин дома не спеша поднимался из-за стола и чеканил: «*Есть мнение...*». Все гости дружно вскакивали с налитыми рюмками и кричали, не давая продолжить: «*Нет возражений*». «Беспробудное единство» советского народа до самой перестройки и отмены цензуры сопровождали скрытые языковые бунты. Они проходили в разной форме. Здесь и начавшиеся после XX партсъезда неформальные поэтические вечера у памятника Маяковскому в Москве. И фильмы А. Тарковского, правда, их лексика настолько усложнена, что оставалась непонятой как цензорам, так и зрителям. Один из лидеров диссидентского движения — Людмила Алексеева пишет, что само это движение зародилось как своеобразное продолжение языка и повествования русской классической литературы. Лицедей из замечательной группы клоунов, демонстрируя несогласие с лишением нас речи, выразительно говорили на сцене, не употребляя при этом ни одного нормального слова, а только «асясяй» и «сясяй».

Своеобразный удар по мертвому идеологическому языку и мышлению неосознанно наносили даже первые лица партии. Официальная идеологическая картина мира выстраивалась достаточно просто: все люди делятся на хороших и плохих. Хорошие — это трудящиеся, коммунисты, их вожди, а также рабочий класс в странах Запада. Плохие — это антикоммунисты, антисоветчики и эксплуататоры. В 1962 году при посещении художественной выставки в московском Манеже Н. Хрущев увидел картины абстракционистов и не выдержал, взорвался, разразился грубой руганью. При этом неугодных художников он публично назвал не «лакеями империализма», не «классово чуждыми», а, извините, «*пидерасами*». Это означало введение какого-то непонятного и нового цвета в жесткую, строго поляри-

зованную идеологическую модель реальности. Фактически был нанесен неосознанный удар по этой самой модели, ибо идеологически-классовая картина мира была принципиально несовместима с половыми различиями и особенностями. Через двадцать с лишним лет нечто похожее был вынужден сделать Ю. Андропов, заступивший на пост генсека. Придя на вершину власти, он развернул борьбу со своими противниками, обвиняя их не в антипартийной деятельности, как было положено, не в извращении марксизма, а в коррупции и незаконном обогащении.

Впрочем, если говорить о руководителях советского государства, то каждый из них внес свой специфический вклад как в становление, так и в разрушение идеологической гильотины. Создателем «комидеологии» был В. Ленин, именно он посадил государство на «идеологическую иглу» и тем самым обрек свое детище на крах. Спор о том, что бы было, если бы он действительно руководствовался коммунистической или социалистической идеей и не создавал систему подавления человека и его мысли, может быть долгим и неоднозначным. Спор же о том, к чему приводит ориентация на «комидеологию», уже представлен на этих страницах и однозначно подытожен: такая ориентация приводит к катастрофе.

Огромную лепту в разрушение советской системы внес Н.С. Хрущев. В 1961 году он заставил партию принять программу, рассчитанную на 20 лет, четко и ясно гарантировавшую построение коммунизма в СССР в 1980 году. 67-летний Хрущев на весь мир огласил сроки, даты, десятки конкретных социально-экономических показателей, которые предстояло достичь и которые достичь было невозможно. Хрущев поступил как настоящий номенклатурный коммунист, для которого главное — власть, а вовсе не коммунизм. То, что для Никиты Сергеевича было способом удер-

жания власти, для его последователей стало удавкой. Власть КПСС была действительно легитимирована на ближайшие годы и полностью делегитимирована и дискредитирована по мере приближения к «некоммунизму» 1980 года. В намеченный срок ни один показатель этой программы (выплавка 250 млн тонн стали; производство 3 млрд кВт·ч электроэнергии; отмена денег, о которой впрямую не говорили, но подразумевали, ибо коммунизм — это и реализация принципа «*всем по потребностям*») не был достигнут. Более того, принятие III Программы партии в 1961 году означало, что ее II Программа выполнена, однако отчета о выполнении II Программы не последовало и последовать не могло, ибо те немногие конкретные социальные показатели, которые в ней присутствовали, за прошедшие после принятия 40 лет также не были достигнуты. Принятая XXVIII горбачевским съездом т.н. «новая редакция» III Программы, вынужденная переместить построение коммунизма неведомо куда, уже не решала никаких партийно-номенклатурных проблем и была как «мертвому припарки».

В результате всей этой деятельности «ума, чести и совести нашей эпохи», как тогда скромно именовала себя КПСС, «комидеология» и порождаемое ею государство вступили в полосу глубочайшего кризиса, ибо коммунизма не было и он не предвиделся. При этом коммунизм был единственным, что могло легитимировать советское государство. «Комидеологическая» машина мистификации работала на последнем пределе. Коммунизм надо было построить, этого ждали коммунисты всех стран, этого ждал весь мир, этого ждал и советский народ. Руководство партии должно было предъявить обществу коммунизм на блюдечке либо получить полное недоверие и утрату легитимности. Но из троянского коня ленинско-хрущевского коммунизма вылезли наконец его могильщики. Последний советский генсек

Горбачев лишился и другого ресурса — каждый прежний партруководитель любые преступления коммунистов сваливал на предшествующего вождя. К середине 80-х годов и этот ресурс был полностью исчерпан. Известная поговорка сталинских времен трансформировалась в свою противоположность — жить становилось все хуже, жить становилось все грустнее.

И тогда новый лидер был вынужден пойти на **свой вариант «целины»**, партия провозгласила **переход к политике перестройки**. Попытка осуществить московскую версию Пражской весны, стремление модернизировать идеологию и реформировать нереформируемое закончилась распадом и идеологии, и государства, которое эта идеология спланировала. Конечно, заранее предвидеть, к чему приведут действия властей, было почти невозможно, поскольку реальным субъектом политической жизни становилось общество, прежде всего та его часть, которую называли неформалами и демократами. Горбачев был вынужден либерализовывать идеологию. Партия перестала *«улучшать и углублять развитой социализм»*, власти пытались говорить с народом нормальным человеческим языком. В ход были пущены лозунги о *гласности, демократизации, ускорении, новом мышлении, общем доме...*

При этом реальная цель партруководства заключалась в модернизации советского социализма. А гражданское демократическое движение, которое вывело на митинги и демонстрации сотни тысяч человек, стремилось к *демократии* без всяких прилагательных, типа «подлинная» или «социалистическая». Результат заранее никто не мог предсказать, но фактически процесс привел к полному разрушению идеологии и разделению номенклатуры надвое — на так называемых демократов и так называемых коммунистов. В критический момент, когда власть осознала, что ее призывы никто не слышит и в диалог с ней никто не вступает,

она перешла к «применению идеологии в широком смысле». Всю Москву, а вслед за ней и всю страну три дня пытались превратить в ГУЛАГ. Советская столица оказалась под прицелами советских танков. «Комноенклатура», пришедшая к власти в 1917 году в результате переворота и Гражданской войны, была готова организовать самопереворот и новую гражданскую войну модели 1991 года. Но оказалось, что власти не только никто не верит, у нее уже нет возможности заставить себе верить. Номенклатура впервые столкнулась с бессилием своих слов и бессилием своей силы. Народная ненависть была сильнее страха, и власти потеряли контроль над страной. Распад идеологии в тоталитарно-идеологическом государстве неизбежно вел к распаду *де факто*, а затем, или параллельно с этим, *де юре* самого государства. На месте коммунистической идеи начало формироваться нечто неясное

В мире написаны сотни томов о крахе фашизма, о Нюрнбергском процессе. Но почти все, что связано с распадом советской коммунистической идеологии, осталось неисследованным. Эту работу лишь начали выполнять Владимир Буковский (см. его книгу «Московский процесс». Париж; Москва, 1996), Лев Тимофеев, энтузиасты общества «Мемориал» и несколько других бывших диссидентов-ученых. Современная социальная наука этими вопросами почти не интересуется. Хотя проблема от этого не исчезает, и от ее решения невозможно уйти. Спор о советском коммунизме — открытый, серьезный, профессиональный — по-настоящему у нас не ведется. Многие люди, как показывают социологические опросы и материалы СМИ, по-прежнему искренне убеждены, что наиболее яркие вожди советских времен — Ленин и Сталин входят в число самых выдающихся политиков XX века. Так ли это?

Вопрос об исторических оценках является весьма важным, от ответа на него зависит наше будущее, за-

У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ ПОЯВИТСЯ СЛОВО «СТАЛИНГРАД»

Президент Владимир Путин распорядился заменить словом «Сталинград» слово «Волгоград» у могилы Неизвестного солдата в Александровском саду Москвы, выбитое на блоке с землей с Мамаева кургана. В распоряжении президента подчеркивается, что данное решение принято в преддверии 60-летия Победы, «принимая во внимание значение Сталинградской битвы, ознаменовавшей коренной перелом в Великой Отечественной войне, отдавая дань уважения героизму защитников Сталинграда и в целях сохранения истории Российского государства».

«Известия». 2004 г.

висит отношение к нам остального мира, как ближнего, так и дальнего. Надо признать, что ответы на эмоционально перегруженные, многослойные социальные вопросы не могут быть ограничены и тем более исчерпаны философско-теоретической аргументацией. Люди с разным жизненным опытом, разным социальным статусом, с разными биографиями будут давать и разные ответы. Между тем вообще без теоретической аргументации дать серьезный ответ тоже невозможно. И хотя бы в молодежной среде, у поколения, которое сейчас входит в жизнь, ответы со временем должны стать более однородными, чем в расколотом обществе их родителей.

Анализируя проблему коммунистической идеи и коммунистической идеологии, необходимо дать оценку и наиболее значимым коммунистическим лидерам. Хотя главное — не просто дать оценку, а ее аргументировать и обосновать. Итак, представляю свою оценку и три обосновывающих ее аргумента.

Ленин и Сталин не достойны занимать позитивное место в отечественной истории, потому что:

Аргумент первый — самый очевидный. Политика, как известно, принято оценивать не по намерениям, заяв-

лениям или желаниям, а по конкретным результатам его деятельности. Все главное, что было намечено Лениным и Сталиным, несмотря на затраченные колоссальные ресурсы — людские и материальные, не свершилось или распалось в исторически короткий срок. III Интернационала, мирового коммунистического движения, мирового социалистического лагеря, КПСС и самого Союза Советских Социалистических Республик больше не существует.

Аргумент второй — от Достоевского. Главная претензия к вождям связана с тем, что их деятельность привела к гибели десятков миллионов людей. В XX веке ни в одной некоммунистической стране мира не было репрессий по отношению к собственным гражданам, соизмеримых по масштабу с советскими. В демократических странах Запада категория «политический преступник» фактически вообще неизвестна, политические преследования если и встречаются, то крайне редко, действительно **в исключительных случаях**. Общеизвестным является также тезис о том, что государство, создающее квазиправовую систему, позволяющую подвергать политическим репрессиям множество людей, является изначально незаконным и преступным. Но СССР жил по собственным правилам. Официально количество жертв ленинско-сталинских репрессий (а были еще и брежневские, примерно 2 млн человек прошло через принудительное психиатрическое лечение) до сих пор не названо. Это прямо указывает на их размеры. Однако известно, что потерь в Великой Отечественной войне было меньше. В исторической России и за пределами «соцлагеря», кроме нацистской Германии, никогда не было ГУЛАГа или сопоставимых с ним учреждений.

Разворачивать широкий спор по этому вопросу я считаю неуместным, поэтому приведу лишь краткую дополнительную аргументацию, сформулированную еще Ф.М. Достоевским.

В нескольких сочинениях, прежде всего в «Преступлении и наказании» и в «Бесах», Федор Михайлович показал себя гениальным провидцем, предупреждающим Россию. В романе «Бесы» он не только предсказывает возможность массового террора в стране, но и отвечает устами Шатова на вопрос «Когда же бесноватые остановятся?» — «Да как миллионов 100 перебьют, так и останутся». Достоевский был не далек от истины. Правда, его современники не оценили роман, он казался им слишком надуманным и нереалистичным, а потомки, оторванные от российской культурной основы, также не вполне осознали его роль и значение.

Глубинный смысл «Преступления и наказания» состоит в следующем. Есть два типа преступников — *бандит с большой дороги и грабитель из подворотни. Таких, каждый согласится, надо преследовать и наказывать.*

Но есть убийцы с теорией, убийцы, действующие на основании определенной идеологической доктрины. Такие считают, что ради исторических начинаний и великих свершений имеют право жертвовать жизнями других людей. — «Тварь я дрожащая или право имею», — повторяет Родион Раскольников.

В этом романе Ф.М. Достоевский показывает, что никакой принципиальной разницы между криминальным и идеологическим преступником нет. *Убивать людей не имеет права ни люмпен, ни идеолог!* Убийство в обоих случаях остается убийством. И пока виновный, уголовник или теоретик, не пройдет через наказание, искупление и раскаяние, не осознает и не признает тяжесть совершенного, он не может, не имеет права вернуться в общество нормальных людей. Он опасен!

Аргумент третий, вовсе не религиозный. В православии существует понятие «идолопоклонство», речь идет о людях, которые поклоняются и боготворят не Бога, а что-то вполне земное, то, что на самом деле мало-

значительно и бренно. Идолопоклонство считается большим грехом и осуждается церковью.

Задумаемся над не религиозным, а общечеловеческим смыслом этого принципа. Бог в христианстве есть соединение всего самого позитивного, ценного, значимого. Бог всемогущ, всеведущ, это верх совершенства. Тогда как всякий человек несовершенен. Потому в христианской Библии сказано — не сотвори себе кумира (из числа других людей), так же и в исламском Коране — нет Бога, кроме Аллаха.

Переходя в мир светский, стоит также признать, что мы несовершенны, но можем и должны стремиться к совершенному. Однако, водружая на высший пьедестал не высшее, объявляя неглавное — главным, безудержно стремясь к неподлинному — будь то ложные социальные модели, люди, деньги, слава, — общество неумолимо становится мнимым и не способным делать счастливыми составляющих его людей. Чем с большей энергией такие подмены осуществляются, тем к более негативным последствиям приводят.

И в конце концов оказывается совершенно неважно, были ли коммунистические вожди сами по себе кристально чистыми людьми или заурядными и ограничен-

Лидер партии власти призвал пересмотреть отношение к Сталину

Ольга Тропкина

День рождения Иосифа Сталина, отмечавшийся во вторник, стал праздником не только на его родине — в маленьком грузинском городе Гори. Ведь ряд ведущих российских политиков, в том числе и спикер Госдумы Борис Грызлов, неожиданно предложили считать 125-летие советского вождя днем рождения «незаурядного человека» и политика.

*«Известия».
22 декабря 2004 г.*

ными корыстолюбцами. Это имеет значение только для их семей и близких. Для их последователей важно понять другое — правильно ли выбраны ориентиры. И ответ очевиден — сами цели изначально были выбраны неправильно. Остается констатировать, что идолопоклонство может быть не только архаической формой религии. Русские пословицы о вере, русская литература изображают православного человека находящимся в гармонии с миром. А образ коммуниста в советском искусстве, даже самого искреннего и честного, — это образ человека-страдальца, человека — носителя конфликта! Что же говорить о **руководителях государства, призывавших осуществить лживо-идеологическое идолопоклонство.**

Определив отношение к коммунистическим вождям, можно дать оценку и всему государственному проекту, построенному на коммунистической идее и коммунистической идеологии. Какой была Россия, вступая в XX век, мы уже писали, а какой Россия из него выходила? Ни одно поколение советских людей не жило достойной, спокойной, обеспеченной жизнью. Войны, голод, репрессии, дефицит в большей или меньшей мере отравляли жизнь все семь советских десятилетий. За это время сформировался глубокий разрыв между СССР с другими соцстранами и остальным миром. Европа разделилась на Восток и Запад. В Советской России возникло и непрерывно усиливалось экономическое отставание от Запада.

Пропорции в экономике оказались сознательно нарушенными. Опережающее развитие в области обороны, безопасности, военной науки, космоса оборачивалось острой нехваткой жилья, бытовых товаров, хроническим кризисом сельского хозяйства. Власть становилась все более несовместимой с интеллектом, здравым смыслом и простой человечностью. В номенклатуре могли оставаться лишь совершенно серые и бесталанные люди.

Разрыв между обществом и властью возрастал. Лучшие умы были вынуждены вставать в оппозицию режиму либо нелегально покидать страну. И если становление Советского государства было связано, так сказать, с малым уходом на восток, с переносом столицы из Петрограда в Москву, то кризис «комидеологии» и распад СССР привели к потерям огромных пространств западных и южных российских земель, к возврату в границы, существовавшие в середине XVIII века.

А через сколько личных бед прошла страна, какую горькую несправедливость извела. Если увидеть падающих от голода ленинградских блокадников сквозь окна кабинета руководителя городской парторганизации Ю. Жданова, которому самолетом в замерзающую северную столицу доставляли персики, — ну, была у начальника слабость к фруктам. Если услышать стон миллионов гулаговских мучеников, увидеть безумные глаза немецких антифашистов, возвращаемых Сталиным Гитлеру. Если представить роскошь «михалковской» группы интеллигенции, всегда прославляющей и облизывающей власть, и увидеть мучеников совести, интеллигентов, для которых и собственная жизнь значила меньше, чем идеи и нравственные принципы, известных и неизвестных, в солдатских гимнастерках, в крестьянских одеждах. Если представить миллионы молодых энтузиастов, поднимавших целину, строивших БАМ, отправлявшихся каждое лето в студенческие стройотряды, услышать негромкие голоса, поющие песни где-то в глубине арбатского двора. Эти фрагменты сюжетов делают картину недавнего прошлого более живой и менее схематичной.

Но вернемся к нашим теоретическим построениям и вопросам. Нередко, рассуждая о «комидеологии», можно услышать возражение — ведь любая идеология об-

речена, всякая система взглядов, последовательно отстаиваемая и насаждаемая, рано или поздно оказывается исчерпанной. И «комидеология» здесь ничем принципиально не отличается от других идеологий.

В общефилософском плане ответить на это возражение не сложно. Несомненно, что всякая создаваемая человеком или группой людей концепция рано или поздно наверняка окажется ограниченной, нуждающейся в более или менее основательной доработке или просто будет исчерпанной. **Нетоталитарные** идеологии отличаются от **тоталитарных** не как абсолютно истинные от ошибочных, а как такие, которые признают свою историческую ограниченность, и такие, которые утверждают свою вечность и неизблемость. Если, принимая определенную теоретическую, политическую, социальную концепцию, ее сторонники оставляют двери открытыми для дискуссии, критики, обсуждения, коррекции — они продлевают жизнь своей системе взглядов. Тот же, кто изгоняет и преследует всякую оппозицию, на самом деле роет могилу своему мировоззрению.

В силу тех же причин можно утверждать: чем жестче политическая система, тем с большим грохотом она в конце концов разваливается. Гибкая, демократическая система способна на самореформирование без лишних потрясений. Неизбежный поиск идеала и справедливости, в рамках жесткой системы, приводит сначала к санкциям и репрессиям в отношении ищущих, а потом — к опрокидыванию самой системы. Строить рай на земле можно только демократичными, «мягкими» методами. Чтобы избавиться от идолопоклонства, чтобы освободиться от неверно поставленной цели, необходимо подвергать эту цель постоянной гражданской ревизии, общественной проверке и критике. Если бы большевики, пришедшие к власти в 1917 году, были действительными сторонниками марксизма (впрочем,

тогда они не стали бы захватывать власть), если бы они не создавали систему насилия и цензуры, называемую «комидеологией», если бы они подвергали свои политические проекты гражданской критике и дискуссии, Советское государство не только не представляло угрозу для всего мира и для собственного народа, но и могло бы двигаться в сторону социал-демократической перспективы. Именно таким путем пошла отделившаяся от коммунистической России «буржуазная» Финляндия.

Итак, мы выяснили, чем в действительности были «комидея» и «комидеология», как они функционировали, в чем заключались их сила и их слабость. Мы говорили и о том, как общество пыталось расширять навязанные властями рамки, как происходило разного рода неприятие официальных правил. Надо иметь в виду, что свободная российская мысль, российская система ценностей, да и просто здравый смысл, хотя они не совместимы с «комидеологией», все-таки никогда не оказывались в положении полностью побежденных. Если дооктябрьское и послеоктябрьское государства оторваны и отделены друг от друга, то само российское общество, представлявшее более устойчивую систему отношений, все-таки не изменилось столь радикально. СССР оставался одеждой с чужого плеча как для некоторых социальных и этнических групп, так и для отдельных граждан. Одна из парадоксальных особенностей состояла в том, что официальных норм жизни в коммунистическом государстве не придерживался никто — ни сама номенклатура, ни внешне подвластное ей общество, реализовать нереализуемое было вообще невозможно.

В стране существовали и альтернативная духовная жизнь, и нелегальная теневая экономика. Властям никогда не удавалось полностью искоренить альтернати-

вы официальной системе ценностей. В книге издательства «Посев» «Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917—1991» более 20 страниц убористого текста занимает один только перечень относительно крупных акций протеста, проходивших в СССР непрерывно все семь десятилетий. Увы, подробности этих событий не изучаются в системе образования, они незнакомы большинству из нас. Российское общество всегда сохраняло связь с исторической Россией и всегда сопротивлялось советизации. Форм и видов противостояния было множество. (В сталинских лагерях возникали даже подпольные коммунистические ячейки, что подтверждает существование разрыва между «комидеей» и «комидеологией».)

В Советском Союзе сохранялся ряд форм и групп идейного неприятия существовавшей системы. Православие, ислам, буддизм, иудаизм, хотя и с множеством ограничений, все-таки продолжали действовать. Не покидала страну катакомбная церковь. Уже в 50-е годы появился оппонент официоза в изобразительном искусстве, диссонансом созданному по команде властей двумя десятилетиями ранее «соцреализму» зазвучал голос нонконформистов. Начиная с 60-х годов все громче заявляли о себе диссиденты, а с началом перестройки возникло мощное неформальное демократическое движение. Крупнейшие писатели, поэты, драматурги, кинорежиссеры, композиторы, не принимая цензуру, продолжали работать в стране. Уже в 60-е годы появились «самиздат» и «тамиздат».

Кладезем народной мудрости советских времен, выразителем реальных взглядов, существовавших в обществе в тот период, были конечно же анекдоты, большинство из которых носили политический характер. И абсолютно все политические анекдоты были антисоветскими. Именно анекдоты и сочиняемые известными и неизвестными авторами бардовские пес-

ни позволяют хотя бы отчасти судить о том, что действительно думали россияне, каких убеждений придерживались, какие ценности отстаивали на самом деле. Нам еще предстоит досконально изучить и исследовать эти материалы.

ЧАСТЬ IV

РОССИЯ БЕЗ ИДЕИ. ИДЕЙНО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В этой части мы должны найти ответы на следующие вопросы:

В чем особенность постсоветских преобразований по сравнению с изменениями в Центральной Европе?

Как меняются номенклатурные ценности и идеи?

Что представляет собой «постидеологическое» время?

Где теперь находится интеллигенция?

Почему бюрократия не может создать национальную идею?

Что такое новый «новояз»?

В чем проблема легитимации постсоветского государства?

Что может сделать гражданское общество?

Нынче деньги — это компенсация за аморализм.

*Из разговора
в кулуарах конференции*

ОСОБЕННОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ РЕФОРМ

Термин «реформа» стал в наши дни ключевым политическим концептом, «пиаровским» ходом правящего слоя. Общество, пережившее десятилетия застоя, позитивно откликается на такой политический манок. Однако в действительности речь, как правило, не идет о позитивном социальном переустройстве. Реформой могут называть как полное «ничегонеделание» — например, «грачевские армейские реформы», так и некоторые действительные изменения. Но почти всегда этот термин обозначает увеличение бюрократического слоя и дополнительное перекачивание средств от общества к власти, ограбление народа (вспомните процессы, начатые «либерализацией цен» и доведенные до абсурда при принятии закона об обязательном страховании автотранспорта, так называемой автогражданки).

После распада Советского Союза прошло почти полтора десятилетия. За такой срок (пятнадцать лет княжения) в XIV веке Иван Калита перевел Русь на новый маршрут, придал государству новый стратегический импульс и начал процесс собирания земель, продолжавшийся 500 лет. За то же время в начале XX века, в период правления Николая II, наша страна совершила гигантский цивилизационный рывок. В нынешней России декларируется непрерывная реформа всего, при этом конкретные цели, программы и сроки преобразований никогда не определяются. После 1917 года власти громче всего говорили о социализме, но на самом деле порывали с русской идеей, российской идентичностью и устанавливали собственную тоталитарную власть. Сразу после 1991 года власти громче всего говорили о демо-

кратии, но в действительности происходило самое гигантское в истории обворовывание граждан. В ходе происходящих изменений российское общество претерпело огромные материальные лишения. Что же касается власти, то отношения и связи между различными ее группировками и слоями основательно менялись и продолжают изменяться.

Позитивные изменения коснулись сферы гражданских и политических прав, но они не носят глубинный характер и не исключают возможность авторитарного реванша. Не был проведен суд или какое-либо гражданское разбирательство в отношении слоя, правившего Советским Союзом, и его руководителей, не прекращено функционирование Мавзолея Ленина, не рассекречены документы, касающиеся деятельности госбезопасности внутри страны, а также решений партруководства. Неоднократное выдвижение интеллигенцией вопроса о покаянии ни к чему не привело. Некоторым городам и улицам возвращены исторические названия, но соседние улицы в тех же городах сохраняют дзержинско-свердловскую топонимику. Все эти действия и бездействие сопровождаются соответствующими кампаниями в СМИ, которые достаточно эффективно формируют необходимые бюрократии мифы и оценки. Вообще замечено, что картина реальности, создаваемая СМИ, носит самостоятельный, замкнутый и специфический характер, процессы в самой жизни на нее не очень похожи. Это привело аналитиков к введению термина «медиатизация политики». Руководители разного уровня не столько стремятся к реальным изменениям, сколько к рассказу о неких позитивных изменениях в СМИ. Например, в одной Пермской области расходы на обеспечение журналистского освещения деятельности губернатора в прошедшем году составили более полумиллиона долларов. С большими трудностями и попятными движениями Россия пытается отойти от страшного указателя с надписью

«тоталитаризм», но, сделав два шага вперед, она подпадает под воздействие старых сил, заставляющих ее делать шаг назад.

Отметим еще одну важную особенность постсоветских преобразований. В числе немногих ясно и открыто продекларированных лозунгов этого времени стал призыв перехода к рынку и отказ от планово-административного управления экономикой.

Сама по себе идея рыночной экономики является более-менее приемлемой, хотя и имеющей ряд ограничений, которые мы здесь обсуждать не сможем. Важно отметить другое. В ходе реальных преобразований настоящий рынок у нас не появился, на самом деле в сфере экономики действуют более или менее скрытые монополии. В частности, поэтому «переход к рынку» привел не к конкуренции и снижению цен, но к формированию монопольно высоких цен. Другим негативным следствием происходящих процессов стал перенос рыночных принципов из экономики в сферы деятельности, где эти принципы совершенно неприемлемы и оказываются разрушительными. Стремление перевести на рыночные начала здравоохранение, образование, науку, экологию, литературу и искусство, культуру, телевидение, радио, прессу является глубоко ошибочным действием с остродраматическими последствиями.

Анализируя деструктивные процессы, происходящие в современной России, многие авторы усматривают здесь аналогию с Веймарской республикой, павшей под ударами фашизма. Некоторые параллели, конечно, есть, но мне кажется, знай мы лучше собственную ис-

— В прежние годы вы разрывались между политикой и наукой. Теперь — только наука. По старой памяти, как бы вы оценили ситуацию в России?

— Главная задача — обеспечить неприкасаемость награбленной собственности.

— Рискованное заявление. Не боитесь?

— Я скоро уезжаю.

*Из интервью академика
Р. Сагдеева. «Известия».
24 января 2003 г.*

торию, уместней поискать параллели с отечественным прошлым. Ведь начало XX века в России было не только периодом экономического подъема и духовного взлета. Тогда обретя свободу, далеко не все смогли адекватно вписаться в новые правила. Наряду с конструктивными процессами в обществе проявились и откровенно негативные тенденции. Аморализм и легализованная проституция, криминальный бум, гипертрофированный гедонизм, терроризм и бандитизм — вся эта грязь росла как на дрожжах и выплескивалась на головы ошарашенных россиян. Нечто подобное происходит и в нынешней России. Причем позитивные процессы представляются сегодня более слабыми, а негативные — более динамичными, чем в прошедшем столетии.

**СПЕЦИФИКА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.
РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА**

Пик идейно-идентификационного кризиса Советского государства пришелся на 1991 год. Его главными итогами стали распад цензурно-репрессивной системы, называвшейся коммунистической идеологией, раскол, а затем самораспад и официальный запрет на деятельность КПСС и большинства порожденных ею структур. Лишенный спланированной идеи, распался также и сам Союз ССР. Однако нетронутым, неприкосновенным и хорошо сохранившимся остался прежний правящий слой — номенклатура. Нынешняя власть, плоть от плоти и кровь от крови номенклатуры, стала называть себя политической элитой или просто элитой, с рядом оговорок ее можно было бы назвать политическим классом. Хотя процессы, происходившие внутри этой страты, исследованы очень плохо, о некоторой внутринаomenclатурной специфике и трансформациях мы поговорим чуть позже.

Пока же вкратце отметим следующее. Никаких официальных государственных правовых действий в отношении правившей номенклатуры за прошедшие годы предпринято не было, ибо номенклатура и осталась основой и реальным хозяином государства. Однако в результате происходивших изменений представители различных ее групп и слоев некоторое время оставались деморализованными. На следующий день после провала так называемого путча — 22 августа 1991 года — многие аппаратчики ЦК КПСС фотографировались на баррикадах у Белого дома. Так они намеревались не только увековечить самих себя, но и задокументировать лояльность новой власти. Победы поддерживаемые этим аппаратом путчисты, защитники демократии едва ли смогли бы сниматься у стен Кремля, разве что на его лобном месте. После запрета КПСС номенклатура довольно быстро раскололась на два крыла — на так называемых демократов и так называемых коммунистов. Какая-то часть чиновников — в центре и на местах — действительно лишилась привилегированных кресел. Но в целом прежнюю власть не изгоняли в эмиграцию и не отправляли на Соловки. Она лишь крайне неохотно поменяла красное полотнище и бюст Ленина на российский триколор. Замечу, что после разоблачительного доклада Н. Хрущева на XX съезде КПСС о массовом сталинском терроре (и поныне он деликатно называется «культом личности») в стране прошло несколько уголовных процессов по делам работников госбезопасности. В постсоветской России даже подобные показательные акции сделаны не были. Суды над бывшими гебистами и номенклатурными руководителями состоялись лишь в странах Балтии.

В странах Восточной Европы, хотя и с большими трудностями и некоторой непоследовательностью освободившихся из «соцлагеря», разрыв с «народной де-

мократией» произошел официально и на разных уровнях — государственном, конституционно-правовом, имущественном. В отличие от этого, современная Россия является не только юридическим, но и фактическим, сущностным преемником Советского Союза.

В Центральной Европе и странах Балтии происходит реституция, т.е. собственность через множество смягчающих механизмов возвращается историческим хозяевам и их прямым наследникам. В научной и массовой периодике этих стран появилось множество статей, где показываются плюсы и минусы, ошибки и просчеты реституционного законодательства, описано множество новых трудностей и проблем, связанных с возвращением собственности. Но там нет ни одной статьи, где бы утверждалось, что возврат награбленного настоящему хозяину незаконен. В нашей же стране проведенная приватизация абсолютным большинством граждан оценивается именно как **незаконная**.

Понятно, что Путиловский завод, фабрику Монпансье, Зимний дворец, как и многие другие «объекты недвижимости», возвращать сегодня весьма проблематично. Их хозяева и их потомки уничтожены или попросту не намерены возвращать себе единожды утраченное. Однако небольшая часть национализированного большевиками имущества может быть возвращена и теперь. Это касается, в частности, едва сохранившихся семейных усадеб и поместий, исторических и мемориальных памятников, присвоенных, но не сохраняемых и не охраняемых государством. Если реституция коснется только одного-двух процентов объектов, то и это может существенно и позитивно повлиять на инвестиционный климат, на доверие к закону, на поведение русских эмигрантов и их потомков, на общую социально-нравственную и идейно-ценностную атмосферу в стране и вокруг нее.

Нынешняя власть ведет себя, как всегда, непоследовательно. Официально она заявила об отказе от реституции, в частных разговорах высокопоставленные чиновники подчеркивают, что итоги Гражданской войны признаются и не должны пересматриваться. Однако полностью исключить реституцию не в силах даже нынешние властители. И хотя заводы, банки и даже землю, отобранную у кулаков в 30-е годы, никто не вернул, специфический вариант частичной реституции происходит у всех на виду. Речь идет не только о «Смирновской» водке, законный владелец торговой марки которой живет теперь в Москве. Храмы и земля вокруг них также возвращаются историческому собственнику — православной церкви. Впрочем, здесь надо сделать уточнение. После 1991 года РПЦ получала храмы в долгосрочную аренду, а с 2004 года — в своеобразную «пожизненную собственность», термин «реституция» в документах не фигурирует.

Вопрос о собственности является одним из самых важных для любого общества и государства. Ведь всякий настоящий собственник заинтересован в развитии своего предприятия как составной части национальной экономики, в росте потребления, а значит, уровня жизни народа, в конечном счете — в поступательном развитии своей страны. Законный собственник прочно стоит на ногах, свои экономические интересы он переводит в правовые, политические и т.д., транслируя их законодателям, управленцам и создавая соответствующее социально-политическое пространство. Становление законного бизнеса ведет к укреплению общественной стабильности. Однако в постсоветской России такой процесс по-настоящему и не начался, а о причинах сложившейся ситуации мы поговорим чуть позже.

Наряду с реституцией, не проводившейся в новой России, в ряде стран Центральной Европы был осуществлен достаточно болезненный процесс люстрации.

Представители коммунистической номенклатуры были лишены возможности продолжать работу во власти, а также лишены права заниматься педагогической деятельностью. В сферу управления и воспитания пришли новые, а нередко и старые люди, преследовавшиеся коммунистическими режимами. Говоря кратко, в результате двух описанных процессов — возвращения собственности и отстранения номенклатуры — в Центральной Европе происходит процесс, который можно назвать **преемством**, возвращением национальной идентичности, восстановлением собственной, аутентичной системы ценностей.

Ничего этого не удалось сделать в новой России, где не произошло внятного и четкого расставания с прежним тоталитарным государством. Вместо его демонтажа производится частичная перестройка и частичное реформирование. Впрочем, с 1993 года у нас действует новая Конституция, которая отменяет Советы как орган власти и запрещает существование официальной идеологии. Но это — лишь часть шагов, которые не получают должного продолжения. Само отношение общества к советскому прошлому, судя по итогам социологических опросов, изменилось за прошедшее десятилетие от «в основном отрицательного» к «вполне приемлемому и положительному».

Такие трансформации не случайны, их порождает целый ряд обстоятельств. С одной стороны, во власти, как уже говорилось, остался прежний слой, обладающий необходимыми информационными и пропагандистскими ресурсами. С другой стороны, экономическое положение большей части населения в результате производимых экономических реформ резко ухудшилось. Значительная часть российского общества живет сегодня хуже, чем в «застойные» советские времена, когда, перефразируя формулу «пиво не разбавлено — буду недоливать», власти действовали по принципу «идеоло-

гически мы им уже врезали, так пусть у них в кошельках хоть что-то звякает». Ухудшившееся экономическое положение народа порождает соответствующую оценку общественным мнением происходящих изменений.

Реальные экономические реформы, проводившиеся в других странах, имели совсем иной общественный резонанс. В послевоенной Германии, в период реформ Людвиг Эрхарда, немцы каждый квартал и даже каждый месяц ощущали конкретные, позитивные экономические изменения — снижалась инфляция, увеличивались доходы, рынок товаров постепенно становился более насыщенным. Нечто подобное происходит в современном Китае. Преобразования, начатые Дэн Сяопином, включают в экономическую деятельность новые слои и группы населения, растет материальный достаток, обеспеченность жильем, заметно совершенствуется народное здравоохранение. В положительную сторону меняется дух нации, растет общественный оптимизм, удивительно быстро и энергично укрепляется необходимый для всякой страны патриотизм. В России, к сожалению, ситуация совсем иная. Бесконечные разговоры о реформе сопровождаются стагнацией и снижением жизненного уровня, ростом смертности, снижением рождаемости и другими негативными процессами.

КАК МЕНЯЮТСЯ НОМЕНКЛАТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ, ИЛИ ЧТО БЫЛО ГЛАВНЫМ ДЛЯ ПРАВЯЩЕГО СЛОЯ

Представленный характер происходящих изменений было бы неверно описывать как случайность или чей-то просчет. На самом деле все это является *закономерным результатом проводимой политики*. Вновь напомним, что в Советском Союзе власть находилась в руках номенклатуры. Во времена Ленина и Сталина решающим фактором сохранения номенклатурной власти был

прямой физический террор и подавление собственного народа. Понятно, что в условиях массового террора высшей ценностью становится безопасность. Своеобразной иллюстрацией и подтверждением этого тезиса является то, что руководивший репрессиями Сталин вовсе не был самым богатым в мире правителем, зато его охрана была беспрецедентно многочисленной. Ежесуточно в три смены его в общей сложности охраняли 6000 человек.

После восстаний в ГУЛАГе, к 1956 году, советское руководство было вынуждено закрыть систему лагерей, их обитатели были реабилитированы и выпущены на свободу. С этого момента к методам физического террора прибегали сравнительно редко, но основной контроль осуществлялся через цензурирование всей интеллектуально-духовной деятельности. Человек на языке биологии называется *homo sapiens*, т.е. человек мыслящий. Главной, сущностной человеческой характеристикой является способность к мышлению, к самосознанию, которая реализуется через речь и язык. Но именно мыслительно-языковая (письменная и устная) деятельность оказалась в СССР под полным и абсолютным контролем идеологии. С середины 50-х годов людей перестали репрессировать, у них даже была возможность открывать рот, но произносить они должны были непрерывно одно и то же — «слава КПСС». По-своему подтверждает и иллюстрирует этот тезис то обстоятельство, что главный идеологический генсек Брежнев не имел самой большой в мире охраны и не входил в число миллиардеров. Зато Брежнев был самым большим орденоносцем, т.е. самым большим «славакапезэсцем» в мире. Перестройка началась оттого, что и этот способ контроля и самосохранения власти себя исчерпал.

В новой России, народ которой прошел через все круги ада, у власти уже нет возможности применять изживший себя массовый террор, нет исчерпавшего себя цензурно-идеологического контроля за каждым произ-

носимым словом. Но здесь и теперь власть сохраняется через введение для всего общества жестких финансовых ограничений. Говоря несколько подробнее, ситуация выглядит следующим образом. В Советском Союзе в Уголовном кодексе существовала печально знаменитая 58-я статья — антисоветская агитация и пропаганда. Сформулирована она была таким образом, что позволяла властям любого неугодного режиму человека привлечь к уголовной ответственности за так называемую антисоветскую пропаганду. В ныне действующем кодексе такой статьи, конечно, нет. Однако сегодня всех граждан можно разделить на две неравные группы. Одни не обладают собственностью, не являются хозяевами разного рода ОАО и ЗАО и потому лишены элементарных средств к существованию, с трудом сводят концы с концами. Не имея финансовых рычагов влияния, они не представляют никакой угрозы для государства. Чтобы инициировать какую-либо политическую деятельность, нужны деньги, а у неимущих денег нет. (Специфическая классовая ментальность бюрократии приводит ее к выводу, что миром правят деньги и только деньги. Высокие идеи разных там Толстых, Сахаровых и Ганди можно просто не принимать в расчет.)

Другая, меньшая часть общества превратилась в собственников и состоятельных граждан. Но стать богатым можно, лишь поддерживая, признавая власть и делясь с ней. Деньги позволено иметь только тем, кто легитимирует существующий режим. Как грозно шутила одна газета: «Мы знаем, что вы воруете, но вопрос в том, воруете ли вы против президента или за президента?» А что получится, если некто разбогатевший начнет выступать против власти? Нынешние законы устроены таким образом, что «сделать деньги» можно, только нарушая эти самые законы. Иначе говоря, люди нарушают законы не оттого, что они склонны к преступлению, а оттого, что государство поставило их в соответствующую

щие условия. Всякий человек, располагающий деньгами, скорее всего, нарушал действующие (незаконные!) законы и потому в необходимый для власти момент может быть привлечен к уголовной ответственности. Иначе говоря, теперь вместо 58-й статьи действует обновленное экономическое законодательство, а для остальной части общества воссоздан экономический ГУЛАГ.

Николай ПЕТРАКОВ, директор Института проблем рынка:

— Как бы ни менялась ситуация в России, какие бы грандиозные задачи ни ставились, какие бы масштабные идеи, способные изменить жизнь к лучшему, ни выдвигались, ни одна из них не была реализована или давала совершенно другой эффект.

Цель сегодняшних реформ в условиях борьбы с терроризмом остается прежней — построение гражданского общества. Но что мы имеем на деле? В три раза увеличилось количество людей, живущих за чертой бедности. Свободная конкуренция в России так и не появилась. Даже на самом низком уровне «все схвачено»: кланы поделили рынки, они контролируют цены. Крестьянин боится идти на рынок, исчез средний класс, интеллигенция втоптана в грязь. Все экономические «удары» приходятся как раз на средний класс. Что, как не бедность, рождает взрывоопасную обстановку?

Реформы в первую очередь заключаются в цивилизованном разделе власти. Маленькая Швейцария прекрасно знает, что решает кантон, а что центральная власть. На Западе уже давно понимают: чем богаче население, тем сильнее власть. Когда же в России это поймут?

*«Родная газета».
17—23 сентября 2004 г.*

Экономический контроль осуществляется и другими проверенными механизмами. Например, в конечной стоимости товара в странах Запада стоимость рабочей силы составляет примерно 40%. Если вы покупаете новый «фольксваген» за 10 тыс. евро, 4 тыс. уходят на оплату труда работников предприятия-изготовителя.

У нас же в стране доля зарплаты в конечной стоимости товара составляет только 10%. Это роковым образом сказывается на зарплате большинства трудящихся. Приведенные здесь цифры малоизвестны, поэтому поясню их конкретным примером. Если работники ВАЗа начинают забастовку, требуя увеличения зарплаты на 50%, им объясняют, что ведь и «Жигули» станут в полтора раза дороже и их никто не сможет купить. Но на самом деле при увеличении зарплаты вазовцев в полтора раза цена автомашины увеличилась бы только на 5% и не повлияла бы сколько-нибудь заметно на сложившийся авторынок. В этом смысле увеличение заработной платы всем занятым в госсекторе вдвое и втрое не является нереальным, это вопрос не экономический, а прежде всего политический. Если у граждан увеличатся доходы, увеличится и спрос, хотя наверняка не в разы, а заметно меньше — часть полученного люди истратят не на товары, а на здравоохранение, отдых, образование. Но такие изменения не входят в планы власти. Реформе у нас подлежит все — от армии до банковской сферы, от образования до транспорта, все, кроме самой зарплаты. Она остается неизменно низкой, доказывая бессмысленность всех производимых государством реформ.

Относительно существующих норм заработной платы стоит сделать еще одно пояснение. Как известно, зарплата напрямую зависит от производительности труда: растет последняя — увеличивается и первая. В России люди работают на устаревшей технике, поэтому производительность труда у нас в 4–6 раз ниже, чем в США и странах Западной Европы. Но оплата труда еще ниже — в десятки раз. Это значит, что уровень эксплуатации правящим классом — бюрократией — многократно превосходит, как и в СССР, нормы, существующие в странах с социал-демократическими традициями.

РОССИЯ ДОГНАЛА И ПЕРЕГНАЛА АМЕРИКУ. ОБЪЕМ ЗОЛОТОВАЛЮТНЫХ РЕЗЕРВОВ ДОСТИГ \$90 МИЛЛИАРДОВ

«Известия».
17 сентября 2004 г.

Еще одним фактором, обеспечивающим экономический контроль над обществом, является запредельно несправедливое распределение доходов. У нас в стране появились десятки миллиардеров, тысячи миллионеров, которые отправили треть населения за черту бедности. Газеты сообщают, что золотой запас рос-

сийского Центробанка превысил золотой запас США и приближается к 100 млрд долларов. Но люди, всю жизнь проработавшие за Полярным кругом, как и другие категории трудящихся, так и не получили компенсации за украденные либералами трудовые сбережения. Изъятие средств у населения, начатое либерализацией цен и продолженное падением пирамиды ГКО, время от времени, по мере накопления этих самых средств, продолжается и возобновляется. Наша пресса уже сообщала, что введенное принудительное автострахование (автогражданка) дает хозяевам этой светлой идеи примерно 50-кратный доход, что превышает доходность от проституции и торговли наркотиками.

Осуществляемые властями мероприятия можно называть по-разному — массовая невыплата зарплаты, повышение ставок и премий чиновничеству, монетизация льгот и т.д. и т.п. Их реальный смысл от этого не меняется — сохранение разрыва между народом и бюрократией, экономический контроль власти над обществом. Между тем некоторые уточнения сделать необходимо.

Я не берусь утверждать, что достигаемый результат государственной стратегии осознается и, так сказать,

преднамеренно закладывается каждым управленцем. Древнерусские князья могли бы недоуменно удивиться, скажи им кто-то, что все они ищут надежный центр, вокруг которого будет формироваться наше государство. Однако объективный смысл их деятельности состоял именно в этом. Нынешние чиновники могут расчетливо и сноровисто набивать карманы за счет народа, а могут это делать несознательно. Стремление к финансовому контролю вытекает не из субъективных желаний отдельного бюрократа, оно объективно следует из самой природы нынешней власти, независимо от того, осознает ли это каждый конкретный столоначальник или нет. Высшая власть теперь стремится не к многочисленности охраны, не к неподъемному количеству орденов, но к максимальному обогащению. Достаточно вспомнить об уже раскрытых прессой финансовых историях Черномырдина, Лужкова, пресловутой «семьи» и т.д. Прерывая эти рассуждения, замечу, что мы еще не раз вернемся к вопросу о природе нынешней бюрократии.

Итак, мы установили, что эволюционные процессы в постсоветской России довольно существенно отличаются от изменений в странах Центральной Европы. Мы также показали, что «главный нерв» контроля власти над обществом находится в сфере финансово-экономических отношений. Каковы иные существенные особенности нынешнего идейно-ценностного становления в современной России? Как действующая власть намерена преодолеть существующий идейно-идентификационный кризис, если, конечно, считать, что она намерена его преодолевать? Что является для нее главным ориентиром — Запад, историческая Россия или Советский Союз?

Нетрудно заметить, что нынешнее государство пытается двигаться по бессмысленному маршруту, намеченному лебедем, раком и щукой. Признание осо-

бой значимости за православием, придание ему почти официального статуса, восстановление русского флага и герба, официальное захоронение останков расстрелянного большевиками императора, восстановление некоторых российских орденов и иных традиционных отечественных символов вовсе не означает, что нынешняя Россия движется по пути преемства и самовоссоединения с Россией исторической. Ведь перечисленные шаги сочетаются с возвращением музыки советского гимна, с установкой памятников и мемориальных досок коммунистическим руководителям. (На том основании, что *наша история священная и из нее ничего нельзя выбрасывать*. Правда, в действительности это означает, что нельзя сносить памятники Ленину и Брежневу, но не нужны памятники Деникину и Врангелю, эта история не совсем священна. Кроме того, очевидно демагогическое отождествление двух несовместимых тезисов — «из истории ничего нельзя выбрасывать и забывать» и «все в истории следует увековечивать, всему надо поклоняться».) Вместо необходимых разоблачений проводятся государственные чествования юбилеев КГБ, комсомола, освоения целины и т.д. Подобные акции дополняются стремлением сблизиться с Западом, вхождением в восьмерку великих держав, установлением личных дружеских отношений с лидерами США, ФРГ, Великобритании, Японии и т.д., а также жесткой деструктивной критикой в адрес КПРФ, но никак не КПСС. Неудивительно, что Запад уже начал противиться интеграции с постсоветской идентичностью.

Подобная идейная всеядность вырождается в абсолютную пустоту и демагогию, в некий специализированный вагон для курящих и некурящих одновременно. Когда нормой становятся все нормы, даже и те, что *взаимоисключают и взаимоотрицают друг друга*, складывающаяся ситуация имеет одно-един-

ственное название — абсурд. Этот с гражданской точки зрения абсурд позволяет властям принимать любые нужные им решения и всегда находить для них какую-то мотивировку.

Впрочем, необходимо опять-таки уточнить, что утверждающийся абсурд не является результатом ошибки или просчета. Его формирует сам существующий бюрократический механизм. Причем логика истории оказывается сильнее и неодоливей чиновничьей псевдологики. В этом смысле весьма показательно, что из праха и небытия в нашей столице возрожден крупнейший православный храм, взорванный большевиками, — храм Христа Спасителя. И в этом же городе самой властью принято решение об уничтожении главных символов коммунистической эпохи — советских гостиниц, использовавших российские названия — «Москва» и «Россия». Столичная мэрия думала о чем-то своем, но, не сознавая того, попала в самую точку, в самую суть исторической закономерности.

О НОВОМ, ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ

А что происходит с идеологической моделью времени, меняется ли она? Постсоветское государство конечно же отказалось от «вперед замкнутой и назад открытой» модели «комидеологического» хронографа. От времени с заранее известным будущим и непредсказуемым прошлым государство фактически перешло к точечному, одномоментному времени. Прежняя власть разрушила себя тем, что декларировала собственное всемогущество и всезнание. «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно», — писали на советских плакатах, а вода Кубань-реки некоторое время действительно текла туда, куда велели большевики. Власть все предсказывала наперед, но почти никогда не могла выполнить обещанное.

Нынешняя власть, извлекая уроки из прошлого, вообще ничего не предсказывает, ничего не обещает и потому, чисто формально, ни за что не несет никакой ответственности. Будущее превращается для всех в абсолютную свертоткрытость, более того, в пугающую непредсказуемость. Действия власти довольно трудно выстроить в какую-то единую логико-стратегическую линию. В советские времена партруководители постоянно выступали на разных совещаниях и собраниях, а газеты регулярно публиковали тексты их речей и докладов, включающих множество цифр и конкретных обещаний. Все это армия рядовых агитаторов обязана была записывать, цитировать и пропагандировать. В 60-е годы родился анекдот:

«— Можно ли завернуть в газету слона?

— Можно, если в ней опубликован доклад Хрущева».

В постсоветский период найти официальный экономико-статистический отчет или сборник стало большой удачей. Даже самые важные выступления, даже ежегодные президентские послания газеты не публикуют, в лучшем случае появляется их краткое изложение. Действует принцип — выслушайте и забудьте. Аудитории не на что сослаться, а докладчику не за что отвечать! Политическое время сжалось до точки, до «здесь и сейчас». *Единственный* за 12 лет прогноз, сделанный на потребу общественному мнению, прозвучал в 2003 году, когда нам пообещали удвоение ВВП. Но при этом не были названы никакие механизмы, никакие способы достижения поставленной цели. Ни один профессиональный экономист фактически не выразил доверия провозглашенному лозунгу, да и само правительство вынуждено было признать, что в существующей системе правил и норм сформулированная цель не может быть реализована.

Анализируя идейно-ценностные блуждания современной России, надо заметить, что они носят какой-то вынужденный, неявный, полускрытый и искусственно незавершенный характер. Новая идея властью не сформулирована, время от времени говорится, что ее следует определить, но позднее объявляется, что идею и идентичность искать вообще не следует. **На месте старых, отвергнутых обществом лжеправил так и не появились нормальные новые, объективно обусловленные историей и необходимые для общества и государства ценности.** Это приводит к тому, что процесс распада СССР не стал действительным завершением деструкции. До тех пор пока аутентичные идеи и ценности не сформировали фундамент нового государства, его будут сотрясать центробежные силы и тенденции. Соседи будут стремиться не к нему, а от него. Свидетелями именно этого процесса являемся в последние пятнадцать лет. Сначала распался так называемый социалистический лагерь. Но образовавшийся в странах Центральной Европы идейно-ценностный вакуум был заполнен не сближением с новой Россией (такой процесс изначально являлся вполне реальным и возможным; на это в свое время рассчитывал Горбачев, провозглашая идею «Европа — наш общий дом»), а интеграцией в Европейский союз. В ЕС дрейфовали также страны Балтии. Образовавшееся на месте СССР Содружество Независимых Государств не упрочилось за прошедшее десятилетие, дезинтеграционные процессы происходят и здесь, конфликты между Россией и некоторыми ее соседями сохраняются. К сожалению, надо признать и тот печальный факт, что вопрос о единстве самого Российского государства до сих пор не снят с повестки дня. За прошедшие полтора десятилетия российское идейно-ценностное пространство сместилось еще далее на восток и, увы, продолжало сужаться.

ПОЧЕМУ ВЛАСТИ ТРУДНО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ НАД ОБЩЕСТВОМ?

Переход российских властей к финансово-экономическому контролю над обществом породил новые проблемы и трудности. Дело в том, что устойчивым является лишь то, что естественно и органично, что стоит на ногах, а не на голове. Всякая искусственная система адаптации требует непрерывно усиливающегося «завинчивания гаек», в противном случае она начинает самораспадаться и саморазрушаться. При этом особенно трудно перейти от одного неестественного состояния к другой противоестественной позиции. Вытащить из-под себя два стула, не упасть и успеть устроиться на двух других стульях — дело довольно сложное. Если бы Хрущев перешел от системы ГУЛАГа к нормальной демократии и диалогу с обществом, государство превратилось бы в стабильную, устойчиво развивающуюся целостность. Но он решил построить свою власть на зажиме общественной мысли. В результате этот зажим, поначалу не такой страшный, приходилось постоянно расширять и усиливать.

Относительно быстро и этот ресурс оказался исчерпанным, и тогда уже перестроечный генсек Горбачев попал в очень непростое положение. Однако и он в исторической перспективе не смог решить стоявшую перед страной проблему. После недолгих шатаний и колебаний Горбачев, разыгравший путчистскую карту, попытался вернуться к жесткой власти и в итоге потерял ее вовсе. Пришедший ему на смену Ельцин, постоянно рассуждая о демократии, фактически развернул систему жестких экономических ограничений для народа. Остановить этот процесс теперь тоже будет нелегко. Впрочем, не похоже, что государство к этому активно стремилось. Власти хотелось бы и дальше затягивать пояс на штанах у трудящихся, для этого, в частно-

сти, объявлена так называемая монетизация льгот, т.е. по существу их отмена. Но ведь может наступить момент, когда пояс порвется. А если начать всерьез «отпускать ремень» — это приведет к тому, что сам народ, его поведение, активность, отношение к власти будут основательно меняться, на что нынешняя система сдерживания не рассчитана и что создаст принципиально новую социально-политическую атмосферу. При этом главная опасность для власти состоит в том, что бюрократия вынуждена будет поступиться частью съедаемого ею народного пирога. Между тем сегодня сила, готовая принудить ее к этому, находится в стадии формирования.

Какой вариант поведения действительно выберет власть — неизвестно, но ей остается постепенно «освобождать стягивающий общество ремень» и переходить к нормальной, аутентичной, устойчивой форме управления страной, требующей неискаженного, прямого и свободного диалога между народом и управленцами. (Такой процесс не только изменит положение народа, но непременно трансформирует и облик власти.) В противном случае страну ждут более серьезные конфликты и потрясения. Эта дилемма уже в полной мере стояла перед управленцами после так называемого «падения пирамиды ГКО». Тогда одна часть власти открыто призывала к введению «экономической диктатуры» и продолжению финансового террора, но президент Ельцин в конце концов отказался от этой политической авантюры и избрал более умеренный, хотя и явно половинчатый курс.

НАРОД И ЕГО ЭНЕРГИЯ

Необходимо отметить еще одну важную особенность социальной ситуации в России после 1917 года. Феномен, обозначаемый термином «народ», нельзя пони-

мать как нечто всеядное, аморфное и бессодержательное. Народ — это совершенно определенный, четко проявляющийся тип социальной общности. Очень разные понятия «народ» и «население» никак нельзя смешивать. Народ, в отличие от населения, — это не простая механическая совокупность проживающих на определенной территории индивидов. Народ — это целостность, обладающая сильными внутренними связями, способная на активные, самостоятельные, согласованные действия и противодействия. Подобно крепкой, упругой пружине, народ способен сжиматься под внешним давлением, но затем он обязательно распрямляется и сбрасывает постылый гнет. Между тем своеобразный лимит прогибаемости, способность к самораспрямлению могут быть уменьшены или вовсе утрачены, если оказывать чрезмерное, запредельное давление. Это и есть убийство народа и превращение его в население.

В разных исторических ситуациях существуют и разные критерии проверки общества на народность. Например, один из первых руссиеведов, Дмитрий Иванович Менделеев, считал, что на рубеже XIX–XX веков критическое количество земли на человека составляло 4 десятины. Если реальные размеры наделов сделать ниже этого показателя, в стране вспыхнут войны, бунты и революции. И в России начала прошлого века, как известно, действительно произошло три революции. Народ был мощной, целостной системой, ошибки власти и изощренная антигосударственная пропаганда незамедлительно приводили в действие пружину народной энергии, вызывали ее спонтанное распрямление. Однако беспрецедентные в нашей, да и в мировой истории массовые ленинско-сталинские репрессии надломили общество и подорвали силу народа. Этот надлом проявился не сразу и зарубцовывается он тоже медленно, тем более что незарубцевавшуюся рану власти время от времени вновь посыпают солью.

Большая Отечественная война, память о которой все еще остается в сознании поколений, — пример того, как **фантастически огромная энергия народа** была потрачена на борьбу с неожиданно обрушившейся превосходящей силой противника. А куда эта колоссальная народная энергия расходуется сейчас? Да просто на поддержание жизни, на поиски средств к существованию, на сохранение семьи и детей. После противодействия выжимающей все жизненные соки бюрократии сил остается, увы, не так много. В результате народ вынужден проявлять несоразмерную сдержанность, он медлителен и ослабленно реагирует на различные дисфункциональные действия властей. Но было бы глубоким заблуждением считать, что такой тип реакции останется навечно. Если неадекватное давление чиновничества будет и далее усиливаться, то в конце концов пружина возмущения распрямится против власти так резко, быстро и неожиданно, что процесс этот окажется весьма болезненным для всего общества и государства. Как звучит в припеве популярной нынче бардовской песни о прошлых и будущих войнах, *«от Афганской — до Чеченской, от Чеченской — до гражданской...»*.

И надо с горечью признать, что поведение нынешних властей действительно вызывает серьезные опасения и тревогу. Я уже цитировал высказывание современника Гражданской войны Л.П. Карсавина, писавшего, что, *лишенный идеи, русский человек становится скотоподобен*. Сегодня в народе происходит много противоречивых процессов, но одна из явных тенденций — возвращение православия. А вот в чиновничье-бюрократических структурах происходит другой процесс. Прежде как общество, так и сама власть были ограничены жесткими рамками «комидеологии». Сидя под портретом Ленина, секретарю райкома было неловко брать взятку у рядового партийца, и он ее, как правило, не брал. Нынешнее начальство не контролируется ничем, идеологии боль-

ше нет, и теперь уже *власть, лишенная всякой идеи, в своем поведении становится скотоподобной*. Такого количества финансовых, алкогольных, коррупционных, сексуальных и прочих «внутриэлитных» скандалов, о которых рассказано в последние 10 лет, общество никогда не знало. Совокупная «взяткоемкость» нынешней бюрократии равна бюджету всего государства. Такая ситуация вполне устраивает власть, а общество, видя все это, не столько протестует, сколько все жестче отгораживается от власти.

Как показывают социологические опросы, молодежь больше не желает идти во власть. Будучи неспособной принять органичную систему общенациональных ценностей, нынешняя бюрократия превратила *коррупцию в новую идеологию*. Сегодня разные звенья и элементы общественно-государственной системы остаются единой целостностью не столько в силу общности идей, сколько в силу вынужденной тотальной коррупционной зависимости. Хочешь освободить сына от армии — плати военным (вместо лозунга о единстве армии и народа), хочешь видеть ребенка в вузе — плати чиновникам от образования (вместо лозунга «науку — в массы»), хочешь ездить по бескрайним просторам родины — плати гаишникам.

ПОСТСОВЕТСКАЯ БЮРОКРАТИЯ КАК ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ И КРОВЬ ОТ КРОВИ БЮРОКРАТИИ СОВЕТСКОЙ

Без всякого преувеличения можно сказать, что все происходящие в стране изменения производятся исключительно в пользу чиновничества. Чиновничество было и осталось главным и, по существу, единственным хозяйствующим, государствообразующим классом как советской, так и постсоветской России, роль остальных социальных слоев и групп зависит от того, насколько

БЕНЗИН В СТОЛИЦЕ БУДЕТ ЧИСТ КАК СЛЕЗА

АНАТОЛИЙ ГУСЕВ

Мэр Москвы утвердил новые временные правила розничной продажи бензина в столице. Отныне каждый владелец заправочной станции будет обязан вывешивать на специальной доске всю информацию о продаваемом им топливе. Контролировать этот процесс будет специальный орган, созданный при департаменте транспорта и связи столицы. Правда, по мнению самих нефтяников, необходимости введения столь жесткого контроля сейчас нет. По данным экспертов, количество некачественного топлива в Москве составляет всего 3—5% общего оборота.

*«Известия».
13 августа 2004 г.*

ко они полезны для бюрократии. Под властные крики о переходе к демократии в России произошло формирование гипербюрократического государства. Статистика в современной России носит сомнительный характер, но довольно многие документы и иные источники свидетельствуют, что нынешний бюрократический слой по своей численности не уступает его численности в СССР. И это при том, что население Советского Союза, его территория, экономический потенциал были в полтора-два раза выше, чем в нынешней России. К тому же новое государство не пронизано на всех уровнях советскими и «капееэсовскими» структурами — обкомами, райкомами, горсоветами. Но наиболее опасен не про-

стой численный рост бюрократии, наиболее деструктивно то, что ее деятельность не ограничена никакими нормами и законами. Это огромный господствующий класс, сам определяющий правила своего позиционирования, сам создающий нормы своей жизни и принципы своего отношения к другим социальным слоям.

Конечно, огромные финансовые потери, понесенные гражданами, не являются прямой и главной целью бюрократии. Будучи реально властвующим слоем, она навязывает обществу свою систему правил. Эта система построена на отрицании всех высших культурных ценностей (если их признать — бюрократия не сможет называть себя элитой), на утверждении посредственных и совсем низких эталонов, страстей и интересов. Это отчетливо видно по постоянно мелькающим на телеэкранах лицам госчиновников и депутатов. Они никогда не говорят о любимых писателях и ученых, книгах и спектаклях, таковых у них нет. Бюрократия неизменно утверждает приоритет денег, пошлости, вульгарности. Но для того чтобы серость с миллиардами могла «править бал», эти миллиарды приходится у кого-то изымать. Вот и остаются шахтеры, врачи, учителя вовсе без зарплаты или с якобы зарплатой.

Выйдя из тени и назвав себя элитой, власть породила многие цепочки негативных следственных связей. Кратко прослежу одну из них. Прежде начальники требовали себя считать «авангардом трудящихся», выходцами из рабочих и крестьян. После 1991 года регулирующая идеология разрушилась и начальственные амбиции взяли верх. Чиновники обязали обслуживающих их «пиарщиков» называть власть элитой. Собственно, политтехнологи и «центризбиркомовцы», наиболее оплачиваемые профессиональные группы, взяли на себя функцию прежних идеологов и осуществляют роль «легитиматоров» новой власти. В российской культурной традиции существовала известная норма: быть обще-

ственным лидером можно, лишь принимая и соблюдая нравственные правила. Поскольку политика и мораль у нас, по признанию самих политиков, несовместимы, называть властвующий слой элитой так же нелепо, как говорить о «марксистской идеологии».

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ИЛИ ЭЛИТА

Переименование номенклатуры в элиту изменило статус не только ее самой. В России подлинная элита существует не менее полутора столетий, народ называет ее всем знакомым словом «интеллигенция». С началом религиозного кризиса середины XIX века русское общество осознало потребность в существовании специфического социального слоя, неформально осуществляющего функцию нравственного контроля. Тогда и было обозначено существование в обществе интеллигенции. В результате навязанных в постсоветское время переименований место настоящей элиты попыталась занять элита самозваная и самоназначенная. В итоге термин «интеллигенция» стал выводиться из журналистского словоупотребления. Сообщая о смерти академика Д.С. Лихачева, несколько новостных программ, как по заказу, снабдило свой комментарий характерным клише — «умер последний российский интеллигент». Публично поглумился над интеллигенцией, назвав ее скоплением неудачников, популярный на телевидении комик Г. Хазанов (правда, при жизни Лихачева он эту важную мысль не высказывал, а вслед за прозрением Хазанов сам стал уходить из поля общественного интереса). Поскольку на современном телевидении практически не осталось интеллектуально-дискуссионных программ, справедливо говорить и об информационном вытеснении интеллигенции. Современный телезритель легко узнает в лицо и пофамильно сотню чиновников и див эстрады, но едва ли опоз-

нает десяток российских писателей, деятелей культуры и ученых.

Информационное выдавливание интеллигенции сочетается с ее организационной деструкцией. Очевидно, что творческие организации писателей, художников, композиторов не могут в новой России иметь тот же статус, какой был у их идеологических предтеч в СССР. Но это не значит, что людям искусства и культуры вообще нет места в современной России. В последнее время власти организовали утечку информации о своем намерении распустить созданную не ими, а Петром Великим Российскую академию наук. Дескать, ученые плохие, идей мало. Хорошо бы провести телевизионную дискуссию о судьбе и пути России, в которой смогли бы принять участие ученые и чиновники любого уровня, — не сомневаюсь в ее итогах и в том, чьи аргументы окажутся более убедительными. Поэтому подобная дискуссия столь далека от реального воплощения. Замечу также, что никому не приходит в голову мысль отменить правительство на том основании, что оно неэффективно. Надо менять людей, менять стиль и методы, но нельзя отменять управление как таковое. Тогда как чиновничьи методы решения проблем, внедряемые с 1917 года — деструкция, отмена, запрет, постоянно дополняются лишь увеличением управленческого аппарата.

Финансовое «глушение» интеллигенции происходит прямо и у всех на глазах: самая неимущая часть общества — это те, кто должен заботиться о его духовном будущем: врачи, учителя, вузовские педагоги, люди искусства и науки. Подметать московские улицы сегодня приходится мигрантам-таджикам. Но неужели университетские кафедры тоже займут обездоленные мигранты? Уже более 10 лет в стране якобы укрепляется рынок и утверждается собственность. И действительно, некоторые люди стали собственниками пред-

приятый, банков, транспортных систем. Но понятие «интеллектуальная собственность» остается пустым звуком. Новые идеи при существующих правилах не могут «кормить» тех, кто их генерирует. Все это, вместе взятое, порождает «утечку мозгов», которую власть косвенно поощряет. Желаящие усыновить российских детей иностранцы сталкиваются со странными трудностями. Если находящийся в специнтернате сиротский ребенок тяжело болен, его ни при каких обстоятельствах нельзя отдавать стремящимся к усыновлению бездетным иностранным семьям. На то Думой принят строгий законодательный акт, за нарушение которого следуют жесткие санкции. Но если сиротский ребенок здоров, его совсем не сложно вывезти за рубеж, и за последние годы иностранцы усыновили 45 тыс. российских детей.

Ну а если ребенок не сирота и вполне здоров, если успешно закончил школу, получил качественное высшее образование? Тогда с нашей стороны границы ему зеленый светофор, а с той стороны — Болонский процесс. Сколько уехало дипломированных специалистов — неизвестно. Если за футболистов и теннисистов на Западе принято платить, то за наши светлые головы власти ничего даже и не просят. В Москве есть целые факультеты и вузы, которые практически целиком работают на зарубежные страны, т.е. наш дырявый бюджет по существу финансирует подготовку специалистов для Запада. Недавно властями принято решение о том, что молодые люди из стран СНГ могут служить в Российской Армии и получать затем российское гражданство. Иначе говоря, приток штыков власти приветствуют и оплачивают, а отток мозгов — поощряют. И немудрено, что за 10 «замечательных» ельцинских лет из России уже уехало 80% докторов наук (правда, речь идет о специалистах в области точных и естественных наук, корифеи в сфере истории КПСС и научного коммунизма остались невоостре-

бованными). Чиновничество, экономически обокрав свой народ, стремится его еще и оболванить.

ЕЩЕ РАЗ О ВЛАСТВУЮЩЕМ СЛОЕ

Пространно рассуждая о современном российском чиновничестве, пора предложить какую-то дефиницию этого термина, каким-то образом раскрыть его содержание. Очевидно, что чиновником можно считать всякого, кто специализированно занимается управлением людьми, кто регулирует поведение других. Некоторые предлагают другое определение: бюрократ — всякий, кто в принципе может получать взятки. Реально существует две группы управленцев — те, которые исключают для себя возможность получения взяток, и те, кто эту ренту в разной форме получает.

Весьма специфической является внутренняя идеология и социальная психология самого чиновничества. Значительная его часть исходит из того, что во всех бедах страны виноват народ. Реальные изменения могут наступить через 100, 200, 300 лет, когда чудесным образом на смену этому народу придет совсем другой, хороший народ. Даже если одновременно амнистировать всех законно осужденных в нашей стране преступников, они не смогут причинить России больше вреда, чем подобная позиция властей предержащих. Однако еще хуже то, что идеология ущербности предназначена для постоянной трансляции в общество, она призвана разрушать и реально разрушает его культурно-иммунную систему, превращая крепких, инициативных людей в безвольную массу. Нет ничего страшнее мифа о том, что от народа ничего не зависит и народ ничего не может. Бюрократическая власть всеми возможными способами чрезвычайно внимательно прислушивается ко всему, что люди говорят о ней. Чиновник ничего так не боится, как консолидированной, сознательной

и целенаправленной воли народа, против которой у него **нет никаких контрприемов**. Насаждая свой миф, чиновник стремится социально кастрировать и обездвижить весь народ. Из сказанного не следует, что народ всегда и во всем абсолютно прав. В отдельных экстремальных ситуациях, в критические моменты или под воздействием постоянной изозированной пропаганды общественное мнение может склониться к «зашкаливающим», неадекватным оценкам. Социальная истина, социальная справедливость — это результат совместного поиска, общего согласия всех исторических акторов.

Другой характерной составляющей социально-психологического портрета власти является черта, заменяющая или дополняющая данную только что характеристику. Речь идет о чиновничьем безразличии, полном внутреннем психологическом неучастии во всех бедах, трагедиях, а также и радостях, имеющих отношение к жизни страны и ее граждан, но не связанных напрямую с личной судьбой данного конкретного чиновника. На самом деле надо, конечно, признать, что само чиновничество неоднородно. Высказанные оценки относятся к его реакционной, хотя и преобладающей части. В сфере управления, вне всякого сомнения, есть и такие люди, которые не перед телекамерой, а в действительности идентифицируют себя с Россией и российским народом, переживают за все происходящее, как за самих себя.

Новое чиновничество, конечно, хотело бы сформировать некие новые, прозрачные «правила игры», но решить эту задачу, не меняя свой статус и социальную роль, оно в принципе не может. В советские времена, когда власть все обещала и ничего не выполняла, за все несвершившееся приходилось назначать козлов отпущения. Советская история — это история поиска врагов, в качестве которых побывали «буржуазные специалисты», «кулаки», «врачи-вредители», стилиаги, диссиденты и т.д. и т.п. Наученная собственными неудачами, нынешняя власть ни-

чего не обещает, а значит, и виноватых искать ей незачем. За последние годы виновных не искали и не назначали. Исключением является чеченская трагедия и создаваемый пропагандой образ врага в виде «террористов — лиц кавказской национальности». Стремясь упразднить само понятие ответственности, отменив для этого всякие правила и не давая никаких обещаний, бюрократия не добилась заветной цели, а отчасти стала заложницей своей собственной политической игры.

Ее реальная политика состоит из вереницы просчетов, а сваливать вину не на кого, да и никаких правил, кроме норм здравого смысла, не существует. Поэтому чиновникам остается лишь обвинять во всем друг друга, прибегать к новой форме «павликоморозовщины». От ведущих политологов и политтехнологов мы все чаще слышим, что «элита и бюрократия абсолютно прогнила и совершенно бездарна», что «политическая система неэффективна и неправильна» и т.д. и т.п. Но за этими словами не следует никаких разумных действий, ситуация ухудшается. Поэтому публичная бюрократическая самокритика вырождается в демагогию и оказывается не более чем формой выпуска пара.

МОЖНО ЛИ ЛЕГИТИМИРОВАТЬ ПОСТСОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО?

Отказ от идеологического государства означал необходимость поиска новых способов легитимации власти. А обращение к демократическим ценностям ясно указывало на способ такой легитимации — свободные, демократические выборы. И выборы в новой России действительно происходят регулярно. Но поскольку хозяином избирательного процесса является все та же бюрократия, смысл и характер выборов быстро трансформировались и деградировали. Сегодня говорить о выборах как о действенном способе уза-

конения эффективной власти невозможно в силу ряда очевидных обстоятельств. Нормальные выборы — это соревнование различных социально-экономических программ. Но кандидаты, которых реально видит избиратель, либо обливают друг друга компроматом, либо говорят ни о чем. Понять, что будет дальше, если победит та или иная группировка, партия или представляющий их кандидат, невозможно, выборы вырождаются в своеобразный «конкурс политической красоты». А коль нет программы — исчезает и ответственность за невыполнение того, что не было продекларировано. Сказанного достаточно, чтобы считать практикуемые у нас выборы бессмыслицей, но список обесценивающих их факторов не исчерпан. Волеизъявлению избирателей не предшествует сколько-нибудь серьезная, открытая, свободная политическая дискуссия. Побеждает даже не тот, кто умнее или хитрее, а тот, кто богаче. Выборы давно превратились в конкурс денежных мешков, к тому же туго набитых. На предыдущих выборах в Думу кандидат не мог рассчитывать на успех, если в его кассе не было 400–500 тыс. долларов. Участие в губернаторских выборах стоит от 2 до 10 млн долларов! Такие деньги на дороге не валяются, и не в каждом кармане их найдешь. Поэтому кандидат должен полулегально продаваться какому-то спонсору, а потом, став депутатом, становиться лоббистом его интересов. И все это происходит под громкие выкрики избиркома о не указанных какими-то кандидатами в декларациях о доходах старых прицепах к старым «Жигулям»!

В созданных учредителями выборов условиях Государственная Дума быстро превратилась в рынок по купле-продаже законов. Всякая финансовая группа, обладающая достаточными средствами, не раз заказывала и покупала у «думцев» необходимый для нее «узаконенный норматив». В последние годы в своем новом ва-

рианте Дума стала проводником политики Кремля, сочетающим это новое качество с прежним — рынка по продаже законов, когда речь идет о правилах, не связанных напрямую с интересами исполнительной власти. Впрочем, как сообщала закрытая ныне телепрограмма «Свобода слова», каждый депутат правительственной фракции «Единой России» ежемесячно получает полторы тысячи долларов в конверте, и при этом никакой прокурор Колесников не начинает расследовать дело о коррупции. Таким образом, в изменившихся условиях Дума объединила две функции — закрытого распределителя и свободного черного рынка законов.

Бессмысленность проводимых у нас выборов, будь то по партийным спискам, будь то по одномандатным округам, связана и с другим принципиальным обстоятельством. По самой своей сути выборы законодателей нужны для укрепления законности, для формирования правового государства. Я уже писал, что спустя месяц после прихода к власти Ленин отменил весь корпус законов Российского государства. А в разгар перестройки Горбачев призвал страну к созданию правового государства, признав тем самым, что такового у нас нет. Но полтора десятилетия работы законодателей никак не приблизили страну к созданию правового общества.

Закон в новой России выражает интересы его заказчика и покупателя, а не общества, в котором он призван действовать. Вряд ли обычный избиратель, не занимающийся специально исследованием этой проблемы, глубоко вдается в скрытые тонкости. Но интуитивно ощущая на практике, *на собственной шкуре и шее* неэффективность и бесполезность властных структур, уже добрая половина так называемого электората вообще отказывается от участия в выборах или становится частичкой кандидата «против всех». Проблема заходит в откровенный тупик в связи с принятием решения о переходе к выборам только по партийным спискам.

Даже в СССР в Верховном Совете пребывали депутаты-коммунисты и депутаты-беспартийные, причем в КПСС состоял тогда каждый десятый взрослый житель страны. В нынешних микропартиях совокупно состоит несколько десятых долей процента взрослого населения. Это, по существу, означает, что более 99% граждан вообще не могут быть представлены в законодательных структурах.

В поведении нынешней бюрократии есть и такие характерологические особенности, которые не менялись как в советское, так и в постсоветское время. Это социальная демагогия, безответственность и общественный паразитизм. Всякий раз, когда политическое, экономическое или военное положение, которое и обязаны контролировать управленцы, за пределами ухудшается, власть бросает в прорыв народ. Ставка делается на совестливых, честных и наивных граждан. От них требуют немедленно броситься на затыкание дыр. А чтобы люди имели хоть какие-то гарантии, им обещают впоследствии всяческую помощь и льготы. Но как только минует лихая година, а жизнями и здоровьем людей «форс-мажор» оказывается прикрытым, власть впадает в забывчивость и отказывается выделять обещанную помощь. Страждущим объясняют, что «денег нет». Со временем дыры образуются все чаще, а обещанные льготы попадают к пострадавшим защитникам все реже. Вдогонку уже произошедшим авариям всякий раз создается большое количество разнообразных чиновничьих комиссий, для которых хватает и средств, и людей.

Спасатели, брошенные в пекло Чернобыля, сегодня объявляют голодовку за голодовкой, требуя обещанных средств на лечение, но власть их не слышит. Строители БАМа, давно завершившие все работы, лишены возможности вернуться домой. Им не выделяют обещан-

ного жилья ни в местах, откуда они приехали, ни там, где они работали. Федералы-контрактники, отвоевавшие в Чечне, регулярно возвращаются в семьи без денег. Военкоматы под разными предлогами отказываются выплачивать им положенную компенсацию и надбавку. Недавно Москва была увешана призывными транспарантами «Я уважаю свой город на 100%, я плачу за жилье полностью». В день вывешивания адресованных москвичам агиток мэрия приняла закрытое решение о введении пятидесятипроцентных скидок по жилью для городских чиновников. Вершиной цинизма стала так называемая монетизация льгот — резкое сокращение государственной помощи дожившим до наших дней восьмидесятилетним ветеранам Отечественной войны.

Характерным идеологическим порывом бюрократии от образования стало решение столичных властей вернуть в школьные учебники литературы «бессмертный» роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Чиновничий запрос на наивных, бескорыстных и честных молодых людей, которых легко использовать, а затем бросить на произвол судьбы, оказывается сегодня плохо удовлетворенным. При этом столоначальники не учитывают, что время и сознание людей не стоит на месте. И можно предположить, что роман Н. Островского скоро будет дополнен продолжением — «Как закалялась сталь-2», рассказывающим, как Павкин внук, искалеченный доброволец, погибает от бесконечных издевательств и абсолютного безразличия коррумпированных чиновников. Впрочем, он может превратиться и в нового Че Гевару, не погибающего, а уничтожающего машину чудовищной социальной несправедливости!

Анализируя ситуацию в современной России, можно утверждать, что до тех пор, пока бюрократия будет сохранять господствующее положение, вся обществен-

но-государственная система будет оставаться в неустойчивом, шатком, кризисном состоянии, которое раньше или позже неизбежно перерастет в глубокий и открытый «политический дефолт». Чтобы система управления пришла в стабильное, устойчивое положение, необходимо выработать четкие и ясные, контролируемые обществом принципы ее функционирования, необходимо принять прозрачные и органичные правила построения государства и его идентификации. Ибо там, где существуют прозрачные правила, бюрократия уже не может использовать государство в собственных интересах, она принуждается работать не на себя, а на страну. Оттого переродившееся чиновничество глубинно заинтересовано в затуманивании и запутывании всех общественных норм, в бесконечных непрекращающихся реформах без берегов, без объявления конкретных целей, в бессмысленном сочетании российского и советского. Если столоначальник установил четкие и незыблемые правила, он не может все постоянно перерегистрировать, «перелицензировать», «переквотировать», выдавать новые, обновленные и еще более свежие разрешения. Стремление к по-

**ЧИНОВНИКАМ ВЫСШЕГО ЗВЕНА
БУДЕТ ПРЕДОСТАВЛЕН СОЦПАКЕТ**

Управление делами президента предлагает ввести социальный пакет для чиновников высшего звена. Как передает Интерфакс, введение социального пакета предполагает транспортное, медицинское и жилищное обеспечение. По словам управляющего делами президента Владимира Кожина, эти предложения находятся на рассмотрении в правительстве. Все бюджетные средства, направляемые на жилье различным министерствам и ведомствам, будут сконцентрированы в Управделами. Правительство будет принимать решения, какому ведомству и сколько жилья необходимо выделить. Такая же схема предлагается по санаторно-курортному и дачному обслуживанию. Будет подготовлен перечень лиц, которые имеют право на обслуживание в системе Управделами.

Кого относить к чиновникам высшего звена, пока обсуждается. По мнению Управделами, больше внимания необходимо уделить категории социально не защищенных чиновников уровня секретарей, технических работников, служащих невысоких должностей.

«Известия».
25 мая 2004 г.

стоянному контролю порождает непрерывность псевдоизменений и исключает стабильность. Введение четких правил, напротив, ведет к сокращению армии чиновников, к формированию ограниченного штата эффективных, компетентных управленцев. Пока же изменения в стране имеют антисоциальную направленность.

Сложившаяся ситуация пагубно влияет на нашу экономику. В стране проживают десятки миллионов квалифицированных работников, но они не могут найти себе достойного применения. Миллионы тружеников вынуждены превращаться в «челноков» и везти из-за рубежа пресловутые пуховики, куртки и майки. Разве наши женщины-мастерицы разучились шить и не способны сами завалить товаром зарубежные рынки? В ответ на этот риторический вопрос так и слышится чиновничий рык: «Съесть то он съест, да кто ж ему даст». Если за всяким работником денно и нощно, не смыкая глаз, наблюдает мощная армия алчных чиновников в виде пожарных, санинспекторов, налоговиков, милиционеров, гаишников, работников мэрии, районной управы и т.д. и т.п., непрерывно меняющих правила контроля и коррумпированных по самое «ай-я-яй», рассчитывать следует не на удвоение, а на уменьшение ВВП.

Чиновничество не только разрушает общественную мораль, делает государство нестабильным, не допускает становления правовых норм. Оно фактически удушает экономику страны. При внешних благоприятных условиях в стране еще возможен некоторый экономический рост, но невозможно качественное развитие. Разрыв во времени, произошедший после 1917 года, стал главной причиной экономического отставания и угасания нашего государства. За последние полтора десятилетия экономический отрыв России от других стран не уменьшался, а возрастал. Наиболее контрастной в Европе прежде оставалась лишь российско-финляндская гра-

ница, а теперь увеличивается зазор между Россией и Польшей, Чехией, Венгрией, Эстонией, Латвией, Литвой, которые совсем недавно были частью единого государства или ближайшими союзниками СССР и ничем существенным от нас не отличались.

С экономической точки зрения проблема состоит в том, что в России, имеющей несметные богатства и очень квалифицированное население, нет и в сложившейся ситуации не может быть нормального собственника, настоящего хозяина. Малый бизнес не способен встать на ноги — его выдавливает безмерный бюрократический пресс. Средний бизнес точно так же испытывает огромные затруднения, хотя сами его представители, уже выросшие в систему, неохотно рассказывают о существующих проблемах. Тому, кто не вписался в «антиправила», рассказывать нечего, а тот, кто уцелел, — постоянно «висит в воздухе» и старается «не светиться». Предпринимательство может у нас существовать лишь в тесной, коррупционной увязке с чиновничеством. Казалось, что хотя бы крупный бизнес должен перешагнуть через бюрократические барьеры и набирать обороты. Но у предпринимателей такого уровня наряду с экономическими появляются откровенные политические амбиции и соответствующие серьезные намерения вхождения во власть, и тогда действующая замкнутая властно-чиновничья система их карает и отторгает.

В результате проведенной псевдоприватизации фактическим собственником было и осталось чиновничество. Оно, по существу, лишь дало возможность временно постоять у руля своим доверенным лицам, тщательно следя за тем, чтобы руль поворачивался в нужную сторону. В свою очередь квазисобственник и псевдопредприниматель прежде всего заинтересованы не в расширении рынка, не в организации эффективного производства, а в финансово-политическом сохранении

и поддержке той чиновничьей группы, которая дала им порулить. В подобной экономико-бюрократической системе выживание может происходить в основном за счет выкачивания сырья. Разворачивать сколько-нибудь серьезное современное производство оказывается предельно сложно, даже сохранить существующее удастся немногим. Созданная властями ситуация запутывается еще и из-за того, что в самом управленческом слое происходят внутренняя борьба и постоянные перемещения.

По законам физики человек-невидимка сам должен быть слепым. Отказавшись от утверждения устойчивых общественных правил, чиновничество не может установить эти правила и для самого себя. Исполнители ведущих ролей часто меняются, на этих местах мы видим то бывших «партноменклатурщиков», то прежних госчиновников, то представителей одной национальной группировки, то другой, то людей из криминального сообщества, то комсомольских активистов, то работников спецслужб и силовиков. Эти перемещения сопровождаются призывами к переделу собственности или реальными ее переделами. Борьба за собственность является главной движущей силой происходящих все последние пятнадцать лет внутри-бюрократических перетасовок.

Чиновничество в принципе не способно выразить себя в целостной, открытой, внутренне непротиворечивой идеологии, поскольку мир бюрократии внутренне противоречив и не может быть нормально вписан в окружающую реальность. Функция властвующей элиты, которую присвоило себе чиновничество, не имеет объективного основания и не может быть нормальным образом фундирована. В этом смысле переход власти из скрытого состояния, гримировавшего ее под передовых рабочих и крестьян, в открытое, переименовавшее ее в элиту, ничего принципиально не решает и не из-

меняет. От лживой идеологии произошел переход к никакой. И то и другое положение болезненно, временно и исторически обречено. Если в советские годы аппаратчики из года в год тужились, издавая бесплодные постановления «О дальнейшем углублении и улучшении», то теперь столь же тяжелой миссией оказывается подготовка ежегодных президентских посланий. Газеты сообщают, как долго не гаснет свет в кабинетах его составителей, подчеркивая, какую сложную и важную задачу те решают. Однако что же здесь сложного — подвести итоги за прошедший год и наметить планы на будущее. Это просто, когда все ясно и прозрачно, и невыносимо сложно, когда речь идет о совершенно запутанной псевдошахматной игре между властью и обществом.

Власть не имеет ясной программы, а поскольку у нее нет позиции, затруднено и появление оппозиции. Присутствуют лишь отдельные фрагменты новой идейно-ценностной модели. От борьбы «за чистоту марксизма-ленинизма» (КПСС), власть бюрократии («Единая Россия») перешла к формированию партии без идеологии, для всех желающих. От партии-государства намечается переход к государству-партии. От обещания всего власть перешла к необещанию ничего. От борьбы с внешней антисоветчиной власть перешла к борьбе внутри самой себя. Прежде абсолютная несвобода слова невероятно возвышала ценность всякого свободного высказывания. Затем произошел переход не к свободе слова, а к свободе от слова. Можно было говорить и писать все, что угодно, но власть на это **никак** не реагировала. Теперь начинается новый виток ограниченный, сужаются необъявленные цензурные рамки на телевидении и других информационных каналах. Тем не менее перечисленные шаги — лишь противоречивые фрагменты новой идеологии, которая не может быть сильной, потому что является, очевидно, неверной.

Выводы из сказанного представляются для господствующей бюрократии мало оптимистичными. Эта власть в принципе не способна обеспечить порядок и стабильность. Она не способна говорить правду. Она не способна сплачивать общество. Она не способна остановить Чеченскую войну, не доведя проблему до чрезмерной остроты, ибо важным инспиратором непрекращающихся боевых действий является внутрироссийский механизм чиновничьей коррупции. Список роковых претензий должен быть продолжен. В условиях отсутствия нормальных выборов власть оказывается нелегитимной. Она не сформулировала и в принципе не способна сформулировать даже временную, относительно целостную систему идеологических правил, ибо не хочет никоим образом ограничивать самое себя. Борьба внутри бюрократического класса не прекращается.

БЮРОКРАТИЯ И НОВОЯЗ

Специфическим и по-своему показательным является язык современного чиновничества. В Советском Союзе, как мы помним, действовал так называемый новояз. Все важнейшие термины дополнялись словами «советский», «социалистический», «ленинский» и таким образом теряли всякий смысл или меняли его на противоположный. Идеологизированного новояза в нынешней России больше нет. Политики, радио, телевидение, газеты разговаривают со страной на нормальном русском языке. Этот переход начал еще М. Горбачев, когда объявил о *перестройке, гласности, о новом мышлении*, а не о каком-нибудь «развитом коммунизме». Позднее Россия, как восточная половина Европы, стала использовать ту же политическую лексику, что и ее западная часть. У нас заговорили о демократии, многопартийности, праве и т.д. Между тем новая российская терминология на самом деле имеет иное значение, нежели на Западе.

Многопартийность (а теперь открытый переход к малопартийности) здесь и там, демократические выборы у них и у нас, свободная пресса в России и на Западе, увы, все меньше похожи друг на друга. Раньше социализм и капитализм создавали разные политические языки, разные понятия, которые имели совершенно разный смысл. Теперь функционируют одинаковые термины, но смысл в них вкладывается различный. Таким образом, в последнее время возникает новая форма, новое скрытое издание новояза.

**КАК РЕШАТЬ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?
ЧТО МОЖЕТ И ДОЛЖНО СДЕЛАТЬ
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО?**

Исходя из сказанного, сделаем вывод: главная опасность для страны — ее собственная бюрократия. Причем складывающаяся в последние годы политико-бюрократическая квазисистема не является самовосстанавливающейся, она, скорее, является саморазрушающейся. Можно ли каким-то образом исправить ситуацию, кто остановит чиновничество, как поставить бюрократию на службу народу?

Если бы такую задачу провозгласила высшая власть, она вполне могла бы ее решить. Для этого, в частности, необходимо бить чиновничью процедурой по самому чиновничеству. Если обязать столоначальников непрерывно отчитываться, квотировать и лицензировать их собственную работу, постоянно устраивать им проверки, назначать общественные комиссии и всякий раз после этого сурово наказывать виновных — ситуация будет улучшаться. Именно так действуют в тех демократических странах, где бюрократия выходит из-под контроля.

Что же до борьбы с коррупцией, то, хотя неких абсолютных, идеальных методов не существует, достаточно эффективные приемы известны и давно опробо-

ваны. На Западе действуют тайные специальные государственные службы, работники которых провоцируют чиновника на взятку. И когда последнего вводят в искушение, он не знает — ждет ли его легкая добыча или длительное уголовное наказание. Чиновник предпочитает не рисковать не только по моральным, но и по правовым соображениям. У нас же подобного типа «негуманные» действия народные избранники строго-настрого запретили еще во времена первой ельцинской Думы.

Окоротить армию столоначальников может и должен сам народ. Вывод России из чиновничьего беспредела равносителен подключению тяжело больного к кислороду. Эффект от возвращения чиновничьего джина в бутылку должен быть еще большим, чем от отмены крепостного права, приведшего Россию к бурному экономическому и духовному подъему. Вообще можно сказать, что у всякой страны существует два типа врагов — внешние и внутренние. Если внешние враги стремятся разрушить и захватить данное государственное образование, то внутренние порождают его неправильное функционирование. Они заставляют государственную машину работать на самое себя, против общества. В далеком XIII веке страшным внешним врагом для нашей страны оказалось татаро-монгольское нашествие. Почти три века наши предки избавлялись от него и в процессе освобождения стали собирать земли, увеличивая мощь государства путем расширения его территории и сплочения всех проживающих на общей земле. Из этого испытания они вышли с честью, освободив государство, создав единый солидарный народ, где великороссы и татары жили вместе, сообща и без конфликтов. Тогда и родилась поговорка «Кто старое помянет — тому глаз вон».

А как бороться с врагом внутренним, как поставить на место зарвавшуюся бюрократию, действия которой все чаще напоминают поведение страшного ок-

купанта, как избавиться от бюрократического ига? Для этого необходимо укреплять гражданское общество. Для этого нужны не искусственно вскормленные политические партии, а органичные гражданские объединения. Гражданские структуры отличаются от других сообществ тремя важными особенностями. Это, во-первых, объединения, возникающие по желанию самих граждан, а не по команде начальства. Во-вторых, гражданские объединения ставят перед собой значимые общественные цели (это не просто группа друзей, решивших отметить чей-то день рождения). Наконец, стремясь к достижению поставленной цели, гражданские объединения не идут во власть, они действуют самостоятельно и независимо от власти, принципиально отличаясь в этом от действий политических партий. Если гражданское объединение «Солдатские матери» борется против войны в Чечне, то не для того, чтобы его представитель занял в будущем пост министра обороны, а просто потому, что они против войны в Чечне. Для борьбы с бюрократией именно гражданские объединения и нужны. (Часто гражданские структуры называют «третьим сектором», исходя из того, что первый — это политики, а второй — бизнес.)

Сегодня часть гражданских объединений использует не всегда удачную *«догоняющую тактику»*. Объединение «Мемориал» заслуживает особую благодарность общества, но в основном опирается именно на этот метод работы. Власть уничтожает, а мы увековечим, она опять уничтожает, а мы опять увековечим. Лучше бы, конечно, сначала остановить тех, кто уничтожает, но пока на это недостает сил. Другую тактику можно образно обозначить как *«разжатая ладонь»*. Нынешние правозащитники стремятся поддержать всех тех, чьи права нарушены, будь то жители столичных «фенольных домов» или калининградских переселенцев-нелегалов. Такая работа оправданна, но она связана с неиз-

бежным распылением сил. Более эффективной представляется тактика **«сжатый кулак — точечный удар»**, когда вся сила гражданской активности наносится против источника и первопричины большинства проблем — против чиновничества.

Такая тактика напоминает метод раскалывания толстой деревянной чушки. Когда на дрова колот распилы нижней, самой толстой части дерева, поступают следующим образом. Поскольку бить колуном по центру толстяка не имеет смысла — не одолеешь, то начинают с краев, двигаясь по окружности. По кусочку откалывая полешко за полешком, уменьшают тем самым и общий диаметр, и длину окружности. И только тогда, когда отколото достаточно много «кусочков», можно бить колуном по центру и завершать заготовку дров.

Подобная тактика применима и в борьбе с бюрократией. В любом городе, районе, мегаполисе надо найти очевидно вредное и слабое чиновничье звено. Если известно, что в некоем бюрократическом окошке ежедневно появляется лицо, которое постоянно измывается над просителем, возводя бесконечные препоны и постоянно вымогая взятки, надо это «лицо» взять на карандаш. Надо, по возможности, выяснить, каков размер занимаемого служебного помещения, величину зарплаты и премий, примерную «взяткоемкость» бюрократа. Одновременно надо найти в очереди на жилье в данном районе города наиболее нуждающуюся семью с детьми. Дальше готовится короткое обращение с цифрами и адресами, формулируется требование, скажем, упразднить чиновничье кресло и сэкономленной зарплатой оплачивать получение жилья многодетной нуждающейся семьи. С этого момента необходимо начать усиливающееся и непрерывное давление на власть через пикетирование, сбор подписей, освещение, по мере возможности, проблемы в СМИ, включение в процесс противостояния жителей соседних районов и городов.

Одновременно полезно организовать гражданский бойкот коррумпированного лица, предложить его соседям по дому отказаться от общения с ним, добиваться, чтобы его не обслуживали транспорт, магазины, сфера услуг и т.д. Собранные подписи протестующих граждан необходимо регулярно отправлять в СМИ и вышестоящие властные организации. От своих требований ни при каких условиях отступать нельзя. Вся эта акция должна продолжаться до полной победы — до упразднения ненужной должности и предоставления квартиры нуждающимся. Добившись первой победы, ее надо воспринимать как начало большого пути. Обо всем происшедшем, с уроками и выводами, надо проинформировать другие гражданские группы, СМИ, другие районы и города, а затем начинать новую акцию — либо подобную, либо более глубокую, направленную не на отдельного негодяя, а на целый отдел, сектор, звено бюрократической удавки. Процесс должен продолжаться до тех пор, пока бюрократия не будет поставлена под контроль общества.

Теоретически план действий выглядит просто, что, кстати, не является его недостатком. На практике реализовать его куда сложнее, хотя в целом я не вижу здесь каких-то принципиально непреодолимых проблем. В одних случаях надо добиваться упразднения и сокращения, а в других — возможно, что-то надо даже расширить, где-то необходимо изменить обязанности и функции. Может быть, стоит начать не с чиновника, а с воинской части, где процветает дедовщина и где родители всем миром должны потребовать наведения контролируемого прозрачного порядка и реальной ответственности командиров. Бюрократическую машину надо реорганизовать, сократить, взять под гражданский контроль и поставить на службу обществу. Двигаясь шаг за шагом, набирая опыт гражданского действия, ситуацию в стране можно и нужно изменить к лучшему. Описанная здесь тактика всем

нам хорошо известна. Она прошла, если можно так выразиться, гигантскую историческую апробацию. Россия — и поныне самое большое по территории государство в мире — начиналась с Москвы, с Московского княжества, которое по кусочку прикупало и присоединяло новые земли! И дошли до Аляски! Пора в обратный путь — пройти от бюрократической Аляски до Москвы, необходимо сделать самое гипетрофированное чиновничье государство нормальной социальной системой, где бюрократия находится на службе у общества, в подчинении у него!

Между тем выдавливание бюрократии — только одна, хотя и ключевая, задача из тех, что стоят перед российским гражданским обществом. Как содействовать преодолению плачевного экономического положения нашего народа? Для этого нужны вовсе не новые политические партии и даже не общероссийский вариант польского профсоюза «Солидарность». Иначе говоря, в первую очередь нужна не столько помощь нуждающимся, сколько создание условий для проявления хозяйственной, деловой активности теми, кто может, любит и хочет работать. Для этого необходимо создать разветвлен-

Вчера в Московском арбитражном суде состоялось первое в новейшей истории Москвы заседание судебного процесса по возвращению церковной собственности, национализированной при советской власти, бывшим владельцам. Прихожане храма Пророка Божия Илии на Воронцовом Поле предъявили иск к Федеральному агентству по управлению федеральным имуществом и столичному департаменту имущества о признании за собой права собственности на церковь XV века. Вслед за прихожанами храма на Воронцовом Поле право на церковную недвижимость и землю готовы отстаивать еще несколько столичных приходов.

«Известия».
15 августа 2004 г.

ное кооперативное движение, нужны финансовые, производственные, потребительские кооперативы. Помочь их развернуть может такая важнейшая гражданская организация, как Русская Православная Церковь. (Замечу, что в рамках ислама подобное движение в нашей стране уже происходит, об активности буддистов мне пока ничего не известно.) РПЦ имеет приходы на территории почти всей страны, церковные общины уже воссозданы и реально существуют. Если они захотят создать небольшие банки или даже просто кассы взаимопомощи, если захотят стать координаторами кооперативного движения и реально помогут прихожанам преодолеть нужду и встать на ноги, церковь не только поднимет свой авторитет в глазах общества, но и поможет решению актуальной социальной проблемы. Надо сказать, что в начале прошлого века наша церковь успешно занималась решением подобных задач и накопила в этом деле определенный опыт, который сегодня может оказаться весьма востребованным. Добавлю, что в последние годы католическая церковь также содействует созданию новой кооперации в современной Польше. Так что аналогичные действия со стороны РПЦ были бы вполне уместными и своевременными. Церковь уже встала на ноги, она не может и не должна постоянно подпевать властям. Теперь ее задача — помочь обществу и своей стране. Создание крепкого малого бизнеса может реально и довольно быстро выправить экономическую и нравственную атмосферу в России.

Представив, как постепенно, шаг за шагом гражданское общество может способствовать нормализации и улучшению социально-экономического и идейного состояния общества, надо иметь в виду, что реальные социальные преобразования могут происходить и совсем по иным сценариям. Например, успехи нынешней Польши тесно связаны с тем, что в 1987—1989 годах страна попала в полосу глубочайшего, всеохватного

кризиса. Положение государства оказалось настолько драматичным, что преодолеть его было невозможно какими-то полумерами, имитацией, перекладыванием денег из одного кармана в другой. И тогда все общество — и правые, и левые, и чиновничество, и весь народ — уже не могло отказаться от коренных социально-экономических реформ, в основе которых лежал план Лешека Бальцеровича. Не хотелось бы, чтобы в подобный кризис провалились 150 млн граждан России. Предлагаемый путь преобразований «шаг за шагом» явно предпочтительнее.

Описав кратко и схематично всю сложность, противоречивость, запущенность стоящих перед нынешней Россией проблем и обозначив возможные средства их разрешения, мы не дали ответ на, может быть, самый главный стратегический вопрос: куда идти, какой должна быть новая Россия? Программы выхода из кризиса могут предлагаться разные. Наш ответ, основанный на концепции преемства, представлен в следующем, заключительном разделе книги.

ЧАСТЬ V

НОВАЯ РОССИЯ КАК ИДЕЯ, ИЛИ КАКАЯ РОССИЯ НАМ НУЖНА

В этой части книги мы ответим на вопросы:

Какие идеи можно взять из российского и советского прошлого?

Являются ли язык и нация ценностями, которые сплачивают и сегодня?

Какие новые идеи нам нужны?

В чем сила и бессилие свободы?

Как эволюционировала общеевропейская система ценностей?

В чем состоит возрожденная российская идея?

Восхода не видел, но понял,
Вот-вот — и взойдет.

В. Высоцкий

ЕЩЕ РАЗ О ВЕКЕ ДВАДЦАТОМ

Судьба России в XX веке оказалась весьма драматичной. Я уже говорил об огромной цене Петровских преобразований, но их плодами мы пользуемся по сей день. Жертвы, принесенные российским народом в прошедшем столетии, тоже не были напрасными, в истории, как и в природе, ничто не возникает ниоткуда и не уходит в никуда. Но в ушедшем веке результаты наших действий часто оказывались недоступными нам самим. В Первой мировой войне Россия участвовала в союзе с Англией и Францией, приблизительно 3 млн российских солдат полегло на полях сражений. В результате Антанта победила, но сама Россия не устояла в этой борьбе и превратилась в Советский Союз.

С победой Октября революционный процесс начал разгораться по всей Европе, Советская Россия старалась всеми способами его приумножить. III Интернационал мечтал распространить свой контроль на центр и запад континента. Но в стране началась Гражданская война, унесшая 15 млн жизней. В результате вопрос об экспорте революции был Москвой снят на два десятилетия. Белое движение, сгорев в пожаре войны, спасло Запад от красного тоталитаризма.

С началом Второй мировой войны почти вся Европа оказалась под пятой фашизма. Вступив в войну с Германией, СССР одержал историческую победу. Наш народ принес на ее алтарь 27 млн жизней. В итоге запад континента избавился от коричневой чумы, но в самом Советском Союзе и в Центральной Европе тоталитаризм оказался законсервированным еще на полвека.

Сознавая силу «руки Москвы», опасность советской пропаганды, руководители Запада внимательно следили за тем, чтобы уровень жизни трудящихся их стран постоянно повышался, чтобы демократия функционировала эффективно. В самом же СССР затертая пластинка об успехах мирового коммунизма звучала все громче, но положение граждан становилось все более нетерпимым. Сопровождавшаяся перестройкой, гражданская революция в Советском Союзе привела к освобождению из «соцлагеря», к утверждению демократических начал в Центральной Европе и Балтии. За ее успех пришлось заплатить трагическим распадом страны, но сам российский народ — источник и цель всех преобразований — до сих пор остается обделенным. Историческая справедливость должна быть наконец восстановлена. Наш народ выстрадал достойную жизнь в своей стране. При этом мы, опираясь на собственную активность, вправе рассчитывать и на моральную поддержку всех европейцев.

Хотя у прошлого нет сослагательного наклонения, а у будущего — повелительного, наша задача теперь составить прогноз: куда же должна идти современная Россия. Писатель-пророк Ф.М. Достоевский предсказал революционные потрясения, которые действительно постигли нашу страну в начале XX века, но во всей русской классике не найти ответа на вопрос: а что же дальше, куда нам следует идти после преодоления красного тоталитаризма? Впрочем, ответ на этот вопрос дает совокупно вся наша литература, культура и история. Если главная причина наших бед — экономических, социокультурных, политических — разрыв с историей, отказ от собственной идентичности, забвение российской общенациональной идеи, то выход из кризиса находится на пути возвращения к истокам, возрождения и восстановления российскости. При этом

должно быть изначально ясно, что, ставя целью самовоссоединение с тысячелетней Россией, мы не должны возвращаться в прошлое, речь не идет о механическом повторении прошедшего. Да это и невозможно сделать. Необходимо **распознать сигналы из истории и вписать их в современность**, необходимо использовать то из тысячелетнего опыта, что может быть адаптировано и вписано в сегодня, что может быть полезно и будет работать в новых условиях. Причем отвергнуть и забыть полностью советское прошлое тоже невозможно, да и не нужно. Вот во всей этой ситуации мы и начнем теперь разбираться.

Выстраивая обновленную российскую систему ценностей, уточним принципы и правила, по которым она должна форомироваться. Для такой огромной страны, как Россия, система интегрирующих начал не может быть простой. Скорее, она должна походить на некое разветвленное древо, многомерную структуру. Назову здесь три основные посылки, которых буду придерживаться.

1. Сплачивающая система норм должна быть трехуровневой. Базовый слой включает нормы и традиции, сформированные в каждом отдельном культурно-территориальном регионе нашей страны. Эти нормы продолжает следующий уровень — символы, интегрирующие государство в целом. И все это дополняется третьим рядом — ценностями, соединяющими нас с мировым сообществом. Сразу поясню, что в этой книге не предполагается рассматривать специфические ценности каждого российского региона, это отдельная задача, которую решают другие авторы. Мы же будем говорить по преимуществу об идеях, которые сплачивают в единое целое всю нашу страну, наш народ.

2. Интегрирующие начала должны соединять Россию по трем временным составляющим: а) связь прошлого с настоящим, б) интеграция настоящего социо-

культурного времени, в) сплачивание во времени из «сегодня» в «завтра».

3. Важнейший методологический принцип состоит в следующем — новые идеи возникают не произвольно, они выстраиваются не из субъективных спекуляций, но на фундаменте ценностей, которые у нас уже существовали. Новые принципы основываются на старых, хотя и не обязаны быть их точной копией, они могут развивать, преодолевать, «снимать» и продолжать наш исторический опыт.

ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА, ВЕКТОР ПРОШЛОГО

Первая ось дерева ценностей — из времени прошедшего. Мы начнем с анализа и инвентаризации того, что сплачивало нашу страну с момента ее зарождения до наших дней. Нетрудно заметить — общим стержнем для всех поколений является **отечественная история**. В момент идейного кризиса, когда интегрирующих, всеми признаваемых и общезначимых ценностей явно недостает, особенно актуальным становится осознание общности прошлого. Независимо от субъективных оценок и личных настроений всех россиян реально объединяет **общая история и возвращаемый историзм мышления**.

Кризисные процессы в современной культуре проявляются в релятивизации всех ценностей, расшатывании всяческих правил и норм, в постоянной и порой бездумной иронии в отношении всего, что прежде казалось вечным и незыблемым. Нынешнее телевидение не устает хохотать с самого утра до глубокой ночи. Тогда как задача подлинного возрождения состоит не в разрушении и нивелировании различных систем ценностей, но в выявлении, проверке и отборе надежных, устойчивых, органичных норм и правил. Десакрализация культуры ведет к ее распаду. Поэтому в основе общественно-государственной иерархии идей, если мы хо-

тим сделать ее стабильной, должны находиться святыни. Пирамида ценностей тем устойчивей, чем шире ее основание. Поскольку самым широким основанием является совокупный исторический опыт народа, историзм в возрождаемой российской идее и должен занять особое, фундаментообразующее место.

Другой важнейший фактор, порождающий особое отношение к истории, был выявлен уже в самом начале этой книги. Мы показали, что на нашей территории существовали в XX веке, сменяя друг друга, три разных государства. Причем второе — СССР — строилось на максимальном противопоставлении первому — Российской империи. У нас были даже две разные науки — история СССР и история России. Могут ли разделенные части срастись? Возможно ли преодоление российской разделенности во времени?

Самовоссоединение и возможно, и необходимо. При этом все, что способствует преодолению разрыва, что работает на восстановление нашего более чем десятивекового опыта, на возрождение нашей самоидентификации, работает на нас. Мы уже вернули свой флаг и герб. Несмотря на 70 лет потрясений и испытаний, сохранились и здравствуют законные наследники дома Романовых. У России есть **живые символы, живые выразители** преемства нашей истории. Удивительно, что по сей день часть общества так и не разглядела то, что столь желанно и необходимо для нас. Время самодержавных монархий конечно же давно ушло, но как важно для благополучных бельгийцев, норвежцев, шведов, англичан видеть здравствующими своих королей, способных объединять и вдохновлять народ! Не в этом ли одна из причин стабильности, успешности, благополучия наших соседей?! Что же мешает нам, кроме нежелания властей, придать потомкам Романовых официальный статус и дать им возможность вернуться на родину? А непогрешенный

труп, лежащий в центре столицы, давно пора захоронить. И чем скорее это произойдет, тем лучше.

Для самовоссоединения необходимо не только написать единую историю, немало таких книг уже написано и пишутся новые. Необходимо сделать их достоянием общества, частью общественного сознания, скажу больше, активной и приоритетной частью. Если мы хотим вернуться к себе и опираться на весь накопленный за тысячу с лишним лет опыт, в нашей духовной жизни необходимо **утвердить культ российской истории**. Говоря точнее, нужна не история как хронология, нужна определенная ее концепция, нужны историософия и философия России. Собственно говоря, происходящая общественная дискуссия и есть своеобразный неформальный конкурс на наиболее востребованную трактовку собственной истории, на ее историософско-философскую интерпретацию.

Признание значимости истории означает, что люди всех возрастов, и особенно входящая в жизнь молодежь, должны получать разнообразные исторические сведения через информационные каналы и образовательные учреждения. В советской системе образования был всем известный главный предмет — так называемый марксизм-ленинизм с его многочисленными разновидностями от «научного атеизма» до не менее «научного» коммунизма. Всех школьников и студентов в первую очередь готовили как сознательных строителей нового общества. Сегодня нет ни коммунизма, ни соответствующего специального учебного предмета, хотя такого рода дисциплина необходима. Она существует в учебных заведениях многих странах — «американстадис», «европиенстадис», «индиенстадис», «арабиенстадис» и т.п. И в наших школах следует ввести «Отечественное», как это было в российских гимназиях, а в вузах — «Россиеведение». Основой этих дисциплин должно стать философское и историософское осмысление российской цивилизации.

И такой эксперимент начат в Калининградской области, где учащиеся выпускных классов тридцати двух школ уже изучают новый предмет — «Отечественное».

Если с самого детства ребенок будет знакомиться с сюжетами и героями из нашего прошлого, если появятся школы с отечественноведческим — в добавление к физическому, математическому и прочим — уклоном, если на ТВ и в других СМИ содержание будет основываться не на принципе «развлечение — прежде всего», но на культуре собственной истории, если в литературе и искусстве в ряд таких классических произведений, как «Слово о полку Игореве», «Борис Годунов», «Война и мир», «Петр I», «Доктор Живаго», «Жизнь и судьба», будут прибывать новые и новые, тогда шанс соединить разделенное, вернуть знания и опыт предков, восстановить самоидентификацию не окажется упущенным.

Государство обязано привлечь внимание общества к этой проблематике. Пусть для детей появится специальная серия «Моя первая книжка по истории Родины». От затянувшихся споров об учебниках истории надо перейти к открытому конкурсу на лучший учебник. Этот конкурс должен быть гласным и фокусирующим внимание общества. Живая содержательная книга, телесериал, киноцикл по истории страны нужны и для взрослых, особенно для тех, кто связан со сферами управления и культуры. И здесь нужны внимание и поддержка государства, нужен общероссийский конкурс, т.е. гласное, открытое состязание авторов. Нельзя не заметить, что интерес к исторической теме и литературе растет и без должного государственного внимания, — столько книг на историческую тему, сколько опубликовано у нас после 1990 года, не издавалось прежде за многие десятилетия.

Опора на историзм как, в широком смысле слова, наиболее эффективный механизм восстановления утраченной идентичности может иметь и другие положи-

тельные последствия. Многие возникающие в современной России проблемы кажутся человеку, далекому от истории, новыми и непонятными. А в действительности сплошь и рядом речь идет о трудностях, которые умело и эффективно преодолевались еще в прошлые века. Русские вне России, сосуществование разных этносов и культур внутри одной страны, освоение новых районов, иммиграция в Россию, создание государством правовых и политических условий для мощного экономического рывка и многое-многое другое — здесь очень полезно знание собственной истории. Не входя в детали, скажу кратко — огромная сила и мощь России заключена не только в ее золотом запасе, но в ее огромном историческом потенциале.

Отмечу еще одно обстоятельство. *Интерес и уважение каждого человека к прежним поколениям своей семьи* может существенно дополнить этот широкий историзм, сделать картину прошлого своей страны более живой, личностной, неформальной. В такой ситуации у нас появится больше шансов крепко встать на ноги и не повторять прежние ошибки. В атмосфере укрепления семейно-родовых связей возникает новый важный механизм общественной регуляции, который работает против асоциального и непатриотического поведения. Человек, живущий одним днем, чувствует себя ни от кого не зависимым, никому не обязанным и не подконтрольным. Его поведение становится индивидуалистичным и внесоциальным. Иначе действует тот, кто сознает себя продолжением, кто помнит 10—15—20 поколений предков. Человек, укорененный в культуру, понимая, что и о нем вспомнят через 300 и 500 лет, становится более ответственным. На его поступки влияет не формально-милицейский контроль, но нормы и правила, созданные всем его родом. Надо заметить, что духовная связь с прежними поколениями поощряется как в традиционных обществах, так

и в современных культурах. Знание прошлого своих семей устойчиво воспроизводится на Кавказе, например в чеченских тейпах, но аналогичное правило существует и у английских лордов, и у потомков русских дворян и др. Эту преемственность подтверждает и такая небезынтересная деталь. Руководителями разведслужб в Англии традиционно назначаются только представители знатных семей лордов, имеющих богатую родословную. И такой подход ни разу не подводил британцев!

Надо еще раз напомнить, что историю не случайно считают самой важной из наук, более активное обращение к ней могло бы избавить и россиян от ряда совершаемых нынче ошибок. Мы уже не раз апеллировали к возрасту нашей страны, но и этот багаж можно растратить впустую. Каким наимудрейшим могло быть государство, если бы знало, учитывало, использовало свой собственный почти двенадцативековой опыт! Ведь всякий здравомыслящий человек с возрастом, с каждым прожитым годом становится мудрее. Не случайно учителями российских императоров в XIX веке были лучшие отечественные историки. Почему же так не происходит в нынешнем государстве? Почему гуманитарное знание, исторический капитал остается невостребованным?

Здесь есть и субъективные, и объективные причины. Интересы правящего слоя далеко не всегда совпадают с исторически обусловленными интересами самой страны. Но чем демократичнее государство, тем проще обществу через интеллигенцию, независимых профессионалов вступать в диалог с властью, осуществлять общественный контроль над управленцами. Когда такой контроль оказывается невозможным, власть либо отменяет историю как таковую, либо навязывает обществу выгодную ей, «единственно правильную трактовку».

Продолжим исследование российских ценностей и обратимся к категории времени. Культ воссоединенной истории несомненно поможет вернуться к себе, обрести устойчивость. Восстановив историческую связь, посмотрим, что возвращается к нам из прошлого, как вписать в современность **русскую идею**, сплывавшую страну в прошлые столетия. Пришло время наконец найти теоретический выход из идейного кризиса, в котором Россия оказалась с конца XIX века и который безуспешно пыталась преодолеть Октябрьским *«разрывом с переворотом»*. Второе издание одного и того же кризиса, второй его акт, начавшийся вместе с распадом «комидеологии», должен стать заключительным. Необходимо найти органичное решение, правильный выход в образовавшемся лабиринте идей.

Начнем с анализа важнейшей составляющей русской идеи — с **православия**. Процесс его активного возрождения, хотя и не свободен от ряда противоречий, в целом представляется вполне позитивным. Также положительным можно считать возрождение других традиционных для российского общества форм верований — ислама, буддизма, иудаизма. Определенный дисбаланс, возникающий между перечисленными конфессиями, между их приходами, должен разрешаться прежде всего в переговорах руководителей самих конфессий. При этом прежний статус православия как государствообразующей религии не должен вновь воспроизводиться самим же государством. Формируемый властями приоритет одной из конфессий — это явная и затянувшаяся ошибка роста. И поскольку подобная практика в конечном счете работает на дезинтеграцию общества, ее следует деликатно преодолеть.

Между тем нельзя не видеть, что православие в России — больше чем религия. Это наш алфавит, от которого, в отличие от соседей, мы никогда не отказывались, наш образ мысли, стиль поведения, культура,

это историческая основа нашей государственности. Если поставить вопросы более конкретно — что именно утверждает православие, в чем его специфика в сравнении с другими вероисповеданиями, в чем особенность православия, если смотреть на него не глазами верующего и не глазами неверующего, но с позиций культурологии и аксиологии, ответ будет следующим. Для всех религий общим является вера в спасение после смерти, в существование высшего надприродного начала. Но у каждой есть и своя специфика, отличающая одну конфессию от других. Буддист верит в свое единство с окружающей природой, протестантизм отличает индивидуалистическая трудовая мораль. Приоритет православия — утверждение особой значимости нравственных и духовных начал. Эти нормы были и остаются в России ценностями общезначимыми. *Они не вступают в противоречие с нормами иных конфессий, разделяются представителями других верований и атеистами.* И хотя за последние семь-восемь десятилетий в области нравов, как и в других секторах социокультурного пространства, произошли заметные изменения, нельзя сказать, что этические начала оказались вовсе отторгнутыми, стали неузнаваемыми и невоспринимаемыми. Можно сказать, что православная культура сохранялась в советско-атеистическом государстве в снятой форме — в виде формально провозглашаемой властью и принимаемой обществом нравственно и духовно ориентированной системы ценностей.

Остановимся на этой проблеме несколько подробнее. Сравним две культурные традиции — западноевропейскую и восточноевропейскую, т.е. российскую. Сразу договоримся, что сравнение не должно носить эмоционально-оценочный характер, его не следует переводить в плоскость категорий «правильно — неправильно». Здесь полезно проявить сдержанность, объек-

тивность и беспристрастность. Но начнем с еще более обобщенной контroversии — с краткого сравнения культур Востока и Запада.

И российская, и западноевропейская культурные традиции отличаются от культур Востока, где исходным оказывается *образное видение мира*, противостоящее европейскому, преимущественно *рационально-знаковому его осмыслению*. Этот контраст выражается уже в специфике двух видов письменности. Китайский иероглиф, обозначающий понятие «человек», похож на самого человека «人», в иероглифе «лес» — «木木» легко увидеть несколько деревьев, стоящих вместе. При чтении китаец буквально *видит* значение письменного знака. Не случайно на Востоке очень ценится искусство каллиграфии, ведь слово — это картинка, рисунок отображаемого им предмета. В отличие от китайского, западное мышление рационально-знаковое, в европейских языках слово — не образ, а знак объекта. Русское написание слова «лес» или немецкое «der Wald», как и английское «The wood» — это знаки, но никак не образы самого леса. Поэтому в европейском мышлении, будь то мышление россиянина, венгра или испанца, особую роль играет дешифровка, рациональное истолкование. Чтобы понять смысл слова, европейцу надо сначала его раскодировать. В этом смысле европейский рациональный знак, выражающий идею, противопоставит прозрачному восточному образу.

Между тем внутри Европы сложилось свое культурно-ценностное разделение. Для запада континента отправной стала пришедшая из Рима идея права, российский приоритет — духовно-нравственная идея. Это различие проявляется во многих социокультурных образованиях. А.И. Солженицын в одной из своих работ справедливо отмечал, что герои западной литературы отстаивают ценности власти, карьеры, денег, любви, у нас же положительные герои стоят за нравственность,

справедливость и любовь. Русский герой, как правило, правдоборец и правдоискатель. Похожие наблюдения есть и у В.М. Шукшина, писавшего, что за свою историю русский народ отобрал, сохранил, возвел в степень уважения человеческие качества, не подлежащие пересмотру, — честность, совесть, трудолюбие и доброту. Можно сказать, что законно-правовое и духовно-нравственное — две координатные системы, две имманентные традиции европейской культуры.

Отчего так получилось, почему Европа разделена именно таким образом? Понятно, что подобное деление не абсолютно жестко, оно является результатом действия множества причин, сталкивающихся в многомерном историческом пространстве. И на Руси, как минимум со времен Ярослава Мудрого, действовал оригинальный свод законов под названием «Русская Правда» (все же «право» происходит у нас от правды, т.е. моральное начало первично), и Запад знает немало мучеников за справедливость. И все же запад Европы с эпохи Возрождения, со времени Великих географических открытий утверждал капиталистические отношения. Испанские конкистадоры привезли в Старый Свет так много индейского золота, что это изменило все правила банковско-хозяйственной деятельности. Европейцы впервые стали давать деньги в долг и в кредит под процент. До этого христианство, а ислам и ныне запрещали подобные действия, лишь иудаизм позволял кредитование клиента в рост.

В изначальном замысле, в исходных принципах суть капитализма ясна и понятна: главный жизненный приоритет — это деньги. Абсолютизация золотого тельца, несомненно, подстегивает экономическое развитие. Но она приводит к тому, что все, включая время, любовь, власть, все приобретает денежный эквивалент, а это ведет к огромному социальному напряжению, к обострению межличностных конфликтов. Чтобы регулировать и эффективно

управлять таким социумом, чтобы уменьшать количество возможных преступных конфликтов и столкновений, необходим какой-то жесткий регулятор. Именно эту роль и выполняет право. В России экономическая ситуация была иной, и еще гениальный Пушкин показал в «Пиковой даме» тупик, к которому ведет неумная погоня за деньгами. Действия немца Германна, стремящегося во что бы то ни стало разбогатеть, приводят старую княжну к смерти, ее служанку повергают в шок, а сам Германн, проиграв в карты, сходит с ума.

Столкнувшись с негативным влиянием рынка, Запад уже к началу прошлого столетия разработал механизм сдержек и противовесов, главным компонентом которого оказалось именно право. Западные государства — это, прежде всего, государства правовые. Здесь юридически стремятся регулировать все — от управления страной до управления космическим кораблем и поведением влюбленных. У нас же пока сохраняется нравственный приоритет, что нагляднее всего подтверждает язык. Приведу такой пример. Спустя 60 лет после войны наша пресса все еще употребляет идиому «я бы с ним в разведку пошел или, напротив, не пошел». Как-то это выражение мне пришлось разъяснять голландскому журналисту. Он никак не соглашался видеть здесь некую российскую специфику. «Я тоже, — говорил он, — могу найти в Амстердаме компаньона — разведчика. Мы с ним сходим к нотариусу, подпишем контракт, застрахуем риски и вперед!» Он никак не мог понять, почему в России слово, честь остаются более важными аргументами, чем бумажка с печатями. Характерно, что именно на Западе появились брачные контракты, не очень понятные и почти не распространяющиеся в современной России.

От общих тезисов мы перешли к конкретным сюжетам, но теперь вновь пора вернуться к теории и сде-

лать выводы. На востоке континента право никогда не было столь приоритетным, как на западе, духовно-нравственная регуляция оказывалась здесь более значимой. К примеру, в XIX веке большая часть крестьянских протестов заканчивалась просто-напросто обращением помещика к работникам, разговором по душам. Отношения между людьми были у нас более теплыми и менее формальными, чем на Западе. Особое место в отечественном искусстве не случайно занимает балет как сфера, где в наиболее чистом виде воплощается нравственно-эстетический идеал. В отличие от французской драматургии, сюжет русских пьес не вращается в трех случаях из четырех вокруг наследства. Когда на Западе уходит из жизни известный человек, в его память создается финансовый фонд (Нобеля, Форда, Эберта и др.), в России в аналогичных случаях ставится храм. Только в России существует жанр бардовской песни, не известный на Западе.

И за все это мы должны благодарить нашу церковь. Ее коренное культурологическое качество, ее «снятая сущность» — приоритет нравственного и духовного в очень специфической форме сохраняло даже искусственно «обезбоженное» советское общество. Тот, кто стремится оставить в социуме только голый финансовый и политический интерес, кто разрушает семью, гражданские объединения, гасит память о прошлом, тот превращает народ в аморфный конгломерат чужих друг для друга людей.

Нравственность и духовность для нас жизненно необходимы. И если мы хотим оставаться у себя дома, хотим быть самими собой и сохранять свою идентичность, эти качества мы должны культивировать и сегодня. Как относиться к самой церкви, к православию — это вопрос, который каждый решает сам, он обсуждается в специальной, а не в светской литературе. Впрочем, можно заметить, что более убедителен тот, кто и ведет себя более последовательно.

Вновь обращаясь к Западу, следует уточнить, что там тоже никогда не строили «чистый» капитализм. Христианские заповеди, социал-демократические программы поддержки, взаимопомощи, социальных гарантий облагораживали общество, символом которого не может считаться только денежный знак. Да и сам культурный смысл денег имеет в разных обществах различное значение. К примеру, немцы после окончания Второй мировой войны много сил потратили, для того чтобы сделать марку стабильной, надежной, мировой валютой. И это им вполне удалось. Потому вполне понятны их переживания, связанные с недавним переходом на евро и отказом от DM. Впрочем, в обществах, являющихся относительно молодыми продолжателями западноевропейской системы ценностей — в австралийском, американском, — социальная значимость денег оказывается выше, чем на исторической родине осевших там европейских переселенцев. Даже деятельность в сфере литературы и искусства носит за океаном преимущественно коммерческий, кассовый, а не исповедальный характер. Искусство и наука рассматриваются здесь, в отличие от России, просто как наиболее рискованные сферы бизнеса, а самая талантливая книга называется бестселлером, т.е. лучше продаваемой.

К вопросам правового регулирования мы вернемся позднее, а что касается церкви, несколько небольших уточнений можно сделать уже сейчас. Нельзя не видеть, что возрождение религиозных конфессий может породить, да и порождает определенные проблемы. И проблем этих будет меньше, если церковные иерархи станут, наконец, более независимыми и будут держаться подальше от государственно-политического механизма. Кроме того, разные конфессии, содействующие формированию новой ценностной системы, оставаясь высшими религиозно-духовными институтами общества, не должны превращаться

в единственный и все определяющий компонент нового мировоззрения.

Перейдем теперь к анализу другой важнейшей составляющей русской идеи — **общинного коллективизма**. Известно, что община практически перестала существовать еще столетие назад, а потому проблематичен ответ на вопрос — может ли коллективизм стать основой возрожденной российской идеи? Мы хорошо сознаем, какую приятную общественную атмосферу, какой психологический комфорт и уверенность в себе порождает укоренившееся в обществе чувство коллективизма. Напротив, встретив отчуждение, не получив необходимую моральную поддержку окружающих, человек нередко испытывает стресс. Однако, с другой стороны, также хорошо известно, что современные западные общества едва ли смогли бы добиться существенных экономических успехов, не культивируя они чувство индивидуализма, ведущее к постоянному противоборству и конкуренции с окружающими. *Акцент на личной инициативе и активности развивает рынок*. Между тем это известное со времен Макса Вебера и переходящее из книги в книгу суждение приобрело характер искажающего реальность мифа, и потому на нем стоит остановиться более подробно. Дело в том, что в действительности корреляция между рыночным успехом и коллективизмом-индивидуализмом оказывается не прямой, а весьма опосредованной.

Так, например, французские социологи показали, что богатые в этой стране, как правило, ведут себя солидарно, поддерживают друг друга, предпочитают сидеть рядом, брачных партнеров выбирают из собственной среды и это только помогает их успеху в бизнесе. Так что коллективизм — это качество, знакомое не одной только русской деревне. Более того, оказывается, что в обществах с разными культурными традициями

фактор индивидуализма по-разному влияет на экономические процессы. Например, в США его усиление способствует экономическому росту. Иначе в традиционно коллективистской Японии, где отношения внутри фирмы напоминают отношения внутри своеобразной большой семьи. Здесь главная забота работника — преуспевание компании. Принятый в коллектив человек приходит в него практически навсегда, уволить его — то же самое, что выгнать из дома. Зато и работают японцы ежедневно по 2—3 часа сверхурочно, дополнительно и бесплатно, лишь бы фирма процветала. Нетрудно заметить, что в подобном культурном пространстве рост индивидуализма, который фиксируется в Японии в последние годы, будет вести к снижению темпов ее экономического роста. Таким образом, распространенное у нас в результате некорректной экстраполяции идей М. Вебера мнение, что коллективизм и рынок несовместимы, — совершенно неверно. Отношения между этими двумя составляющими в разных культурах могут меняться на противоположные.

Вообще стоит хотя бы, так сказать, в первом приближении уточнить смысл самих исходных понятий «коллективизм» и «индивидуализм», ибо спор о том, что же нам ближе, часто связан с разным пониманием базовых терминов. При желании всякого человека можно считать индивидуалистом, а можно и коллективистом, поскольку каждый делает определенные части своего поведения доступными, обсуждаемыми для других, а на общественный просмотр иных сфер собственной активности накладывая жесткое табу. В некоторых культурах, традиционно воспринимаемых как индивидуалистические, табуированных для широкого обсуждения сфер оказывается больше, а в коллективистских — меньше, хотя возможны ситуации, при которых то, что табуировано коллективистской культурой, оказывается открытым в индивидуалистическом сообществе. По-

вот намерены обменяться обручальными кольцами. Случай исключительный, невероятный, поскольку понятия «крепкая семья» и «штази» кажутся несовместимыми. Так, Регина — опять же из архивов МГБ — выяснила, что отец, мать и сестра годами доносили на нее в «штази». Такого рода «семейный стукаческий подряд» в коммунистической Германии был широко распространен.

Только внутри ГДР у «штази», второй по значимости после КГБ спецслужбы «социалистического лагеря», было свыше 90 тысяч штатных сотрудников и 170 тысяч добровольных осведомителей. Ее численность в 15 раз превышала численность гитлеровского гестапо, в ее штаб-квартире имелись досье на несколько миллионов человек, полки ее сверхсекретного архива тянулись в длину на 180 километров. Ее «длинные руки» дотягивались до беглецов-диссидентов даже за океаном, ее спецкурсы прошли 2 тысячи человек из 15 стран мира, в том числе боевики из Анголы, Никарагуа, Занзибара, Йемена, исламисты, объявившие войну Израилю. Один из документов свидетельствует, например, о том, что в 1983 году Организация освобождения Палестины Ясира Арафата приобрела при посредничестве «штази» боеприпасов к автоматам советского производства АК-47 на сумму 1 877 600 долларов.

скольку всякий человек существует в обществе, можно схематически представить отдельного индивида как малую окружность, находящуюся внутри большой окружности (общества). В индивидуалистической системе радиус окружности, изображающей отдельного человека, будет большим (большее количество вопросов он решает самостоятельно), а в коллективистской — меньшим (здесь больше «личных» тем, которые открыты и обсуждаемы обществом).

Поскольку тоталитаризм стремился взять под контроль всю личную жизнь (в Северной Корее до сих пор запрещено занавешивать окна), постсоветское общество на какое-то время шатнулось в сторону индивидуализма.

Другая, крайне мрачная и редко комментируемая особенность советской жизни также свя-

«Известия».
11 июня 2003 г. зана с разрушением коллективизма. Речь идет

о практиковавшемся тоталитарной властью внедрении во все формальные коллективы платных «стукачей».

Трудно измерить масштабы невидимого социального стресса, пережитого советскими людьми в результате существовавшего тайного доносительства. Даже открытые сталинские репрессии не сделали общество в такой мере лишенным солидарности и разобщенным, как массовая инфильтрация платных доносчиков.

Указанные, а также иные действия вели к разрушению некогда весьма сплоченного российского общества. В начале 70-х годов XX века в наш язык вошла даже новая идиома — «это твои проблемы». Невозможно представить, чтобы так говорили современники Чехова и Толстого. Но теперь это стало нормой, атомизация общества продолжалась. С распадом СССР и отменой доносительства глубокая рана постепенно стала зарубцовываться. Теперь, в частности, в научно-гуманитарном сообществе регулярно проходят вполне свободные научные дискуссии, обсуждения, «круглые столы», которые были бы немислимы в обществе, напичканном тайными информаторами. Точно так же в парализованном доносительством социуме невозможно гарантировать соблюдение тайны исповеди и иных религиозных норм. Потому не может быть никакого прощения тем политикам, которые сегодня под предлогом борьбы с терроризмом вновь хотят возродить страшные времена сексотства.

И все-таки, несмотря на ряд отмеченных проблем, коллективизм вновь может и должен стать определяющей нормой нашей жизни. Насаждавшуюся в Советском Союзе пропаганду классово-борьбы и социальных противостояний должны заменить возвращаемые из истории принципы взаимопомощи и сотрудничества. Если немецкая философия видела *источник развития в антагонизме людей*, то русская философская традиция источник развития находила *в поиске объединяющего пути*. Как показал Достоевский, обособленный, замкнутый на самого себя ин-

дивид есть нравственная неправда. Наша соборность отражала известный принцип — спасение в одиночку, за счет других — невозможно. Спасти можно только коллективно. Этот императив оказывается вновь востребованным, в частности, в условиях глобального экологического кризиса. Но для того чтобы коллективизм возродился, необходима серьезная работа и определенные общественные изменения. Прежде всего, необходимо убрать те искусственные препоны, которые мешают проявлению гражданской солидарности. Общество спланирует единые идеалы и ценности, а именно с ними мы до сих пор не определились. Общество и власть оказываются вместе, когда отношения между ними открыты, понятны, прозрачны. Такая ситуация может возникнуть у нас только в будущем. И пока она не сформирована, общество будет солидарным против власти, а не вместе с ней.

Следует еще раз подчеркнуть, что между *людьми*, честно и, может быть, несколько наивно принимавшими «комидею», и *властью*, спекулировавшей и манипулировавшей этой идеей, существует невидимая пропасть. Вот уже 15 лет наше общество разрывают на коммунистов и демократов, потому что, разделив народ и столкнув друг с другом разные части целого, ими легче управлять. Но достаточно сформулировать несколько проверочно-тестирующих вопросов, чтобы стало ясно — это противостояние в своей основе искусственно. Задумаемся над несколькими несложными дилеммами. Кто выиграл от «либерализации цен» и «падения пирамиды ГКО» — коммунисты или демократы? Кто выиграл от Афганской или Чеченской войн? Кто зарабатывает на монетизации льгот? Ответ очевиден: ни рядовые коммунисты, ни рядовые демократы здесь ни при чем, предложенное деление ничего не проясняет, а вот **деление на народ и власть объясняет многое**. Именно такой

тип структурирования необходимо использовать при изучении советского прошлого. Анализируя процессы, происходившие в СССР, необходимо исследовать отдельно жертвы, подвиги, достижения народа и поведение власти.

Говоря о советском прошлом, нам все еще трудно извлечь из него окончательные уроки и расставить оценки, в частности, и потому, что раскрыта далеко не вся правда о нем. Правда сознательно скрывается. Как-то в прямом эфире я участвовал в дискуссии с внуком Л. Брежнева Юрием. Речь зашла о жертвах массовых сталинских репрессий, вновь был поставлен вопрос о том, что спустя 50 лет количество погибших официально так и не названо. «А оно и не будет названо, народу это знать не нужно», — спокойно ответил внук. Видимо, называемая учеными цифра в 40—50 млн погибших так пугает власти, что они по сей день не решаются ее признать. Но как можно дать адекватную оценку социальной системе, которая то ли погубила в два раза больше соотечественников, чем фашистское нашествие, то ли нет? Оценить можно лишь сам тот факт, что власть категорически отказывается назвать эту цифру. Разобраться в прошлом нынешняя власть мешает и потому, что постоянно переинтерпретирует и переоценивает одни и те же события и факты. Оценивать историю должен народ, интеллигенция, ученые-гуманитарии, их суждения должны быть основой для действий власти. У нас же до сих пор оценку заказывает и выставляет чиновничество, и эта оценка определяется не правдой жизни, а интересами бюрократии. Поэтому роль Сталина переоценивалась после Октябрьского переворота столько раз, сколько раз менялись группировки, стоящие у госруля.

Однако если мы не хотим быть отторгнутыми из мирового сообщества, если мы не хотим вновь жить по принципу «весь мир идет не в ногу, а мы в ногу»,

нам следует всерьез и по-настоящему разобраться в нашем недавнем прошлом. Проблема эта действительно и социально, и психологически очень сложная, глубокая, острая, потому что затрагивает интересы всех ныне здравствующих россиян, и не только россиян. Трагический парадокс ситуации состоит и в том, что люди, противостоявшие системе, пали, оценивают систему потомки тех, кто ее принял. Проблема настолько глубока, что ее не вправе решить никакой отдельно взятый лидер, политик или ученый. Ее может решить лишь все общество, а средством такого решения может стать **общероссийская гражданская дискуссия** о нашем прошлом, которая одновременно может превратиться и в покаяние, и в очищение, и в действенный способ социального сплочения.

Нечто подобное такой дискуссии происходит в Германии уже 50 лет. В 1947 году немецкий философ К. Ясперс прочитал лекцию и написал брошюру «Понятие вины», ставшую предметом общественного обсуждения. С середины 50-х годов в активную жизнь в Германии входило поколение немцев, воспитанных после войны. Они стремились разобраться в недавней трагедии, для чего и развернули широкие общественные дебаты, продолжающиеся по сей день. В истории не существует абсолютных гарантий против возврата к прошлым ошибкам, но если есть какой-то более-менее надежный механизм, то таковым, пожалуй, и является свободная гражданская дискуссия, из которой каждый участник делает самостоятельные выводы. Подлинные социальные революции свершаются не на митингах и не на баррикадах, а в душах и сознании людей. И только тогда, когда каждый сможет дать сознательную и самостоятельную оценку нашему недавнему прошлому, повторение исторических ошибок станет невозможным. Тогда и начнется действительное, глубинное возрождение России.

ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА, ВЕКТОР НАСТОЯЩЕГО

Определив свое отношение к идеям, сплотивавшим страну в прошлом, перейдем теперь к выстраиванию нового вектора ценностной системы. Следующая координата, дополняющая и продолжающая предыдущую, — это то, что сплотивает всех ныне живущих, это *интеграция в настоящем*. Очевидно, что всех нас, живущих в этой стране и вне ее, но связанных с Россией глубинно, объединяет язык. Но, увы, «что имеем — не храним». Во всяком случае, у нас получается именно так довольно часто. Хотя было бы разумно наряду с культом собственной истории аналогичный приоритет утвердить в отношении родного языка. С особым местом для него в системе образования, со специальным временем, особым вниманием к этой тематике на массовых каналах, с общероссийскими и региональными конкурсами и премиями.

Такой подход необходим потому, что язык представляет один из самых важных факторов самоидентификации. Социально-психологической нормой для человека является простая мысль — раз они говорят на чужом языке, значит, не наши, а если на моем — то свои. В любом новом государстве фактор языка всегда оказывается важнейшим. Так было в начале прошлого века при появлении независимой Норвегии, так происходило в середине прошлого столетия при образовании Израиля, так происходило в последние 10 лет в новых государствах СНГ и Балтии. Но в России повышенного внимания к родному языку в последние годы, к сожалению, не наблюдалось.

Если основание для физической, материальной деятельности — это земля, почва, то основа духовной, мыслительной, интеллектуальной активности — язык. Углубленный интерес к языку, к его этимологической, топонимической, сравнительно-лингвисти-

ческой сферам есть проникновение в самые основы культурной ориентации и идентификации. Такого плана исследования для нас сегодня очень актуальны и полезны. Если врач, пытаясь понять состояние человека, исследует его кровь, то философ, стремящийся понять состояние общества, должен анализировать язык.

Надо заметить, что языковые изменения, происходящие у нас в последние годы, достаточно противоречивы. Одна из явных и негативных тенденций состоит в том, что на смену советскому языку идеологического обмана и официальной *идеализации жизни* пришел язык вседозволенности, нецензурщины и *вульгаризации жизни*. Поначалу этот процесс был конечно же прямолинейной реакцией на советскую попытку ханжеской культурной стерилизации общества. Но позднее вульгаризм был подхвачен и растиражирован самими российскими СМИ, стал жить своей, так сказать, самостоятельной жизнью. Появился ряд модно-скандальных литераторов, журналистов, телевизионщиков, которые зарабатывают на этом свои очки и несут всю «реалити-правду» в народ.

Если внешне, следуя известному афоризму, «*ты — это то, что ты носишь*», то внутренне «*ты — это то, что ты говоришь*». Речь может быть чистой, а может — грязной, и пусть каждый решает сам, каким он хочет быть. При этом стоит помнить, что для Библии, в которой описано все многообразие жизни, хватило нормального литературного языка. Л.Н. Толстой в своем самом объемном сочинении — четырехтомной эпопее «Война и мир» — также очень многое рассказал о тайнах этого мира, но и здесь оказалось достаточным литературных норм. Только в конце романа, описав положение, в которое попал пошедший на Русь Наполеон, Толстой его заклеил — «мордой и в г...».

Другой и тоже малосимпатичной тенденцией постсоветских языковых изменений стало чрезмерно активное заимствование иностранных слов. Замечу, что в других культурах даже принятие слов, которые отсутствуют в родном языке, происходит далеко не всегда. Слово «космонавт» родилось в России, тогда как американцы называют своего космического летчика «астронавтом», а китайцы — «тейконавтом». В постсоветской России распространение иностранной, особенно политической, терминологии происходило со скоростью потопа. Первопричина этого процесса опять-таки в долгой изолированности, оторванности советского государства от остального мира. Открытие «железного занавеса» привело к тому, что, как сквозь прорванную плотину, в Россию хлынули теперь уже многократно раскритикованные электораты, консенсусы, брифинги и т.д. и т.п., хотя их русские аналоги возникли намного раньше. Желание сбросить «красноидеологическую» кожу было выше всех других желаний. Возможно, именно на это неестественное, детски незрелое состояние исцеляющегося общества отреагировал язык возникновением характерных идиом-паразитов «как бы» и противоположной ему — «на самом деле».

Между тем сильный, но не очень затянувшийся идеологический шок постепенно проходит. И ему на смену появляется новая, все более заметная позитивная тенденция. Начинается процесс самовоссоединения и преемства с исторической Россией. Поэтому у нас возрождаются Дума и губернаторы, градоначальники и управы. Возвращаются старые названия русских газет и журналов. В рекламе все чаще фигурирует наш Ъ. Надо сказать, что просуществовавший семь десятилетий идеологический барьер исчез довольно быстро, но последствия жесткого деления мира на две системы не снимаются в одночасье. И потому мы

теперь знаем, что наряду с просто окнами есть и «евроокна», возможен ремонт, но существует «евроремонт», один магазин торгует мебелью, а другой — «евромебелью». В Прибалтике кто-то из наших недавних соотечественников ввел даже термин «еврорусские». Подобная раздвоенность языка и мышления — явление понятное и временное. Главное — чтобы оно не затянулось надолго и чтобы, самовоссоединяясь со своим прошлым, Россия также сближалась со всем миром и, прежде всего, с нашими европейскими соседями.

Особо стоит сказать, что заимствование таких терминов, которые в родном языке отсутствуют, может быть весьма полезным. Кто же станет противиться введению в оборот слов «икебана», «караоке» или, скажем «лизинг», раз обозначаемых ими явлений у нас раньше не было. *Разумно* используя чужой опыт, мы, ничего не теряя, становимся немножко богаче.

Кстати, у соседей можно получить и еще один урок. Чувствительные к засорению родного языка пуристы активно работают во многих странах, в частности во Франции, в Германии, в Литве. Интересно, что в Париже в подвалах Национального банка хранятся не только золотые запасы страны, но и сотни тысяч карточек со словами родного языка, французы активно сопротивляются чрезмерному влиянию английской речи. В литовском Сейме действует специальная комиссия, которая отвечает за чистоту своего языка, депутаты могут подвергнуть штрафу редактора газеты за неоправданное заимствование иностранных слов. У нас осознание собственной культурной самооценности все еще занижено, поэтому газеты могут, например, разбавлять кириллицу латиницей, когда включают в текст названия иностранных фирм и компаний (правда, японские компании иероглифами пока не обозначают). Между тем я ни разу не встречал в периодике

(не в специальных изданиях) прародительский для нашего языка глаголический шрифт. Хотя в День письменности, в праздник Кирилла и Мефодия напечатать русский афоризм или поговорку глаголицей было бы вполне уместно.

Добавлю, что сближение с другими странами может и должно идти, в частности, через изучение их языков, но может происходить и через приобщение иностранцев к нашему языку. Начинаясь у нас процесс духовного возрождения должен сохранить русский язык не только в странах СНГ и Балтии, где он функционирует в основном в силу демографических факторов. Для того чтобы к нему возрастал интерес и других народов, нам самим необходимо беречь и ценить язык Достоевского и Чехова, Шукшина и Солженицына.

Другой важнейший фактор, выделяющий, идентифицирующий, объединяющий общество здесь и сейчас, фактор, который тесно связан с языком, — это **национальная принадлежность**. Национальный вопрос является в нашей стране столь же важным, сколь и острым. Накапливающийся в последние годы потенциал межэтнической напряженности опасно возрастает. Поэтому на национальной теме стоит остановиться несколько подробнее.

Изначально тезис, который затем я буду обосновывать, звучит так: **существующий в нашей стране тип федеративного устройства контрпродуктивен, он не способствует упрочению единства России и потому нуждается в изменении и преобразовании. Единое федеративное государство не должно иметь национально-территориальное деление, его деление может быть только территориальным**. Но прежде чем обосновать это суждение, нам потребуется проанализировать и с разных сторон рассмотреть понятие «нация».

ЧТО ТАКОЕ НАЦИЯ, МИРОВОЙ ОПЫТ

Посмотрим, как понимается нация на современном мусульманском Востоке. Последние десятилетия слова «ислам», «исламский фактор», «исламское влияние» звучат постоянно в разных контекстах и с разными интонациями. Здесь, в этой группе культур зародился новый социальный концепт — исламская умма. Речь идет о формирующейся исламской нации. Иначе говоря, в рамках данной цивилизации, нациеобразующим фактором является религиозная принадлежность. Всякий мусульманин, будь он гражданином Малайзии, Арабских Эмиратов или Пакистана, воспринимает себя принадлежащим к единой нации и хочет, чтобы так же к нему относились все остальные. Конечно, существуют определенные расхождения между суннитами, шиитами, ваххабитами, между ними возможны и порой возникают острые конфликты. Для нас важно другое — исламская умма находится в стадии формирования, а фактор, порождающий здесь нацию, — это ислам.

Теперь мысленно перенесемся с Востока на Запад, посмотрим, что называют нацией в Европе и Америке? Здесь нациеформирующие обстоятельства — гражданско-политические. Нация является прямой производной от государственной принадлежности. Общность языка и гражданства — вот что определяет национальность на Западе. Если у жителя Кубы, будь он **черным, желтым, белым или мулатом**, спросить, какова его национальность, он ответит — кубинец. Аналогичным образом поступит и гражданин США. Даже если он эмигрант в первом поколении и является выходцем из Филиппин, Египта или Мексики, на вопрос о национальности ответ будет одинаковым — американец. Впрочем, на уточняющий вопрос он пояснит, что американец, скажем, португальского происхождения.

Зафиксировав опыт Востока и Запада, обратимся к практике Организации Объединенных Наций, т.е. к той самой структуре, которая стремится из заготовок региональных практик создать сплав единого общечеловеческого опыта. Оказывается, что термин «нация» имеет для ООН фактически тот же смысл, что и в лексиконе большинства западных государств, нация — это согражданство, официальное подданство той или иной страны. В этом смысле национальность всех граждан Верхней Волты — верхневольтийская, а в Камбодже живут камбоджийцы; кхмеры, вьетнамцы, чамы — это просто этнические группы. Впрочем, к теме этносов мы еще вернемся.

ЧТО ТАКОЕ НАЦИЯ, РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Как мы помним, Русь формировалась в ходе *собирания земель*. Множество городов, появившихся в домонгольской Руси, стало причиной того, что проходившие через эти края скандинавы назвали нас Гардарики — страна городов. По названию больших городов назывались и прилегающие к ним территории — Новгородщина, Смоленщина, Московия. О том, что территориальное начало было у нас значимее этнического, говорит и другое важное обстоятельство. Как известно, все национальности в русском языке обозначаются именами существительными — чех, испанец, китаец, а самих себя у нас называют прилагательным — русский. С чем это связано? Изначально в формировании государства участвовало 14 различных племен — древяне, северяне, поляне, вятичи, кривичи, драговичи, и все они стали называть себя русскими, потому что страна называлась Русью, т.е. на Руси живут русские, как на Вологодщине — вологодские.

Подытоживая, можно сказать, что хотя термин «нация» вошел у нас в обиход, как и у других народов,

относительно недавно (а скажем, у поляков, и сейчас неупотребим), появившись он на тысячу лет раньше, мы вкладывали бы в его толкование то же понимание, которое принято сегодня на западе Европы. Нацию формирует государство, во Франции живут французы, а населявших Древнюю Русь православных принято называть русскими.

С началом собирания земель вокруг Москвы потерянные области вновь вошли в состав единого государства, а к XVIII веку столько разных народов и территорий приняло власть белого царя, что Петр I был провозглашен императором, а Русь преобразовалась в Российскую империю. Между тем и в империи, которую называли «семьей народов» (но никак не «тюрьмой» — это выдумка советских пропагандистов), межэтнических проблем, по существу, не было. Главными факторами социальной дифференциации были принадлежность к сословиям (дворянскому, купеческому и т.д.) и форма вероисповедания, принадлежность к той или иной конфессии, именно это отмечалось в паспорте. Причем православные жили в согласии с мусульманами, буддистами, иудеями, язычниками, и единству страны ничто не угрожало.

КОГДА И ПОЧЕМУ ПРОИЗОШЛИ ИЗМЕНЕНИЯ?

Столетие назад ситуация стала радикально меняться, а представления о нации существенно преобразились. В учебнике для гимназии «Отечественное», изданном в Москве в 1915 году, еще говорилось о великорусском племени и о многонародной (т.е. полиэтничной) стране, а термин «нация» не употреблялся вовсе. Но после февраля—октября 1917 года оказалось, что Россия — страна многонациональная, а «всякая нация имеет право на самоопределение вплоть до отделения». Особенно актуальным вопрос о нациях стал с началом Первой мировой войны. Провозглашаемое европейскими полити-

ками право наций на самоопределение было по Австро-Венгрии, Османской и Российской империям не менее основательно, чем вражеские снаряды.

И империи действительно распались, но вскоре после этого стало очевидно, что каждый из отколовшихся осколков этнически неоднороден, что в той же Австрии проживают словенцы, чехи, венгры. Позднее пришло осознание

того, что создать «этнически чистое» государство вообще невозможно. Как показывают математические расчеты, 14 поколений назад все жители планеты были родственниками. Мало того, что территория любого единого государства — это всегда земля проживания разных этнических меньшинств. Оказывается, что в каждом отдельном человеке смешаны разные этнические начала. И все-таки *национальный суверенитет* казался в начале прошедшего столетия (как и в конце его) делом приоритетным, и именно он радикально изменил формировавшийся столетиями облик Европы.

В ходе Первой мировой войны на свет появились географические карты, впервые изображавшие Россию не целостным государством, но федерацией, со-

Общий предок современных людей жил всего за 1500 лет до Рождества Христова на востоке Азии, уверены американские ученые. Дуглас Род и его коллеги из Массачусетского технологического института разработали компьютерную программу, которая позволила проследить миграцию и перемешивание обитателей разных уголков нашей планеты. В результате оказалось возможным определить, насколько сильны те или иные «фамильные» связи. Выяснилось, что общий предок человечества жил совсем недавно, всего за 1500 лет до Рождества Христова. И все мы были бы гораздо более близкими родственниками, если бы не океаны, буквально «разносившие» людей по свету. Так вычислили нашего общего предка. «Не имеет значения язык, на котором мы говорим, и цвет нашей кожи, у нас общие предки с теми, кто сажал рис по берегам Янцзы, кто приручал лошадей в степях Украины, охотился на гигантских ленивцев в Северной и Южной Америке, кто строил великие пирамиды», — говорит Род. По сообщениям агентства «Информнаука»

«Известия».

9 октября 2004 г.

стоящей из 10 национальных образований. Эти карты, подготовленные по заказу немецкого командования, были в 1916 году отпечатаны в Вене и в большом количестве забрасывались в российские окопы. Ну а в ходе порожденных войной революционных событий идея права наций на самоопределение стала, на короткое время, частью идеологических программ ведущих политических группировок. Одновременно изменилось содержание самого понятия «**нация**», теперь это уже не культурная общность на основе языка, государства и религии, но общность, порожденная кровью, объединение, имеющее биологическое происхождение. Иначе говоря, чтобы узнать, к какой национальности относится тот или иной человек, необходимо выяснить не его гражданство, а национальность его родителей, дедов, бабушек и т.д.

Вообще-то в Советском Союзе каждый школьник должен был знать определение нации, данное Сталиным, да, да, это про общность территории, языка, культуры, психического склада и экономического уклада (необходимо добавить еще общность национальной идеи!). Как видим, речь идет об определении, представляющем культурологический подход. Однако, как ни странно, на практике все сталкивались с биологической трактовкой нации, ибо при получении внутреннего паспорта национальную-идентичность необходимо было определять не по общности территории, а по национальности родителей. Здесь, впрочем, необходимо сделать важное уточнение. Дело в том, что в СССР наряду с существованием наций декларировалось существование *новой исторической общности* — советского народа. Эта идеологическая лазейка позволяла находить общее у жителей разных союзных и автономных республик, у тех, кто проживал в национальных округах и автономных областях, ибо все они объявлялись советскими людьми.

ОШИБКА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

И вот наступает 1991 год! Исчезает «комидеология», а с ней и миф о советском народе. Однако возникшая на обломках СССР Российская Федерация опять воспроизводит обанкротившее Советский Союз национально-территориальное деление. В состав современной России входит 89 субъектов Федерации, из которых более двадцати — автономные национальные образования. И это при том, что русских в России в процентном отношении больше, чем евреев в Израиле! В известном смысле новая ситуация оказывается хуже предыдущей, ибо исчез даже фиговый листок «*новой исторической общности*», кое-как прикрывавший межэтнические проблемы и спланивавший «советское многонациональное государство».

О том, что структуры такого рода крайне неустойчивы, ясно не только из прошлого, но и из настоящего. Ведь *именно этнический раскол является острейшей проблемой для бывшей союзной республики Грузии. Целостность небольшого государства, включающего три национальные автономии — Аджарию, Абхазию и Южную Осетию, висит теперь на волоске.*

Но вернемся еще раз к практикующемуся у нас биологическому (по крови) пониманию нации. Какие проблемы оно порождает, в чем его минусы? Основные недостатки назвать несложно. Один из главных заключается в том, что деление людей по крови делает почти невозможной их глубинную интеграцию. Ведь социальное вырастает на биологическом, а из разных основ не вырастет сходное. Утверждая кровное понимание национальности, мы закладываем мину под собственное государство. К тому же против нашей целостности действует международная норма о праве наций на самоопределение. И тот, кто представляет Россию многонациональной, рано или поздно может поставить вопрос о праве этих наций.

Пора наконец всем нам понять, что сама по себе биологическая концепция нации заводит в тупик и ничего не объясняет. Трудно считать русских нацией в чисто биологическом смысле, ибо, как уже отмечалось, их предшественники — 14 различных этнических групп, у которых, в свою очередь, также есть предшественники. Сегодня об этом мало кто помнит, и парадокс заключается в том, что в большинстве семей знают лишь два-три поколения предков. Как же тогда отстаивать идею нации как крови?!

Если все же подходить биологически, возникает бездна нелепостей. Становится непонятным, кем считать создателя великой русской литературы — Пушкина (потомка эфиопского фалаша)? Кем были Суворов (потомок армян), Кутузов (среди предков были татары), Даль, Циолковский, Достоевский? Русскими не были Рюриковичи и все российские императоры после Петра I. Биологический подход, как уже отмечалось, не действует на обширных территориях, в крупных городах и заведомо полиэтничных мегаполисах, где, собственно, и формируются современные ценности и идеи.

ГДЕ ИСКАТЬ РЕШЕНИЕ?

Противоречия снимаются, если вернуться к пониманию нации, существовавшему у нас до 1917 года и практикуемому сегодня в большинстве стран мира. Наша страна может осуществить преемство с исторической Россией и в этом важном вопросе. Если нация — это порождение государства и языка, то **в России живут россияне**. Понятно, что этот тезис не станет достоянием общественного сознания в один момент, к нему надо постепенно и продуманно приближаться. При этом необходимо учитывать, что национальные чувства, как показывают социологи и психологи, являются самыми

ранимыми, самыми хрупкими. Началом движения к новому пониманию может стать *открытая научная*, а затем широкая *гражданская дискуссия*, демократическое аргументированное обсуждение проблемы. Без политической воли властей решение такой масштабной задачи также невозможно, впрочем, последние уже открыто демонстрируют свою готовность.

Естественно, возникает вопрос: а как быть существующим у нас нациям — чувашам, мордве, удмуртам и другим, ведь их присутствие не выдумка и не миф! На практике это и есть самый сложный вопрос — необходимы разъяснения и дискуссии, хотя теоретически он прост, стоит **перестать называть этнос нацией**. Наша страна конечно же является полиэтничной, у нас лишь формируется единая российская нация. В основе этноса лежат реальные биопсихические особенности. Этнические особенности нелепо отменять и невозможно игнорировать, их необходимо учитывать. Но их не следует превращать в главный социально дифференцирующий фактор. Речь ни при каких обстоятельствах не должна идти об ограничении культурно-этнических интересов и особенностей, но не следует их и гипертрофировать, переводить в плоскость гражданско-политическую.

Задача состоит в том, чтобы углублять осознание реально существующей общероссийской общности, общероссийской идентичности, чтобы достраивать региональное на крепком и общем для всех российском знаменателе. То, что объединяет всех граждан страны, более значимо, чем этнические различия. При этом культурные права каждого этноса должны быть максимально удовлетворены. Если у этнической группы есть своя письменность, то на ней должна выходить литература, а если эта письменность и язык достаточно развиты и распространены, то возможно и обучение, и соответствующее теле- и радиовещание, и т.д. При этом все

гражданские и политические права у всех граждан России должны быть совершенно одинаковыми, будь то татары, живущие в Башкирии, татары, живущие в Татариин, русские, живущие в Адыгее, или этнические калмыки, живущие вне Калмыкии... Таким образом, постепенно будет формироваться единая нация — нация россиян. И начинать действовать в этом направлении надо не через 100 лет.

Это сближение, как одна из тенденций, происходит уже сейчас. Пора ее сделать основной! Если в начале такого процесса разные граждане осознают себя как тувинцы, татары, ненцы, то позднее — как российские тувинцы, российские ненцы. А идентификационные категории «русский» и «россиянин» останутся, наверное, на многие столетия, а может быть — навсегда.

Соответственно национальные образования, существующие на территории России, должны сохраниться, но постепенно трансформироваться в области, где этнические группы имеют гарантированные собственные культурные права и равные со всеми права гражданско-политические. Повторю, при предлагаемом подходе так называемые **национальные республики, созданные в Советском Союзе 50—70 лет назад, не упраздняются, но преобразуются в обычные территориальные образования, а живущие в них этносы сохраняют все свои культурные возможности.** Россия, с ее огромными пространствами и значительной региональной спецификой, преобразуется в федерацию земель. Этнические, социокультурные особенности должны учитываться не только на территориях отменяемых (?) «национальных республик», но и вне их, особенно в крупных городах, мегаполисах, что, кстати, фактически происходит в столице, да и не только в столице. Вам кажется это нереальным? Тогда объясните, почему на западе континента 25 стран смогли образовать Евросоюз и пойти по пути постепенного создания новой общ-

ности, почему на востоке возникает умма, а в существующем многие столетия едином государстве дальнейшая интеграция неосуществима?

В Югославии времен Тито было шесть национальных республик, но уже в конце 70-х годов XX века десятки тысяч граждан страны писали в паспортах в графе «национальность» не серб и не хорват, а югослав. Увы, пройти путь консолидации до конца эта страна не успела. Тем не менее надо осознать, что **когда этносы превращаются в нации — начинаются войны, но когда разные нации и этносы создают новую нацию — утверждается мир!** Формирование единой российской нации — наша общая стратегическая задача.

ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА, ВЕКТОР БУДУЩЕГО

Построив два интегрирующих вектора — прошлого и настоящего, можем ли мы теперь начинать движение вперед? Прозорливый читатель готов задать вопрос с подковыркой — если вновь двигаться на прежней основе, не придем ли мы к тому же кризису, к которому и без того пришли, не занимаясь долгими рефлексиями? Конечно же необходимо признать что ценностей, соединяющих нас в социальном пространстве, спланивающих прошлое и настоящее, еще недостаточно для успешного движения вперед. Линейное время, в котором мы живем, изначально предполагает открытость и су-

Нельзя забывать, что экономически доступными у нас являются всего 20–25% лесов. Что будет с остальными?

Прежде чем писать новый закон, следует разработать и широко обсудить его концепцию.

Для сравнения. Один из мировых лесных лидеров — Финляндия до 1930 года жила по Своду Устава Лесного Российской империи, основные положения которого остались и в последнем Лесном законе этой страны, принятом в 1994 году

**Вадим ИЛЬИН, профессор
Санкт-Петербургской
лесотехнической академии
[iva_ita@fromru.com]**

«Известия».
11 февраля 2004 г.

ществование будущего как неизвестности. Поэтому нам необходим третий ценностный вектор, ведущий из настоящего в будущее, он должен добавить к уже собранному те правила, которых не было в нашем предыдущем опыте.

Между тем, переходя к этой плоскости анализа, мы сталкиваемся с принципиально новой проблемой. В самом начале книги я подчеркнул, что новая система ценностей выводится из нашей собственной истории и культуры, субъективизм — совершенно лишний компонент, когда речь заходит о проблемах общенационального, исторического масштаба. Однако необходимо иметь в виду и другой аргумент. Если мы постоянно будем искать ответы на все проблемы только в собственной истории и только в собственном прошлом, будем учиться только на своих ошибках, мы исчерпаем себя раньше тех социумов, которые открыты к чужому опыту, мы не сможем ответить на вызовы нового времени. Сегодня нам необходимо не только сделать стратегический вывод из российской истории и преодолеть последствия социокультурного разрыва. Важно восстановить свою идентичность с учетом изменений, произошедших внутри и вне страны за период социалистического эксперимента. Поэтому нам необходимо учесть опыт других, особенно успешно продвигавшихся вперед культур.

Уже несколько раз мы обращались к **проблеме права**. Действительно, в дооктябрьской России правовое регулирование не носило первостепенный характер. Тогдашнее общество регулировалось в первую очередь нравственными и религиозными нормами. Но уже во второй половине XIX века правовая востребованность стала очевидной. Законодательные реформы Александра II, переход к думской монархии в начале прошлого столетия вывели Россию на путь становления правового государства. Западные ценности оказывались все более зна-

чимыми для бурно развивающейся реформируемой страны. Однако события, начавшиеся в 1917 году, вырвали наше государство из цивилизованного правового пространства, и до сих пор мы в него так и не вернулись. На сегодня и на завтра задача утверждения в России правовых норм останется в числе самых актуальных.

В стране уже давно необходимо иметь четкое и реальное разделение властей, демократическую выборность законодательной власти, гарантированную законом свободу слова. Социальные противоречия мы должны разрешать на основании закона, одинакового для всех. Перечисленные компоненты, которые и раскрывают понятие «правовое государство», следует определенным образом пояснить и прокомментировать. Надо иметь в виду, что в само понятие «закон» часто вкладывается разный смысл. Закон — это совсем не обязательно всякий документ, подписанный высокопоставленным начальником. Власти во времена Гитлера и Сталина действовали на основании отпечатанных текстов со штампами и подписями, но это были самые неправовые государства в новейшей европейской истории. Законно такое уложение, какое является результатом гражданского согласия, которое в максимально возможной степени учитывает интересы различных социальных групп. Процесс формирования таких групп и, прежде всего, сляя собственников у нас не завершен или носит асоциальную направленность. Это обстоятельство является первичным фактором нестабильности и неправового характера отношений, существующих в нынешней России.

Как найти выход из этого состояния — теоретически более-менее понятно. Если речь идет об экономике, необходимо объявить амнистию собственникам, чьи предприятия нормально функционируют, т.е. приносят доход, дают рабочие места, платят налоги. В ином случае собственность может быть национализирована.

Госдума на пленарном заседании в пятницу примет в третьем, окончательном, чтении изменения в три базовых закона о земле — речь идет о безвозмездной передаче основным религиозным конфессиям земли под храмами, учебными учреждениями и другими, принадлежащими церквям зданиями. Срок безвозмездного пользования землей депутаты по согласованию с конфессиями определили так: «на срок существования религиозной организации».

«Известия».
24 сентября 2004 г.

(У нас происходит обратный процесс — наиболее прозрачная и доходная компания «ЮКОС» лишается своих эффективных хозяйств и управленцев.) Та же часть госсобственности, которую еще предстоит приватизировать, долж-

жна проходить эту процедуру таким образом, чтобы в результате образовался настоящий рынок и конкуренция. Этой цели можно достичь через **действительное** создание *разных типов собственности*. Часть промышленных объектов может принадлежать трудовым коллективам (в «капиталистических» Западной Европе и Северной Америке эффективно функционирует 150 тыс. подобных предприятий). У другой части предприятий появятся персональные владельцы. Что-то уйдет по реституции. (Реституция церкви фактически уже произошла, на очереди — мемориалы, усадьбы, культурно-исторические памятники.) Правильные и действенные законы должны сделать привлекательным для внешних инвесторов и выгодным для государства появление иностранных собственников, концессий и свободных экономических зон. Наконец, самые важные стратегические объекты должны принадлежать государству.

Говоря о становлении правовых норм, невозможно обойти проблему легитимности самого постсоветского государства. Против действующих способов легитимации действуют два взаимосвязанных фактора. Я уже

говорил о сомнительности практикуемой у нас формы выборов, а в более широком плане — о том, что вся законодательная

Свою оценку литовские политики уже сделали — специальная комиссия подсчитала: Россия в качестве правопреемницы СССР должна Литве 20 миллиардов долларов.

«Известия».
22 октября 2004 г.

деятельность последнего десятилетия обесценена, так как работа этой ветви власти не приблизила государство к статусу правового. Переходу в правовое поле принципиально мешает и другое существенное обстоятельство — нынешняя Россия, как известно, официально объявлена правопреемницей Советского Союза. Но у преемника нелегитимного, тоталитарного государства неизбежно возникают проблемы с легитимностью. Кроме всего прочего, трудно говорить о действительном правопреемстве в ситуации, когда произошел отказ не только от формально действовавшей старой Конституции, от советов, от советского флага и герба, а также от результатов общенародного референдума, проведенного в марте 1991 года. Конституция 1993 года продолжила и закрепила отход от советской идентичности.

В этой связи надо признать, что нынешнее государственное устройство является в правовом отношении промежуточным, переходным и объективно неустойчивым. Быть продолжателем исчерпавшей себя советской системы невозможно. Начинать строительство принципиально новой системы управления после тысячи лет российской государственности — в высшей степени неразумно. Выход состоит в том, чтобы в максимально возможной мере восстановить правопреемство с Российской империей, соединив таким образом досоветскую и постсоветскую эпохи и преодолев советскую неправовую практику. Разработка программы подобного преобразования — это серьезная теоретичес-

кая задача. Сегодня ее решением самостоятельно занимается целый ряд ученых — юристов, историков, философов, входящих в возникшую десятилетие назад неформальную научную школу «Преемство».

Поясню теперь и конкретизирую некоторые положения концепции правопреемства и практики утверждения правовых норм. В нашем общественном мнении распространена точка зрения, согласно которой законы необходимо постоянно и часто обновлять, так сказать регулярно «осовременивать». На самом деле в действующих законодательствах многих стран можно видеть совершенно противоположную картину. Ценны те законы, которые стабильны и неизменны. Например, действующий в нынешней Германии закон о земле был разработан семь десятилетий назад, во времена Третьего рейха. И это вовсе не рекорд, а скорее норма. В Японии действует Уголовный кодекс, принятый в 1907 году. В Финляндии успешно функционирует Лесное уложение, основой которого остается Лесное уложение Российской империи. Наследственное, банковское, семейное и иные виды права во многих странах сохраняются в своей основе неизменными 100, 150 и более лет. В этом контексте правопреемство с законодательством исторической России там, где это уместно, может стать важным и эффективным фактором становления правового государства в нынешней России, как и способом восстановления российской идентичности.

Говоря об утверждении правовых норм, учитывая, что всякое человеческое сообщество продуцирует и добро, и зло, необходимо сознавать, что последнее может эффективно удаляться только правильно функционирующим правовым механизмом. Отсутствие нормального правового регулирования, его замена псевдоправом, правовые пробелы, отказ от применения права в долж-

ных случаях — все это порождает множество негативных последствий. Не остановленное законом зло порождает зло снова и снова. Подтвердить это можно множеством примеров, напомним лишь мрачную историю ма-ньяка Чикатило. Газеты рассказывали о нем подробно, но так и не удосужились сообщить, что в канун сталинской коллективизации, во время искусственного голодомора зимы 1932/33 года на глазах у ребенка был съеден его брат. За организованный властями массовый голод к юридической ответственности никто привлечен не был. И когда ребенок повзрослел, он сам стал в патологически неадекватной форме мстить за пережитый в детстве кошмар. Вот и получается, что чем скорее мы восстановим правовые нормы, — а с несправедливостью люди встречались и в послевоенное время, и в период перестройки, и в годы так называемой демократизации, — тем менее криминализированным и более здоровым будет наше общество.

Между тем, говоря о необходимости и востребованности справедливого правоприменения, следует все-таки ограничить его место и не переоценивать его возможности в сравнении с моральным регулированием. Связывая и сопоставляя два эти способа приспособления людей к миру и друг к другу, можно сказать, что в некотором смысле первым неправовым актом и был переход к правовому государству. Дело в том, что правовые положения всегда трактуются и интерпретируются не обществом, а властью. Поэтому даже в образцово-правовом государстве — США — практически невозможно выиграть иск против самого государства. Кроме того, прав или не прав истец — ответ на этот, казалось бы, несложный вопрос в руках юристов не всегда оказывается очевидным. Уходят месяцы и годы, прежде чем специально подготовленный суд выносит решение, нередко — странное, часто — неожиданное и непонятное. А вот моральные оценки каждый способен выставить

самостоятельно, безо всяких интерпретаторов. Свет морали проясняет, как правило, любую ситуацию быстро и четко. Он все ясно расставляет на свои места. В этом смысле право не отменяет, а лишь дополняет мораль в наиболее сложных, запутанных ситуациях.

Анализируя ценности, которые уже сформированы и опробованы другими успешными сообществами, нам следует также подумать о нормах, которые являются принципиально новыми, так сказать, новыми для всех. Вектор будущего не может быть полным без учета новой проблематики, получившей название *экологической*. Теперь уже хорошо осознано, что результатом индустриально-хозяйственной деятельности человека всегда оказывается не только производство товаров и услуг, но и производство, причем **на порядок большее**, отходов и загрязнений. В то, что в результате такой деятельности еще до конца нынешнего столетия могут исчезнуть обеспечивающие жизнь воздух и пресная вода, сегодня верится с трудом. Но еще сложнее найти эффективное, практически реализуемое решение экологических проблем.

В список предлагаемых к реализации программ входят ресурсо- и энергосберегающие технологии, нанотехнологии и ряд других инновационных подходов. Но начинать все-таки стоит с себя, с изменения собственного мышления и существующей системы ценностей. И такой подход сегодня тоже предложен, хотя в разных странах его называют по-разному — экологизм, неогуманизм, неоязычество. Суть его состоит в следующем. Традиционная мораль — это регулятор отношений *между личностью и обществом*. Но в меняющейся ситуации сферу действия морали следует расширить, отношение *человека к природе* также должно регулироваться соответствующими этическими правилами. О чем, по сути, идет речь?

До сих пор все еще принято возводить довольно жесткую границу между человеком и природой — все во имя человека, человек — царь природы, мир отдан человеку в услужение. Но если взглянуть современным взглядом на модель единого мироздания древних язычников, окажется, что в ней есть глубокие и весьма актуальные идеи. Рассматривая окружающую природу через призму экологического кризиса, мы вправе заключить, что существуют не только единая ноосфера и биосфера. В этом мире вообще нет ничего абсолютно неживого, все в той или иной мере оказывается одушевленным, все предстает как часть целого, и человека правильнее понимать не как царя, а как частицу природы. Говоря словами средневекового философа Томаса Аквинского, рядом растет не просто дерево, а братец-дерево, там, в лесу, я встретил не просто гранитный монолит, а братец-камень. Мысль о глубокой целостности существующего вернулась к нам из дохристианских времен, она была узловой для язычества и возвращается в русскую культуру с начала XX века. Об этом чеховская «Чайка», арсеньевский «Дерсу Узала».

Если идея единства человека и природы формируется с детства, точнее, все дети изначально относятся к окружающему миру как к живому, если это отношение будет хотя бы отчасти сохраняться и дальше, кто же станет разрушать природу, вырубать леса, нарушать естественное течение рек? Нельзя же чувствовать себя комфортно, видя спиленное дерево, но разве можно не чувствовать себя счастливым при виде распутившихся зеленых листьев, при виде цветущей яблони? Воспитание и самовоспитание в духе живой целостности мира работало бы на сохранение природы не менее эффективно, чем многие новые технологические решения. Вместе с историей и языком здесь обнаруживается еще один информационно-образовательный приоритет.

Выявляя содержание вектора будущего, необходимо исходить из того, что он должен быть открытым, готовым к изменениям во времени.

ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА, ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИДЕЯ

И вот наконец древо возрождаемых ценностей в основном сформировано. Осталась нерассмотренной и не вписанной в новую систему принципов последняя составляющая русской идеи — принцип собирания земель. Напомним, что уже в XIX веке Россия начала переход от количественного роста к качественному, но выполнение этого исторического маневра сопровождали беспрецедентные по масштабу сложности и противодействия. Процесс обустройства был прерван и сорван в послеоктябрьское время. Но возвращение к собиранию земель в советском варианте оказалось не просто непомерно дорогим, потраченные ресурсы были потрачены впустую. Более того, противоестественная, необоснованная экспансия разорвала и обессилила само агрессивное советское государство.

И теперь, уже с осознанным историческим опозданием, надо признать — **стратегию собирания земель Россия должна сменить на философию обустройства, философию качественного развития.** Наша страна должна осознанно войти в третью эпоху своей истории. Определив надежный центр, пройдя путь собирания земель, необходимо наконец перейти к их активному освоению. *И никакой экспансии, слово «война» должно быть запрещено Конституцией, понятия «агрессия», «превентивные удары» не должны употребляться в российском политическом лексиконе.* Время собирать камни пришло еще 100 лет назад, и если мы сейчас не начнем этого делать, можем и вовсе не успеть. Пытаться в нынешнем кризисном состоянии вести войны и захваты невозможно, ибо, как справедливо замечает А. Солженицын,

«русский вопрос стоит (теперь. — И. Ч.) очень недвусмысленно: быть нашему народу или не быть» (Россия в обвале. М., 1998. С. 243).

Тот, кто не готов с этим согласиться, пусть посмотрит вокруг и заглянет в прошлое. Какой мощный дух экспансионизма был в прежние времена у наших скандинавских соседей — предков нынешних датчан и шведов. Но они вовремя остановились, направили энергию на внутреннее обустройство. 200 лет без войны сделали Швецию богатой и обеспеченной страной. Сегодня у нас, пожалуй, последняя возможность вернуться на исторически оправданный путь.

РОССИЯ ПРОТИВ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ КАСПИЯ

Спецпредставитель президента России по Каспию Виктор Калюжный вчера заявил, что для России неприемлема демилитаризация Каспийского моря. «Чтобы на Каспии был мир, мы должны быть боееспособными. Россия и другие государства должны располагать современными Вооруженными силами, способными противостоять агрессии, особенно со стороны международного терроризма», — сказал Калюжный.

«Известия».

10 сентября 2003 г.

Принятие идеи качественного роста как стратегической означает переход к глубинным, фундаментальным преобразованиям. *Изменения должны затронуть внешнюю политику.* В последние 15 лет она была противоречивой и непоследовательной. Расширение НАТО на Восток порождено множеством причин, но одна из главных — неуверенность и опасения наших ближайших западных соседей из-за неясной политики Москвы. Достаточно напомнить, что российский МИД уже не раз угрожал странам Балтии экономической блокадой. Трудно даже представить, какие ощущения могли возникнуть в России, окажись ситуация зеркальной. Провозглашение Севастополя русским городом и конфликт

вокруг Тузлы, перенос пограничных столбов на российско-грузинской границе, призыв вымыть сапоги в Индийском океане, угрозы нанести ракетные удары по Афганистану, некорректная вовлеченность в выборы в Украине и Абхазии — все это звенья одной цепи, которая связывает по рукам нас самих. Демонстрация военных мускулов необязательна даже для самых богатых и экономически развитых государств. Более того, некоторые из них потому и добились успеха, что продолжительное время жестко ограничивали свои оборонные расходы и численность воинских формирований (так поступали в Японии и в ФРГ).

Геополитический интерес России, исходя из *принципа обустройства*, состоит в том, чтобы ни от кого не отгораживаться и не создавать себе врагов. Устанавливать взаимовыгодные отношения необходимо со всеми, кто на такие отношения способен, прежде всего с прямыми, ближайшими соседями. При этом надо помнить, что, конечно, не все наши соседи одинаково миролюбивы. Поэтому такая огромная страна, как Россия, должна иметь надежную армию, но армию защиты и обороны, а не нападения. Военные расходы не должны непрерывно увеличиваться, как это происходит в последние годы, они вообще не должны возрастать до тех пор, пока в армии не произойдут позитивные изменения и пока не прекратится бегство молодежи от призыва. После долгих и достаточно острых дискуссий Россия, с одной стороны, отказалась от конфронтации с расширяющейся организацией НАТО, с другой стороны, не проявила намерений туда вступать. Именно такая позиция соответствует концепции обустройства. Было бы полезно иметь договоренность с НАТО о сосуществовании и мирном сотрудничестве, но такие же соглашения полезно иметь и со всеми другими соседями, прежде всего с Китаем. *Стратегия* качественного роста должна сочетаться с продуманной

и гибкой *тактикой*, но эти вопросы уже выходят за рамки философского анализа.

Переход к стратегии обустройства также предполагает серьезные изменения внутри страны. Государственная машина должна быть радикально преобразована, а это невыполнимо без изменений, о которых мы уже говорили, — чиновничество должно перейти из режима работы на себя к режиму работы для общества. Государство обязано отказаться от финансового подавления граждан. Оно должно перейти к созданию условий, при которых каждый конкретный человек почувствует себя уверенно и свободно. В экономике качественный рост предполагает два типа проектов. Часть промышленности, наиболее успешная, имеющая серьезный задел, должна развиваться по принципу узкой специализации. Наиболее продвинутые отрасли экономики, выходящие на уровень мировых стандартов, должны выйти на мировые рынки и твердо занять там ведущие позиции. Однако делать все лучше всех в принципе невозможно. Поэтому узкая специализация должна быть дополнена созданием правовых и финансовых предпосылок для массового производства дешевых товаров среднего качества. От нынешних управленцев напрямую зависит, сможет ли Россия вытеснить со своих внутренних рынков иностранных производителей товаров среднего и особенно низкого качества. Власть, постоянно обирающая собственных труженников, должна была бы, как минимум, действовать по

**Академик
Владимир АРНОЛЬД:**

**«Вся
математика
в России
стоит
1/10 танка»**

*«Новая газета».
9—15 февраля 2004 г.*

Отношение нашего государства к нашей биотехнологии понятно из беседы нашего Президента с нашим Народом на телемосту в декабре 2003: "Мы практически не пользуемся геной инженерией. И вот сейчас мы знаем, сколько проблем с этим. У нас этих проблем, слава богу, пока нет". Так есть ли свет в конце тоннеля? Есть, хотя не такой сияющий, как хотелось бы.

Когда-то все наши достижения сравнивали с двумя точками: 1913 годом и "догнать-и-перегнать-Америкой". Вместо 1913 года придется использовать начало 1980-х. Сравнить себя со Штатами и другими развитыми странами не хочется, но придется. В СССР на науку тратилось 7% ВВП, а в России в последние лет 10 - от 0.3 до 0.5%. По данным, приведенным в декабрьском (2004) номере "В мире науки", на биотехнологию Россия тратит в год СОРОК МИЛЛИОНОВ долларов в год по сравнению с американскими СТА МИЛЛИАРДАМИ. Доля России в мировом производстве биотехнологической промышленности снизилась с 5% в 1980 до 0.17% в 2000, а в абсолютном выражении - с \$1.5 до \$0.4 млрд.

*Александр Чубелко. «Washington profile».
28 декабря 2004 г.*

принципу «если нечего дать — дай свободу». Но сегодня и это не происходит. Нам еще предстоит упразднить искусственно раздутый чиновничий контроль. Страну способен поднять малый и средний бизнес, который сейчас находится в угнетенном состоянии. Что же касается сельского хозяйства, то здесь вообще отсутствует сколько-нибудь вразумительная государственная стратегия. Поэтому аграрному сектору фактически необходимо вернуться к столыпинской реформе, продолжить и завершить ее.

Переход к обустройству означает смену приоритетов в государственном бюджете. Народные средства необходимо в первую очередь расходовать на здравоохранение, образование, науку, культуру, коммуникации, строительство, новые информационные и иные технологии, на новые производства, защиту окружающей среды и лишь в последнюю очередь — на увеличение зарплаты чиновничества и запросы силовиков. Необходимо создать условия, при которых капитал не будет уезжать из страны, а захочет в нее вернуться, условия, при которых самый дорогой капитал — граждане России, ученые, писатели, актеры и музыканты, выпускники вузов, молодые специалисты перестанут покидать страну, а те, кто уехали, захотят вернуться домой. Даже Индия и Китай, страны с невысоким уровнем жизни, смогли экономическими рычагами остановить «утечку

мозгов» и создать условия для их возвращения на родину. Таковую же задачу должна решить и Россия.

Страна должна широко открыть свои двери для разумно направляемой миграции. Но и собственная демографическая стратегия должна обеспечить прирост населения, а не его убытие. В отдельные периоды, например во время борьбы Горбачева с пьянством, такой рост происходил. В отдельных регионах такой прирост происходит и сейчас. Поэтому миф о неизбежном сокращении населения России иначе как вредоносным и злонамеренным назвать нельзя. В этом вопросе очень многое зависит от демографической политики, которая в последние годы оставалась антисоциальной. Создание атмосферы обустройства — это требование, которое должны услышать все управленческие звенья.

Переход к обустройству невозможен без изменений в российском менталитете. Уместны требования к властям, но необходимы и определенные новые требования к самим себе. В советские десятилетия у нас была сформирована психология временщиков. Сегодня общей характеристикой ныне живущих должно стать осознание того, что мы работаем на века, мы поднимаем и передаем страну будущим поколениям. Нам никуда не надо бежать, мы обустроиваем свой дом, и пусть наш дом станет нашим храмом.

Переход к обустройству будет означать, что противостояние западничества и славянофильства оказывается наконец снятым и преодоленным. Первые, устремлявшие со времен Чаадаева свои восторженные взгляды на другую половину Европы, в сущности, стремились воспроизвести в России ценности культур отлаженных, упорядоченных, перешедших к обустройству на столетие раньше нас. Славянофилы со времен Аксакова ценили не только теплоту и душевность россиян, но и такую организацию нашей жизни, которая обеспечивала тра-

диционную готовность к личному самопожертвованию, к расширению и присоединению новых земель. Сегодня эта программа «перевыполнена», нам нужны не новые штыки, а новые идеи, технологии, товары. Пришло время для синтеза славянофильства и западничества, который должен выразиться в сохранении и обустройстве того, что уже собрано. Ориентации на качественное развитие соответствует стремление перенести часть столичных функций в Санкт-Петербург. Присоединение западных земель конечно же невозможно, но акцент на ориентацию и сближение с Западом через частичное «восстановление прав» второй столицы было бы делом разумным.

Обустройством у нас занимались всегда, и в советское, и в досоветское время, но это дело не было основным. Огромный потенциал империи позволял концентрировать не только военную мощь, но часть ресурсов направлять на создание великого культурного, духовного, интеллектуального наследия. Не случайно самые большие и богатые музеи мира, например Эрмитаж, — у нас, самые крупные научные центры — у нас, самые большие и лучшие театры, библиотеки — тоже у нас. Обустройство надо продолжить. Гоголевский образ Руси как птицы-тройки, неведомо куда летящей, сменил образ «совдепии», как горящего бронепоезда, которому «некуда больше бежать», из песни Гребенщикова. И теперь, чтобы возродить Россию, нам **надо вернуться домой.**

Этот поезд в огне,
И нам не на что больше жать.
Этот поезд в огне,
И нам некуда больше бежать.

Земля лежит в ржавчине,
Церкви смешались с золой.
Если мы хотим вернуться,
Время вернуться домой.

Если мы перейдем к обустройству страны, мы действительно сможем восстановить и укрепить собственную идентичность. 500 лет наши предки искали надежный центр, 500 лет продолжалось собирание земель. Обустройство потребует не меньших усилий и энергии, а осуществив его, мы сможем думать о других этапах и периодах, мы сможем больше помогать и поддерживать других. Но уже сейчас экспансия наших идей, культуры, технологий должна исключить экспансию силы.

Переход к обустройству должен изменить не только внутреннюю и внешнюю политику, он не только повлияет на российский менталитет. Стратегия обустройства предполагает востребованность еще одной стратегической ценности, которая называется «демократия». Задачу экспансии и присоединения новых территорий всякое общество может решить успешно в условиях единоначалия и самодисциплины. Когда американские поселенцы осваивали Дикий Запад, они не устраивали у индейцев референдумы и свободные выборы, они брали в руки ружья и силой захватывали новые территории. Но когда исчезает единая, всепоглощающая и объединяющая всех цель, выясняется, что общество состоит из разных слоев и групп, интересы которых различны и совпадают лишь в самых общих точках. Переход к обустройству делает социально востребованными демократические нормы и правила. Это время пришло теперь и в Россию. Качественное развитие страны, определившей свою идентичность, может быть успешным только в условиях свободной гражданской дискуссии, в условиях действия законности, свободных выборов и демократических начал.

Очевидные особенности и плюсы этой ценностной координаты заключаются в том, что лишь в условиях свободы каждый человек может себя полностью выразить и убедиться в никчемности тоталитарных и иных неправоммерно навязываемых обществу идей. Справедли-

во и более общее заключение: свобода выражения своих взглядов, свободное обсуждение — необходимые и обязательные компоненты эффективной проверки не только адресованных обществу политических программ, но любых философских, научных, правовых и иных проектов, затрагивающих социальные отношения.

Между тем, говоря о свободе, необходимо исходить из важной философской констатации: ее социокультурная значимость противоречива до парадоксальности. В условиях сужающейся свободы ее ценность представляется безмерной, в условиях расширения демократии легко заметить принципиальные слабости и ограниченность этого способа организации общества. Если навязываемые властями ограничения на поведение человека никто не переносит спокойно, правомерен и другой вопрос — все ли, что заложено в человеке, все ли, что таится в глубинах его сознания и подсознания, должно прямо и беспрепятственно публично выражаться? Внешние запреты человек рано или поздно взрывает, но может ли он обойтись без внутренних самоограничений? К обсуждению этой проблемы я и хочу сейчас перейти.

Анализ проблемы свободы предварю еще одним пояснением. Переход к обустройству ведет к воссоединению России с западноевропейским социокультурным временем, к формированию единого общеевропейского времени. Такое воссоединение делает возможным и полезным рассмотрение проблемы свободы уже не в чисто российском, а в общеевропейском контексте. Итоговый сюжет данного исследования имеет и другую сверхцель. Методология всего представленного исследования, как было отмечено в самом начале, — *идейно-идентификационный анализ*, т.е. выявление фундаментальных идей, лежащих в основе социальных общнос-

тей, и исследование социально-исторического процесса через фильтр этих базовых идей. Возникает вопрос — применим ли этот метод только к анализу российского социума, или речь идет о достаточно универсальной методологии, способной прояснить смысл изменений, происходящих в иных социальных сообществах? Автор исходит из того, что идейно-идентификационный анализ — метод не региональный, а универсальный. Краткое рассмотрение европейской истории, к которому мы теперь переходим, позволит подтвердить это суждение. Итак, наша заключительная тема —

ИДЕЯ СВОБОДЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Что предшествовало становлению свободы? Идея христианского Бога как центра социальной вселенной

Зададимся вопросом: какой была система фундаментальных идей-нормативов западной цивилизации с начала нашего летосчисления, т.е. с периода утверждения христианства и до середины XIX века? Ответ достаточно очевиден — эта система строилась на идее Бога, Бог был мерой всех вещей и отношений. Иммануила Канта, как известно, изумляли два чуда — звездное небо над головой и нравственный закон в душе. Но оба эти чуда восходят к единому Богу. Ибо *мир сотворен Творцом*, а десять *моральных заповедей* освящены Библией. *Правовые нормы* тоже имеют божественное происхождение, ведь первые законники — понтифики и жрецы, а в суде искренность показаний подтверждается клятвой на Библии. *Политические системы* европейских государств представляли собой различные модификации монархического устройства, а монархия сохранялась столетиями потому, что первое лицо государства — не обычный подданный, но «помазанник Божий». *Здравый смысл*, еще один регулятор, пронизывал поговорки, где

все сюжеты так или иначе восходили к представлениям о Боге. В *искусстве* библейские сюжеты долгое время были единственными или преобладающими. Во всей многоплановой системе общественного сознания лишь связь между наукой и религией оказывалась более сложной, опосредованной и непрозрачной.

С конца XIX столетия западный мир перешел к **пострелигиозной системе ориентации и адаптации**, особенности которой мы проанализируем чуть позже. А сейчас сравним плюсы и минусы христианского проекта. Первое и, пожалуй, главное преимущество подобной системы — ее *устойчивость, удивительная для современного человека стабильность, способность к самосохранению*. Более полутора тысяч лет мир оставался достаточно гармоничным, сбалансированным и в то же время *постепенно, плавно, неспешно развивающимся*. Развитие затрагивало производство, экономику, сферу культуры, образования, здравоохранения. *Относительно* (подчеркнем это слово, ибо сравнение происходит не с неким идеальным оптимумом, но просто с современными нормами) невысокий уровень жизни — одна из главных характеристик той эпохи. Впрочем, массовой смертности от голода, как правило, не бывало. (Она типична, скорее, для нашего времени огромной поляризации, когда существуют миллионеры и миллиардеры, но каждый пятый житель планеты ложится спать голодным.) Правда, тогда случались периодические эпидемии, — эффективные средства борьбы с холерой, оспой, чумой были созданы лишь сто—сто пятьдесят лет назад.

Если графически представить маршрут, пройденный западным сообществом с момента утверждения христианства и до середины XIX века, я бы прочертил длинную, непрерывную, плавно и постепенно поднимающуюся линию, идущую слева направо.

Посмотрим, что было дальше.

Тоталитаризм или попытка заменить Бога человеко-богом

Конец теперь уже позапрошлого века был для Европы временем радикальной смены идей. Ф. Достоевский и Ф. Ницше одновременно почувствовали приближающийся кризис христианства. Правда, при этом русский мыслитель сокрушался, ибо если Бога нет, то все дозволено, а немецкий философ был полон оптимизма, ведь «гибель богов» — это распад ограничивающей индивида старой морали, это рождение новой, свободной личности.

Отказ от системообразующей роли христианской идеи породил ценностный вакуум, который заполнился очень быстро, но не очень удачно. Главной европейской идеей стала неведомая в прежней истории **идея тоталитарного вождя**, который все знает, все может и указаниям которого все обязаны следовать. **Место Бога в секуляризирующихся обществах занял человеко-бог**, обретавший в разных странах национально окрашенную форму — фюрера, дуче, каудильо. История европейского тоталитаризма еще свежа в памяти, многие (хотя далеко не все) ее аспекты хорошо исследованы и проанализированы. Главные особенности такого мироустройства сводятся к следующему. *Подобная система претендует на абсолютное упорядочение и рационализацию жизни, на исключение всякого хаоса и отклонений.* Вождь легитимирует свою власть тем, что утверждает познанность законов истории, от имени которых он действует. (Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Фюрер признается главным толкователем догматов, на его долю выпадает также ведение непрерывной борьбы за их чистоту.) Мораль, право, здравый смысл — все в таком государстве оказывается производным и основанным на идее, провозглашаемой самим вождем.

Подобный способ социальной организации действительно ведет к определенной упорядоченности

жизни. Странники Сталина обоснованно вспоминают реальные плюсы старой системы — снижение цен, устранение детской беспризорности, преступности, отсутствие наркомании, проституции... Рядовые сталинисты справедливо отстаивают идею порядка в государстве, но при этом не замечают другого. Тоталитарная идея оказалась крайне нестабильной, краткосрочной и, выражаясь языком современного рынка, сверхдорогостоящей, ибо для ее поддержания требовались огромные материальные ресурсы и неизвестные прежней истории массовые человеческие жертвоприношения.

Так происходило потому, что эпоха фюреризма непременно оказывалась эпохой агрессии и войны. Ведь вождь провозглашает себя человеком всезнающим и понимающим, как должен быть устроен этот мир. Зная, где находится «светлое будущее», он обязан ввести туда все человечество, почему-то вовсе к такому будущему не стремящееся. Другой генератор агрессии приводится в действие тайным комплексом неполноценности, как правило, присущим существу, вознесенному на вершину власти. Объявив себя «высшим», но не являясь таковым в действительности, фюрер должен устранять тех, кто ему не верит, с ним не согласен, кто талантливее его. Так начинается внешняя и внутренняя война (в Советской России вторая оказалась гораздо более кровавой, чем первая, в Германии получилось наоборот). Что дальше?

Мировая война 1939—1945 годов, а это в первую очередь война Сталина и Гитлера, не могла не закончиться чьей-то победой. Советский Союз победил и в результате на 50 лет законсервировал у себя ту систему, которую разрушил на западе континента. Победитель не знает, как много он потерял. Плодами победы воспользовался не он, и лишь полтора десятилетия назад восточный блок начал переходить к де-

мократии и свободе. (Конечно, стоит уточнить, что война для руководителей государства и для воюющего народа — вещи разные, миллионы Матросовых, Талалихиных, Гастелло стремились спасти своих близких, свои дома, свою землю, а не какие-то идеологические догматы.)

Свобода как результат разочарования во всем, кроме самого себя

Религиозный кризис, дополненный кризисом вожизма, привел людей к полному разочарованию в авторитетах. Верить оказалось некому и рассчитывать пришлось лишь на самого себя. В условиях кризиса всех ценностей главной становится идея *свободы*, т.е. отказ от всяких внешних, не созвучных с собственными настроениями и желаниями норм. История российской свободы заметно короче свободы западной, но, может быть, поэтому она оказывается более насыщенной и поучительной.

Мы и раньше догадывались, что сломать тоталитаризм может лишь человек свободный. Надо было только собрать стотысячный митинг и гаркнуть в микрофон, что король — т.е. власть, КПСС, политбюро — голый. И после десятка-другого подобных акций король в действительности притворился мертвым. *В отказе от внешних, фальшивых правил роль свободы бесценна.* Но неземной восторг от полной свободы, сохранявшийся недолгое время, затем начал плавно растворяться. Утверждение свободы порождало новые, совершенно неожиданные проблемы.

Одно из базисных затруднений связано со следующим обстоятельством: *всякая нормальная социокультурная система имеет разноуровневое, сложное иерархическое строение. Свободное перескакивание с одного уровня на другой, их смешение порождают деструктивные результаты вплоть до разрушения самого исходного образования.* Это только в обычной многоэтажке можно переселиться

с пятого этажа в равноценную квартиру на десятом этаже, при этом ничего не выиграв и не потеряв. Своеобразная многоэтажная система, которую представляет собой человеческое общество, устроена совсем по-другому.

Поясним этот философский тезис конкретными примерами. Каждый из нас является на свет принадлежащим к определенному полу — мужскому или женскому. Каждый чувствует себя свободно и естественно в том гендерном пространстве, в которое его поместила природа. Комплекса несвободы ни у мужчин, ни у женщин не возникает. (О смене пола здесь говорить не стоит, это другая тема.) Причем ни до, ни после рождения никто не тянул жребий, не принимал осознанное решение о принадлежности к определенному полу, решение принималось без нас.

Другой пример. Тысячу лет назад Киевская Русь сделала свой религиозный выбор, восточные славяне приняли православие. С тех пор из поколения в поколение передавалось правило предков — новорожденного младенца следует нести в церковь и крестить. Никто не дожидался его совершеннолетия, призыва в армию или вступления в брак. Никто вообще не задавал никому никаких вопросов. Но проблем со свободой выбора и здесь не возникало. Точно так же никому не приходит в голову определять на референдуме свой язык, этничность, имя или фамилию. И никто не говорит в этой связи о каких-то нарушениях прав человека. Почему? Да потому, что явно или неявно люди признают — **выбор природы делает природа, выбор народа принадлежит народу, а выбор некоей большой социальной группы в руках этой группы, и негоже все эти права присваивать отдельному индивиду.** Абсолютизация свободы или, иначе, супериндивидуализм, т.е. необоснованное вмешательство человека в чужую сферу, в чужой уровень-этаж компетенции, действует разрушительно на социальные связи и на общество в целом.

«Свободен ли ваш выбор?» — такой вопрос задают во время бракосочетания, и он вполне уместен, семья — дело личное. Семья — это тот «этаж», на котором человек обоснованно поселяется по своему личному, суверенному праву. Но если объявлять человека абсолютно свободным, если наделять его правом решать за всех — и за историю, и за нацию, и за природу, и за космос, — это означает в то же время возлагать на него непомерный груз ответственности, хотя этот груз, как ни странно, не всегда и не всеми осознается. Более того, свободный человек в принципе не может быть избавлен от груза ответственности, но, не замечая этого, он фактически, в неявной форме, перекладывает свою ношу на плечи более широких общностей, за ошибки одного расплачиваются многие другие. В итоге абсолютизация свободы превращается в тоталитаризм наизнанку, ибо оказывается неправомерным присвоением индивидом чужих прав. Нормальное поведение должно быть совсем иным: когда правомерный выбор сделан, подчеркну, выбор сознательный, свободный, одобренный большим сообществом, у отдельного человека появляется не право, а культурно-цивилизационная обязанность этот выбор сохранять, защищать и поддерживать.

Проанализируем теперь совсем иную принципиальную сложность, порождаемую абсолютизацией свободы. Объявив себя совершенно свободным, человек тем самым объявляет излишним весь предшествующий человеческий опыт. За свою историю прежние поколения что-то поняли, к чему-то пришли, что-то осознали. Но свободный человек ставит себя выше всех этих достижений, он действует, отменяя все сложившиеся культурные нормативы, превращая себя таким образом фактически в нового дикаря.

Отменив вековые правила и табу, индивид снимает запреты также и со своих собственных глубинных

страстей и инстинктов. А эти инстинкты хорошо известны и исследованы З. Фрейдом — эрос и танатос, удовольствие и разрушение. Свободный человек выпускает на волю, не окультуривая, не оцивилизовывая, свою агрессию и эротику. Нетрудно ответить на вопрос, насколько упрощающий, но хорошо проясняющий рассматриваемую ситуацию: что выберет свободный телезритель, если по одному каналу ему предлагают беседу о творчестве Достоевского, а по другому демонстрируют «группенсекс»? Снизить нормы и нравы куда проще, чем их возвышать, ибо это соответствует естественной природе и противоречит искусственной культуре. Под горку всегда легче, чем в горку. И свободное телевидение превращается в мощную машину социальной деградации: больше насилия — больше аудитория, выше рейтинг, дороже реклама, солидней дивиденды, еще больше аудитория, еще больше дивиденды и т.д. Человека можно не только специально спаивать, но и целенаправленно оболванивать, для этого необходима только свобода. К тому же подобное оболванивание воспринимается молодым, неискушенным и неопытным зрителем как нечто привлекательное и заманчивое. «Бери от жизни все», «Райское наслаждение», «Два удовольствия в одном», — слышим мы очаровывающие женские голоса.

На обложках журналов не увидеть новых моралистов, проповедников, интеллигентов и интеллектуалов, зато глянцевого Клаудий Шифер и Михаэлей Шумахеров — хоть отбавляй. И все это в то самое время, когда экстремизм, экология, история в целом бросают все новые и новые вызовы.

Подробно проанализировав ситуацию вокруг свободы, мы вправе сделать столь же значимые выводы относительно всяческого авторитаризма. Ровно те же проблемы, которые порождает абсолютизация свободы, порождает и абсолютизация или преувеличение

какой-либо социальной группой ее властных полномочий. Авторитаризм точно так же вызывает сбой и противоестественное перемешивание уровней ответственности, собственно, он в этом и заключается. А отсюда — деградация общественных нравов, слом вековых традиций, правовых и нравственных норм. Кроме того, наделение властвующей группой себя повышенными правами за счет других всегда сопровождается социальной деградацией самой этой группы и ее авторитарных руководителей. Узники сталинских лагерей еще имели шанс восстановить себя, выйдя на свободу, деградация охранников оказывалась, как правило, необратимой.

Итак, анализ проблем, порождаемых ориентацией на свободу, показывает их глубину и значимость. Получается, что необходимая обустроивающемуся обществу демократия может, как ни странно, породить те же проблемы, что и антисоциальные, авторитарные режимы. Описанные противоречия представляют один из самых главных вызовов, поставленных XX столетием перед столетием XXI.

Баланс плюсов и минусов системы, построенной на свободном выборе, подсчитать не сложно. Небывалый прежде рост достатка, материального благополучия, сказочный уровень потребления сопровождается разрушением природы и изменением климата, исчезновением многих видов животных и растений, истощением природных ресурсов. Абсолютизация гедонизма и обожествление денег ведут к массовой наркомании, росту преступности и торговли оружием, сексуальным эпидемиям, распаду семьи, деградации новых поколений. Вечные метарегуляторы — мораль, право, здравый смысл, искусство — с потерей Бога теряют фундамент, расшатываются или превращаются в антирегуляторы. Возможность устойчивого существования социальной системы, абсолютизирующей идею свободы, представ-

ляется весьма сомнительной. А извечные российские вопросы *что делать* и *кто виноват* дополняются вопросом для всех — *что дальше?* И если графически изобразить путь, пройденный западным сообществом с конца XIX века до наших дней, эпоха безбожеского, тоталитарного и свободного времени должна предстать истерически мечущейся вверх-вниз ломаной линией, ибо одни показатели необычайно подскочили при резком снижении других, прежде стабильных и неизменных. И все это дополняется ускорением социального времени, ускорением смены знаков и значений происходящих событий.

Возникает закономерный вопрос — можно ли сделать так, чтобы свобода действовала во благо и не действовала во зло? Может быть, идею свободы следует чем-то дополнить, с чем-то скоординировать? Представим себе семью, жившую в России или в каком-то другом уголке Европы столетие назад. Ее уклад, в сравнении с нынешней ситуацией, предполагал существование множества серьезных, разноуровневых регламентов и ограничений. Чтобы выжить, нужно было иметь много детей, которые, едва подрастая, тут же, вместе со взрослыми, включались в общую работу. А когда родители старели, дети, кроме прочего, становились своеобразной «живой пенсией». Все вместе должны были постоянно ткать ткань, вязать шерсть, шить одежду, выращивать зерно, картофель, выпасать скот, ставить дом. Ни пьянства, ни наркомании, ни аморализма здесь быть не могло, для этого просто не было ни культурного времени, ни культурного пространства.

Однако, выйдя из мира жесткой необходимости, мы зачастую не можем найти ей разумной и органичной замены. В результате общество попало в зависимость от свободы, иначе говоря, от собственных праздных слабостей и страстей. Эту проблему основательно исследовали и описали русские писатели-деревенщи-

ки. В селе вся жизнь проходит на виду: как вы работали и где вы ночевали — известно всему миру-общине. Шукшин и пытался понять, что происходит с парнем, вышагнувшим из деревни в большой город, где жизнь становится анонимной, свободной и никому не подконтрольной. Однако с исчезновением этого литературного направления — теперь в моде постмодерн, который социально значимые вопросы не задает, — становится ясно, что проблемы сельских жителей, описанные В. Шукшиным, В. Распутиным, Ф. Абрамовым, это на самом деле проблемы всей западной цивилизации XX–XXI веков. Сохранит ли она себя под грузом свободы, не окажется ли такая система саморазрушающейся? Вопросы звучат все острее, ибо внутреннее давление на систему непрерывно увеличивается, хотя и явно недостаточно осознается. Правительства и политические партии озабочены слабым внешним отзвуком разрушительного внутреннего недуга — ударами религиозного фундаментализма. Повторю, что исламский терроризм порожден не столько экстремизмом Востока, сколько аморализмом и глубинной несостоятельностью Запада.

Если авторитаризм, воздействуя извне, разрушает сложную многослойную ткань социокультурной системы, то неограниченная свобода, действуя изнутри, также ведет к самораспаду и деиерархизации социума. Человек несвободный, скованный по рукам и ногам, у которого болит все тело, вряд ли может вести себя адекватно. Но человеку абсолютно свободному и ничем не ограниченному, нигде и никогда не испытывающему чувство боли, правильно ориентироваться в окружающем мире будет тоже крайне сложно. Вернемся к вопросу — существуют ли органичные стабилизаторы, способные сохранить и укрепить нормальную ценностную систему? Разбросанные на поверхности земли железные предметы легко подхватывает,

вздывает вверх, не сгибая и не деформируя их, кран-электромагнит. Может ли такой магнит появиться в современном обществе?

Ответ почти очевиден — история и культура, включающая мораль, право, искусство, традиции, и является магнитом, выстраивающим правильную иерархию. Но такой ответ необходимо дополнить обязательным условием — речь должна идти о культуре возвышающей, ориентированной на высшие позитивные ценности. Иначе говоря, в России и на Западе в целом остро востребована культура, противостоящая контр- и антикультуре, направленная на высшие, говоря традиционно, религиозно-божественные ценности. Культура нуждается в надежном устойчивом фундаменте и в высшей спланированной идее, которой до эпохи атеизма была христианская идея. Без такого начала мир деградирует и рассыпается. Сфера позитивной культуры должна получить, как минимум, настоящую поддержку государства. Здесь должны проводиться конкурсы, фестивали, распределяться премии и гранты. Здесь необходимы радикальные налоговые послабления. Культуру эроса и танатоса нелепо и контрпродуктивно запрещать. Просто она должна занять причитающееся ей место, не выходить на первый план и не рассчитывать на господствующую. Если вернуться к теме бюджетных приоритетов, можно сказать, что государственные расходы следует направлять на поддержку и рекламу классического искусства, положительно ориентированной культуры и, конечно, фундаментальной науки.

Мы вновь возвращаемся к главной проблеме — проблеме кризиса веры. Позитивная культура без базиса напоминает «облако в штанах», кружащееся вокруг воздушного замка. Есть ли у этого парадокса решение, возможно ли преодоление кризиса веры — это и есть главная проблема нашего времени и тема уже другого исследования. Выскажу по этому поводу лишь несколь-

ко соображений. Вообще, когда у человека пропадают деньги или машина, он сразу понимает, что произошло, что он потерял и что следует предпринимать, чтобы вернуть пропажу. Когда уходит Бог, требуется, как показывает новейшая история, немало времени, чтобы осознать происшедшее. Еще труднее понять и предусмотреть все возможные последствия. Но, видимо, самое сложное в этом процессе — возвращение к вере, новое обретение высших начал.

Во времена язычества у каждого племени было свое священное животное или растение, которому древние поклонялись и которое выполняло роль высшего начала. Население планеты, в сравнении с нынешним, было невелико, и, так сказать, «разноверящие» племена сталкивались и пересекались не часто. С ростом населения учащались и межплеменные столкновения, которые оказывалось крайне трудно регулировать, ведь у каждой группы людей был свой божок. Тогда и начали формироваться великие мировые религии, постепенно объединившие большие массы людей. Племенное устройство сменило новое, цивилизационное, строение мира. Язычество уходило в прошлое.

Но наступил XX, а затем и XXI век. Сложилась качественно новая ситуация, мир вошел в эпоху глобализации, т.е. не межплеменных, не внутрицивилизационных, но межцивилизационных контактов и конфликтов. Наступила эпоха столкновения мировых религий. И теперь, в новой ситуации, становится востребованной единая, общечеловеческая система идей и ценностей. Когда-то о едином Боге размышлял еще Пифагор. Но будут ли его идеи услышаны, окажемся ли мы не глупее наших предков, сумевших заменить язычество мировыми религиями? Сможем ли мы сделать следующий шаг, удастся ли нам обрести Иисуса, Магомета и Будду в одном лице — этот вопрос остается столь же актуальным, сколь и открытым.

Вернемся к проблеме российской идентичности и подытожим наши рассуждения. Мы видим, что свобода есть результат разочарования во всем, кроме самого себя. А разочаровавшись и в самих себе, но желая сохранить свободу, мы можем это сделать, лишь дополнив ее высшими, позитивными ценностями, дополнив свободу высшей духовностью и нравственностью. Духовность вновь становится главным ориентиром возрожденной российской системы ценностей. Путь, который ведет к восстановлению нашей идентичности, к самовоссоединению с русской идеей, к утверждению возрожденной и реформированной российской идеи и преодолению глобального кризиса, — это, предельно кратко, путь от православия, собирания земель и общинного коллективизма — к **историзму, духовности, обустройству и демократии.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще недавно бушевавшие у нас споры о том, что лучше — дешевая колбаса при коммунистах или высокие цены при демократах, в последнее время затихли. Большинство пришло к выводу, что советские времена были получше постсоветских. Но есть и иное, предлагаемое в этой книге решение. Оно состоит в самовоссоединении с исторической Россией, в восстановлении подлинной российской идентичности. Лишь вслед за таким самоисцелением могут быть решены и остальные наши проблемы. И такие преобразования должны произойти, ведь наш народный символ — ванька-встанька, сколько его не вали, он все равно собирается с силой и поднимается на ноги.

Забежим оптимистически вперед и представим, что проделанные здесь рассуждения и идеи уже стали частью общественного сознания и нашей социальной практики. Что дальше? Следующий шаг — изучение нового опыта Запада и всего остального мира, использование открытий, сделанных другими. При этом применять их нужно, не слепо копируя, а пропуская через собственный «идентификационный фильтр», прививая на свою основу. Это принципиально важно, потому что задача заключается не в растворении себя в чужом, а в приумножении и обогащении собственных идей и начал.

Критическое отношение к чужому опыту необходимо не только для того, чтобы сохранить собственную идентичность. Нельзя не видеть, что не только

Россия, но и Запад, а в значительной мере и Восток тоже находятся в неустойчивом состоянии идентификационных трансформаций.

Даже применив западный и мировой опыт, мы вновь вернемся теперь уже к общечеловеческой, глобальной проблеме поиска новых стратегических ценностей и идей. И здесь надо признать, что главная проблема прошедшего столетия, которая начинает осознаваться в столетии нынешнем, — это вовсе не борьба коммунизма с капитализмом, не погоня за сверхприбылью, это даже не противостояние демократии и авторитаризма и тем более не трагикомичное противостояние мировому терроризму. **Главная задача времени — возрождение утраченных устойчивых, высших социальных, духовных начал.**

Мир не сможет устойчиво спланироваться вокруг или против семи-восьми индустриальных государств-гигантов; он не будет выстраиваться по антиглобалистскому принципу (хотя в этом есть и рациональное зерно) и уж тем более не будет дружно грести веслами глобализации. Все эти ориентиры — либо частные, либо внутренне противоречивые и спорные. Миру жизненно необходимы устойчивые, позитивные, высшие начала. Спасет мир тот, кто, извлекая положительный опыт из прошлого, сможет эти начала утвердить. И тогда остальные устремятся не на Запад и не на Восток. Тот, кто станет духовным центром, станет новым мировым полюсом, вокруг которого и происходит мировая история.

Святая Русь — образ ушедшего прошлого. Мы никогда не были так далеки от положительных нравственно-духовных начал, как теперь. Удастся ли нам пройти через полисистемный кризис и смыть мутный слой коррумпированных властолюбцев? У России такая возможность существует. Это *не более*, но и *не менее*, чем возможность.

Москва. Июль 2004 — январь 2005

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Результаты социологического опроса проведенного по просьбе автора агентством «Башкирова и партнеры».

Россия, Москва, 119019, ул. Новый Арбат, д. 21

Тел: +7095 787-75-94 (многоканальный)

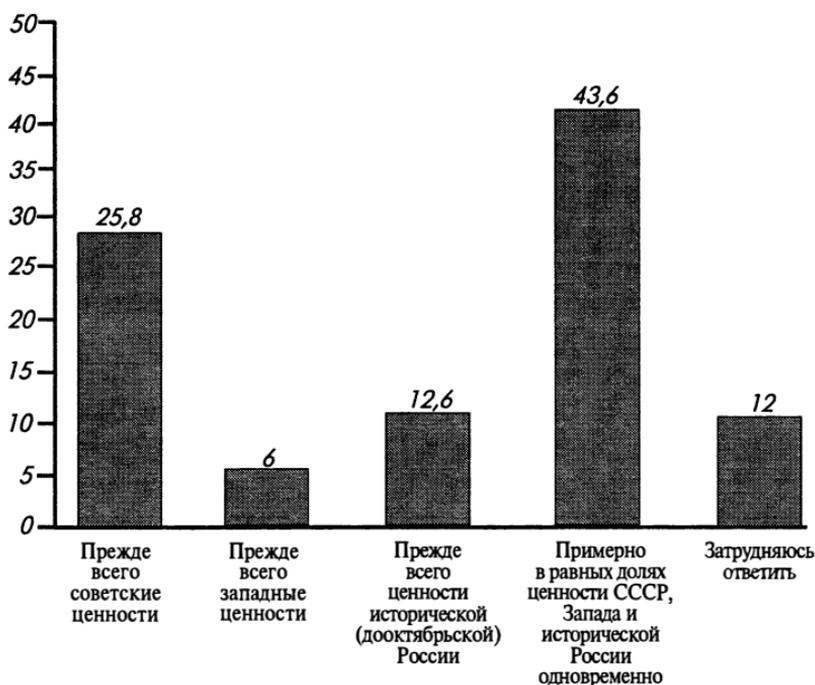
E-mail: info@bashkirova-partners.ru

Web: www.bashkirova-partners.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

Опрос проведен в январе 2005 года по московской репрезентативной выборке взрослого населения. Всего опрошено 500 москвичей в возрасте от 18 лет и старше.

Участникам исследования было предложено ответить на вопрос: **в основе нынешних российских правил и ценностей, в основе современной российской идентичности должны быть** (в % от числа опрошенных):

СЕНСАЦИЯ

Когда рукопись книги уже была закончена и издательство завершало работу по подготовке текста к печати, в Москве вышел журнал «Профиль» № 9 от 14 марта 2005 года.

В номере опубликовано интервью журналистки Натальи Корнелюк с проживающим сейчас в Праге историком Збынеком Земаном. В зарубежных источниках, в работах известных писателей, в русской дооктябрьской периодике многие и прежде сталкивались с мнением, что большевики получали финансовую поддержку от немецких властей.

В интервью в «Профиле» впервые в современном российском издании Земан рассказывает о том, каким образом он получил доступ к документам немецкого МИДа, как впервые прочитал «Меморандум Парвуса» — план свержения царской власти в России, попавший в немецкий архив в марте 1915 года. Более 40 лет о его существовании только догадывались. В 1958 году Земан опубликовал этот и другие документы в Германии.

Сам Александр Парвус родился в Витебске в 1867 году. В 1886 году он уехал на учебу в Швейцарию, затем перебрался в Германию, в 1916 году получил австрийское гражданство. Парвус ненавидел царизм и фактически встал на сторону немецкого Генштаба, по своим политическим воззрениям он был социалистом и использовал все возможности для оказания помощи русским большевикам. С 1915 года Александр стал фактическим посредником между немец-

кими властями и российскими революционерами. В ходе подготовки к февральско-октябрьским событиям 1917 года Германия через Парвуса передала российским радикалам в общей сложности приблизительно 60 миллионов немецких марок.

Обо всем этом, со ссылкой на архивные документы, З. Земан рассказал журналу «Профиль». Изложенная в данной книге концепция разделенности нашей страны во времени получила тем самым важные дополнительные историко-архивные документальные подтверждения.

КОММЕНТАРИИ К КАРТАМ

I. Историческая карта расширения границ России со времен Ивана Грозного.

Воспроизведенная на 1—2 страницах форзаца карта расширения границ подготовлена генерал-лейтенантом русской армии М.А. Терентьевым и опубликована в его книге «Карты и планы к истории завоевания Средней Азии», изданной в типо-литографии В.В. Комарова в Санкт-Петербурге в 1906 году.

II. Приблизительная карта-схема утраты и изменения территории СССР — России в XX веке.

Пояснения

1. Обозначает территории, потерянные в результате Октябрьской революции и Гражданской войны (Финляндия, Польша).

2. Обозначает территории, переданные Советским правительством Турции вскоре после утверждения советской власти в Закавказье (Южная Грузия и Южная Армения).

3. Обозначает территории, потерянные после русско-японской войны 1904—1905 годов и возвращенные после победы Советского Союза в войне с Японией в 1945 году (Южный Сахалин и Курилы).

4. Обозначает территории, потерянные в результате Октябрьской революции и Гражданской войны, вновь присоединенные в 1940 году и вновь потерянные в результате распада СССР (Эстония, Латвия, Литва).

5. Обозначает территории, присоединенные к СССР в 1940 году и вновь утраченные в связи с распадом СССР (Бессарабия, Северная Буковина, Западная Белоруссия¹, Западная Украина).

6. Обозначает территорию, присоединенную к СССР (УССР) в 1945 году и потерянную в связи с выходом Украины из состава СССР (Закарпатская Украина).

7. Обозначает территории, вошедшие в состав СССР—РСФСР в 1944—1945 годах (Республика Тыва, Калининградская область, район Печенга, южная часть Мурманской области и Лоухский район Карелии, юго-западный район Карелии и западная часть Ленинградской области).

8. Обозначает территории, потерянные в связи с распадом СССР в 1991 году (одиннадцать бывших Союзных республик: Белоруссия¹, Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан).

9. Острова, включенные в состав СССР в результате победы Советского Союза в войне с Японией в 1945 году.

Подобная карта-схема составляется впервые, она носит приблизительный характер, некоторые территориальные изменения на ней не обозначены из-за большого масштаба схемы (например, изменения статуса Пыталовского района Псковской области), не обозначены также имевшие место изменения акватории. Наименование некоторых территорий в обыденно-описательной и политико-географической терминологиях не совпадают.

¹ Западная Белоруссия, как и вся республика Беларусь, входит в Российско-Белорусский Союз .

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н.А.* Душа России. М., 1915.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Буковский В.* Московский процесс. Париж; Москва, 1996.
- Вишнякова В.А., Пичета В.И.* Очерки русской истории. М., 1908.
- Восленский М.* Номенклатура. М., 1990.
- Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. Т. 1—2. Франкфурт-на-Майне, 1982.
- Джилас М.* Новый класс. Нью-Йорк, 1957.
- Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. Преступление и наказание. М., 1996.
- Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. Бесы. М., 1996.
- Материалисты Древней Греции. Гераклит. М., 1955.
- Менделеев Д.И.* К познанию России. М., 2002.
- Отечественноеведение: учебник для старших классов// Чубайс И.Б. — автор концепции, отв. ред.; разд. «Философия России», Барулин А.Н., Князев Е.А., Князева М.Л. М., 2004.
- Пословицы русского народа. М., 1957.
- Преимство. Материалы международной научной конференции «Кризис российской идентичности: причины и пути преодоления». М., 2000.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961.

-
-
- Пушкарёв С.Г.* Россия 1801—1917: власть и общество. М., 2001.
- Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М., 1997.
- Русская идея. М., 1992.
- Русская история. М., 1880.
- Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ// Собр. соч. Т. 3—5. М., 1999 — 2000.
- Соловьёв С.М.* Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992.
- Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1939.
- Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
- Троцкий Л.Д.* Преданная революция. М., 1991.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Чубайс И.Б.* От русской идеи — к идее новой России. М., 1996. (Эта книга издана также на англ. языке Гарвардским университетом США в 1998 г.)
- Чубайс И.Б.* Россия в поисках себя. М., 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Зачем нужен патриотизм, откуда он берется и почему в книге о нем не будет сказано ни слова.....	5
---	---

Введение,

или Несколько слов о том, что говорить не принято.....	9
---	---

ЧАСТЬ I

ОПРЕДЕЛИМ ПРОБЛЕМУ, КОТОРОЙ НАМ ПРЕДСТОИТ ЗАНИМАТЬСЯ. ОПРЕДЕЛИМ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ, КОТОРЫЙ БУДЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ.....	14
--	-----------

Что такое национальная идея?.....	15
-----------------------------------	----

Национальная идея и ее кризис: обыденный уровень проблемы.....	18
---	----

Национальная идея и ее кризис: позиция российских властей.....	21
---	----

Национальная идея и ее кризис: философский анализ.....	29
---	----

<i>Почему национальная идея нужна. Ответ тем, кто утверждает обратное.....</i>	<i>34</i>
<i>Почему национальная идея нужна. Ответ тем, кто не разобрался.....</i>	<i>36</i>
А) Философская аргументация.....	36
Б) Социологическая аргументация.....	37
В) Психологическая и биологическая аргументация.....	39
Российское искусство и российская идентичность.....	45
Как восстановить российскую идентичность? Четыре варианта ответа.....	47
О методе идейно-идентификационного анализа...53	
А) Какая методология использовалась недавно?.....	54
Б) Чем заняты наши гуманитарии?.....	55
В) О методологии западных социальных исследователей.....	58
Г) Преемство: методология у нас есть!.....	59

ЧАСТЬ II

ЧТО ТАКОЕ РУССКАЯ ИДЕЯ? СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ.....	61
Избавимся от ложных мифов и выясним, какую Россия не была.....	63
А какой Россия была?.....	73
Как выявить содержание русской идеи?.....	77
Отечественная история как источник представлений о русской идее, или В чем логика российской истории?.....	80

<i>Эпоха поиска государствообразующего центра.....</i>	<i>84</i>
<i>Эпоха собирания земель вокруг единого, стабильного центра. Московская Русь, Российская империя.....</i>	<i>94</i>
<i>Какой должна быть современная российская стратегия и произошел ли переход России к III эпохе своей истории?.....</i>	<i>114</i>
Народный фольклор как источник представлений о русской идее.....	122
Российская поэзия как зеркало представлений о русской идее, или Поэтический портрет России..	146
Русская идея в исследованиях отечественных мыслителей.....	156
Общий итог.....	162
К кризису русской идеи рубежа XIX — XX веков. Выводы и следствия.....	164

ЧАСТЬ III

СОВЕТСКИЙ КОММУНИЗМ КАК ОТВЕТ НА РОССИЙСКИЙ ИДЕЙНЫЙ КРИЗИС. СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Почему не был построен коммунизм?.....	168
Политические причины русских революций. Требование увеличить земельные наделы как пример политической мистификации.....	169
Февральско-октябрьская революция как отказ от русской идеи.....	172

Октябрьская революция как разрыв исторического времени. Россия — разделенная страна.....179

- А) Разрыв произошел на уровне государственного устройства.....180
- Б) Полный разрыв произошел на правовом уровне.....181
- В) Моральный разрыв стал продолжением и завершением разрыва правового.....183
- Г) Разрыв на уровне социальной структуры и собственности.....183
- Д) Особенности тоталитарного государства.....185
- Е) Невозможно переоценить важность и актуальность проблемы исторического разрыва.....186

Бюрократия как основа и социальная база советского государства.....191

Почему разрыв стал возможен?.....192

Советский проект как декларирование коммунистической идеи. Что такое коммунистическая идея?.....197

Советский проект как реализация коммунистической идеологии. Что такое коммунистическая идеология?.....201

Почему коммунистическая идеология — это ложь?.....215

Основные свойства и характеристики комидеологии.....225

Идеологическое пространство.....225

Идеологическое время.....229

Идеология и язык.....233

*Были ли у комидеологии позитивные стороны?.....*236

**Почему ценностная система, построенная на комидеологии, была обречена?
Как комидеология эволюционировала?.....**238

ЧАСТЬ IV

РОССИЯ БЕЗ ИДЕИ. ИДЕЙНО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....264

Особенности постсоветских реформ.....265

Специфика преобразований в постсоветской России. Россия и Центральная Европа.....268

Как меняются номенклатурные ценности, или Что было главным для правящего слоя.....273

О новом, постидеологическом времени.....281

Почему власти трудно отказаться от финансового контроля над обществом?.....284

Народ и его энергия.....285

Постсоветская бюрократия как плоть от плоти и кровь от крови бюрократии советской.....288

Интеллигенция или элита.....291

Еще раз о властвующем слое.....294

Можно ли легитимировать постсоветское государство?.....296

Бюрократия и новояз.....306

**Как решать проблемы современной России?
Что может и должно сделать гражданское общество?.....**307

ЧАСТЬ V

НОВАЯ РОССИЯ КАК ИДЕЯ, ИЛИ КАКАЯ РОССИЯ НАМ НУЖНА.....	315
Еще раз о веке двадцатом.....	316
Ценностная система, вектор прошлого.....	319
Ценностная система, вектор настоящего.....	339
<i>Что такое нация, мировой опыт.....</i>	<i>344</i>
<i>Что такое нация, российский опыт.....</i>	<i>345</i>
<i>Когда и почему произошли изменения?.....</i>	<i>346</i>
<i>Ошибка постсоветской России.....</i>	<i>349</i>
<i>Где искать решение?.....</i>	<i>350</i>
Ценностная система, вектор будущего.....	353
Ценностная система, центральная идея.....	362
<i>Идея свободы: предпосылки и последствия...371</i>	
Что предшествовало становлению свободы?	
Идея христианского Бога как центра социальной вселенной.....	371
Тоталитаризм или попытка заменить Бога человеко-богом.....	373
Свобода как результат разочарования во всем, кроме самого себя.....	375
<i>Заключение.....</i>	<i>385</i>
<i>Приложения.....</i>	<i>387</i>
<i>Краткая библиография.....</i>	<i>392</i>

Книги издательства можно приобрести:

Оптовые заказы:

Тел./факс: (095) 319-82-03, zolkin@aifprint.ru

Магазины при издательстве:

Москва, ст. м. "Каховская", ул. М. Юшуньская, д.3, тел. (095) 319-82-04

Заказ книг по почте:

zolkin@aifprint.ru или отправив заявку по адресу: 117303, Москва, а/я 119

Магазины в Москве:

ТД "Библио-глобус", ст. м. "Лубянка", ул. Мясницкая, 6, тел. 925-24-57

"Московский дом книги", ст. м. "Арбатская", ул. Н. Арбат, 8, тел. 290-45-07

ТДК "Москва", ст. м. "Тверская", ул. Тверская, 8, тел. 229-64-83

Санкт-Петербург: "Диамант", (812) 327-00-18

Новосибирск: "ТОП КНИГА", (3832) 36-10-26, zakaz@top-kniga.ru

Иркутск: "ПродаЛить", (3952) 59-13-80, prodalit@irk.ru

Краснодар: "Когорта", (8612) 62-54-97, kogorta_d@mail333.com

Киев: "Библос", (1038 044) 461-49-30, sd@biblos.kiev.ua

Воронеж: "Амиталь", (0732) 24-27-99, mail@amital.ru,

Омск: "Омский книготорговый дом", (3812) 24-04-09, act@omsknet.ru

Ростов: "Ростовкнига", (8632) 78-36-23, rstkniga@aanet.ru

Архангельск: "АВФ - Книга", (8182) 65-41-34, book@atnet.ru

Иваново: "Ивкнига", (0932) 43-78-78, ivkniga@yandex.ru

Игорь Чубайс **РАЗГАДАННАЯ РОССИЯ** **монография**

Ответственная за выпуск *Е. Бочарова*
Корректоры *Н. Антонова, О. Картамышева*
Дизайн и верстка *А. Гущина*

Издательская лицензия

ИД № 02851 от 21 сентября 2000 г.

Подписано в печать 31. 03 2005 г Бумага офсетная

Формат 84x108/32. Гарнитура «TimesET».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21.

Тираж 3000 экз.

Заказ № 1816.

Издательство ООО «АиФ Принт»

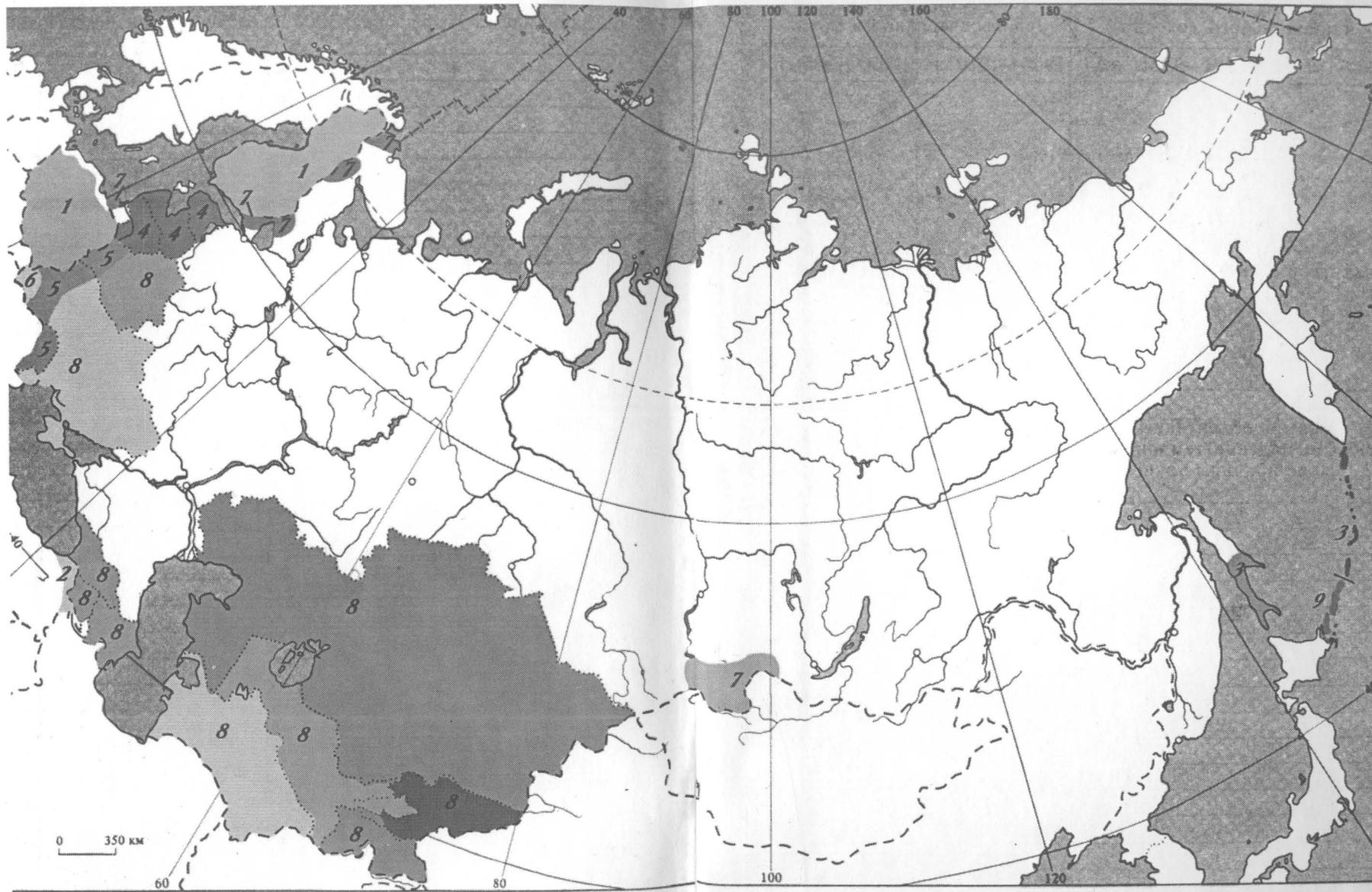
107140, Москва, Леснорядский пер., д 18, корп. 6.

ООО «М-Пресс»

610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Приблизительная карта-схема утраты и изменения территории СССР — России в XX веке.

См. ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Родился в Берлине в 1947 г.
В 1972 г. — закончил философский факультет ЛГУ.
В 1979 г. — защитил кандидатскую диссертацию о польской социологии телевидения.
В августе 1968 г. — с чехословацким флагом вышел на площадь перед Одесским обкомом, протестуя против акции пяти стран.
В 1989—1990 г. — один из лидеров гражданского демократического движения, инициатор перехода к многопартийности через создание Демократической платформы и раскол КПСС. Организатор первых массовых демократических митингов в Москве.
В 1990—1991 г. — работал в ФРГ на радио «Свобода».
В 1998 г. — создал Центр по изучению России РУДН, директором которого является по настоящее время.
В 2000 г. — защитил докторскую диссертацию по проблеме новой российской идеи и идентичности.
Автор 150 публикаций, соавтор учебника «Отечественноеведение», которое с 2004 г. в качестве эксперимента преподается в 34 школах Калининградской области.
Книги и статьи переведены и изданы в США, ФРГ, Польше, Евросоюзе, Индии и др., они побеждали на конкурсах в России и за рубежом.
Регулярный участник различных теле- и радиопередач.

ISBN 5-94736-065-9

АРИНТ
ИФ